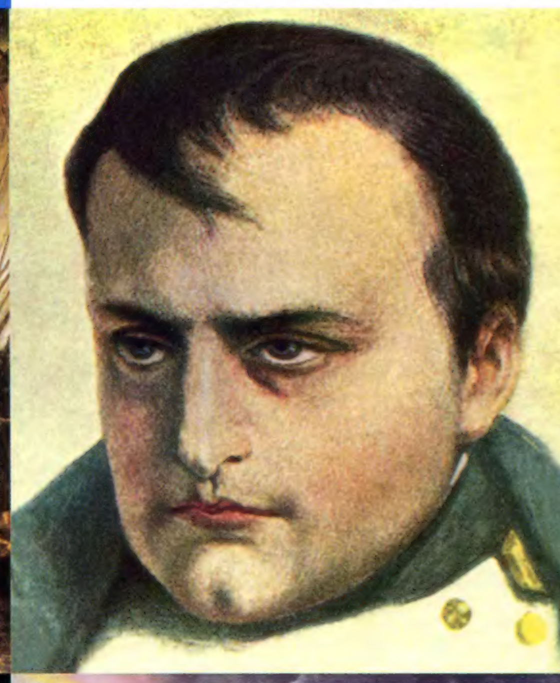
НАПОЛЕОН

Жан Тюлар

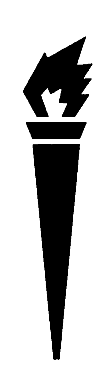
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1352

(1152)

Жан Тюлар

НАПОЛЕОН,

ИЛИ МИФ О «СПАСИТЕЛЕ»

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2009

УДК 94(44)(092)
ББК 63.3(4Фр)52,8
Т 98

Издание третье

Перевод
доктора филологических наук
А. П. БОНДАРЕВА

Вступительная статья, научное редактирование,
подбор иллюстраций
доктора исторических наук, профессора
А. П. ЛЕВАНДОВСКОГО

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)

ISBN 978-5-235-03157-9

О ЖАНЕ ТЮЛАРЕ И ЕГО КНИГЕ

Жизнь и деятельность императора Наполеона I, великого полководца и реформатора, хорошо знакомы русскому читателю в первую очередь благодаря неоднократно переизданным прекрасным монографиям Е. В. Тарле и А. З. Манфреда. (Кстати, книга Е. В. Тарле впервые вышла в 1936 году именно в серии «Жизнь замечательных людей».) Без сомнения, обе эти работы заслуживают того, чтобы их еще и еще переиздавали. Однако со времени их написания прошло много лет: даже значительно более поздняя книга Манфреда впервые была опубликована в 1972 году и в последующих изданиях не претерпела серьезных изменений. Кроме того, обе монографии написаны в советский период, и, следовательно, при всем желании авторы не могли избежать обязательных для того времени идеологических штампов. А главное, с той поры обнаружены десятки ранее неизвестных источников, разработаны новые концепции, которые позволяют по-новому оценить деятельность этого великого императора. Понятно, что книга Тюлара обладает рядом несравненных преимуществ. Ведь, помимо прочего, автор имел доступ к уникальным документам и работал во всех архивах, которые содержат сведения, касающиеся Наполеона и его эпохи.

К счастью, имя Жана Тюлара небезызвестно массовому читателю: в 1993 году на прилавках книжных магазинов появился и быстро был распродан перевод его книги «Мюрат». У своих же соотечественников, равно как и у специалистов-историков разных стран, Тюлар давно пользуется заслуженной славой. Маститый ученый, профессор Сорбонны, член ряда научных обществ и учреждений, увенчанный многочисленными национальными наградами, лауреат многих премий, автор большого числа монографий и научно-популярных трудов, Жан Тюлар является в настоящее время, пожалуй, крупнейшим в мире знатоком наполеоновской эпохи. Не станем здесь перечислять его научные работы по этому периоду, ска-

жем лишь, что он обессмертил себя прежде всего изданием первого критического собрания литературных и военных сочинений Наполеона, а также уникальным «Словарем Наполеона», являющимся, по существу, энциклопедией, в которой отражены различные стороны экономической, политической, административной, военной, общественной и частной жизни Франции периодов Революции, Консульства и Империи (1789—1815 годы).

Книга Тюлара «Наполеон, или Миф о “спасителе”», представляется, впрочем, произведением совершенно иного рода. Изданная впервые в 1977 году как «livre de poche» (карманное издание), она отличается по своему объему, стилю и характеру от других работ этого автора. Написан «Наполеон» удивительно емко и лаконично, так что подчас о значительном событии или персонаже упоминается лишь вскользь, но в то же время здесь воссоздана целая эпоха истории Франции и подробно показывается роль ее главного деятеля, «спасителя», как отчасти серьезно, отчасти иронически величает его Тюлар. Новый «Наполеон», таким образом, это не столько биография великого человека, сколько попытка осмыслить и синтезировать мощный пласт национальной и международной истории в самых различных ее аспектах. Так, несмотря на сжатость изложения, Тюлар рассматривает экономику Франции по отдельным регионам (что обычно не делалось в работах подобного рода), останавливается на развитии культуры, детально обследует достижения в области литературы и искусства, приводя подчас статистические и иные данные, неизвестные предшествующей историографии. Столь же оригинальна и система «Примечаний» автора, которыми он завершает каждую главу и в которых дается не только подробнейшая библиография, но и освещение спорных вопросов с позиций нашего времени[1]. Что же касается общей концепции Тюлара, то она отличается предельной четкостью и логичностью, которая, впрочем, до конца постигается лишь после прочтения всей книги.

Как мы уже указывали, книга Тюлара полностью называется «Наполеон, или Миф о “спасителе”». Кого же, от кого и как «спасает» Наполеон? Поначалу представляется: всю нацию; спасает от тупика, в который зашла Директория, от развала экономики, от ущербности внешнеполитического положения.

---

[1] В русском переводе эти примечания опущены; редакция сочла, что они, при обилии указанной в них иностранной литературы, ничего не могут дать массовому русскоязычному читателю, специалист же всегда обратится к подлиннику. Редакционные примечания в настоящем издании минимальны и в основном объясняют некоторые исторические реалии и малоизвестные слова.

Но постепенно начинает вырисовываться то, что прежде дается лишь подтекстом: нет, не всю нацию «спасает» Наполеон, он ничего не сделал для рабочих, бедняков предместий, «санкюлотов» революции, которых термидорианцы и Директория загнали в угол; спасает он только верхушку собственников, «нотаблей» («значительных», «избранных»), как величает их автор, причем спасает как раз от этих самых «санкюлотов»! В «Заключении» Тюлар уже без обиняков объявляет своего героя спасителем дельцов и богачей от революции: «Создание империи имело своей главной целью установление диктатуры общественного спасения в интересах толстосумов от Революции. "Спасителя" сослали писать мемуары в наказание за то, что он посмел забыть об этом и возомнил себя родоначальником династии правителей Европейского континента». Яснее не скажешь. И далее, чтобы у читателя уже не оставалось ни малейших сомнений, Тюлар выстраивает шеренгу последующих «спасителей», которым проторил дорогу Наполеон; сюда попадают Кавеньяк, Наполеон III, Тьер, Петэн и де Голль. (Русскому читателю, пережившему своих «спасителей» от Ленина до Ельцина, эта мысль Тюлара особенно близка и понятна.)

Да, Наполеон Бонапарт сделал ставку на крупную буржуазию, создал все условия для ее сказочного обогащения (отсюда, в значительной мере, его завоевательные войны), но в конечном счете не преуспел, ибо «главная добродетель буржуазии — неблагодарность, а главный недостаток — трусость». Пока все шло гладко и новые завоевания открывали новые рынки «нотаблям», а за счет ограбляемых народов они набивали мошну — все было хорошо, и они терпели и даже прославляли «спасителя». Но как только начались первые осечки в его внешней политике, союз был нарушен. Пытаясь что-то противопоставить начинавшим фрондировать «нотаблям», «спаситель» создал новое дворянство и своим вторым браком попытался войти в семью европейских монархов. Но из этого ничего не вышло: создание имперского дворянства лишь обозлило «нотаблей», а европейские монархи не приняли «безродного выскочку» в свою среду. Для «спасителя», как намекает автор, оставался лишь один (впрочем, гипотетический) выход: в период Ста дней прибегнуть к помощи все тех же «санкюлотов», которые были готовы эту помощь оказать; но на такое Наполеон не пошел и не мог пойти в силу своих социальных позиций. Он, правда, попробовал, как и в начале своей карьеры, выступить от лица «всей нации», но попытка оказалась неудачной, поскольку даже теперь он, по существу, остался верен тем самым «нотаблям», которые его предали. Так, по Тюлару, вырисовываются основные причины краха и падения

Наполеона, и здесь никто не сможет отказать исследователю в тонкости проникновения в источники и в зоркости художника. Но при этом нельзя не заметить попутно одного обстоятельства, которое в первый момент настораживает, а иного неподготовленного читателя может повергнуть в недоумение. Тюлар в ходе повествования часто как бы противоречит сам себе, давая противоположное освещение одного и того же факта или явления. Так, с одной стороны, Наполеон умело руководит экономикой («дирижизм»), с другой — проявляет полное ее незнание; он — сторонник технического прогресса и одновременно страшный консерватор; он тонко рассчитывает свои ходы в религиозной политике и попадает с нею впросак; он малообразован, не любит книг, вплоть до того, что в дороге выбрасывает их из окна экипажа, и в то же время зорко следит за новинками, поощряет писателей, заботится о национальном образовании. Внимательно вчитываясь в текст, вскоре замечаешь: все эти противоречия — кажущиеся. В отличие от других авторов Тюлар не желает писать своего героя только белой или черной краской; как объективный исследователь, он тщательно выискивает и взвешивает все *pro et contra*, чтобы в конце концов собрать их в единый образ; сходной же цели служит и то, что о многих событиях (например, об отношениях с папой, испанских просчетах и многом другом) Тюлар упоминает дважды и трижды, в различном контексте несколько иначе оценивая одни и те же обстоятельства.

Не меньшее внимание уделяет Тюлар внешней политике Наполеона и его военным кампаниям. В книге о них говорится органично и достаточно полно, учитывая общий конспективный характер работы. Многие кампании и отдельные сражения разрабатываются иногда даже слишком подробно (например, испанская авантюра, ряд сражений в первом итальянском походе и др.). И здесь автор высказывает мнения, зачастую противоречащие установившимся в исторической литературе. Так, высшей точкой внешнеполитических успехов Наполеона, пиком его Империи, Тюлар считает 1807 год, в то время как в большинстве работ других ученых, в частности в многотомном труде Мадлена (так же, как и у Тарле), кульминацией могущества французского императора считается канун похода в Россию — 1810—1811 годы. Точно так же, вопреки мнению предшествующих историков, главной ошибкой и причиной военной катастрофы Наполеона Тюлар считает не войну 1812 года и разгром Великой Армии в России, а неудачу в Испании. Если с первым из этих утверждений можно согласиться, то второе представляется недоказуемым и даже парадоксальным. Подобное же неприятие вызывает и недооценка

личности и действий Александра I, в решениях которого Тюлар усматривает прямое влияние Талейрана, побуждаемого стремлением обеспечить интересы французской буржуазии. Нельзя согласиться и с пренебрежительным отношением к Кутузову, которого автор величает «больным стариком» и явно недооценивает, словно забывая, в частности, что именно обдуманные действия Кутузова обеспечили изменение обратного маршрута армии Наполеона, которое и привело к ее разгрому. И уж коль скоро мы заговорили о сомнительных моментах концепции автора, нельзя не упомянуть, что он снижает значение заговоров против Наполеона, которые в начале содействовали утверждению его диктатуры (Арена и другие), а в конце — его падению (заговор Мале). Что касается последнего, то Тюлар хотя и нащупывает его основу (не «одиночка», как считали раньше), но не раскрывает этого положения, в то время как русским исследователем Д. М. Туган-Барановским давно доказано, что это была внушительная организация («филадельфы»). Не может также не удивить, что Тюлар и словом не обмолвился об истинных обстоятельствах смерти Наполеона, хотя в современной историографии почти безусловно доказано, что император стал жертвой отравления.

Впрочем, все эти частности ни в коей мере не умаляют ценности книги Тюлара.

В заключение — два слова о хронологии и библиографии. В качестве основы для нашей хронологической таблицы взята значительно сокращенная таблица Тюлара. Что же касается библиографии, то из безбрежного моря трудов о Наполеоне нами указаны лишь важнейшие русскоязычные работы преимущественно последних лет издания. В составлении библиографии деятельное участие принял П. Кузнецов. С полной библиографией на французском и иных языках можно познакомиться по оригиналу книги Тюлара, а также в его превосходном «Dictionnaire Napoléon», Paris, 1987.

А. П. ЛЕВАНДОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Для историка, занимающегося Наполеоном, быть переведенным на русский язык — немалая честь. Ибо Россия занимает второе, после Франции, место по числу историков, изучающих эпоху Империи. И это несмотря на то, что научные контакты между двумя странами долгое время были затруднены, особенно после ухода из жизни Е. В. Тарле.

Разумеется, то, как видят Наполеона французы, не во всем совпадает с тем, как к нему относятся в России. Для военных историков Франции битвы при Эйлау и под Москвой (Бородино) — победы Великой Армии. Задаваясь вопросом, почему отступление Наполеона в 1812 году обернулось катастрофой, они ссылаются обычно на морозы, а не на казаков и партизан. Можно еще указать на несовпадение взглядов и на природу могущества Наполеона. И хотя гений Толстого широко признан во Франции, его влияние на отношение к личности Наполеона незначительно.

Предлагаемый читателю «Наполеон» написан профессором Сорбонны, который работал во французских, немецких и итальянских архивах и прочитал все труды и статьи, указанные в библиографии[1]. Следовательно, книга эта содержит объем сведений, часть которых, возможно, все еще неизвестна в России. Зато вышеназванному профессору могут быть незнакомы некоторые достижения русской исследовательской мысли. Складывается идеальная ситуация для диалога. Предлагаю его начать.

ЖАН ТЮЛАР

[1] См.: Jean Tulard. Napoléon, ou le Mythe du sauveur. Paris, 1987.

Через пятьдесят лет историю Наполеона придется писать наново каждый год...

Стендаль. Жизнь Наполеона

Введение

ВЫБОР

В финале оперы «Волшебная флейта», обрекая в Храме Солнца легионы Королевы ночи на поражение от полчищ Сарастро, Моцарт за несколько месяцев до смерти пророчит победу «Разума» над мракобесием. Мы в 1791 году, Французская революция в разгаре, однако до торжества «Разума» все еще далеко.

Спустя десять лет, когда творение Моцарта наконец-то впервые зазвучало на парижской сцене, казалось, что триумф новых идей не за горами, но много ли тех, кто, аплодируя «Флейте», превратившейся в «Мистерию Изиды» (либретто Мореля, аранжировка Лашнита), узнал в Сарастро генерала Бонапарта, ставшего первым консулом Республики и последним оплотом завоеваний Революции?

Уникальное сочетание личных качеств и политической конъюнктуры. С одной стороны — мечтательный и рассеянный офицер с психологией изгнанника, с мыслями о самоубийстве и неизбывной тоской, снедающей его в странствиях по гарнизонам, с другой — Революция или, скорее, Революции[1], принимая во внимание множество стоявших перед ними задач. Как заметил еще Шатобриан, именно дворяне нанесли первый удар по обветшалому зданию монархизма. Воспользовавшись финансовым кризисом, они посягнули на принципы абсолютизма. Такова была более или менее осознанная цель, стоявшая перед Генеральными штатами. Реванша Фронды, конца политических унижений, возвращения к основополагающим нормам жизни, сформулированным еще в «Мемуарах» кардинала де Реца, а затем в поздних творениях Фенелона, — вот чего в глубине души жаждало либеральное дворянство, вдохновляясь великими лозунгами слишком поверхностно понятых просветителей, а также американской Войны за независимость, в которой приняли самоотверженное участие такие

[1] Автор следует версии, принятой во французской историографии, согласно которой Великая революция конца XVIII века распадалась на ряд «революций»: «революцию 14 июля», «революцию 10 августа», «революцию 9 термидора» и т. д. — *Здесь и далее примечания А. П. Левандовского.*

люди, как Лафайет и Ноайль, или брошюрами такого заурядного мыслителя, как граф д'Антрег. Четырнадцатое июля и Великий Страх смели последние иллюзии. Зло, неосмотрительно выпущенное из ящика Пандоры, расправилось с потомственным дворянством, упразднило титулы, уничтожило феодальные привилегии, конфисковало поместья.

Поднималась новая волна. На смену Фронде пришла Жакерия. Неорганизованное движение крестьянства, некогда обреченное на поражение, вновь охватывает огромную территорию Франции, принимая невиданные доселе формы и переходя от стихийного бунта к революции. Пробуждается сознание. В наказы третьего сословия вносятся конкретные требования: отмена феодального строя и передача земли в частную собственность. Ревизия поземельной росписи, затеянная погрязшим в долгах дворянством, сыграла роль катализатора. При этом политические лозунги поражают своей незрелостью. Несмотря на пресс налогов и тяжесть барщины, восстают не против короля, а против сеньора. Революционная активность быстро сходит на нет: ночь 4 августа, декреты, упраздняющие феодальный строй, распродажа церковного имущества, рост цен, обгоняющий арендную плату, повышение, хотя и менее стремительное, оплаты труда батраков, зарегистрированное в отдельных регионах страны, — все это превратило французское крестьянство, по крайней мере известную его часть, в консервативную массу, приверженную, разумеется, революционным завоеваниям, однако уже готовую рекрутировать из себя батальоны, способные подавить пролетарские восстания XIX века.

Король вполне мог бы опереться на таких крестьян в борьбе с фрондирующим дворянством. Так оно и случилось бы, будь на троне Людовик XI или Людовик XIV. Людовику XVI явно недоставало авторитета, в дополнение к его репутации скептика и жуира. Кое-кто воспользуется кризисом деревни: мелкие собственники или, во всяком случае в тот период, — часть буржуазии. Рантье, государственные служащие, купившие свои должности, торговый флот, индустрия предметов роскоши понесли неисчислимые издержки. Как тут не вспомнить папашу Гранде?

«Когда Французская республика пустила на продажу в Сомюрском округе земли духовенства, бочар Гранде, которому было тогда сорок лет, только что женился на дочери богатого торговца досками. Имея на руках собственные наличные средства и приданое жены, Гранде отправился в столицу округа, где благодаря двумстам дублонам, врученным его тестем неподкупному республиканцу, ведавшему распродажей национального имущества, приобрел за бесценок, если и не вполне законно, то законным порядком, лучшие виноградники округа, старое аббатство и несколько сдаваемых в аренду ферм. В политике он покро-

вительствовал бывшим аристократам и все свое влияние употребил на то, чтобы не допустить распродажи имений эмигрантов, в коммерции он поставил республиканским армиям пару тысяч бочек сухого вина и сумел добиться, чтобы ему заплатили за них великолепными, принадлежащими одному женскому монастырю пастбищами, приберегаемыми в качестве козырного аукционного лота. При консульстве курилка Гранде сделался мэром, мудро правил, а собирал виноград и того лучше, в эпоху Империи он превратился в Господина Гранде».

Такие Гранде наводнили провинцию, но если где спекуляция на армейских поставках и обесценивающихся ассигнатах и приобрела невиданный размах, так это в Париже. Дворянство хиреет, приходит царство нотаблей. Возникает новая буржуазия, та, что сумела за время инфляции прибрать к рукам национальное имущество или заполучить государственные заказы, та, что пролезла в административные органы или освоила юриспруденцию, наконец, та, что, освободившись от гароты корпоративных ограничений, взялась под сенью политики протекционизма, проводимой Директорией, за создание мастерских и мануфактур.

Чего хотела буржуазия в 1789 году? Сиейес сформулировал ее требования в своем знаменитом памфлете «Что такое третье сословие?». Более лаконично они были определены в нескольких приписываемых Наполеону словах: «Удовлетворение тщеславия; свобода была лишь предлогом». Феодальная реакция, перекрывшая или, точнее, грозившая перекрыть буржуазии доступ в ряды дворянства, превратила ее, поднимающуюся в неудержимо развивающейся стране, в силу, враждебную старым социальным институтам. Впрочем, зачинщики далеко не всегда выигрывали в результате падения старого режима: нередко буржуазная собственность XVIII века гибла под обломками феодализма. И все же буржуа и крестьянин, что неоднократно подчеркивалось, — союзники в борьбе с феодализмом. Они вышли из нее победителями и как бы единомышленниками. Не символизировали ли они движущие силы и вдохновенный порыв этой борьбы?

Особняком стоит четвертая сила: городской пролетариат. Поначалу голод и безработица выбрасывают на улицы городов (прежде всего Парижа) ремесленников, подмастерьев, прислугу, поденщиков. Малочисленность крупных предприятий, патриархальные формы цеховых отношений, сближавших хозяина и работника, предотвращали возникновение острых социальных конфликтов. Мысль о забастовке не распространялась за пределы торгового дома или на худой конец — корпорации. Вдохновленные идеями Руссо, социальные устремления ограничивались кругом «мелких производителей и мелких лавочников». Санкюлоты мечтали о некоем «всемирном патронате». Городской пролета-

риат стал тараном революционного террора. Вместе с тем, озабоченное необходимостью обеспечить зарождающуюся промышленность дешевой рабочей силой, Учредительное собрание принимает 14 июня 1791 года закон Ле Шапелье, запрещающий организацию рабочих союзов. Упразднение цеховых организаций привело к усилению эксплуатации детского труда. Стремясь к поддержанию порядка и упрочению гарантий частной собственности — своей, кровной, — термидорианцы также торопятся разоружить предместья. Движение санкюлотов было подавлено новой буржуазией при полном попустительстве крестьянства.

Совершив государственный переворот, Бонапарт провозгласил: «Революция — это я», — и тут же опроверг себя: «Революция завершилась».

Завершить Революцию! Об этом мечтали 5 августа 1789 года, и во времена Учредительного собрания 1792-го, и тогда, когда Конвент славословил «Верховное существо», и тогда, когда голова Робеспьера скатилась в корзину. Завершить Революцию можно было тремя способами: восстановив монархию и аристократию (во главе со старой или новой династией), закрепив завоевания буржуазии и крестьянства, удовлетворив требования парижских санкюлотов. Возврат к прошлому, упрочение настоящего, подготовка будущего.

Наполеоновская авантюра — выбор, на который Бонапарт отважится только в 1799 году.

Соотношение сил

Октябрь 1799 года. Судьба Революции все еще не решена. В вандемьере и фрюктидоре роялисты едва не пришли к власти. Правда, их партия раскололась на конституционалистов и ярых монархистов, сторонников возвращения к старому режиму, сгруппировавшихся вокруг графа д'Артуа — брата Людовика XVIII. Их позиции по-прежнему прочны на западе и юге. Похоже, реставрация неизбежна, но когда она произойдет? И в какие выльется формы?

Слева — неоякобинцы. Они одержали победу на выборах VI года благодаря ремесленникам и лавочникам, своим сторонникам, составлявшим большинство городского населения. Директория аннулировала результаты голосования, однако якобинцы вновь завоевали большинство на выборах VII года. Они весьма влиятельны в Совете пятисот, несколько менее — в другой палате законодательного корпуса — в Совете старейшин. Их программа, хотя и более умеренная в сравнении с программой бабувистов, часть которых примкнула к ним по-

сле поражения Гракха Бабефа, все же сближает их со вчерашними «террористами»: они требуют режима более демократического, чем тот, который узаконен действующей с 1795 года олигархической конституцией, нападают на уклоняющихся от присяги Гражданской конституции священников, наконец, призывают к укреплению законодательной власти в страхе перед наступлением Директории. Возобновившаяся в 1799 году война и сокрушительное поражение, которое потерпела в ней Франция, позволили им провести закон о заложниках, предусматривающий ответственность родителей эмигрантов за преступления, совершенные против должностных лиц, а также решение о принудительном займе, налагаемом на толстосумов. Поддерживаемые такими генералами, как Бернадот, Журдан и Ожеро, неоякобинцы тем более влиятельны, что объединяют вокруг себя всех недовольных. Однако, будучи скорее коалицией, нежели партией, они обнаруживают недостаток сплоченности. Наконец, упрочение внешнеполитического положения страны, ставшее возможным благодаря победам Брюна в Бергене и Массена в Цюрихе 26 сентября 1799 года, еще больше подрывает их позиции, делая непопулярной проповедуемую ими политику террора. Фуше, возглавивший в августе департамент полиции, без труда перекрыл кислород якобинскому обществу, именовавшемуся «обществом конституционалистов», еще совсем недавно наводившему ужас на Директорию. Тем не менее неоякобинцы по-прежнему пользуются ощутимой поддержкой армии и администрации.

Так что же, конституционная монархия или Республика без страха и упрека?

Так называемые «термидорианцы», эти ветераны революционных собраний, пришедшие к власти после падения Робеспьера, все эти Сиейесы, Камбасересы, Мерлины, Фуше, Кинеты и им подобные не хотят ни реставрации (большинство из них голосовало за казнь Людовика XVI), ни «анархии», ибо они отражают интересы нуворишей, нажившихся на распродаже национального имущества. Отдавая себе отчет в собственной непопулярности, являющейся следствием злоупотребления властью и абсолютного безразличия к народным нуждам, они удерживают бразды правления лишь благодаря не вполне законным действиям, устраняя принявших участие во флореальском антиякобинском перевороте роялистов на основании декрета о ротации двух третей состава Собрания, жертвуя при необходимости теми из них, кто в наибольшей степени скомпрометировал себя. Баррас, человек Директории со дня ее основания, — символ всех компромиссов, которыми запятнали себя термидорианцы.

Цели термидорианцев абстрактны (их вполне устраивает буржуазная республика), зато социальная опора более чем конкретна: «толстосумы», все те, кто неминуемо проиграет как в случае реставрации, так и в случае реванша «подведенных животов». Вдобавок они подразделяются на два лагеря. В Директории, осуществляющей исполнительную власть, генерал Мулен и бывший министр юстиции эпохи террора Гойе — сторонники действующей конституции. Сиейес со своей неразлучной тенью Роже Дюко, напротив, презирает не им составленную конституцию. А так как по закону внесение в нее каких-либо изменений возможно не ранее чем через девять лет, бывший аббат вынашивает мысль о скрытом военном перевороте. Не случайно он обратился с этим предложением к генералу Жуберу незадолго до его гибели при Нови 15 августа 1799 года. Для проведения задуманной акции Сиейес заручился поддержкой представителей «французской интеллигенции», потомков «просветителей», таких, как Дону, Кабанис, Деститут де Траси, Гара и деятелей типа Вольнея, сотрудничавших с ним в Национальном институте наук и искусств, основанном термидорианским Конвентом на базе упраздненных академий. Пятый директор, Баррас, проявляет нерешительность. Его подозревают в симпатиях к роялистам и даже орлеанистам. Симпатиях, которые приписывались и Сиейесу в то время, когда еще не считалось, что он работает на «иностранного принца»[1].

Помимо этих разногласий еще два обстоятельства ослабляют позиции Директории: чудовищное экономическое положение и военная катастрофа, обрушившаяся на страну в результате возобновления войны на континенте.

Положение на фронте настолько серьезно, что директора подумывают об отзыве единственного непобежденного генерала, Бонапарта, посланного в Египет под предлогом подготовки плацдарма для захвата английских колоний в Индии, а в действительности — для того, чтобы избавиться от неугодного Директории лица. 18 сентября 1799 года было даже составлено письмо, однако весть о победах Брюна и Массена сделала ненужной его отправку. Тут-то и стало известно о возвращении Бонапарта.

Это событие сразу изменило сложившуюся ситуацию. Гойе совершенно справедливо отмечает в своих мемуарах, что генерал Бонапарт, прославившийся победами в Италии и Египте, довольно быстро сплотил вокруг себя «всех обездоленных и недовольных».

Роялисты не замедлили устремить к нему свои тайные упо-

---

[1] Возможно, автор имеет в виду герцога Брауншвейгского, которому прочили французский престол.

вания. Умеренные увидели в нем потенциального президента буржуазной республики. Даже якобинцы, если верить «Мемуарам» Журдана, считали, что Бонапарт способен отвести угрозу государственного переворота, замысленного Сиейесом, которого Брио выдал Совету пятисот. Идеологи обратили внимание на то, что Бонапарт был избран в Институт до своей экспедиции в Египет, а Баррас напомнил о протекции, которую оказал молодому генералу в начале его карьеры.

Все это означает, что, веря в свой авторитет, которым общественное мнение всегда наделяет удачливых генералов, не сомневаясь в преданности армии (возможно, все-таки сильно преувеличенной), Бонапарт оказался в положении арбитра.

А так как личные интересы и трезвый реализм предписывали ему в 1799 году, несмотря на господствовавшие в стране монархические настроения, отодвинуть опасность реставрации, неминуемо чреватой гражданской войной, он мог выбирать между правительством общественного спасения, опиравшимся на якобинцев (хотя и оставивших после себя безрадостные воспоминания), консолидацией режима Директории и государственным переворотом, о котором мечтал Сиейес, в надежде переписать конституцию в угоду «толстосумам».

К какому лагерю примкнуть?

9 октября 1799 года Бонапарт высадился в бухте Сан-Рафаэль. Его появление, и это неудивительно, вызвало огромное любопытство толпы, благодаря которому корабль был избавлен от карантина, обязательного для всех морских судов, прибывающих с востока.

В полдень Бонапарт ступил на французскую землю. Через шесть часов он уже стремительно продвигался по дороге на Париж. Надо было действовать без промедления, чтобы предупредить какое-нибудь непредвиденное решение Директории, которая могла выдать его возвращение за дезертирство. Здесь важен был эффект неожиданности. Но его-то как раз и не было. Уже 10 октября новость облетела Париж. Однако в конечном счете промедление пошло Бонапарту на пользу. В Авиньоне он воочию убедился, какую популярность принесла ему далекая и загадочная экспедиция в Египет. «Скопилось несметное множество народа. При появлении великого человека восторг достиг апогея, воздух сотрясали возгласы и приветствия: "Да здравствует Бонапарт!", толпа и крики сопровождали его до самой гостиницы, где он остановился. Это было поистине впечатляющее зрелище». Чем объяснить такое воодушевление? «Отныне на

него стали смотреть как на человека, призванного вызволить Францию из того кризиса, в который ее ввергло беспомощное правление Директории и неудачи на фронте». Возможно, Булар и преувеличивает в своих «Мемуарах», отрывки из которых мы сейчас привели, политическое значение демонстрации в Авиньоне. Однако вскоре демонстрации приняли официальный характер. 15 октября делегация муниципалитета города Невера обратилась к генералу с просьбой об аудиенции в гостинице «Большой олень», где он остановился. Воистину обстоятельства начинали складываться все более благоприятно. Прибыв в Париж 16 октября около шести часов утра, свой первый визит, ближе к вечеру, Бонапарт нанес председателю Директории Гойе. Встреча прошла в сердечной обстановке. Успокоившись, молодой генерал официально предстал на следующий день перед пятью директорами. Его парадная форма произвела неизгладимое впечатление: круглая шляпа, сюртук из сукна оливкового цвета и кривая турецкая сабля на боку. Его речи приятно поразили представителей исполнительной власти: он обнажит шпагу, то есть турецкую саблю, лишь для защиты Республики и ее правительства. Вполне вероятно, что он был искренен и все еще считал себя, а может быть, хотел, чтобы его считали, спасителем затравленной, как ему говорили, Директории.

Гостиница на улице Победы, в которой он остановился, подверглась осаде визитеров, спешивших ввести его в курс политических событий. Он встретился с Талейраном, Редерером, со своим будущим тайным советчиком Маре, а также с Фуше. Все они наперебой уверяли его, что Директория дышит на ладан, и старались перетянуть в оппозицию. Бонапарта упрекали в нерешительности. Между тем, прибыв 16 октября в Париж, 10 ноября он стал полновластным хозяином Франции. Можно ли было действовать решительнее?

А политическая ситуация была непростой. Сторонникам статус-кво (директорам Гойе и Мулену), наслаждавшимся законностью своей власти (хотя для всех было очевидно, каким тяжелым грузом ответственности давила эта законность после объявления Робеспьера вне закона), противостояли: Баррас, которому все настойчивее приписывали намерение реставрировать монархию, неоякобинцы, победившие на последних выборах и имевшие основание рассчитывать на поддержку многочисленных депутатов и генералов-республиканцев, и, наконец, термидорианцы, мечтавшие поручить Сиейесу переделать Конституцию 1796 года, чтобы ее положения позволяли исключить как возвращение на престол короля, так и разгул анархии, словом, упрочить собственную власть. Они кичились поддержкой интеллектуалов — «идеологов», этих

наследников философии Просвещения, царивших в Институте, членом которого являлся также и Бонапарт.

Что поражает сегодня, так это полное отсутствие конкретных программ: никто не знал толком, как завершить Революцию.

Похоже, поначалу амбиции Бонапарта ограничивались намерением войти в состав директоров. Однако нижний возрастной ценз в сорок лет закрывал ему туда доступ, а на ужине 22 октября Гойе, по-видимому, проявил несговорчивость.

Немалое искушение исходило и от якобинцев. Как автор «Ужина в Бокере» и друг Робеспьера-младшего смог его преодолеть? Неоякобинство, представители которого составляли большинство в местных органах управления и в армии (Бернадот, Журдан), начиная с VII года призывало к формированию правительства общественного спасения. Правда, принятие решения о принудительном займе встревожило широкие слои буржуазии и зажиточного крестьянства. К тому же Бонапарт не нашел общего языка с Бернадотом по причине несходства характеров, различия во взглядах на политическое устройство Республики и, разумеется, соперничества в любви к Дезире Клари, бывшей невесте Бонапарта, а ныне жене Бернадота. Да, якобинскую карту не так-то легко было разыграть.

Что касается Барраса, то Бонапарт не испытывал к нему ничего, кроме презрения. Роскошь Люксембургского дворца, фавориты его циничного хозяина — все это раздражало Бонапарта. Известную роль играла и женщина — Жозефина, бывшая любовница коррумпированного директора.

Оставался Сиейес. Непроницаемый экс-аббат попросту дал понять, что настало время воплотить в жизнь конституционные взгляды, вынашиваемые им на протяжении последних лет. Автор знаменитой брошюры «Что такое третье сословие?» пользовался немалым политическим авторитетом. Считалось, что именно ему суждено вывести страну из тупика Революции с помощью широко распропагандированной и столь долгожданной конституции, призванной умиротворить всех обеспокоенных возмутительными посягательствами на святое право собственности и на равенство перед законом. «Идеология» могла бы послужить основой для сближения двух членов Института, пусть даже и не принадлежащих одной партии.

Первая встреча Сиейеса и Бонапарта произошла 23 октября и закончилась безрезультатно. Вероятно, бывшего аббата настораживало якобинское прошлое генерала, которому он охотнее предпочел бы Моро, несмотря на приписываемые последнему симпатии к монархизму. Решающая встреча состоялась 1-го, а может, 6 ноября. В сущности, у Сиейеса не было выбора. Легальный пересмотр конституции исключался: внесение из-

менений в статьи требовало сложной процедуры и допускалось не ранее чем через девять лет после ее принятия. Следовательно, предстояло прибегнуть к силе, то есть к очередному государственному перевороту. Сиейес представлял себе ход событий следующим образом: создание вакуума исполнительной власти повлечет за собой, как и в 1792 году, падение законодательного корпуса. Для составления новой конституции советы назначат комиссию, призванную исправить ошибки, допущенные в предыдущей. А чтобы нагнать страху на законодателей, потребуются небольшие военные маневры. Предстоит немного помахать саблей, чтобы затем вновь упрятать ее в ножны.

Создать вакуум исполнительной власти не составит труда: Сиейес покинет Директорию вместе со своим прихвостнем Роже Дюко. Останется подкупить кого-нибудь третьего, того же Барраса, и дело в шляпе. Следовало, правда, опасаться якобинской оппозиции в Совете пятисот. Учитывая это, под предлогом недопущения готовящегося заговора надо будет вывезти палаты собрания из Парижа, чтобы лишить их возможной поддержки рабочих предместий.

В ходе предварительных обсуждений финансовая олигархия, за исключением Перего, проявила сдержанность, поставщик Итальянской армии Колло изъявил готовность предоставить субсидию в несколько миллионов франков для проведения запланированной акции.

Бонапарт вступил в игру не позднее 6 ноября. Похоже, он выторговал себе должность временного консула, а в придачу — право присматривать за составлением новой Конституции, которая будет передана на одобрение палатам собрания. Эти уступки Сиейеса тем более важны, что планируется своего рода парламентский переворот, в ходе которого военным отводится роль массовки. Впрочем, государственный переворот — неподходящее определение, ибо все произойдет почти легально. Главное — не попирать закон, непререкаемое завоевание Революции. Ведь, если верить газетам, двусмысленная позиция Бонапарта грозит обернуться для него ощутимым падением популярности.

Переворот

Поначалу намеченная Сиейесом операция развивается по плану. В ночь на 9 ноября (18 брюмера) войска занимают исходные позиции, в типографию Демонвиля поступают тексты прокламаций, членам Совета старейшин рассылаются повестки. По конституции именно этому Совету предстоит опреде-

лить место заседания законодательного корпуса. Кроме того, в нем, чего нельзя сказать о Совете пятисот, сформировалась поддерживающая Сиейеса влиятельная фракция.

9 ноября (18 брюмера), в половине восьмого утра, члены совета съезжаются в Тюильри. Полусонные старейшины, заинтригованные странными перемещениями войск, узнают от одного из своих коллег, Корне, депутата от департамента Луаре, что Республика в опасности. Их растерянность перерастает в смятение после краткой, но исполненной патетики речи Лоррена Ренье. Он рекомендует им покинуть Париж и перебраться в пригород, ну хотя бы в замок Сен-Клу. «Там, вдали от непредвиденных посягательств на вашу безопасность, вы сможете в покое и комфорте поразмыслить над тем, как устранить угрозу, а также исключить возможность ее возникновения в будущем».

Вотируется декрет:

Статья 1. Законодательный корпус переезжает в коммуну Сен-Клу. Оба совета будут заседать в двух крыльях дворца.

Статья 2. Переезд назначается на завтра, 19 брюмера, на 12 часов дня. Деятельность обоих советов, равно как и прения за пределами дворца и до указанного срока запрещаются.

Статья 3. Выполнение настоящего декрета поручить генералу Бонапарту, на него возлагается также осуществление всех необходимых мер по обеспечению безопасности народного представительства.

Статья 4. Вызвать генерала Бонапарта на заседание Совета для вручения ему копии декрета и принесения присяги.

Половина девятого. Бонапарту сообщают о принятом декрете. Не мешкая он садится верхом на лошадь и в сопровождении пышного эскорта офицеров направляется в Тюильри. Допущенный в зал, где проходило заседание Совета старейшин, он кратко обрисовывает положение: «Граждане депутаты, Республика была на краю гибели, вы знали об этом, и ваш декрет ее спас. Горе тому, кто захочет волнений и беспорядков! Я арестую их с помощью генерала Лефевра, генерала Бертье и моих соратников... Ваша мудрость издала этот декрет, сила нашего оружия приведет к его исполнению. Мы — за республику, основанную на подлинной свободе: свободе гражданских прав, народном представительстве. И мы добьемся ее, клянусь своим именем и именами моих братьев по оружию». — «Клянемся», — подхватил хор окружавших Бонапарта генералов: Бертье, Лефевра, Мармона и других. Спорадические проявления недовольства, вызванного вторжением всех этих шумных и спесивых военных, шокировавших некоторых депутатов, были мгновенно пресечены.

Спустившись в сад Тюильри, Бонапарт замечает Ботто, секретаря Барраса, увлекает его за собой к окружившим дворец

войскам и в их присутствии набрасывается на него с упреками: «Какой я оставил вам Францию, и какой я нашел ее? Я оставил вас в мире, а нашел войну! Я оставил вам победу, а неприятель перешел наши границы! Я оставил вам полные арсеналы и не нашел в них ни одного ружья. Я оставил вам итальянские миллионы, а вижу грабительские законы и нищету! Такое положение нетерпимо. За какие-нибудь три месяца оно приведет нас к деспотизму. Мы же хотим Республики, Республики, основанной на равенстве, морали, гражданских свободах и политической терпимости. При хорошей администрации все забудут о кружках заговорщиков, в которых вынуждены были участвовать, чтобы сохранить за собой право оставаться французами. Пора наконец облечь защитников отечества давно уже заслуженным ими доверием! Послушать иных заговорщиков, так все мы — враги Республики, мы, отстоявшие ее своим мужеством и ратным трудом! Нет больших патриотов, чем храбрецы, искалеченные в сражениях за Республику!»

Этот выпад, не предусмотренный планами заговорщиков, преследовал конкретную цель: пробудить энтузиазм в солдатах, действительные настроения которых Бонапарту пока еще неизвестны, и дискредитировать в их глазах не только Директорию, но и якобинцев (намеком на антинародные грабительские законы). Бонапарт одерживает полную победу. Солдаты восторженно приветствуют своего генерала. Словом, армия продемонстрировала готовность смести гражданскую власть. Бонапарт, подумывающий, наверное, о грядущем столкновении с Сиейесом, убеждается, что может рассчитывать на поддержку войск, дислоцированных в Париже.

Одиннадцать часов. Весть о декрете, вотированном Советом старейшин, доходит до Совета пятисот. Раздаются протесты, однако никто не возражает против переезда в Сен-Клу: это выглядело бы бунтом.

Остается создать вакуум исполнительной власти. Сиейес и Роже Дюко мгновенно слагают с себя полномочия. А Баррас? Талейран, сопровождаемый Брюи, должен добиться его отставки. Он отправляется в Люксембургский дворец, где застает директора за трапезой. За столом, рассчитанным на тридцать обедающих, восседает лишь один приглашенный: финансист Уврар. Баррас все понял. Он рассеянно внимает Талейрану, открывает окно, видит вооруженных солдат и капитулирует, составляя записку, в которой объявляет, что «с радостью возвращается в ряды простых граждан». Талейран лобызает ему руки, уверяя, что Баррас в очередной раз спасает Республику и, по слухам, оставляет при себе миллионы, полученные от Бонапарта для подкупа его бывшего покровителя.

Баррас удаляется в Гросбуа. Заговорщикам кажется, что устранение грозного соперника подтверждает верность их плана. Мулен и Гойе, два отказавшихся сложить полномочия директора, подвергаются домашнему аресту в Люксембургском дворце под надзором генерала Моро. Директория прекратила свое существование.

Ночь спустилась над безмолвным Парижем, который, похоже, абсолютно равнодушен к происходящему. Первый раунд выигран. Рассказывают, что Бонапарт, отходя ко сну, бросил своему секретарю: «Сегодня был неплохой день, посмотрим, каким будет завтрашний».

Однако для Сиейеса все еще только начинается. Он предчувствует, что Совет пятисот с сильным неоякобинским лобби легко не сдастся. Что предпримут войска, наэлектризованные, как в те времена, когда Конвент объявил Робеспьера вне закона? Отвернутся они от своего командира, если он обвинит во всем Бонапарта? А что если арестовать или под каким-нибудь предлогом срочно нейтрализовать сорок самых неуемных депутатов? Впрочем, Бонапарт всегда выступал против подобных методов. Что это, стремление соблюсти законность? Желание откреститься от революционных методов, способных помешать национальному сплочению, о котором он мечтает? Запоздалый всплеск симпатий к якобинцам? Или тактический ход, который позволит Бонапарту, осложнив проведение операции, сыграть в ней роль более значительную, чем та, которую уготовил ему Сиейес?

19 брюмера. Декорация ко второму акту — интерьер замка Сен-Клу. Начало заседания советов запланировано на полдень. Предстояло передислоцировать войска. Но это значило дать депутатам время скоординировать свои действия. На исходе утра в сопровождении Бертье, Гарданна, Лефевра и Леклерка появляется Бонапарт. Ходят слухи, что к замку стянуто шесть тысяч солдат под командованием Мюрата. Не считая драгун Себастиани. Ланн со своими войсками остался в Париже. По свидетельству современников, солдаты разражаются бранью в адрес «адвокатов и парламентских говорунов» из-за задержки жалованья, дырявых сапог и нехватки табака. Начатый с выпада против Ботто, психологический натиск Бонапарта продолжили сами солдаты.

Заседание Совета старейшин, расположившегося в расписанной Миньяром галерее Аполлона, открылось в час дня под председательством Лемерсье. Депутаты, которых умышленно не пригласили на вчерашнее заседание, задают вопросы замешанным в заговоре, в ответ слыша невнятное бормотание. Соблюдая требования парламентского этикета, Бонапарт сидит в приемной, ожидая, когда законодательный корпус примет акт

об отставке Директории и уведомит об этом Совет пятисот, то есть — завершения первого этапа, предшествующего формированию временного правительства. Обсуждение вопроса затянулось. Внезапно Бонапарт теряет терпение. «Пора кончать», — заявляет он. Его появление в зале заседаний вызывает переполох. Вспоминает Бурьенн: «Вторжение Бонапарта было грубым и резким, что вселило в меня мрачные предчувствия относительно содержания его выступления. Все речи, готовившиеся для Бонапарта с момента его прихода к власти, отличаются друг от друга, что вполне естественно, но ни одна из них не была произнесена на Совете старейшин, если, конечно, не считать речью импровизацию, сделанную без благородства, без достоинства. То и дело слышалось: "братья по оружию", "солдатская доблесть". Вопросы председателя были быстрыми, четкими и ясными. Трудно представить себе что-либо более путаное и бессодержательное, чем двусмысленные и сбивчивые ответы Бонапарта. Он бессвязно говорил о вулканах, глухих брожениях, победах, попранной конституции, он вменял присутствующим в вину даже переворот 18 фрюктидора, главным инициатором и вдохновителем которого являлся. Он разыгрывал полнейшую неосведомленность, включая даже тот факт, что Совет старейшин призвал его на защиту отечества. Затем шел перечень: "Цезарь, Кромвель, тиран". Он без конца повторял: "Я хочу вам сказать", — и не говорил ничего... Я обратил внимание на неблагоприятное впечатление, которое эта болтовня произвела на членов собрания, а также на растущее замешательство Бонапарта и шепнул ему, дергая за полу сюртука: "Уходите, генерал, вы сами не знаете, что говорите"».

Разумеется, «Мемуары» Бурьенна преисполнены недоброжелательности, однако все единодушно отмечают замешательство генерала.

Покинув собрание, Бонапарт обретает хладнокровие и решительно направляется в зал заседаний Совета пятисот, расположившегося в наспех приспособленной для этого оранжерее замка. Ведущиеся в нем дебаты приняли ожесточенный характер. Заговорщики составляют здесь меньшинство и вынуждены противостоять мощной оппозиции. Ставится под сомнение конституционность отставки Барраса. Вдруг речь оратора прерывает бряцание оружия. Входит Бонапарт.

Дальнейшие события получили самое разноречивое толкование. Стоило появиться Бонапарту, как депутаты забросали его вопросами, окружили, затолкали. Раздались возгласы: «Диктатора — вне закона! Да здравствует Республика и Конституция III года! Умрем на своем посту!» Дестрему приписывают брошенную кем-то знаменитую реплику: «Генерал, неужели ради этого ты одерживал свои победы?»

Председательствующий на заседании Люсьен Бонапарт никак не может восстановить тишину. Часть солдат из свиты Бонапарта с трудом отбивает своего командира и помогает ему покинуть зал. Генерал задыхается, он бледен, лицо слегка окровавлено.

Партия проиграна. Похоже, что Бонапарт упустил свой шанс. Произошло то, чего опасался Сиейес: депутаты потребовали смещения генерала. Бертран, депутат от Кальвадоса, настаивает на том, чтобы с Бонапарта сняли обязанности командира гренадеров парламентской гвардии. Тало предлагает Совету возвратиться в Париж, как вдруг раздается чей-то вопль: «Голосуем резолюцию об объявлении генерала Бонапарта вне закона!» Страшная угроза. Правда, для приведения ее в исполнение требуется согласие Совета старейшин, однако в атмосфере всеобщего ажиотажа все как-то запамятовали об этой конституционной формальности. Стоит лишь какому-нибудь энергичному генералу, как это сделал Баррас во время Термидора, возглавить армию, и он провалит заговор. Люсьен понимает это. После безуспешных попыток оправдать брата он, чтобы выиграть время, слагает с себя обязанности председательствующего и покидает впавшее в прострацию собрание. Выйдя из дворца, он вскакивает на лошадь и обращается с импровизированной речью к караулу: «Как председатель, я ставлю вас в известность о том, что подавляющее большинство членов Совета в настоящий момент терроризируется вооруженной стилетами горсткой представителей, которые осаждают трибуну, угрожают смертью своим коллегам и проводят самые чудовищные решения... Это — бандиты, действующие уже не именем народа, а именем кинжала». Тут Люсьен продемонстрировал, должно быть, окровавленное лицо своего брата. Так родилась легенда о кинжалах. Затем, велев подать себе шпагу, он несколько театрально, зато весьма эффектно клянется пронзить ею собственного брата, если тот станет тираном.

Солдаты парламентской гвардии дрогнули, почувствовав за спиной гнев и нетерпение войск Бонапарта. Грянули барабаны. Мюрат во главе гренадеров бросился к оранжерее. К нему присоединился Леклерк. «Вышвырните-ка мне всю эту компанию вон!» — приказал Мюрат. Под барабанную дробь зал заседаний Совета пятисот был очищен в пять минут. О парламентских маневрах больше не могло быть и речи. План Сиейеса провалился. Выход на сцену армии изменил ход операции, задуманной бывшим аббатом, который проиграл в этом деле больше других. Чтобы хоть как-то выправить положение, надо было срочно изловить в этой сутолоке хотя бы нескольких старейшин и членов Совета пятисот, которых удастся разыскать в парке Сен-Клу и убедить в необходимости продолжить заседа-

ние. Это импровизированное собрание принимает акт об отставке исполнительной власти и заменяет Директорию консульским триумвиратом, состоящим из Бонапарта, Сиейеса и Роже Дюко. Заседания законодательного корпуса откладываются на неопределенное время. Назначаются две комиссии, которым поручается в шестинедельный срок подготовить проект новой Конституции. Наконец шестьдесят один депутат (из числа якобинцев) выводится из состава национального представительства. В одиннадцать часов вечера оправившийся Бонапарт, который взял на себя роль вдохновителя заговора, подписывает прокламацию, где излагает свою версию государственного переворота, не забыв упомянуть о покушении на убийство, жертвой которого он едва не стал на заседании Совета пятисот. Его спасло лишь вмешательство гренадер из гвардии законодательного корпуса: «Оробевшие заговорщики отступают и рассеиваются. Депутаты, освободившиеся от их навязчивой опеки, мирно возвращаются в зал заседаний. Им предлагается обеспечить общественное согласие. Они дебатируют и составляют спасительную резолюцию, которой предстоит стать новым временным сводом законов Республики».

Париж безмолвствует. Похоже, что после Жерминаля и Прериаля в обезоруженной столице иссяк заряд революционной бодрости. Дух критицизма сломлен: парижане меланхолично принимают навязываемый им сценарий. Лишь провинция проявляет нечто похожее на недовольство. В департаментах местные органы власти, контролируемые якобинцами, пытаются организовать сопротивление. Тщетно. Общество слишком устало, чтобы ввязываться в очередную гражданскую войну.

«Один из самых дилетантски спланированных и бездарно совершенных переворотов, какой только можно себе вообразить, удавшийся лишь благодаря мощи приведших к нему причин: состоянию общественного мнения и настроениям в армии, причем первая причина явно превалирует над второй» — таким виделось Токвилю 28 брюмера.

В Париже, в Люксембургском дворце, три новых консула временно занимают место бывших директоров. Под чьим председательством? Рассказывают, будто Роже Дюко обратился к Бонапарту со словами: «А нужно ли вотировать вопрос о председателе? Эта должность по праву принадлежит вам». Заговор Брюмера подменил если не цель, то главаря.

В обстановке неоякобинских выпадов и роялистских угроз термидорианцам кажется, что этот новый государственный переворот продлит их пребывание у власти. Со времени падения Робеспьера им явно недоставало авторитета, генерал Бонапарт одарил их популярностью. Он был человеком, подписавшим Кампоформийский мир. Что же касается авторитета,

то им предстояло завоевать его благодаря пересмотру распропагандированной Сиейесом Конституции.

Жак Бэнвиль прав, отмечая, что Брюмер мало чем отличался от заурядного государственного переворота. Современники восприняли его как победу политической фракции, правившей Францией на протяжении последних нескольких лет. Он почти не породил вопросов, не говоря уже об энтузиазме. Считалось, что он не посягнет на защищаемые идеологами завоевания Революции, а тем более — на интересы новой буржуазии, прибравшей к рукам национальное имущество. Тем не менее вечером 20 брюмера, когда стало известно о приостановлении деятельности парламента, Бенжамен Констан предупреждал Сиейеса: «Это решение кажется мне чудовищным, снимающим последние препоны для человека, которого вы привлекли к участию во вчерашних событиях, но который не перестал быть менее опасным для Республики. Его воззвания, где он говорит только о себе, утверждая, что его возвращение вселяет надежду на прекращение несчастий Франции, окончательно убедили меня, что все его инициативы — лишь средство для самовозвеличения. А ведь в его распоряжении генералы, солдаты, светская чернь, — словом, все, что готово безоглядно довериться грубой силе. На стороне Республики — вы, и, Бог свидетель, это немало, а также представительная власть, которая, какой бы она ни была, всегда может воздвигнуть преграду перед честолюбцем».

Хотя роль армии оказалась куда внушительнее, чем предполагалось, альянс Бонапарта с «термидорианцами», перекрасившимися в «брюмерианцев», выглядел весьма прочным. Генерал, несмотря на необоснованные иллюзии, которые питали в отношении него как роялисты, так и некоторые якобинцы, закрыл для себя пути к отступлению. «Буржуазная» революция вступила в фазу консолидации. «Следует признать, что французы весьма успешно защитили свои кошельки», — заметил спустя несколько месяцев после Брюмера экономист Франсис д'Ивернуа. Со своей стороны, один из участников переворота, Реньо де Сен-Жан д'Анжели, писал: «Во времена Учредительного собрания возникла некая группа заговорщиков, посягнувшая на собственность. Ей уступили, вместо того чтобы подавить, трусливо пожертвовали частью принципов, вместо того чтобы мужественно отстаивать их неприкосновенность. Мало-помалу эта группа, враждебная общественному порядку, уничтожила все гарантии собственности. Каждая малая революция, совершавшаяся в рамках большой, превращалась в очередное посягательство на собственность. Революция 18 брюмера принципиально отличается от предыдущих: она совершилась во имя собственности».

Часть первая

РОЖДЕНИЕ «СПАСИТЕЛЯ»

Почему Бонапарт преуспел там, где проиграли Лафайет, Дюмурье и Пишегрю? Какие силы превратили его в арбитра политической ситуации 1799 года?

Ничто не предвещало этого в его корсиканском прошлом, если не считать того обстоятельства, что, проданная Генуэзской республикой версальскому правительству, Корсика вскоре оказалась втянутой в охватившую Францию Революцию. Континент распался на противоборствующие группировки, Корсику также раздирала борьба кланов: аристократического, выступавшего в 1768 году (Буттафьочо) против паолистов, и паолистов, сторонников Конвента (Саличетти), боровшихся с паолистами-англофилами (Поццо ди Борго). Борьба непривычная, отражавшая социальные конфликты, не менее острые, чем идейные распри. Подвергаемый гонениям, ссылкам, арестам, Бонапарт рано познал ужасы гражданской войны во Франции и на Корсике. Из этого опыта он извлек главный вывод бонапартизма: возвыситься над всеми партиями, заявить о себе как о национальном миротворце.

Однако для такой роли требовался огромный авторитет. После Цезаря Бонапарт стал, похоже, первым полководцем, осознавшим все значение пропаганды. Недостаточно побеждать, надо еще уметь увенчивать свои победы ореолом легенды. Бонапарт не выиграл сражений при Флерюсе, Гейзберге и Цюрихе. Несмотря на это, он, в период правления Директории, популярнее Журдана, Гоша, Массена и Моро, потому что благодаря прессе и лубочным картинкам смог преподнести свою итальянскую кампанию как самую настоящую Илиаду. Экспедиция в Египет, несмотря на ее неблагополучный итог, предстала под пером летописцев этакой восточной эпопеей во главе с героем, равным Цезарю и Александру. Бонапарт очаровывает, раздражает, покоряет — словом, не оставляет равнодушным.

Третья причина его успеха: он завоевывает его на излете Революции, когда наконец-то победившая буржуазия начинает

претендовать на безраздельное господство. Попытки Лафайета и Дюмурье оказались преждевременными. На следующий день после Термидора страна возжаждала порядка, которого Пишегрю, скомпрометировавший себя альянсом с роялистами, связанный обязательствами с политической группировкой, членом которой состоял, не сумел обеспечить, несмотря на весь блеск своих ратных подвигов. Бонапарт внушает окружающим: да, он дружил с Робеспьером-младшим, но при этом всегда оставался потомком старинного дворянского рода, да, он пользовался протекцией Барраса, однако смог продемонстрировать твердость в отношениях с Директорией. Все было ему на руку, даже его странный облик и властолюбие. «Французская революция заложила основы нового общества, но еще ждет своего правительства», — заметил Прево-Парадоль. «Все считали, что необходимо сильное правительство, — писал Стендаль. — И они его получили».

Глава I
ИНОСТРАНЕЦ

Настоящая фамилия Бонапарта — Буонапарте. Он собственноручно подписывался ею и в ходе итальянской кампании, и позднее — вплоть до тридцатитрехлетнего возраста. Потом он офранцузил ее и стал именоваться уже Бонапартом. Я оставляю за ним фамилию, которой он окрестил себя сам и которую выгравировал у подножия своего нерукотворного памятника. Омолодил ли себя Бонапарт на год, чтобы стать французом, то есть чтобы дата его рождения не предшествовала времени присоединения Корсики к Франции?.. Вопреки авторитетному утверждению Бурьенна некоторые современники настаивали на том, что Бонапарт родился не 15 августа 1769-го, а 5 февраля 1768 года. Во всяком случае, консервативный сенат в воззвании 3 апреля 1814 года назвал Наполеона *иностранцем.*

Два образа подверглись искажению в «Замогильных записках»: Наполеона и самого Шатобриана. Оставим в покое последнего. Что же касается первого, то в соответствии с прекрасной легендой он появился на свет на ковре, изображавшем батальные сцены из «Илиады». Однако существует и антилегенда, главным создателем которой был все тот же Шатобриан.

Ныне достоверно установлено, что Наполеон родился действительно 15 августа 1769 года. Но так же твердо можно сказать, что не всё в его биографии — домысел Шатобриана. В Наполеоне в самом деле воплотилось нечто *чуждое,* и Шатоб-

риан прав, говоря о «свалившейся именно на нас жизни, которая могла появиться в любое время в любой стране». Так или иначе, Наполеон родился 15 августа 1769 года в Аяччо — на Корсике, потрясенной «присоединением» к Франции.

Корсика в XVIII веке

В XVIII веке этот остров уже достаточно хорошо известен на континенте. Важное стратегическое положение между Францией и Италией, занимаемое им в Средиземноморье, превращает его в вожделенную добычу для всякого рода амбиций, столкнувшихся в западной части этого водного бассейна. Прогрессивными кругами он воспринимается как символ борьбы с поработителем. Восстание островитян 1729 года против генуэзского владычества, вспыхнувшее за несколько десятилетий до победоносного окончания Войны за независимость в Северной Америке, право на свободу, провозглашенное его лидерами, планируемые социальные реформы привлекают внимание таких мыслителей, как Васко, Горани и Босуэл. Жан Жак Руссо заметил в «Общественном договоре»: «Есть в Европе еще одна страна, способная принять свод законов, это — Корсика. Достоинство и упорство, с какими этот мужественный народ отстоял свою свободу, вполне заслужили того, чтобы какой-нибудь мудрец увековечил ее для него. Меня не оставляет предчувствие, что когда-нибудь этот маленький остров еще удивит Европу».

Около 1764 года по просьбе корсиканского аристократа Буттафьочо Руссо приступает к работе над конституцией, которая так никогда и не найдет применения.

Да в его ли силах было всех примирить? После народного восстания 1729 года, повлекшего за собой интервенцию Австрии, в 1732 году в Корте был подписан договор. Однако два года спустя генуэзцы забыли о своих уступках, что привело к новому восстанию. Конфликт разросся до международных масштабов: Франция дважды осуществляла военное вмешательство на стороне Генуи. В Паскале Паоли, сыне героя событий 1729 года, корсиканцы обрели как раз такого главнокомандующего, какой им был нужен. Паоли отбросил генуэзцев к укрепленным позициям на побережье и затеял политические и социальные преобразования, заинтересовавшие Европу. Выбрав Корту столицей по той причине, что город был расположен в глубине острова, он созвал там в ноябре 1755 года Учредительное собрание. Из-под его пера вышла демократическая конституция, наделяющая законодательной властью

Административный совет, избираемый всеобщим голосованием, а исполнительной — самого Паоли, возглавившего Государственный совет из девяти членов. Завершив работу над конституцией, Паоли взялся за дело: затеял осушение болот, строительство дорог, разработку новых карьеров, наведение моста, связавшего Иль-Рус с Корсикой с целью компенсировать утрату портового города Кальви, оставшегося в руках генуэзцев, строительство торгового флота, пустившегося в плавание под флагом «мавританская голова». Что же касается социальных преобразований, то в своем «Рассуждении о счастье», представленном в 1791 году Лионской академии, Наполеон явно преувеличил их размах: «Паоли поделил земли каждой деревни на две категории: земли первой категории отводились для зерновых культур и пастбищ. Второй — расположенные в гористой местности — под маслины, виноградники, каштаны и прочие деревья. Земли первой категории — пиажи — передавались как в коллективное, так и в частное пользование. Раз в три года пиаж каждой деревни перераспределялся между ее жителями. Земли второй категории, предназначенные для особых культур, оставались в ведении частного сектора».

В действительности речь шла не столько о нововведениях Паоли, сколько о сохранении общинного строя. И все же это заблуждение отражало господствующие настроения: считалось, что в ходе борьбы за власть Баббо установил больше социальной справедливости, чем в процессе социальных преобразований. Этот взгляд будет довлеть над умами в 1793 году, он же обеспечит общественную поддержку Паоли, а не Саличетти и Бонапартам, хотя последние являлись сторонниками монтаньяров. Успехи генерала вызывали озабоченность как корсиканского дворянства, так и Генуэзской республики, которая чувствовала, что лишается последних бастионов. На основании первого Компьенского договора 1764 года французские войска заняли Кальви, Сен-Флоран и Аяччо. Война на континенте вынудила их покинуть Корсику, однако они вновь вернулись на остров в соответствии с положениями второго Компьенского договора 1764 года. В итоге по Версальскому соглашению, подписанному 15 мая 1768 года, Генуя временно, вплоть до погашения ею долга Франции, уступила Версалю права на Корсику. Паоли отверг договор, игнорирующий мнения корсиканцев. Разразилась война. Королевские войска действовали на острове, опираясь на французскую партию, упрочившую свои позиции благодаря поддержке кардинала Флери. 8 мая 1769 года Паоли потерпел поражение при Понте Ново и вынужден был бежать в Англию. Корсика не стала

французской провинцией. С 1770 по 1786 год она находилась в ведении военной администрации, возглавляемой сначала графом де Во, а затем господином Марбефом. И все же в 1775 году Провинциальные штаты предоставили острову относительную автономию.

Семья Бонапартов

В вопросе о генеалогии Бонапарта не было недостатка в самых фантастических гипотезах. Сам Наполеон на острове Святой Елены смеялся над той из них, которая превратила его в потомка Железной маски и дочери губернатора островов Сан-Маргерит, господина де Бонпара. По восходящей линии ему приписывалась кровная связь с царствующей английской династией, династией византийских императоров Комнинов, Палеологов и даже с патрицианским родом Юлиев. Зато антилегенда сделала из Наполеона потомка привратника и скотницы. На самом деле Бонапарты были скорее всего тосканского рода. Первое упоминание о некоем Бонапарте, члене Совета старейшин Аяччо, относится к 1616 году. В дальнейшем, в XVII—XVIII веках, в состав этого Совета входили многие Бонапарты. Должность члена Совета старейшин считалась почетной, поскольку после присоединения к Франции она была приравнена к дворянскому титулу. Словом, Наполеон Бонапарт — дворянин, хотя, по утверждению некоего памфлетиста эпохи Реставрации, в те времена на Корсике все рождались дворянами, чтобы не платить налогов.

Его отец, Карло Бонапарте, — влиятельный аристократ, близкий к Паоли, который назначал его на ответственные должности. Примкнув после 1768 года к французской партии, он становится адвокатом Верховного совета Корсики, затем, в 1777 году, — депутатом от дворянства, в этом качестве он, вместе с другими представителями, отправляется в 1778 году в Версаль, где удостаивается аудиенции Людовика XVI. Считалось, что своей карьерой он обязан покровительству господина де Марбефа, пленившегося красотой мадам Бонапарте. Летиция Рамолино родилась в Аяччо в 1749-м, а может, в 1750 году. Ее отец был инспектором корсиканского дорожного ведомства, мать, овдовев, вышла замуж за капитана генуэзского флота Франческо Феша, от которого родила сына Джузеппе, будущего кардинала при Консульстве.

Не вызывает сомнений достаток, которым пользовались Бонапарты накануне французской оккупации. Они были владельцами трех домов, имения в Милелли, виноградников, па-

хотных земель, мельницы. Впрочем, не стоит и преувеличивать их благосостояние. Хотя Бонапарты и их свойственники числятся среди самых обеспеченных людей города (они породнились, должно быть, с местными, более зажиточными семьями), в ряду таких богачей, как Поццо ди Борго — полновластный хозяин окрестностей Аяччо, — их состояние куда как скромно и не выдерживает сравнений с богатейшими фамилиями Европы. Не исключено, правда, что оно приумножилось за счет разорения мелких земельных наделов, владельцы которых отомстили им в 1793 году, разграбив дом и опустошив поместья.

В итоге после аннексии Карло Бонапарте пришлось домогаться должностей и льгот, чтобы поддержать свой престиж и обеспечить непрерывно приумножающееся семейство: после Жозефа и Наполеона (нареченного так в честь дяди, погибшего в 1767 году) появились Люсьен (1775), Элиза (1777), Людовик (1778), Паолетта (будущая Полина, 1780), Мария Аннонсиада (будущая Каролина, 1782) и Жером (1784).

Годы учения

Сведения о детстве Наполеона немногочисленны и малодостоверны. Несомненно лишь то, что в конце 1778 года Карло Бонапарте, отправляясь в Версаль, взял с собой двух сыновей, Жозефа и Наполеона, а также шурина Феша. Последний добился стипендии в семинарии Экса, а мальчики поступили в январе в коллеж Стена. В мае 1779 года Наполеон переезжает в Бриенн. Королевская военная школа в Бриенн-ле-Шато — один из коллежей, основанных в 1776 году министром обороны, графом де Сен-Жерменом для дворянских детей, решивших посвятить себя военной карьере. Г-н де Мербеф снабдил Наполеона свидетельством, удостоверяющим, что Бонапарты — обедневшие дворяне. Кроме того, Карло Бонапарте пришлось предъявить военному прокурору д'Озье де Сериньи доказательства своего дворянского происхождения.

Наполеон прожил в Бриенне с 15 мая 1779-го по 30 октября 1784 года. Правда ли, что его полководческий дар проявился во время игры в снежки, увековеченной его однокашником Бурьенном, рассказ о которой на самом деле позаимствован из одной английской брошюры, переведенной на VI году Революции? Действительно ли к нему приезжала в гости мать в июне 1784 года? «Она была настолько потрясена моей худобой и болезненным видом, — будто бы рассказывал он позднее Монтолону, — что ей показалось — ее сына подменили, и она не сразу меня узнала».

В сентябре, пройдя собеседование с заместителем инспектора школ Рейно де Моном, он получает рекомендацию в Парижскую военную школу. В середине октября Наполеон приезжает в столицу. В этот период Наполеон — «невысокий молодой брюнет, печальный, хмурый, суровый, но при этом резонер и большой говорун». О его жизни в Париже ходит множество анекдотов, скорее всего они апокрифичны. 28 сентября 1785 года Наполеон получает назначение в Валанс, в артиллерийский полк ла Фера. По успеваемости он 42-й из 58. Результаты явно не блестящие. Но тут следует принять во внимание его происхождение, одиночество, краткосрочность пребывания в военной школе, а также смерть отца, последовавшую 24 февраля 1785 года.

Гарнизонная жизнь

И вот для него наступают серые будни офицера мирного времени: бумаготворчество, маневры, банкеты, балы, любовные интрижки. Панацею от скуки он находит в чтении. В этот период, когда перо вдохновляет его больше, чем шпага, он пробует силы в беллетристике. В апреле 1786 года он набрасывает историю Корсики, еще одну в ряду многих других, любопытную, однако, своим заключением, проливающим свет на его тогдашнее умонастроение: «Если в соответствии с духом общественного договора нация вправе даже без повода низложить самого государя, разве не так же обстоит дело с частным лицом, которое, попирая естественные законы, совершая злодейские преступления, посягает на сложившиеся формы правления? Разве эта логика не приходит на помощь и, в частности, корсиканцам, поскольку правление или, точнее, княжение Генуи было всего лишь условностью? Следовательно, по законам справедливости, корсиканцы имели право свергнуть генуэзское владычество и так же поступить с Францией. Аминь».

Эта обвинительная речь против французской оккупации не могла быть опубликована. Да и рассчитывал ли Наполеон на читателей? Скорее всего он делился с бумагой охватывавшим его временами отчаянием. Так, 3 мая 1786 года он записывает: «Вечно одинокий среди людей, я возвращаюсь к себе помечтать и всецело отдаться приступам меланхолии. Куда она устремит меня сегодня? К смерти? Раз мне так или иначе суждено умереть, не лучше ли сразу наложить на себя руки?» Эти строки напоминают предсмертную записку человека, решившегося на самоубийство. Но при этом они исполнены литературной аффектации, неожиданно изобличающей в нем романтика.

Ненависть к Франции растет в нем пропорционально состраданию к родине: «Французы, вам мало, что вы отняли у нас самое дорогое, вы развратили наши нравы. Положение, в котором находится моя родина, и невозможность его изменить — лишний повод к тому, чтобы бежать из страны, где по долгу службы я обязан превозносить тех, кого по совести должен ненавидеть».

Наконец он получает отпуск, который проведет на Корсике с 15 сентября 1786-го по 12 сентября 1787 года. Вероятнее всего, после смерти отца и в отсутствие старшего брата Жозефа он занимается своим имением, то есть весьма запущенными делами родных пенатов. Семейство Бонапартов, обремененное четырьмя детьми моложе десяти лет, хотя и продолжало занимать на Корсике одну из высших ступеней социальной лестницы, испытывало немалые финансовые трудности. Особенно тяжело на их положении сказалось то, что архидьякон Люсьен, дядя Наполеона, который прежде ухитрялся ловко управляться с делами Бонапартов, совсем перестал им помогать. Все это вынудило Наполеона отправиться в Париж отстаивать интересы семьи в генеральном казначействе. Там, в Пале-Рояле, если верить его собственным словам, его «лишит невинности» некая легкомысленная особа. Он получает разрешение продлить отпуск на полгода, с 1 декабря, чтобы «принять участие в дискуссиях о будущем Корсиканских штатов, своей *Родины»,* а также «обговорить неотъемлемые права на скромное наследство». Итак, 1 января он вновь на Корсике. В мае он едет в Осонн, где с декабря 1787 года дислоцируется его полк. Возобновляется гарнизонная жизнь, монотонность которой периодически нарушается занятиями в артиллерийской школе под руководством барона дю Тейля.

Круг чтения Наполеона расширяется. Он интересуется историей, географией, политическими доктринами и экономическими теориями. Естественные науки оставляют его равнодушным. Он много конспектирует, схватывая самую суть вопроса («Святая Елена — маленький остров», — пометит он в тетради, ознакомившись с «географией» аббата де Лакруа); часто резюмирует для памяти, которая у него, надо сказать, превосходна. Вооружившись пером, оспаривает доводы ученых, демонстрируя живой полемический ум. Время от времени прочитанное вдохновляет его на написание полуволшебных сказок: «Маска-прорицатель» навеяна «Историей арабов» Мариньи, «Граф Эссекс, или Повесть о привидениях» — «Историей Англии» Джона Барроу.

Впрочем, не стоит преувеличивать образованность Наполеона. Ему неведомо многое из написанного Руссо, большая часть наследия Вольтера, за исключением драматургии и «Опыта о нравах». Из «Философской и политической истории евро-

пейских колоний и торговли в обеих Индиях» аббата Рейналя он одолел лишь первые три тома, о Монтескье и Дидро имел весьма смутное представление, скорее всего он не читал «Опасных связей» Шодерло де Лакло, такого же, как и он, артиллериста, находившего выход своей нереализованной энергии в литературе. Похоже, что его читательский интерес направлялся желанием обосновать тезис, родившийся в пылком воображении молодого, потерянного под негостеприимным небом Франции островитянина: при Паоли и в эпоху восхищавшей философов конституции 1755 года Корсика являла собою идеал государства, принципы общественного устройства которого соответствовали законам, написанным Ликургом для Спарты. Образ Паоли вырастает в сознании Наполеона до масштабов героя Плутарха. Он превозносит его, хотя отец вряд ли что-либо ему о нем рассказывал, а сам Наполеон не был с ним лично знаком. Он мог составить себе представление о его деятельности лишь на основании дневника Босуэлла, нарисовавшего идеализированный портрет Паоли. Отстаивавшие независимость Корсики Руссо и Рейналь также становятся его кумирами. Зато французская монархия, которая уничтожила созданное Паоли государство, подменив его собственным владычеством, должна исчезнуть. Бонапарт был республиканцем задолго до взятия Бастилии, раньше Робеспьера и Дантона. 23 октября 1788 года в Осонне он приступает к работе над исследованием, призванным доказать, что «в двенадцати европейских государствах короли пользуются узурпированной ими властью». Не разделяя настроений «сброда», он видит в трещинах, которыми пошло здание монархизма, реванш за Понте Ново.

Глава II

ЧЕЛОВЕК ПАОЛИ

15 июля 1789 года Наполеон берется за перо, чтобы сообщить дяде, архидьякону Люсьену, о своем намерении отправиться в столицу для приведения в порядок личных дел, а в конце приписывает: «До меня доходят вести из Парижа. Они удивляют и не на шутку тревожат. Брожение достигло апогея. Трудно сказать, чем все это кончится. Господин Неккер уехал в Пикардию для того, наверное, чтобы эмигрировать в Голландию. Похоже, уже нынче вечером, а то и ночью протрубят общий сбор и пошлют нас в Дижон или Лион. Что было бы для меня крайне неприятно и разорительно».

В самом деле, осоннский гарнизон неожиданно поднимают по тревоге. Вскоре вспыхивают мятежи.

«Я пишу тебе посреди потоков крови, под грохот барабанов и рев орудий, — сообщает Наполеон брату Жозефу. — Местная городская чернь при поддержке кучки разбойников-иностранцев, собравшихся, чтобы пограбить, принялась воскресным вечером крушить бараки фермерских рабочих, разорила таможню и несколько домов. Нашему генералу семьдесят пять лет. Он устал. Вызвав городского голову, он приказал им во всем подчиняться мне. Проведя ряд операций, мы арестовали 33 человека и упрятали их в тюрьму. Полагаю, что двое-трое из них предстанут перед превотальным судом».

Нельзя сказать, чтобы Наполеон питал нежные чувства к «сброду», однако еще меньшие симпатии вызывает в нем та каста привилегированных, к которой он сам принадлежит: «Вся Франция была обагрена кровью, но почти везде пролилась неправедная кровь недругов Свободы, Нации, привычно жиреющих за ее счет». В письме брату Жозефу 9 августа 1789 года, излагая версию событий памятной ночи 4 августа, он равно ненавидит и дворянство, и монархию, столь неуклонную в желании поработить его родину.

12 июня он пишет Паоли письмо, в котором не скрывает своего отношения к Франции: «Я появился на свет в день кончины моей родины. Тридцать тысяч французов, заполонившие нашу землю, потопившие в крови трон свободы — такова была жуткая картина, открывшаяся моему детскому взору. Моя колыбель оглашалась криками умирающих, стонами угнетенных, скорбными рыданиями. Вы покинули наш остров, и вместе с вами нас оставила надежда на счастье, рабством заплатили мы за свою покорность. Придавленные тройным гнетом солдатского сапога, легиста и сборщика налогов, мои соотечественники страдают от всеобщего презрения».

Корсика вдохновляет Бонапарта и на исполненные неменьшего пафоса «Письма господину Неккера». «Не должно оставаться никаких сомнений, — пишет Фредерик Массон, — в отношении воззрений Наполеона, в том, что касается ненависти, питаемой им к захватчикам, презрения к тем, кто не на стороне Паоли, он — корсиканец и еще раз корсиканец, корсиканец до мозга костей».

Революция на Корсике

Французская революция, на которую несколько рассеянно взирал молодой офицер, была с энтузиазмом встречена на Корсике. Наряду с другими провинциями королевства остров делегировал в Генеральные штаты своих депутатов: граф Бут-

тафьочо, тот, что добивался от Руссо проекта конституции, представлял дворянство, Перетти Делла Рочча — духовенство, Саличетти и Колонна Чезари — третье сословие.

В августе 1789 года Бонапарт просит предоставить ему зимний отпуск. Вызывает удивление, что эта при других обстоятельствах вполне тривиальная просьба была удовлетворена в такое неспокойное время. Полагают, что он покинул Осонн в первых числах сентября, спустился вниз по Роне и в Марселе имел, по-видимому, встречу с одним из своих тогдашних кумиров — аббатом Рейналем.

Целых пятнадцать месяцев, вплоть до февраля 1791 года, Наполеон узнает о потрясающих Францию событиях лишь по доходящим до Корсики слухам. Отвергая статус аннексированного государства, остров претендовал на включение его в состав королевства, что в общем не встречало возражений у главнокомандующего французскими войсками виконта де Саррина. Однако этому человеку умеренных взглядов приходилось считаться с такими экзальтированными роялистами, как бригадный генерал Гаффори, назначенный 20 августа его заместителем. Тем временем кое-что меняется в муниципальной системе. В Аяччо формируется Национальная гвардия, заместителем командира которой становится подполковник Бонапарт.

Осложнения начались в конце лета. 5 ноября 1789 года в связи с вопросом о статусе Национальной гвардии в Бастиа вспыхнули волнения, в которых принял участие и Бонапарт, однако его роль в них до сих пор не ясна. Патриоты направили петицию Учредительному собранию, которое 30 ноября объявило Корсику «неотъемлемой частью Французского государства», пообещав, что ее население будет жить по законам французской конституции.

Отвечал ли этот декрет насущным интересам населения? Похоже, что да, если судить по письму, написанному Наполеоном аббату Рейналю: «Отныне у нас общие интересы, общие чаяния, нет больше разделяющего нас моря». С другой стороны, идея «корсиканской нации» успела пустить глубокие корни. Спешный отъезд французов свидетельствовал о царящих на острове неуверенности и страхе. Так, 12 октября, когда было внесено предложение об утверждении титула короля Франции и Наварры, взявший слово Саличетти заявил: «Вполне достаточно титула короля Франции, однако если будет учрежден также титул короля Наварры, я уполномочен, более того, обязан на основании имеющихся у меня наказов потребовать, чтобы был учрежден также и титул короля Корсики».

Тот же Саличетти содействовал проведению в феврале 1790 года в Бастиа заседания Собрания под председательством пол-

ковника Петричони. На нем было принято решение о репатриации Паоли, амнистированного Учредительным собранием, и о возобновлении деятельности некоторых учреждений, в том числе — Верховного комитета для осуществления основных административных функций. Недовольство исходило в основном от части населения, жившей «по ту сторону гор», которая чувствовала себя обойденной в раздаче должностей и распределении налогов и потому настаивала на разделении острова. Жозеф Бонапарт решительно воспротивился этому: «Вчера еще мы были рабами, стоило нам возродиться, как нас предлагают расчленить, перечисляя допущенные бездарной администрацией ошибки. Вместо того чтобы приписать эти глупости угнетавшим нас тиранам всех мастей, пытаются внести раскол в наши ряды и свалить всю ответственность на наших соотечественников, до недавнего прошлого таких же жертв, как и мы». Им всецело владела идея объединения.

Географического, но отнюдь не политического. Корсиканцы по-прежнему оставались разделенными на два лагеря: паолистов, или патриотов, находившихся у власти с 1729 по 1769 год, когда в битве при Понте Ново они были сметены французской артиллерией, и роялистов, или гаффористов, вознесшихся в период французской оккупации и направивших в Генеральные штаты таких велеречивых ораторов, как Буттафьочо и Перетти. Революция углубила раскол. Роялисты, оставаясь сторонниками старого режима, опирались на армию и администрацию, патриоты, сплотившиеся под лозунгами 1789 года, пользовались широкой поддержкой народа. Она проявилась 17 июля 1790 года во время восторженного приема, оказанного возвратившемуся на остров Паоли.

Выборы глав администрации департамента прошли мирно. На состоявшемся в Орецце предвыборном заседании Собрания Паоли, вновь возглавивший силы обновления, вознес хвалу великодушной французской нации: «Вы были ее товарищами по несчастью в рабстве, ныне она желает, чтобы вы стали ее братьями под общим знаменем свободы». Словом, автономия исключалась. Генерал призывал корсиканцев «незамедлительно поклясться в верности и безоговорочной поддержке отрадной конституции, объединяющей нас с этой нацией под сенью общего закона и монарха-гражданина». Покровительство революционной Франции казалось ему гарантией безопасности острова, но он не был сторонником его полной ассимиляции. Скорее всего его устраивал союз на федеративной основе. В его выступлениях Корсика именуется «родиной», тогда как французы — «собратьями», а не «соотечественниками». Эта позиция разделялась, по-видимому, и

Наполеоном. Вместе со старшим братом он принимает самое активное участие в будоражащих остров выборах, обеспечивших победу паолистов, а Жозефу — должность председателя директории в Аяччо.

После того как был решен вопрос о статусе острова — самостоятельного департамента — и назначены руководители администрации, оставалось определить столицу. Бастиа? Аяччо? Корте? Выбор пал на Бастиа, который стал на некоторое время главным городом департамента.

Решения, принятые Собранием в Ореццо, были оспорены главой роялистов Буттафьочо, обвинившим Паоли в намерении подчинить остров Англии. Последующие события, похоже, подтвердили его правоту. Впрочем, паолисты болезненно воспринимали малейшую критику своего кумира. Они нанесли ответный удар, напомнив о предательстве Буттафьочо, который во время дипломатической миссии, выполняемой им по поручению Паоли, по собственному почину предложил Шаузелю присоединить Корсику к Франции. В то время как 2 августа 1790 года на улицах Аяччо сжигали чучело Буттафьочо, выборщики Ореццо принимали решение о делегировании в Учредительное собрание двух депутатов, Джентиле и Поццо ди Борго, для разъяснения позиции патриотов.

Однако Буттафьочо опередил их. 29 октября 1790 года, взойдя на трибуну Национального собрания, он сказал: «Дерзкие люди, прикрываясь интересами общественного блага, неустанно распространяют в отношении меня, а также аббата Перетти гнусные клеветнические обвинения. Они восстановили против нас народ. И господин Паоли не воспрепятствовал этой клевете». И все же раскритикованные Мирабо (который всегда будет вызывать такое восхищение Наполеона, что последний назначит Фрошо, душеприказчика этого трибуна, префектом департамента Сена) и Саличетти, Буттафьочо и Перетти так и не смогли воспрепятствовать присутствию на этом заседании корсиканских делегатов. Роялисты потерпели крупное поражение.

Наполеон добивается продления отпуска, он явно не торопится возвращаться на континент. Ярый паолист, он решительно выступает против Буттафьочо. 23 января 1791 года в кабинете своего родового имения в Милелли он составляет «Письмо Буттафьочо», за обнародование которого единодушно проголосовал патриотический клуб в Аяччо. Это письмо — первая публикация Наполеона. Она не заслуживала бы внимания, если бы не личность ее автора. Стендаль все-таки преувеличивает, утверждая, что это — «сатирическое произведение, совершенно в духе Плутарха. Его главная мысль остроумна и

основательна. Оно похоже на памфлет, написанный в 1630 году и изданный в Голландии». Паоли придерживался другого мнения. «Получил брошюру вашего брата, — пишет он Жозефу, — которая вызвала бы интерес, будь она менее многословной и более беспристрастной». Для нас в ней любопытна лишь заключительная тирада. Заклеймив Буттафьочо, автор восклицает: «О, Ламет! О, Робеспьер! О, Петион! О, Вольней! О, Мирабо! О, Барнев! О, Бальи! О, Лафайет! Этот человек осмеливается сидеть рядом с вами! Обагренный кровью братьев, запятнанный бесчисленными преступлениями, он осмеливается называть себя представителем нации, он, продавший ее». Этот ряд политических деятелей, занимающих — и не случайно — «левое крыло» Собрания, воплощает политические симпатии Бонапарта. Разумеется, они объясняются поддержкой, оказанной этими депутатами корсиканским посланцам. Лишь преданность Паоли побуждает Наполеона сблизиться с наиболее радикальными деятелями Учредительного собрания. Но можно предположить и более глубокий мотив. Некий документ просвещает нас на этот счет. Он был задуман еще в 1791-м, вероятно, под впечатлением известия о бегстве короля. Мы имеем в виду набросок брошюры, которую Бонапарт намеревался опубликовать в поддержку начавшей проясняться концепции республиканизма.

«Я перечитал выступления депутатов-монархистов. Все они отмечены усилиями, направленными на поддержку неправого дела. Они путаны и неосновательны. Воистину, если бы у меня еще оставались сомнения, они развеялись бы после знакомства с их выступлениями. Утверждение, что двадцать пять миллионов не способны жить при республиканском строе, — политическая банальность».

На пути к разрыву

Одержавшие победу корсиканские патриоты разделились, однако, в вопросе об отношении к Гражданской конституции духовенства. Не без колебаний одобрил ее Паоли. Может быть, ему казалось, что события выходят из-под его контроля. Опытный лидер призывал к осторожности. Избрание Гуаско епископом в соответствии с новой конституцией (9 мая 1791 года) не умиротворило общественность. Напротив, в июне в Бастиа вспыхнуло грандиозное восстание, весьма жестоко подавленное. В итоге Бастиа утратила статус столицы. Второй жертвой пал Паоли, лишившийся изрядной доли авторитета. На выборах в Законодательное собрание, призванное сменить

собою Учредительное, антипаолистская оппозиция нанесла ему чудовищное оскорбление: Арена выдвинул свою кандидатуру против Леонетти, племянника великого человека.

Что касается Наполеона, то его преданность Паоли оставалась непоколебимой. Конечно, когда в феврале 1791 года Бонапарт вернулся на континент, он нашел совсем другую Францию. Однако ни заботы об образовании двенадцатилетнего брата Луи, которого он взял с собою в Осонн, ни революционные потрясения, ни назначение в Валанс, полученное им 1 июня 1791 года, не ослабили его привязанности к малой родине. По завершении хлопот, связанных с изданием «Письма Буттафьочо», он приступает к работе над «Историей Корсики», для которой выпрашивает у Паоли «необходимые документы». «История пишется в зрелые годы», — сухо ответил ему его кумир в письме 2 апреля 1791 года. В отношениях с Наполеоном Паоли демонстрировал явную холодность. Что это, раздражение, вызванное слишком назойливым и, пожалуй, чрезмерным восхищением? Неприязнь старого консерватора, каким в конечном счете стал Паоли, к молодому якобинцу? Недобрая память о Карло Бонапарте, чересчур поспешно перешедшем в свое время на сторону Франции? Наполеон не сдается и, набрасывая для Лионской академии «Рассуждение о счастье» (к которому мы еще вернемся), представляющее собою очередной панегирик паолистским преобразованиям на Корсике, выпрашивает отпуск.

В октябре он вновь на Корсике. На сей раз он претендует на крупную должность в батальоне волонтеров и прилагает усилия для достижения этой цели, не желая возвращаться в свою воинскую часть на континенте. Наконец 1 апреля 1792 года его выбирают подполковником, командующим вторым батальоном волонтеров. Но вот незадача! Он вовлекается в конфликт между крестьянами и горожанами, в котором еще больше страдает авторитет Паоли. В Аяччо вспыхивают кровавые столкновения, в основе которых все те же религиозные разногласия. Наполеон не несет за них какой-то особой ответственности, однако инициатива в этом деле переходит к контрреволюционерам. Второй батальон признан ненадежным и передислоцирован в Корте. Скомпрометированный в этой смуте Наполеон вынужден писать объяснительную записку, что делает его врагом контрреволюционного клана Перальди и Поццо ди Борго.

Это — поражение в его корсиканской карьере. Поражение, которое он поначалу расценивает как временное.

Что предпринять? Вариант первый: восстановиться во французской армии. А что если его уже уволили из полка по

причине слишком долгого отсутствия? 28 мая он приезжает в Париж. Война разразилась в апреле, а между тем, несмотря на нехватку офицеров, решение вопроса о его восстановлении затягивается. Доверимся, в порядке исключения, «Мемуарам» Бурьенна: «В апреле 1792 года я оказался в Париже, где вновь встретился с Бонапартом. Дружба, объединявшая нас в детстве, а затем в коллеже, вспыхнула с новой силой. Я не мог назвать себя счастливым, бедствия не оставляли в покое и его. Он часто нуждался. Мы коротали время, как подобает двадцатитрехлетним молодым людям, не обремененным заботами и деньгами, их у него было еще меньше, чем у меня. Каждый день в наших головах рождались все новые планы: мы порывались основать какое-нибудь выгодное дело. Как-то он предложил снять несколько недостроенных домов на улице Монтолон, а затем пересдать их. Цена, которую заломили владельцы, показалась нам чрезмерной, все уплывало из наших рук».

Наконец Бонапарт восстановился в звании капитана. Вдумаемся: речь шла об одной из последних резолюций Людовика XVI!

Участвовал ли Наполеон в событиях 20 июня, когда народ захватил Тюильри, и можно ли доверять свидетельствам, утверждавшим, будто, возмущенный разгулом «сброда», он заявил, что «на месте короля не допустил бы подобной развязки»? Так или иначе, 3 июля он пишет Люсьену: «Наслаждаться покоем, семейным уютом и верностью самому себе — вот, дорогой мой, цель, к которой стоит стремиться». Высказывания, сделанные Наполеоном на острове Святой Елены, не достоверны. Тем не менее оставленное им изложение событий 10 августа дает представление о впечатлении, которое произвел на него народный бунт.

«В то гнусное время, — поведает он Лас Казу, — я жил в Париже, у Майя, на площади Побед. При звуках набата, узнав, что штурмуют Тюильри, я поспешил на площадь Карузель к Фове, брату Бурьенна, державшему там мебельный магазин. Оттуда я мог спокойно наблюдать за всеми событиями дня. По дороге мне повстречалась компания мерзких типов, вскинувших на острие пики чью-то отрубленную голову. Увидев, что я прилично одет и имею вид господина, они подошли ко мне, чтобы заставить прокричать: “Да здравствует Нация!” Как легко можно догадаться, я не заставил просить себя дважды».

Эксцессы, которыми сопровождался разгром Тюильри, убедили Наполеона, что «низложение государей» — дело на практике куда более драматичное, чем в теории.

«После того как дворец был захвачен, а король препровожден в лоно Законодательного собрания, я рискнул проникнуть

в сад. Ни одно поле битвы не являло мне впоследствии такой горы трупов, какой предстали передо мной тела швейцарцев, потому ли, что на фоне ограниченного пространства они казались особенно многочисленными, потому ли, что это зрелище было первым моим впечатлением подобного рода. Я увидел хорошо одетых женщин, предававшихся отвратительным непристойностям на трупах швейцарцев».

Подобно Людовику XIV, через всю жизнь пронесшему страх перед Фрондой и неукротимую ненависть к Парижу, Наполеон навсегда сохранит недоверие к столице и не захочет вооружать предместья. 10 августа он удостоверился, на какую крайность способен «самый подлый сброд». Революция, к которой звали просветители, — да. Народный бунт — нет. В основе союза Бонапарта с буржуазией — урок, извлеченный им из событий этого дня.

Назначаются выборы в Конвент, которому предстоит принять новую конституцию. Необходимо срочно вернуться на Корсику. Предлог для отъезда найден: он должен отвезти домой сестру Элизу, вышедшую из Сен-Сира[1]. Словом, не успев восстановиться, капитан добивается нового разрешения на отпуск. Мало кому из офицеров удавалось так надолго отлучаться из армии.

Разрыв

В октябре Наполеон возвращается на Корсику. Жозеф потерпел поражение на выборах от сторонников Поццо ди Борго. Однако, несмотря на это, Бонапарты по-прежнему пользуются дружеской поддержкой таких депутатов, как Саличетти, Чьяппе и Касабьянка. Наполеон встречается с Паоли. Последний, примкнув к Поццо ди Борго, принял его без особой радости. Желая отделаться от визитера, он посылает его во второстепенную по своему значению военную экспедицию. Между тем Наполеон отнесся к ней со всей серьезностью. В этот период, когда после победы при Вальми перед Францией начинают вырисовываться обнадеживающие военные перспективы, родилась идея поставить на место враждебную по отношению к Революции Сардинию. Инициаторы экспедиции рассчитывали, должно быть, конфисковать запасы зерна для снабжения продовольствием юга Франции, но скорее всего для устрашения Флоренции и Неаполя. Руководство операцией было возложено на Трюге. Ему предстояло зайти в порт

[1] Привилегированное учебное заведение.

Аяччо и взять на борт корсиканских добровольцев. Однако ввиду трудностей, связанных с обеспечением взаимодействия его войск с войсками островитян, принимается решение о формировании двух самостоятельных экспедиций: пока Трюге будет осаждать Кальзри, корсиканцы нападут на остров Маддалена, отделенный от Корсики морским рукавом (Устья Бонифачо) и обороняемый пятьюстами малодееспособными сардинцами. На втором этапе операции Маддалене отводилась роль плацдарма для наступления на Сардинию. В этой-то экспедиции под командованием бывшего депутата Учредительного собрания и родственника Паоли — Колонны Чезари — и предстояло принять участие Бонапарту.

В Бонифачо он отправляется с артиллерией, состоящей из двух орудий и мортиры. Несколько недель он проводит там в томительном ожидании. Наконец 18 февраля 1793 года шестьсот человек погружаются на корабли. По приказу Чезари Наполеон высаживается на соседний с Маддаленой остров Сан-Стефано и с ходу начинает артподготовку. Все готово к штурму, как вдруг часть флотилии, состоящая из моряков-провансальцев, поднимает бунт и требует, чтобы Чезари отдал приказ о возвращении на Корсику. Едва сдерживая бешенство, Бонапарт эвакуирует войска с Сан-Стефано, бросая там свои орудия. Он абсолютно не повинен в этом поражении. Причиной провала он называет проекты, предусматривавшие новый захват островов, и обвиняет в неудаче Чезари. Паоли также попадает в поле его критики. Разве не ходят слухи, что это он отдал своему родственнику секретное распоряжение провалить чересчур якобинскую, на его взгляд, операцию? Быть может, воспользовавшись гражданской войной во Франции, Паоли рассчитывал добиться независимости Корсики? В Париже его политика, испытывающая на себе несомненное влияние Поццо ди Борго, расценивается как все более контрреволюционная. Ничего удивительного, что отношения между Наполеоном и Паоли обостряются. Поговаривают о состоявшихся в Корте то ли накануне, то ли после (мнения расходятся) экспедиции на Маддалену напряженных переговорах с представителями французского правительства по вопросу о проводимой Конвентом политике. Так или иначе, Бонапарт сближается с Саличетти, который враждебно настроен к Паоли, подозревая последнего в двурушничестве. События нарастают как снежный ком. 2 апреля 1793 года по предложению Эскюдье, депутата от департамента Вар, и при поддержке Марата Конвент вызывает Паоли в Париж, где ему предъявляются суровые обвинения. Люсьен Бонапарт, подключившись к этой истории, обвинил его перед представителями общественности Тулона,

пролив свет на сепаратистские настроения прославленного лидера и возложив на него ответственность за провал сардинской операции. Эти обвинения, подхваченные Эскюдье, произвели впечатление на Конвент. Саличетти получает приказ задержать Паоли. Неосмотрительность Люсьена — он направил братьям письмо с изложением своих изобличений — открывает Паоли глаза на источник выдвигаемых против него обвинений. Разрыв между ним и Наполеоном — свершившийся факт. Равно как и между Бонапартами и Корсикой. Сегодня установлено, что Наполеон ничего не знал об инициативе Люсьена. Возможно, он, движимый остатками симпатии к Паоли, дезавуировал бы ее, однако клан Поццо успешно ликвидирует его влияние на Корсике, а ярость паолистов бросает в объятия Саличетти. Он тайно покидает Аяччо, муниципалитет которого находится в руках Паоли, надеясь беспрепятственно добраться до Бастии, где уже скрывается Жозеф и находятся комиссары Конвента: Лакомб-Сен-Мишель, Дельшер и Саличетти, направленные туда «с целью обеспечения надежности корсиканских портов». Эта акция продиктована недоверием к Паоли, обвиненному в том, что он окружил себя бывшими сторонниками Гаффори и Буттафьочо. Наполеона пытаются задержать в Боконьяно, однако он уходит от преследователей, возвращается в Аяччо, где какое-то время скрывается у Жана Жерома Леви, а затем морем добирается наконец до Бастиа. Там он помогает Саличетти снарядить небольшую флотилию, которая пытается внезапно атаковать Аяччо, находящийся в руках паолистов. Атака не удается. Большинство населения города поддерживает Паоли. Жилища сторонников Наполеона подвергаются разграблению. Дом Бонапарта разорен. Его семья находит убежище в Кальви, затем, 11 июня 1793 года, переселяется в Тулон. Корсиканская эпопея завершилась. Было ли поражение клана Бонапартов поражением «болота» от «горы» — дворянства и торговой буржуазии, скупившей земли в глубине острова, от хлебопашцев и пастухов, рьяных паолистов? Поддадимся искушению и поддержим гипотезу историка Дефрански: «Идеологические противоречия между партией, отстаивавшей интересы корсиканцев, и партией, ориентированной на Францию, являются отражением экономических противоречий между жертвами и палачами, между маленьким обираемым и борющимся народом и агрессивной буржуазией, демагогическими рассуждениями о свободе, прикрывающей своекорыстные цели».

Беженцы, последовавшие за Бонапартом в его изгнание — в основной своей массе помещики и купцы, — сделали это, наверное, еще и потому, что просто не могли уже оставаться на

Корсике. Не подлежит сомнению, что Паоли заручился широкой поддержкой сельского населения. Чем иначе объяснить поражение Саличетти? Гражданские войны нередко характеризуются весьма сложной расстановкой сил, такой, например, какая возникла в 1808 году во время войны в Испании. Самые прогрессивные идеи не всегда получают поддержку беднейших слоев. Бонапарт, будучи восторженным почитателем Руссо и ярым республиканцем во Франции, на Корсике стал бы в проведении своей социальной политики большим реакционером, чем контрреволюционер Паоли. Именно это обстоятельство явится причиной его поражения в 1793 году.

Глава III
ЧЕЛОВЕК РОБЕСПЬЕРА

Итак, Бонапарт отброшен к самому крайнему стану Революции — якобинскому, поскольку дело Паоли, отчасти незаконным порядком, оказалось связанным с федералистским бунтом Франции против диктатуры монтаньяров. Как сложилась бы судьба Наполеона, сохрани он верность Паоли? Ему, без сомнения, пришлось бы эмигрировать в Англию, в 1815 году возвратиться во Францию, вступить в королевскую армию и из желчного эмигранта превратиться в крайне озлобленного субъекта. Воистину, еще до Брюмера Люсьен сыграл для своего брата роль доброго гения.

Сам по себе корсиканский провал мало что объясняет в переориентации Бонапарта на Революцию. Молодой офицер, очарованный (дань моде или искреннее увлечение?) философией XVIII века, не производит впечатления поклонника Монтескье. Как и большинство его современников, он читал Вольтера, однако симпатии его всецело на стороне Руссо, Рейналя и Мабли — тех, кто дальше других продвинулся в критике социальных устоев. Еще в 1788 году в наброске о королевской власти он решительно осуждает монархизм: «Мало кто из королей достоин занимаемых ими тронов». Так думали, должно быть, его кумиры, не осмеливаясь, однако, заявить об этом во всеуслышание.

Рассуждение для Лионской академии

В 1791 году, будучи в Валансе, Бонапарт принимает участие в объявленном Лионской академией конкурсе на определение тех истин и чувств, которыми в первую очередь следует руководствоваться людям, чтобы быть счастливыми.

В его «Рассуждении о счастье» звучит неподдельная критика социальной несправедливости, под которой подписался бы, познакомься он с ней несколько лет спустя, сам Гракх Бабеф: «Человек рождается с правом на свою долю от плодов земли, необходимых ему для существования», — провозглашает Бонапарт. Разделяющее людей неравенство подлежит отмене. Этого не добиться, пока религия и закон будут союзниками тех, кому это неравенство выгодно. Одна из страниц «Рассуждения» достойна того, чтобы процитировать ее целиком: «Вслед за беззаботным детством следует пора пробуждения страстей. Среди спутниц своих юношеских забав мужчине предстоит выбрать ту, которая назначена ему судьбой. Его сильные руки в согласии с его потребностями тянутся к работе. Он оглядывается вокруг, видит, что земля, находящаяся в руках немногих, превращена в источник роскоши и излишеств. Он задается вопросом: на основании каких прав люди пользуются этими благами? Почему у бездельника есть все, а у труженика почти ничего? Почему, наконец, они ничего не оставили мне, у которого на иждивении жена и престарелые отец с матерью? Он идет к священнику, пользующемуся его доверием, и делится с ним своими сомнениями. "Человек, — отвечает ему священник, — никогда не задумывайся над устройством общества. (...) Все в руках Божиих, доверься Его провидению. Мы — лишь странники на этой земле, где все устроено по справедливости, и не нам доискиваться до ее оснований. Верь, смиряйся, никогда не ропщи и трудись. Таков твой долг". Гордая душа, чувствительное сердце, природный разум не могут удовлетвориться подобным ответом. И вот он поверяет другому свои сомнения и беспокойства. Он идет к мудрому из мудрых — к нотариусу. "Мудрец, — обращается он к нему, — все блага этого края поделены, а меня обошли". Мудреца смешит его простодушие, он приглашает его в свою контору и там, от купчей к купчей, от договора к договору, от завещания к завещанию доказывает ему законность всех вызывающих его недоумение дележей. "Как? Так вот каковы права этих господ! — с негодованием восклицает он. — Но ведь мои куда более святы, бесспорны, всеобщи. Они оправданы моим потом, текущей в жилах кровью, скреплены нервами, запечатлены в сердце. Они — основа моей жизни и моего счастья!" С этими словами он сгребает в охапку весь этот бумажный хлам и бросает его в огонь».

Рейналь, Руссо — духовные кумиры Бонапарта в 1791 году. Но не станем преувеличивать воодушевление Бонапарта. Откровенно риторические приемы (Наполеон предварительно занес в тетрадь несколько малоупотребительных научных тер-

минов и выражений с явным намерением воспользоваться ими в своем «Рассуждении»), а также использование расхожих революционных лозунгов заставляют усомниться в искренности этого документа. Он был написан с единственной целью польстить Лионской академии. Впрочем, и здесь его постигла неудача: рукопись была оценена как весьма посредственная. Желая угодить императору, Талейран извлечет «Рассуждение» из забвения и представит Наполеону. Последний бросит манускрипт в огонь. К тому времени он уже откажется от идей, изложенных в «Рассуждении о счастье».

«Ужин в Бокере»

Впрочем, в переориентации Наполеона на Революцию решающая роль принадлежит не столько идеологическим, сколько материальным причинам. Чтобы обеспечивать поселившуюся в Марселе семью, он вынужден вернуться в армию, в четвертый артиллерийский полк, расквартированный в Ницце. Юг страны охвачен мятежом федералистов. Хотя хронология событий жизни Наполеона в период с начала июля по конец августа 1793 года не до конца прояснена (не установлено, например, принимал ли он участие во взятии Авиньона), один факт представляется бесспорным: «Ужин в Бокере» — свидетельство его безоговорочной поддержки монтаньяров.

Датированная 29 июля 1793 года брошюра воспроизводит разговор, участником которого будто бы был Наполеон, что представляется маловероятным. По форме это — памфлет, написанный в целях революционной агитации, однако ни место, ни дата его написания (29 июля) не являются фактами, имеющими отношение к биографии Наполеона. Саличетти, находившийся в ту пору с миссией на юге вместе с Робеспьером-младшим, Рикором, Эскюдье, Альбиттом и Гаспареном, своим авторитетом поддержал решение об издании этого конъюнктурного опуса, в котором выведены житель Нима, марселец, фабрикант из Монпелье и военный. Марселец излагает федералистские взгляды. С ним яростно спорит военный: «Вам говорили, что вы совершите бросок через Францию и упрочите завоевания Республики, а вы начали с того, что наделали уйму ошибок, вам говорили, что юг восстал, а вы оказались в изоляции, вам говорили, что четыре тысячи лионцев движутся вам на подмогу, а они преспокойно заключали торговые сделки».

Фактически, заявляет офицер, подняв это восстание, Марсель поставил на карту свое будущее. И подкрепляет свое ут-

верждение забавным аргументом: «Предоставьте бедным странам сражаться до победного конца. Житель Виваре, Севенн, *Корсики* очертя голову устремится к решающему мигу сражения. Победив, он удовлетворится сознанием выполненного долга; потерпев поражение — вынужден будет заключить мир и возвратиться в прежнее состояние. Но вы! Стоит вам проиграть сражение, и плоды многовековых тягот, трудов, лишений и побед будут отданы на разграбление солдатне».

Бонапарт достаточно ясно видит отличие федерализма от роялизма, чтобы понимать, что расхождения между жирондистами и монтаньярами несущественны и что реальная опасность исходит не от них.

«Вандее нужен король, Вандее нужна открытая контрреволюция, — утверждает марселец. — Война, которую ведет Вандея, — это война фанатизма, деспотизма, наша война (имеется в виду федералистское восстание) — это война истинных республиканцев, друзей закона и порядка, нетерпимых к злодеям и анархистам. Разве у нас не трехцветное знамя?»

Все сказанное имеет отношение и к Паоли, словом, необходима бдительность, продолжает офицер и произносит чуть ли не обвинительную речь против вчерашнего кумира:

«Чтобы выиграть время и обмануть народ, разделаться с истинными друзьями свободы, Паоли тоже водрузил на Корсике трехцветное знамя, дабы превратить соотечественников в сообщников своих честолюбивых и преступных планов. Он поднял трехцветное знамя и открыл огонь по республиканскому флоту, разоружил и изгнал наши войска из занимаемых ими крепостей... разорил и конфисковал имущество наиболее состоятельных фамилий из-за их приверженности сплоченной Республике, провалил экспедицию в Сардинию и при этом имел наглость называть себя другом Франции и верным республиканцем».

Пусть войска федералистов поостерегутся действовать в интересах общего врага — роялистов, испанцев, австрийцев. Пусть не очень-то доверяют полководческим талантам своих военачальников. Здесь Наполеон уже заявляет о себе как о стратеге: «Что ждет вашу армию, если она сосредоточится в Эксе? Ей крышка. Закон военного искусства гласит: пытающийся отсидеться в окопах будет разбит. В этом пункте опыт и теория идут рука об руку».

Несколько оживившись в связи с вопросом о вероятности испанской интервенции, дискуссия завершилась выражением надежд на переговоры и всеобщее примирение — мотивом, который будет развит Бонапартом после Брюмера. Ибо в «Ужине в Бокере» проявились главные черты личности Наполеона,

и не случайно Панкук переиздаст эту брошюру в 1821 году, а Бурьенн поместит ее в приложении к своим мемуарам. В ней Бонапарт осознает роль пропаганды — сферы, в которой уже в 1793 году заявляет о себе как о профессионале, демонстрируя легкость стиля, живость и непринужденность диалога. Не считая нескольких вполне простительных неточностей, памфлет свидетельствует о превосходной осведомленности автора в вопросах, связанных с политическим и военным положением Франции. Известно, что появление в печати «Ужина» не получило никакого резонанса. А между тем он был на голову выше всех брошюр, издававшихся как лагерем оппозиции, так и якобинцами.

Тулон

Настоящая известность придет к Бонапарту после осады Тулона. В сентябре Саличетти назначает его командующим артиллерией армии Карто взамен раненного под Оллиулем Даммартена. Подойдя к Тулону, Бонапарт производит смотр своей артиллерии, состоящей из двух 24-миллиметровых орудий, двух 16-миллиметровых и двух мортир. Негусто. Мало боеприпасов, однако прицельный огонь компенсирует нехватку личного состава и снаряжения. Сменивший Карто генерал Доппе напишет в своих «Мемуарах»: «Множество талантов сочеталось в этом молодом офицере с редкой отвагой и поразительной неутомимостью. Когда бы ни пришел с проверкой, я всегда заставал его за исполнением своих обязанностей. Если он нуждался в отдыхе, то находил его тут же на земле, закутавшись в шинель, ни на минуту не покидая своей батареи».

Тогда же Бонапарт сводит знакомство с молодыми офицерами, которые сделают при нем карьеру: Дюроком, Мармоном, Виктором, Сюше, Леклерком, Дезе.

«Как-то раз, когда одна из батарей занимала позицию, — рассказывал позднее император Лас Казу, — я попросил подойти какого-нибудь грамотного сержанта или капрала. Некто вышел из строя и прямо на бруствере стал писать под мою диктовку. Едва он закончил, как упавшее поблизости ядро запорошило письмо землей. “Благодарю вас, — сказал писарь, — песка не надо”. Сама шутка, а также невозмутимость, с какой она была произнесена, привлекли мое внимание и обеспечили будущность этому сержанту. Им оказался Жюно».

Комиссары Конвента предлагают присвоить капитану Бонапарту звание майора. В пику бездарному военному коман-

дованию Бонапарт выдвигает свой план штурма, обосновывая его эффективность. В самом деле, для него очевидно, что взятие высоты Эгильет вынудит англичан покинуть рейд. Для этого необходимо завладеть фортом Мюльграв, именуемым Малым Гибралтаром, контролирующим подступы к высоте. 25 ноября Дюгомье одобряет этот план действий. 11 декабря 1793 года принимается решение о начале операции. Пять дней спустя в ходе артподготовки ударная волна сбивает Бонапарта с ног. Смерть осенила его своим крылом. Штурм начался. 17 декабря в час ночи форт Мюльграв пал. Во время штурма удар полупики ранил Наполеона в бедро. 18-го англичане эвакуируют Тулон, а 22-го комиссары Конвента назначают Бонапарта бригадным генералом. 6 февраля 1794 года Конвент утвердит присвоение этого звания.

По протекции Робеспьера-младшего он назначается командующим артиллерией. Саличетти направляет его в Ниццу для подготовки экспедиции против Корсики. Один за другим Бонапарт разрабатывает планы нападения на Италию. Осуществлен предложенный им вариант обхода Альп, удерживаемых армией короля Сардинии, и захвата Онельи. 9 апреля 1794 года Онелья пала, что явилось очередным подтверждением полководческого дара генерала Бонапарта. И все же, несмотря на протекцию Робеспьера-младшего, Комитет общественного спасения, похоже, не проявляет особого восторга. Карно призывает к войне до победного конца... на испанской границе. Бонапарт посылает в Конвент докладную записку, озаглавленную «Заметки о положении пьемонтской и испанской армий», в которой обосновывает преимущества нападения на Пьемонт. Он убежден, что война с Испанией неминуемо выльется в затяжную, а с учетом патриотических настроений испанского народа потребует огромных людских и материальных затрат. В 1808 году он не вспомнит об этих аргументах. Кроме того, поскольку Австрия — противник номер один, необходимо, чтобы военные действия «прямо или косвенно велись против этой державы», тогда как война с Испанией никак не осложнит положения императора. Зато, «если начнут наступление армии, развернутые на границе с Пьемонтом, это вынудит австрийскую корону приложить усилия к сохранению своих итальянских владений. С этого момента наступление впишется в общую концепцию нашей войны... В случае успеха мы со временем могли бы начать войну с Германией, напав на Ломбардию, Гессен и Тирольское графство, тогда как наши армии на Рейне нанесли бы удар в самое сердце империи».

Именно на Италию — наиболее уязвимое место вражеской обороны — должно быть направлено острие атаки. Наступле-

ние же по всем фронтам, к которому призывают в Комитете общественного спасения, обречено на провал.

«Республика не выдержит войны всеми четырнадцатью армиями, ей не хватит офицеров, орудий и кавалерии. Начать наступление по всем фронтам — значит совершить стратегический просчет: надо не распылять, а концентрировать имеющиеся силы. Существует такой способ ведения войны, как локальная осада: вся сила удара направляется на какой-то один участок фронта, пробивается брешь в обороне, равновесие нарушается, сопротивление становится бессмысленным, и опорный пункт взят».

Разумеется, итальянская кампания не должна заслонять собою конечную цель — Австрию. Реалистически мыслящий Бонапарт не забыл о минувших катастрофах. «Ударить по Германии, но ни в коем случае не трогать Испанию и Италию. Нельзя попасться на удочку и вторгнуться в Италию (то есть в Рим и Неаполь), пока Германия еще сильна и способна оказывать серьезное сопротивление».

Карно возражал против наступления на Италию ценою ослабления границ с Испанией. Он полемизировал с Робеспьером-младшим, специально приехавшим в Париж для проталкивания идей своего протеже. Прав ли был Карно, написав вместе с капитаном Коленом, что «вмешательство Робеспьеров в военные вопросы безвозвратно отвратило от них организатора победы и обрекло их на погибель»? Может быть, предчувствуя сопротивление, Робеспьер-младший пригласил Бонапарта приехать в Париж, рассчитывая заменить им Анрио? Если это так, то можно предположить, что Революция меняла свои ориентиры. Во всяком случае, Бонапарт становится в глазах Конвента «человеком Робеспьеров», «планирующим для них военные кампании», как выразился один из комиссаров. Но почему его биографы не учитывают, что в июле 1794 года Бонапарт — уже видный генерал, пламенный патриот, доказавший свою преданность Революции? Не исключено, что он испытывал искреннюю симпатию к Неподкупному. Они не были знакомы, но их многое объединяло: суровая юность, замкнутость, гордость, преклонение перед Руссо. Разве не мечтали они оба о государстве, «где нет привилегий, где царит всеобщее равенство, не существует пауперизма, где нравы безупречны, а законы, выражающие волю всех, признаются и исполняются всеми»? Молодой офицер ни разу не высказался в поддержку Неподкупного. Что это, осторожность? Равнодушие к политике? Любопытно письмо, будто бы адресованное им 20 термидора Тилли и обнародованное Костоном: «Я был огорчен катастрофой, постигшей Робеспьера-младшего, кото-

рого любил и считал незапятнанным, но будь он даже моим братом, я собственноручно заколол бы его кинжалом за попытку установить тиранию». Подлинность письма сомнительна, однако образ Бонапарта, этакого сурового и неподкупного Сен-Жюста, как нам представляется, вполне достоверен.

Опала

Падение Робеспьера открывает перед Карно возможность по собственному разумению руководить военными операциями. Отдается приказ о прекращении наступления на итальянском фронте. Это удар по стратегическим планам Бонапарта. Однако этим дело не ограничивается. 13 июля Рикор, один из комиссаров Конвента, направил Бонапарта в Геную, поручив ему ответить на вызов, брошенный в начале месяца австрийцами. Саличетти поверил или сделал вид, что поверил в существование заговора Робеспьера и Бонапарта с неприятелем. 9 августа 1794 года генерала арестовывают. Незадолго до ареста, 6 августа, Саличетти писал Арриги: «Я не смогу спасти Бонапарта, не предав Республику и не погубив при этом самого себя». И все же, по-видимому, Бонапарт не был заключен в форт Карре в Антибе, а попросту подвергнут «домашнему аресту» у негоцианта Лоренти, в доме которого он тогда жил.

Генералу удалось оправдаться. 20 августа ему была возвращена свобода: опасаясь пьемонтского контрнаступления, комиссары Конвента дорожили Бонапартом. В его советах нуждался Дюмербьон, назначенный главнокомандующим альпийской и итальянской армиями. Захватив по рекомендации Наполеона Кайро, он подготовил превосходный плацдарм для последующего наступления на Пьемонт. «Мудрым маневрам, обеспечившим нашу победу, — признавался позднее Дюмербьон, — я обязан таланту генерала Бонапарта». По совету Бонапарта он собирался уже начать новое наступление с целью расчленения сардинцев и австрийцев, однако этот план был отвергнут Карно.

Оставался еще один вариант: готовящаяся экспедиция на Корсику. Мысль о ней не покидала Бонапарта, однако — увы! — он так и не принял в ней участия. Впрочем, у него появилась надежда утешиться. В Марселе через посредничество своего брата Жозефа он познакомился с Дезире Клари, девушкой из богатой семьи, состояние которой было нажито на производстве мыла и торговле тканями с Левантом. Жозеф женился на старшей сестре, Жюли, а Наполеон заручился согласием на брак с младшей.

Однако злой рок не унимался. Бонапарт узнает, что его вычеркнули из списка офицеров артиллерии и назначили командиром пехотной бригады, направляемой в Вандею. Решение принято: он поедет в Париж, объяснится и попросит направить его в Прованс. Обри, в прошлом капитан артиллерии, стал влиятельным человеком в Комитете общественного спасения, где он ведает вопросами обороны. К нему-то и следует обратиться. Однако Обри не спешит протежировать Бонапарту, подозревая его в симпатиях к якобинцам. Во время Директории он будет «фрюктидоризован»[1] и умрет в ссылке.

Чтобы не ехать в Вандею, Бонапарт добивается разрешения уйти в отпуск. Впрочем, похоже, что он и взаправду болен. Он угнетен охлаждением отношений с Дезире Клари и своим материальным положением. На улицах Парижа Бонапарт являет собой забавную фигуру — живое воплощение отчаяния, ходячее разочарование. Будущая герцогиня д'Абрантес, знавшая его тогда по Парижу, сохранила для нас его живописный портрет: «В ту пору Наполеон выглядел на редкость непривлекательно, почти не следил за собой, и его растрепанные, небрежно напудренные волосы придавали ему неряшливый вид. Как сейчас вижу его, неуверенным и нетвердым шагом пересекающего двор гостиницы "Транкилите", в надвинутой на глаза неказистой круглой шляпе с полями, ниспадающими на плечи сюртука, как собачьи уши. Он размахивает длинными худыми и грязными руками без перчаток, ибо перчатки, по его словам, — ненужная роскошь, на нем плохо начищенные сапоги... Он худ, лицо его желто, — словом, вид у него болезненный».

Похоже, что именно в этот период он набрасывает фрагменты романа «Клиссон и Евгения». Клиссон — это конечно же сам Бонапарт.

«Клиссон был рожден для ратных подвигов. С младых ногтей он познакомился с жизнеописаниями выдающихся полководцев. Его сверстники еще сидели за партами и бегали за девчонками, а он уже размышлял о началах военного искусства. В том возрасте, когда начинают носить оружие, каждый его шаг был ознаменован блистательными деяниями. Победы сменяли одна другую, и имя его было ценимо народом, видевшим в нем самого ревностного своего защитника».

Евгения — это Дезире.

«Ей было шестнадцать лет. Нежная, добрая и живая, среднего роста. Не дурнушка, но и не красавица, она отличалась добротой, мягкостью и отзывчивой нежностью».

---

[1] То есть обвинен в контрреволюционной деятельности после демократического переворота 18 фрюктидора (1 сентября 1797 года).

Раненный в сражении Клиссон посылает своего адъютанта Бервиля с весточкой к Евгении. Бервиль и Дезире влюбляются друг в друга. Клиссон догадывается о постигшем его несчастье и принимает решение погибнуть в предстоящем сражении: «Прощай, ты, кого я избрал мерилом своей жизни, прощай, подруга моих счастливых дней! В твоих объятиях я познал высшее блаженство. Я устал от жизни и ее благодеяний. Что ждет меня в будущем помимо скуки и пресыщения? К двадцати шести годам я до дна испил чашу эфемерной славы, но благодаря твоей любви я познал радость мужского счастья. Воспоминание о нем гложет мое сердце. Будь счастлива и забудь о бедном Клиссоне! Поцелуй моих сыновей! Да не унаследуют они пылкой души своего отца! А не то они, как и он, падут жертвами людей, славы и любви».

Прощание Клиссона, которому суждено умереть от «тысячи ран», — это и прощание Бонапарта с жизнью. Вновь он погружается в мысли о самоубийстве. Несмотря на гений, жребий выпал ему роковой. Он проиграл всё.

Глава IV

ЧЕЛОВЕК БАРРАСА

«Париж вновь предался безудержному веселью. Правда, пронесся голод, однако Перрон по-прежнему искрился светом, в Пале-Рояле было многолюдно и спектакли шли при полном аншлаге. Затем начались балы жертв диктатуры, на которых бесстыдное сладострастие срывало во время оргий свой ханжеский траурный наряд. Вскоре после Термидора некий человек, которому в ту пору было десять лет, отправился с родителями в театр, при выходе из которого был потрясен впервые увиденной им вереницей роскошных экипажей. Какие-то люди в ливреях, снимая шляпы, предлагали выходившим из подъезда зрителям: "Не угодно ли экипаж, сударь?" Ребенок не сразу разобрался в этих новых формах общения. Он обратился за разъяснением к родителям, но узнал от них лишь то, что после казни Робеспьера произошли большие перемены».

Так завершает Мишле свою «Историю Революции». В самом деле, слишком быстро обнаружились истинные намерения тех, кто одержал победу над Робеспьером, кто получил прозвище «термидорианцев», состоявших из уцелевших жирондистов, осмотрительных дантонистов и раскаявшихся монтаньяров во главе с «молчаливым большинством» Болота. Программа этих термидорианцев получила емкое выражение в словах, оброненных Буасси д'Англа: «В стране, управляемой

собственниками, царит общественный порядок, в той же, где правят неимущие, властвуют законы природы». А это значит, что Революции пора остановиться, так и не удовлетворив требований санкюлотов. Предместья столицы с горечью констатируют это. Голод, явившийся следствием неурожая и отмены продовольственных реквизиций, неслыханная дороговизна и рост безработицы вновь выгоняют на мостовые «патриотов». 12 жерминаля III года (1 апреля 1795 года) они штурмуют Конвент, однако из-за плохой организации рассеиваются под натиском отрядов Национальной гвардии. 1 прериаля (20 мая) под лозунгом «Хлеба и конституции 1793 года!» вспыхивает новое восстание, и вновь сказывается отсутствие руководителей. Верные Конвенту войска и батальоны Национальной гвардии, прибывшие из западных секций, без труда разгоняют манифестантов. Сегодня эти «последние дни революции» воспринимаются скорее как хлебные бунты, нежели как восстания с политическими требованиями. Тем не менее последовавшие за ними репрессии безжалостны. Личный состав секций уничтожен, санкюлоты обезоружены, Париж сломлен и в течение тридцати лет ни разу уже не поднимет головы.

«Лишь частная собственность может служить основой земледелия, промышленности, производства и общественного порядка», — не устают повторять термидорианцы. Словом, защита собственности, той, разумеется, и об этом следует помнить, которая была распределена в 1795 году. Термидорианцы — это партия дельцов, нажившихся на Революции, тех, кто скупал земли церкви и дворян-эмигрантов, спекулировал на армейских поставках или на падении курса ассигнатов, прибрал к рукам ключевые должности. Главный постулат их программы — ни в коем случае не ставить под сомнение правомочность свершившейся распродажи национального имущества. Программа поддерживается зажиточным крестьянством — состоятельными владельцами этого имущества. Для ее реализации важно исключить саму идею реставрации старого режима. В термидорианской фракции слишком много цареубийц, чтобы она желала возвращения Людовика XVIII, брата короля-мученика, даже если его воцарению будут содействовать самые умеренные из его сторонников, прочно обосновавшиеся на западе, в центре и на юге страны.

Проголосовав за конституцию 1795 года, вверившую исполнительную власть пяти директорам, а законодательную — двум Советам: Совету старейшин и Совету пятисот, Конвент заявил о самороспуске. Назначены новые выборы. Между тем о консервативных настроениях термидорианцев еще неизвестно провинциальным нотаблям, которые связывают с ними

крайности террора. Не приведет ли это недоразумение к лавинообразному росту монархических настроений, которые если и не сметут буржуазный парламентаризм, то уж, во всяком случае, разделаются с теми, кто одержал победу над Робеспьером? Декреты 22 и 30 августа, объявившие, что в новые Советы должны быть избраны две трети из состава прежнего Конвента, преследовали цель вывести из этих собраний прежде всего «монархистов» и «фельянов» — сторонников конституционной монархии, что грозило новым парижским восстанием.

Генерал Вандемьер

Париж был свидетелем восстания санкюлотов. Теперь, в 1795 году, ему предстояло стать ареной выступлений роялистских секций. Декрет о переизбрании двух третей депутатов вызвал решительное неодобрение общественности. В нем прежде всего усмотрели стремление бывших депутатов Конвента остаться у власти. В Париже его отвергли все секции, кроме одной. Для умеренных роялистов настал благоприятный момент попытаться силой захватить власть, которой они уже не надеялись добиться законным парламентским путем.

11 вандемьера (3 октября 1795 года), получив известие о начавшихся в Дре волнениях, по инициативе секции Ле Пелетье, где находилась Биржа, семь парижских секций призвали к восстанию. Движение объединило всех недовольных. Главнокомандующий вооруженными силами, бывший дворянин Мену, с трудом скрывал свои симпатии к инсургентам. Поэтому проведение операции Конвент поручил штабу из шести человек во главе с героем 9 термидора Баррасом.

«Нам предстояло сразиться не с введенными в заблуждение патриотами, — читаем в опубликованных под его именем мемуарах, — а с многочисленными батальонами национальной гвардии. Эти достойные обыватели, величавшие себя и, быть может, на самом деле являвшиеся республиканцами, не понимали, что выбрали в вожди трусливых, облеченных привилегиями заговорщиков. Для победоносного сражения с серьезным соперником нет ничего лучше, как противопоставить ему его естественного противника — истинных патриотов, арестованных во время термидорианской контрреволюции».

Попросту Баррас рассчитывал укомплектовать вверенные ему войска якобинскими генералами, без дела прозябавшими в Париже со времени Термидора. Среди них был и Бонапарт, с которым Баррас познакомился при осаде Тулона и который неустанно напоминал ему о себе в надежде получить долж-

ность командира. Его разыскали. Лишь коварством редактора «Мемуаров Барраса» можно объяснить утверждение, что перед этим Бонапарт будто бы безуспешно сносился с руководителями секции Ле Пелетье. Со своей стороны, интерпретируя события 13 вандемьера, Бонапарт также существенно исказил факты. Если верить «Мемориалу», члены Конвента будто бы настойчиво просили его сменить Мену. И будто бы он долго колебался: «Стоило ли заявлять о себе, выступать от имени Франции? Победа заключала бы в себе нечто постылое, тогда как поражение обрекло бы грядущие поколения на неизбывное проклятие. С другой стороны, что сталось бы с великими истинами нашей Революции в случае кончины Конвента? Его поражение привело бы к окружению по периметру всей нашей границы и увековечению позора и рабства родины».

Поэтому он решается. Принимает командование, однако ставит условия. Предоставим ему слово: «Генерал живо обрисовал невозможность проведения столь сложной операции совместно с тремя представителями Конвента, обладавшими всей фактической полнотой власти и ограничивавшими его инициативу. Он добавил, что был свидетелем события, произошедшего на улице Вивьен, что виновные во всем случившемся комиссары нашли, однако, в членах Собрания оправдавшую их поддержку. Возмущенные таким оборотом дела, но неправомочные сместить означенных комиссаров без одобрения Собрания, члены Комитета, для пользы дела, дабы не терять времени, приняли решение ввести генерала в состав Собрания. Поэтому они предложили Конвенту Барраса в качестве главнокомандующего, а Наполеона назначили командующим, освободив его тем самым от опеки трех комиссаров, не дав последним повода к выражению недовольства».

Ни один из приведенных здесь фактов не соответствует действительности. Конвент не назначал Бонапарта командующим. Его имя, пока что малоизвестное, в отличие от имени Барраса, который прославился тем, что спас Конвент в эпоху Термидора, не упоминается ни в стенограмме заседания Собрания, ни в «Мониторе»[1]. Был ли он 13 вандемьера хотя бы заместителем командующего? Скорее всего его просто призвали в армию, подобно многим другим оставшимся не у дел офицерам. Документы тех лет лаконичны: «Комитеты общественного спасения и общей безопасности постановляют направить генерала Бонапарта во внутренние войска под командованием народного представителя Барраса».

Последний, в свою очередь, тоже искажает истину, утверж-

[1] Правительственная газета.

дая: «В течение всего дня Бонапарт лишь единожды покинул мой штаб на площади Карузель, чтобы отбить Новый мост, потерянный Карто». Похоже, что приказы отдавал все же Наполеон. Между тем силы, находившиеся в распоряжении Конвента, были ничтожны: тысяч пять-шесть солдат без артиллерии и боеприпасов. Именно Бонапарт приказал Мюрату, командиру эскадрона стрелков в количестве 21 человека, захватить полевые орудия на площади Саблон и доставить их в Тюильри. Именно он отдал необходимые распоряжения по организации обороны Конвента, установив артиллерию на ведущих к Тюильри проспектах, что не позволило инсургентам сосредоточиться перед окнами дворца, как это случилось 10 августа. В 1792 году он не без пользы для себя присутствовал при падении монархии. Вот почему из-за неблагоприятной топографии местности он не расстрелял из орудий роялистов, расположившихся на ступенях церкви Святого Роха, так что Баррасу, появлявшемуся на решающих участках сражения, приходилось подбадривать верные Конвенту войска. Победа далась легко из-за низкой боеспособности национальных гвардейцев, отсутствия у них артиллерии и некомпетентности их командира — Даникана.

Впервые после Тулона Бонапарт оказался в стане победителей. 17 вандемьера спасшие Конвент офицеры были представлены Собранию. Фрерон напомнил, что Обри сместил большинство из них как патриотов. «Знайте же, — гремел он, — что генерал артиллерии Бонапарт, сменивший Мену в ночь на 12-е и имевший в своем распоряжении лишь утро 13-го для отдачи мудрых приказов, в эффективности которых вы имели возможность убедиться, был переведен из артиллерии в пехоту». Ищущий руки очаровательной Полины, Фрерон, при содействии Барраса, явно протежирует генералу Бонапарту — своему будущему шурину. Последний официально назначается заместителем командующего внутренними войсками. 24 вандемьера он становится дивизионным генералом. Утвержденный в этом звании, он принимает командование вместо Барраса, ушедшего в отставку 3 брюмера IV года. Ему поручено следить за порядком в столице, что свидетельствует о доверии, хотя эта должность и утратила былое значение после разгрома правой и левой оппозиций. Он расформировывает Национальную гвардию, реорганизует призванный сменить ее полк жандармерии, очищая его от роялистов — ставленников Обри. Ему приходится считаться с очередным вздорожанием хлеба из-за недорода, с нехваткой дров, с растущей в результате углубляющегося кризиса безработицей. Чтобы не дать якобинцам воспользоваться недовольством народа, толпящегося

у булочных и на рынках, он закрывает их якобинскую секцию в Пантеоне. Для обезвреживания главарей использует на улицах Парижа войска, численность которых доходит до сорока тысяч — цифра по тем временам весьма внушительная. Приведем в этой связи один вошедший в «Мемориал» анекдот: «В те времена Наполеону приходилось прежде всего противостоять голоду, непрестанно возбуждавшему народные волнения. Как-то в один из дней, когда по обыкновению не завезли хлеба и у дверей булочных скопилась толпа, Наполеон патрулировал город в сопровождении нескольких офицеров своего штаба. От толпы отделилась большая группа людей, в основном женщины, которые окружили его и стали наседать, громогласно требуя хлеба. Толпа множилась, угрозы делались все более свирепыми, обстановка накалилась до предела. Некая необъятных размеров женщина более других привлекала внимание своим видом и бранью. “Эти эполетчики издеваются над нами! — кричала она. — Им бы только набивать брюхо и жировать. Им плевать, что несчастный народ подыхает с голоду”. Наполеон спросил, обращаясь к ней: “Мамаша, посмотри, кто из нас толще, ты или я?” А в те времена Наполеон был очень худым. “Я был худ как щепка”, — вспоминал он. Толпа разразилась хохотом, и офицерский патруль двинулся дальше».

К этому же периоду относится его связь с Жозефиной Таше де ла Пажри, вдовой гильотинированного генерала и матерью двоих детей. Он познакомился с ней у Барраса накануне Вандемьера. Забыты Дезире и несколько любовных увлечений, которые всеми правдами и неправдами навязывала ему герцогиня д’Абрантес. Жозефине тридцать три года, и, если верить современникам, ее красота уже слегка поблекла. «Она давным-давно пережила пору расцвета», — пишет Люсьен. Это была женщина с «желтыми, гнилыми, дурно пахнущими зубами», — по мнению одного, с «малопривлекательной грудью и слишком крупными ступнями ног», — по мнению другого. Жозефина не смогла бы нравиться, если бы не умела быть соблазнительной. Ей удалось пленить Барраса, сделавшего ее одной из своих любовниц. Этим, похоже, она и загипнотизировала Бонапарта, который надеялся с ее помощью добиться от ставшего после Вандемьера всемогущим Барраса солидной должности. Но неожиданно к расчету примешивается удовольствие. К тому же Жозефине отнюдь не требовалось проявлять все свои таланты, которыми наделил ее вышедший в те годы памфлет «Золоэ», чтобы воспламенить такого малоискушенного в сердечных делах человека, как Бонапарт.

«Я просыпаюсь с мыслью о тебе, — пишет он ей. — Твой пленительный образ и воспоминания о вчерашнем вечере не покидают меня. Милая, несравненная Жозефина, что вы со мной делаете? Вы сердитесь? Вы грустны? Взволнованны? Моя душа истомилась от горя, ваш друг не ведает покоя. Но еще мучительнее, когда, вверяясь охватившему меня чувству, я пью с ваших губ, из вашего сердца обжигающий меня пламень. Ах! Лишь этой ночью я окончательно понял, что вы и ваш облик — не одно и то же. Ты выезжаешь в полдень. Через три часа я увижу тебя. Но прежде, mio dolce amor, прими от меня миллион поцелуев, но не отвечай на них, ибо они воспламеняют мою кровь».

Да, Бонапарт — не Шодерло де Лакло. Удручающая пошлость этого и последующих писем — свидетельство неподдельной страсти. Не стал ли брак между Наполеоном Бонапартом и Жозефиной Богарне, заключенный 9 марта 1796 года, убедительным тому доказательством? Несомненно, что благодаря этому браку генерал рассчитывал установить более тесные связи с правившей тогда во Франции группировкой, одной из тайных гурий которой стала Жозефина. Однако вряд ли Баррас навязал ему эту брачную церемонию в обмен на должность командующего Итальянской армией. Чувство впервые сыграло в жизни этого прагматика заслуживающую внимания роль. Следует признать также, что союз этот немного удивил кое-кого из скептически настроенных современников.

Итальянская армия

Война продолжалась. Да, Испания, Голландия и Пруссия вышли из коалиции, призванной задушить французскую революцию. Однако главный соперник, Англия, по-прежнему оставался за пределами досягаемости. Следовало поэтому нанести удар по ее континентальной союзнице — Австрии. А что если наиболее уязвимое звено антифранцузского альянса — Италия? Бонапарт уже излагал этот план при Робеспьере. Теперь он вновь предложил его Директории, перед которой ему по долгу службы ежедневно приходилось отчитываться, докладывая об обстановке в столице. Карно по-прежнему враждебно относился к идее наступления на Пьемонт, не говоря уже об искушенном скептике, главнокомандующем Итальянской армией Шерере, который писал Массена: «Мне нужен доклад д'Обернона (комиссара-распорядителя), чтобы заткнуть рот здешним парижским болтунам, утверждающим, будто мы могли добиться гораздо большего. Вы догадывае-

Дом в Аяччо,
где родился Наполеон

Карло Бонапарте
(1746—1785),
отец Наполеона

Летиция Рамолини (1750—1836), мать Наполеона

Жозеф Бонапарт (1768—1844), король Испании, старший брат Наполеона

Люсьен Бонапарт (1776—1840), брат Наполеона

Жером Бонапарт (1784—1860), брат Наполеона

Элиза Бонапарт
(1777—1820),
великая герцогиня
Тосканская,
сестра Наполеона

Полина Бонапарт
(1780—1825),
княгиня Боргезе,
сестра Наполеона

Людовик Бонапарт
(1778—1846),
брат Наполеона

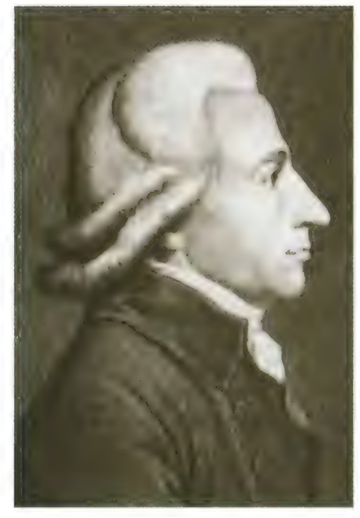

Мари Жозеф
Лафайет
(1757—1834)

Лазар
Николя
Карно
(1753—1823)

Максимилиан
Робеспьер
(1758—1794)

Эммануэль Жозеф Сиейес (1748—1836)

Поль Баррас (1755—1829)

Луи Мари Ларевельер-Лепо (1753—1824)

Особняк Шантерен на улице Виктуар, первая резиденция Бонапарта, где он жил с Жозефиной до переезда в Тюильри

13 вандемьера в Париже.
(5 октября 1795 года несколькими залпами картечи генерал Бонапарт пресек попытку роялистов овладеть Конвентом.) *Гравюра Дюплесси-Берто*

Жозефина Богарне (1763—1814), жена Наполеона, императрица до 1809 года

Наполеон на Аркольском мосту. *Картина Гро*

Андре Массена (1758—1817), маршал Франции, герцог Риволи и князь Эслингский

Генерал Франсуа Северин Марсо (1769—1796)

Генерал Луи Лазар Гош (1768—1797)

Генерал Гийом Брюн
(1763—1815)

Битва при Риволи
14 января 1797 года.
Картина Филиппото
(фрагмент)

Жан Виктор
Моро
(1763—1813)

Пьер Франсуа
Шарль Ожеро
(1757—1816),
маршал
Франции,
герцог
Катильоне

Франсуа Этьен
Келлерман
(1735—1820),
маршал
Франции,
герцог Вальми

Жан Батист Бернадот (1763—1844), маршал Франции, получивший в 1818 году корону Швеции и Норвегии (Карл XIV Юхан)

Мишель Ней (1769—1815), маршал Франции, герцог Эльхингенский, князь Московский

Генерал Жан Батист Клебер (1753—1800)

Луи Александр Бертье (1753—1815), маршал Франции, князь Невшательский и Ваграмский

Сражение при Абукире. *Картина Лежена*

Бонапарт и зачумленные Яффы. (11 марта 1799 года Бонапарт посетил мечеть Яффы, превращенную в госпиталь, и обратился со словами ободрения к больным.) *Картина Гро (фрагмент)*

тесь, что я имею в виду Бонапарта, донимающего Директорию и министра своими нелепыми проектами и строящего из себя человека, к мнению которого прислушиваются».

Массена считал Бонапарта интриганом, Ожеро — глупцом. Шерер, уставший от обвинений в адрес Итальянской армии, 4 февраля подал в отставку. Похоже, что, получив его письмо, директора вызвали Бонапарта, который в очередной раз изложил им свой план. Как пишет в своих «Мемуарах» Ларевельер-Лепо, его идеи в целом были одобрены, и по предложению Карно Бонапарт сменил Шерера. Баррас утвердил это назначение.

Разработанный Карно план предусматривал наступление на Вену силами трех армий под командованием Журдана, Моро и Бонапарта. Первая восьмидесятитысячная армия должна была двигаться по Майнской долине. Вторая, тоже восьмидесятитысячная, — по Дунайской — традиционные маршруты, опробованные еще в XVII веке. Наконец, третья — по долинам По и Австрийских Альп. На первом этапе кампании Итальянской армии отводилась роль статиста, однако Бонапарт настоял на том, чтобы она также участвовала в военных операциях.

26 марта он в Ницце и уже на следующий день выслушивает доклады Массена, Серюрье, Лагарпа и Ожеро. К этому их обязывают его звание и должность, хотя легенда и приукрасила их первую встречу. 28-го Бонапарт докладывает Директории, что встретил в войсках весьма радушный прием, констатируя при этом бедственное положение, в котором находится вверенная ему армия. Впрочем, не будем преувеличивать. Комиссар Директории Саличетти, которого мы вновь находим в окружении Бонапарта, уже вовсю трудится над мобилизацией необходимых ресурсов. Существует и другая легенда — знаменитое воззвание: «Солдаты, вы раздеты и голодны». Она родилась на Святой Елене и, весьма вероятно, являет собою сжатое изложение куда более пространных речей, произносившихся перед полубригадами, выстроенными для спешного смотра накануне наступления.

Не станем вдаваться в детали кампании, вызывающей восхищение всех военных историков.

Австрийская и сардинская армии численностью до семидесяти тысяч человек обороняли внутренние склоны Альп и Апеннин по фронту от Кунео до Генуи, контролируя подступы к Пьемонту. У Бонапарта было тридцать шесть тысяч человек. Его план состоял в том, чтобы расчленить союзнические армии. Совершив бросок через Кадибонское ущелье и Бормиданскую долину, он вклинился между ними и разгромил на своем правом фланге австрийцев (12 апреля при Монтенотте и

14 апреля при Дего), а 13 апреля, на левом фланге, — сардинцев (при Миллезимо). Отрезанные от своих австрийских союзников войска короля Сардинии потерпели 21 апреля еще одно поражение при Мондови и через шесть дней подписали в Бераско акт о капитуляции. Дорога на Пьемонт была открыта.

Расправившись с сардинцами, Бонапарт повернул против австрийцев, поджидавших его у Павии, на левом берегу По. После переправы через реку у Пьяченцы он как из-под земли возник перед ними с юга. Не желая быть сброшенными в воду, австрийцы без боя отошли к реке Адда, где 10 мая в кровопролитном сражении Бонапарт разгромил их на мосту Лоди. Так, без особых усилий, Ломбардия была очищена от австрийцев. Жители Милана приветствовали Бонапарта как освободителя. После того как генерал поставил во главе созданного им муниципалитета умеренных республиканцев — буржуа и либеральных дворян, — Милан стал центром притяжения всех патриотических сил полуострова. Охваченные страхом герцоги Пармский и Моденский поспешили склонить Бонапарта к заключению мира, на который он согласился в обмен на тяжкие контрибуции. Лишь малая часть из них дошла до Парижа. 13 мая Бонапарт получил от Карно директиву, предписывающую ему временно отказаться от захвата Тироля. Это распоряжение он выполнил тем более охотно, что Моро и Журдан производили впечатление потерявших инициативу генералов. В директиве сообщалось также, что организация обороны Пьемонта поручается Келлерману, чему Бонапарт решительно воспротивился, объясняя свою позицию необходимостью единоначалия на итальянском фронте. Решительный тон победителя на мосту Лоди, которым он ответил на приказ об ограничении своей деятельности, удивил Директорию, и она уступила. Быстрота, с какой были достигнуты военные успехи, поразила самого Бонапарта. Она упрочила его представление о собственной исключительности и подхлестнула самолюбие. «После Лоди, — скажет позднее Наполеон, — я стал относиться к себе уже не как к рядовому генералу, а как к человеку, призванному повлиять на судьбу народа. Мне показалось, что я смогу сыграть не последнюю роль на нашей политической сцене».

Тем не менее до поры до времени он готов проявлять осмотрительность. Он следует рекомендации Директории, которая, идя на поводу у Ларевельера-Лепо, призывает его «поколебать тиару на голове у так называемого отца вселенской церкви». Французская армия оккупировала Болонью, Феррару и Лонго — папа согласился на переговоры, в ходе которых Бонапарт двурушничает, с одной стороны, обвиняя в письмах к Директории «попов», а с другой — выказывая в переписке с кардиналом

Маттеи бесконечное почтение к святому отцу, то есть демонстрирует скорее дальновидность (он отдает себе отчет в глубокой религиозности итальянцев), нежели собственные убеждения.

Тем временем обстановка на германском фронте резко ухудшилась. 24 августа эрцгерцог Карл нанес поражение Журдану. У Альтенкирхена при отступлении французских войск был смертельно ранен Марсо. В этой неопределенной ситуации Моро предпринял, по его словам, «стратегический отход». После того как австрийцы, ликвидировав угрозу на западе, повернули на юг, положение Бонапарта осложнилось.

Сражение развернулось в Мантуе, крепости, господствовавшей над долинами рек Минчо и Адидже, по которым австрийские войска двигались к Италии. Война длилась шесть месяцев, с 1 августа 1796-го по 2 февраля 1797 года. Семидесятитысячная армия под командованием Вурмзера пыталась освободить осаждаемый Бонапартом город. Армия была разгромлена в сражениях при Лонато и Кастильоне соответственно 3 и 5 августа 1796 года. За пять дней Вурмзер потерял двадцать тысяч пленными и пятьдесят орудий.

Месяц спустя силами Второй армии, насчитывавшей пятьдесят тысяч человек, Вурмзер предпринял новое наступление в долине реки Адидже. 4 сентября упреждающим ударом Бонапарт разгромил при Ровердо его авангард, а через четыре дня отбросил от Бассано и самого Вурмзера. Остатки его армии устремились к Мантуе, которую Бонапарт полностью блокировал после завершающего сражения с Вурмзером, происшедшего 15 сентября. Вся кампания заняла 12 дней.

В ноябре командование Третьей армией, численностью сопоставимой с разбитой армией Вурмзера, было поручено генералу Альвинци. На сей раз почти не имевший резервов Бонапарт оказался в затруднительном положении и вынужден был эвакуировать Верону. Однако на самом деле это была всего лишь военная хитрость. Смелым обходным маневром он атаковал неприятеля с тыла в болотах Арколе. В результате трехдневного сражения Альвинци вынужден был отступить.

В январе 1797 года он предпринял последнюю попытку. Командуя семидесятипятитысячной армией, он опрометчиво разделил ее надвое в надежде окружить Бонапарта. Решающее сражение развернулось 14 января у Риволи в устье Адидже. У Бонапарта было то преимущество, что он хорошо знал местность и имел в своем подчинении таких талантливых командиров, как Жубер и Массена, не говоря уже о незаменимом начальнике штаба Бертье. Ударив с левого фланга, Массена обратил неприятеля в бегство. Атаки кавалерийских стрелков Лазаля выправили положение в центре и на правом фланге

французской армии, где Казданович имел численное преимущество. В итоге Бонапарт одержал победу. 2 февраля Мантуя капитулировала. Став полновластным хозяином Северной Италии (папа подписал с Францией Толентинский договор), заручившись нейтралитетом осмотрительного Неаполя, Наполеон 17 февраля двинулся на Вену. Отныне ведущая роль переходит к Итальянской армии, поскольку армии в Германии растрачивают свои силы на отвлекающие маневры. Вена выставила против Наполеона своего лучшего полководца — эрцгерцога Карла. Тщетно. Французские войска прорвали оборону в бассейне рек Пьяве и Тальяменто, а также в Тарвийском ущелье и вышли к Цеммеринскому ущелью, оказавшись в ста километрах от Вены, когда 7 апреля было заключено прервавшее наступательные операции пятидневное перемирие. Вовремя. «Итальянская армия оказалась один на один с могущественнейшей европейской державой», — жаловался Бонапарт. Наконец-то зашевелились Гош и Моро. 13 апреля австрийцы продлили перемирие, которое 18 апреля вылилось в предварительные мирные переговоры, начавшиеся в Леобене. Итак, вопреки планам Директории, именно Бонапарт нанес поражение Австрии. Его победы стали возможны благодаря взаимодействию двух тактических маневров, неизменно заставававших неприятеля врасплох: охвату, который позволил Бонапарту почти без боя, благодаря одной лишь выносливости солдатских ног овладеть Миланом, и переброске войск, обеспечивавшей (под прикрытием наступающего авангарда, создающего у противника иллюзию, что он имеет дело с основными силами) нанесение решающего удара по наиболее уязвимому участку обороны. Вся эта стратегия основывалась на выносливости войск. Возьмем для примера дивизию Массена: 13 января она участвовала в боевых действиях в Вероне, затем, пройдя ночью по заснеженным дорогам тридцать два километра, 14-го утром вышла на плато Риволи, где сражалась в течение всего следующего дня, после чего, преодолев за тридцать часов более семидесяти километров, 16-го в точно назначенный срок подошла к Мантуе и обеспечила французам победу, овладев замком Фаворите. За четыре дня дивизия преодолела более ста километров и приняла участие в трех сражениях.

Политические итоги победы

В чем главная причина этих поразительных успехов? В преданности командиру. Ибо Бонапарт сразу же сумел завоевать авторитет у солдат, не только заинтересовав их материально

(выплачивая, например, половину жалованья наличными), но и создав в Итальянской армии особый психологический климат. Это стало очевидно в 1797 году, когда из Германии подошло подкрепление: прибывшие далеко не сразу освоились в новой обстановке.

Этот климат Бонапарт создавал с помощью прессы. Идея сама по себе не нова, однако никогда прежде она не претворялась в жизнь с такой методической последовательностью. 1 термидора V года стала издаваться газета «Курьер Итальянской армии, или Французский патриот в Милане» под редакцией Жюльена, в прошлом якобинца и бабувиста, примкнувшего затем к Бонапарту. Выпавший на долю газеты успех вызвал к жизни еще один листок — «Франция глазами Итальянской армии», издававшийся Реньо де Сен-Жаном-д'Анжели, бывшим членом Учредительного собрания, представлявшим, в отличие от Жюльена, умеренное крыло Революции. Распространяясь бесплатно, «Курьер Итальянской армии» информировал о поступающих из Франции новостях, ориентируя солдат в нужном Наполеону политическом направлении. В задачу газеты входило также воспитание армии в духе преданности своему командиру, охарактеризованному в номере от 23 октября в таких выражениях: «Он стремителен, как молния, и настигает, как раскат грома. Он всеведущ и вездесущ». Со своей стороны, «Франция глазами Итальянской армии» превозносила скромность этого полубога: «Заглянув в его душу, мы увидим обыкновенного человека, охотно расстающегося в семейном кругу с атрибутами своего величия. Его мозг, как правило, отягощен какой-нибудь великой мыслью, часто лишающей его сна и аппетита. С доверительным достоинством он может обратиться к тому, кто пользуется его расположением: "Передо мной трепетали цари, в моих сундуках могли бы храниться пятьдесят миллионов, я мог бы притязать на все, что угодно, но я — гражданин Франции, я — первый генерал Великой Нации, и я знаю, что грядущие поколения воздадут мне по заслугам"».

Издаваемые в Милане газеты были ориентированы не только на солдат Итальянской армии, но и на французскую общественность, уже обработанную пропагандой, которая расхваливала отчеты, направляемые Бонапартом Директории, перечисляла захваченные знамена и военные трофеи. «Курьер» расходился во Франции большими тиражами. Весьма вероятно, что газета распространялась не только по подписке, но и бесплатно. Благодаря контрибуциям у Бонапарта завелись деньги. «Похоже, — пишет Токвиль, — что он поразил мир прежде, чем мир узнал его имя, ибо во время

Итальянской кампании оно писалось и произносилось по-разному».

Впрочем, за исключением Гоша, никто из генералов не оценил значения умелой пропаганды, преувеличивавшей успехи, а порой и искажавшей — как в случае с битвой на Аркольском мосту — информацию об Итальянской армии. Не умаляя заслуг Бонапарта, отметим манеру, в какой они преподносились современникам. Легенда о Наполеоне родилась не на Святой Елене, а на полях сражений в Италии.

После битвы при Лоди помыслы Бонапарта устремляются к Парижу. Он знает, что Директория не пользуется авторитетом, понимает, что взять власть можно, лишь щадя интересы тех, кто так или иначе нажился на Революции.

Директория, в свою очередь, начинает проявлять беспокойство. Бонапарт явно набирал политический вес, что не входило в ее замыслы. У него были армия, солидные трофеи, несколько газет, в том числе в Париже, где с февраля 1797 года под многозначительным названием начинает выходить «Газета Бонапарта и добропорядочных людей». Неподкупность генерала противопоставлялась в ней продажности высших должностных лиц. На переговорах с Австрией по вопросу об условиях мирного договора Бонапарт не считается с получаемыми через Кларка инструкциями директоров. Он требует аннексии Ломбардии, несмотря на то, что член Директории Ребель призывает все отдать Рейнским провинциям. Воспользовавшись как предлогом восстанием против французского присутствия, вспыхнувшим 17 апреля в Вероне, он объявляет 2 мая войну Венеции. 15 мая он без боя входит в город. Эта оккупация стала началом расчленения Республики, позволившего удовлетворить притязания Австрии, которая требовала компенсации в обмен на потерю Ломбардии и Бельгии. Не мешкая Бонапарт превращает 29 июня Ломбардию в Цизальпинскую республику, государственное устройство которой полностью копирует французское. Республике не хватает выходов к морю: ультиматум, предъявленный Бонапартом Генуе, подчинил этот порт Франции.

Париж раздражала самостоятельность, которую проявлял Бонапарт в принятии политических решений. Последовали нападки со стороны правой монархической оппозиции, увеличившей, как показали выборы, численность своих избирателей. Она не могла простить ему 13 вандемьера и поддержки, которую он оказал итальянским якобинцам. Мале дю Пан превратил «уродливого недомерка с растрепанными волосами» в объект непрекращающихся нападок. Дюмолар с трибуны Совета пятисот обвинил главнокомандующего Ита-

льянской армией в оккупации Венеции и Генуи без предварительной консультации с Директорией и собраниями. Солдаты этой армии, раненные или демобилизованные, возвратившиеся во Францию, подвергались оскорблениям и унижениям; их заставляли выкрикивать: «Да здравствует король!»

Со своей стороны, Бонапарт неплохо подготовился к обороне. Он арестовал одного из главарей роялистов, графа д'Антрега, завладев его документами. В портфеле графа находилось донесение некоего авантюриста по имени Монгайяр. Оно представляло собою отчет о переговорах с военными руководителями Республики, имевшими целью склонить их на сторону Людовика XVIII. В переговорах принимал участие и Пишегрю, председатель Совета пятисот.

Тем временем в Директории произошел раскол. Карно и Бартелеми примкнули к правому большинству. Им противостояли Ребель, Ларевельер-Лепо и Баррас. Баррас задумал военный переворот в расчете на Гоша, назначенного его заботами министром обороны, который, однако, из-за возрастного ценза не мог приступить к исполнению своих обязанностей: ему не исполнилось еще тридцати лет. Гош очень переживал, видя, как под огнем критики гибнет его репутация, и вскоре умер то ли от болезни, то ли от отчаяния, то ли от яда. Что касается Бонапарта, то последний оказывал Баррасу всемерную поддержку. Скорее всего это он передал ему документы, изобличающие предательство Пишегрю. Во всяком случае, он направил в Париж Ожеро с подстрекательским посланием Итальянской армии: «Если вы боитесь роялистов, обратитесь к Итальянской армии, она в два счета разделается с шуанами, роялистами и англичанами». В ночь с 17 на 18 фрюктидора (с 3 на 4 сентября) Баррас, Ребель и Ларевельер поручили Ожеро срочно арестовать роялистов. Пишегрю и Бартелеми были задержаны, Карно удалось скрыться. Стены Парижа украсились плакатами с копиями документов, изъятых Бонапартом у д'Антрега. В очередной раз Бонапарт сорвал планы роялистского заговора.

Но много ли он выиграл в результате этого государственного переворота? Ребель, выступавший против переговоров с Австрией, остался на своем посту. Опьяненный успехом Ожеро критиковал своего командира. Баррас продолжал сохранять дистанцию.

«Прошу вас подыскать мне замену и дать возможность уйти в отставку, — писал Бонапарт Директории. — Нет такой силы, которая заставила бы меня продолжать службу после чудовищной неблагодарности правительства, явившейся для

меня полной неожиданностью. Мое основательно подорванное здоровье настоятельно требует отдыха и покоя. Душа также нуждается в укреплении в среде соотечественников. Слишком долго я пользовался огромной властью. Я всегда употреблял ее во благо родины, в укор безнравственным людям, готовым усомниться в моей добродетели. Моя незапятнанная совесть и благодарность потомков послужат мне утешением».

В действительности же после фрюктидора термидорианцы не могут обойтись без Бонапарта. Журдан дискредитирован. Моро ненадежен. Ожеро болтлив. Бернадот афиширует свои ультрареспубликанские взгляды. Все это прекрасно известно главнокомандующему Итальянской армией. Поэтому он может по своему разумению вести переговоры с представителем Австрии Кобенцлем. Без согласования с директорами он формулирует пункты мирного договора, подписанного в Кампоформио 18 октября 1797 года. Австрия передает Франции Бельгию и признает Цизальпинскую республику. Взамен она получает Венецианскую республику за вычетом Ионических островов. Что касается левого берега Рейна, то решение этого вопроса выносится на обсуждение сейма, заседание которого состоится в Раштатте. Бонапарт замечает: «Эти парижские адвокаты, ставшие директорами, ничего не смыслят в политике. Слабые умы... Мы вряд ли сработаемся. Они мне завидуют... Я более не намерен подчиняться. Я познал вкус власти и не смогу от нее отказаться». Да, битва при Лоди стала поворотным событием в его жизни.

26 октября доставленный Бертье и Монжем текст Кампоформийского договора лег на стол «парижских адвокатов». По свидетельству Ларевельера-Лепо, директора долго не могли смириться с тем, что Венеция отошла к Габсбургам. Однако приходилось считаться с общественным мнением: сказывалась усталость от войны. К тому же существовала опасность непредвиденной реакции армии Бонапарта. Словом, к этому времени Директория окончательно утратила популярность. Поэтому Баррас одобрил договор. Но как быть с Бонапартом? Чтобы избавиться от него, его назначают главнокомандующим Английской армией, поручая подготовку экспедиции против Великобритании. А до поры до времени, чтобы держать его подальше от столицы, его направляют в Раштатт для завершения начатых в Кампоформио переговоров. Для термидорианцев Бонапарт становится слишком громоздкой фигурой. Зато в глазах современников он — победитель австрийцев и миротворец на континенте. После объявления мира «все головные уборы взмыли в воз-

дух, — писал корреспондент «Редактора», — воодушевление не ведало границ, и имя удачливого полководца передавалось из уст в уста».

Глава V

ВОСТОЧНАЯ ГРЕЗА ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАНЕВР? ЭКСПЕДИЦИЯ В ЕГИПЕТ

«Двадцать выигранных сражений так к лицу молодости, так сродни горящему взору, бледности и известной разочарованности». Директория трепетала перед Бонапартом, чье могущество возросло вдруг до угрожающих размеров. Главнокомандующий Английской армией, который мог рассчитывать на слепую преданность армии Итальянской, завоевавший в Раштатте симпатии части войск, дислоцированных в Германии, Бонапарт располагал силами, достаточными для того, чтобы разогнать исполнительную власть. Тем более что имелся хороший предлог: стоило дать ход документам, найденным в портфеле графа д'Антрега, и интриги некоторых членов Директории были бы разоблачены.

Однако Бонапарт, обладавший верным политическим чутьем, решил, что час нового военного переворота еще не пробил. Только что «фрюктидоризовали» роялистов, якобинцы не пошли бы за ним, а общественность не поддержала бы власть военных: слишком велико было предубеждение против политиканствующих генералов. Авторитет Бонапарта зиждился не только на его победах, но и на его лояльности по отношению к Республике. В глазах общественности он являл собою образ бескомпромиссного героя, единственного генерала — победителя минувшей кампании. Лубочные картинки, народное песенное и поэтическое творчество сделали его своим кумиром, подхватив стартовавшую в Италии пропагандистскую эстафету. На театральной сцене шел спектакль «Мост через Лоди», и на каждом представлении имя победителя встречалось овациями. Даже улица Шантрен, где находилась его резиденция, была переименована в улицу Победы. И при этом, в отличие от Гоша, он ухитрился не пасть жертвой собственной мнительности и куда как переменчивого общественного мнения. По возвращении в Париж Бонапарт счел за благо напустить на себя вид скромного и слегка скучающего гостя на устраивавшихся в его честь праздничных банкетах. Лишь однажды он позволил себе выйти из роли, заняв 25 декабря 1797 года оставшееся вакантным после Карно кресло в Ин-

ституте[1] по классу естественных наук. Дальновидный маневр, обеспечивший ему поддержку идеологов, «неподкупной совести» нисходящей Революции. Кроме того, членство в престижном учреждении еще более упрочило его славу. Открытое заседание 4 января 1798 года, состоявшееся по случаю его избрания, получило широкий резонанс.

«Бонапарт, — писала газета «Монитор», — прибыл на заседание безо всякой помпы, скромно занял свое место, сдержанно внимал похвалам, расточаемым ему докладчиками и зрителями, и удалился. Ах, до чего же хорошо знает он человеческое сердце, и в особенности психологию народных правительств! Скромностью и непритязательностью вынужден порядочный человек добиваться у них расположения, которое невежды и пошляки неохотно оказывают ему повсюду, и реже, чем где бы то ни было, — в Республиках».

Почему именно Египет?

Вы горы перешли, теперь и океаны
Переплывете, гордые тираны
Склонят главу пред теми, кто в бою
Отстаивает Родину свою.
...Какие скалы им убежищем послужат,
Когда Нептун свой гнев вдруг обнаружит?
И нация, привыкшая к победам,
Расправится с заносчивым соседом? —
И вновь, как при Арколе и Лоди,
Пойдет в атаку армия Героев,
И Генерал великий — впереди.

В действительности же 8—20 февраля 1798 года, в ходе инспекционной поездки, Бонапарт убедился в огромных трудностях, связанных с высадкой в Англию. Он рисковал лишиться своего авторитета в экспедиции, в которой Гош однажды уже потерпел неудачу. В отчете, направленном 23 февраля Директории, он, в частности, писал: «Какие бы усилия мы ни прилагали, пусть даже на протяжении нескольких лет, нам не достичь военного превосходства на море. Попытаться высадить десант в Англии, не обеспечив предварительно контроля над проливом, — самая рискованная и сложная из операций, которые когда-либо осуществлялись. Для ее проведения потребуются долгие ночи, начиная уже с этой зимы. После апреля лучше вообще ничего не предпринимать».

Он предложил два варианта — напасть на Ганновер или за-

[1] Французской академии (с 1795 года).

хватить Египет. 14 февраля с этим проектом перед Директорией выступил министр иностранных дел Талейран. Первый вариант казался вполне приемлемым: он в полной мере отвечал как полководческому честолюбию Бонапарта, так и интересам директоров, озабоченных тем, чтобы поскорее избавиться от опасного генерала. Война с Египтом казалась форменным безумием: Франция должна была лишиться армии и опытного генерала (в условиях, когда на континенте в любой момент могла разразиться новая война), избежать встречи с английским флотом в Средиземном море и вторгнуться в неведомую страну (что бы там ни говорил французский консул в Каире Магаллон, уверяя, что ее оккупация не составит труда). И все же Восток завораживал Бонапарта. Кроме того, его устраивало, что политическая ситуация во Франции могла спокойно дозревать в его отсутствие. Общественность, узнав о проекте, воодушевилась перспективой похода в таинственную страну, воспетую в «Руинах» Вольнея. Наконец, Директория не без удовольствия отнеслась бы к отступлению нависшей над ней угрозы.

Оккупация Египта позволяла решить сразу три стратегические задачи: захватить Суэцкий перешеек, блокировав тем самым один из путей, связывавший Индию с Англией, заполучить новую колонию, которая, по словам Талейрана, «одна могла бы компенсировать все владения, утраченные до сих пор Францией», завладеть важным плацдармом, открывающим доступ к основному источнику процветания Англии — Индии, где Типпо-Сахиб вел освободительную войну с британскими колонизаторами.

Военно-исторические цели похода на Восток совпадали с научными интересами Франции. Поход вписывался в долгую череду этнографических путешествий XVIII века. Предполагалось, что к армии присоединится научно-исследовательская экспедиция, с тем чтобы впоследствии на основании собранных материалов создать Институт Египта. В путешествии приняли участие отобранные Монжем, Бертолле и Арно 21 математик, 3 астронома, 17 инженеров-строителей, 13 натуралистов и горных инженеров, столько же географов, 3 химика, специалисты по пороху и селитре, 4 архитектора, 8 рисовальщиков, 10 механиков, 1 скульптор, 15 переводчиков, 10 литераторов, 22 наборщика, в распоряжении которых имелись латинские, греческие и арабские шрифты. Список прославленных имен выдающихся деятелей впечатляет: Монж, Бертолле, Костаз, геометр Фурье, минералог Доломье, астроном Мешэн, натуралист Жофруа Сент-Илер, врач Деженетт, прославившийся своими карандашами химик Конте, археолог Жомар, ориенталист

Жобер, гравер Виван Денон... А также художник-флорист Редуте, пианист Рижель и поэт Парсеваль-Гранмезон, муза которого останется, правда, безучастной к этой эпопее.

Придав военной кампании научно-исследовательский характер, Бонапарт подтвердил свою принадлежность к касте идеологов. В конечном счете завоевание Египта являлось для него прежде всего внутриполитической акцией. Бонапарт был, несмотря на приписываемые ему высказывания, слишком трезвым реалистом, чтобы мечтать о создании восточной империи наподобие той, которой увековечил себя Александр Македонский. Слишком уж много препятствий ждало его на этом пути, начиная с религии и языка. Разумеется, он рассчитывал со временем поделить с русским царем оттоманские владения, мечтал о новом Египте, возрожденном благодаря протекторату французской администрации, а то и о мировой Империи. Однако в 1798 году он думает прежде всего о том, как, уехав в такую даль, не растерять свой авторитет. Но вот он пересек Средиземное море, и Египет начинает рисоваться ему легкой добычей. Бонапарт надеется, что, пока в Париже будет углубляться правительственный кризис, военные успехи приумножат его славу. И не скрывает этого. Нацелившись на Францию, он замахивается на Европу. Когда это произойдет? И как? Этого он пока не знает, однако явно не намерен заживо хоронить себя в Египте.

Победа

19 мая двести кораблей под командованием адмирала Брюйе с тридцатипятитысячной армией отплыли из Тулона. Все было сделано за один месяц: укомплектованы личный состав и военное снаряжение, оснащены суда. Бонапарту не терпелось покинуть (на время, разумеется) Париж. Поспешность, приведшая к неизбежным просчетам в подготовке экспедиции. Хотя военные приготовления не ускользнули от внимания Британского адмиралтейства, Нельсон дважды прозевал французский флот, решив, по-видимому, что речь идет об экспедиции в Турцию. По пути Бонапарт без боя захватил Мальту. 1 июля французские войска, не встретив никакого сопротивления, высадились в Александрии. Город быстро перешел в руки французов. Однако невыносимая жара (Бонапарт явно неудачно выбрал время года и, похоже, планируя свои кампании, никогда не принимал в расчет метеорологические условия!), пустыня и царящая повсюду нищета ощутимо поубавили первоначальный энтузиазм. По свидетельству канонира

Брикара, «солдаты гибли в песках из-за нехватки воды и продовольствия. Адская жара заставляла их бросать трофеи, и немало было таких, кто не вынес испытания и пустил себе пулю в лоб». Многие, несмотря на пропаганду, задавались вопросом: что привело на эту негостеприимную землю? Франсуа Бернуайе, директор пошивочной мастерской, писал своей жене из похода: «Мне стало известно, что, посылая армию без всякого объявления войны и без какого бы то ни было повода к ее объявлению, наше правительство рассчитывало водвориться во владениях султана Константинополя. Для этого, как мне говорили, достаточно толики сообразительности. Бонапарт, благодаря своей гениальности и победам, одержанным им во главе ставшей непобедимой армии, обрел во Франции слишком большой вес. Он стал помехой, чтобы не сказать — препятствием для властей предержащих. Других причин я не вижу».

Таковы были настроения в Египетской армии.

Будучи провинцией Оттоманской империи, Египет фактически находился под властью военно-феодальной диктатуры мамлюков, предки которых были рабами, вывезенными из различных районов Кавказа. Эта воинственная каста правила народом, состоявшим из мелких ремесленников, лавочников и феллахов, которые терпели владычество эмиров с тем большим неудовольствием, что в конце XVIII века Египет вступил в полосу явного экономического упадка. Молниеносный крах командной верхушки подтвердил верность прогнозов консула Магаллона. Хватило одного-единственного сражения, развернувшегося 21 июля в Гизе, близ Каира, неподалеку от Больших Пирамид. Атаки кавалерии мамлюков разбились о каре французской пехоты. Пропаганда тут же подхватила весть об этой победе и раздула ее до невероятных размеров, облегчив взятие Каира.

Однако 1 августа французский флот, которому до сих пор удавалось уклоняться от встречи с английской эскадрой, был застигнут Нельсоном на рейде в Абукире и полностью уничтожен. Бонапарт оказался заложником собственной победы.

В сентябре, после вступления в войну Турции и угрозы столкновения с армией Оттоманской империи, ситуация еще более осложнилась. Давали о себе знать и вызываемые жарким климатом инфекционные болезни. Враждебность местных жителей вылилась во вспыхнувшее 21 октября в Каире восстание, стоившее жизни генералу Дюпюи и любимому адъютанту Бонапарта — Сюлковскому. Это кровавое восстание очертило границы лояльности мусульманских властей.

А между тем немало было сделано, чтобы завоевать симпа-

тии местного населения: французы уважительно относились к мусульманскому вероисповеданию, упраздняли отжившие феодальные институты, восстанавливали оросительную систему, способствовали оживлению экономики. Под руководством главного инженера Лепера начались подготовительные работы по выравниванию уровней грунта на Суэцком перешейке для соединения Средиземного и Красного морей. Наподобие Института Франции был создан Институт Египта, в задачи которого входило «содействие прогрессу и просвещению в Египте». Начали издаваться две газеты на французском языке: «Курьер Египта» и «Египетская декада». Появилась возможность говорить о начале подъема страны, освободившейся от экономических, социальных и даже религиозных ограничений, навязанных ей тиранией мамлюков. Не было забыто и историческое прошлое: археологические раскопки в Фивах, Луксоре и Карнаке, обнаружение Розеттского камня, многочисленные наброски, выполненные Виван Деноном и рисовальщиками его группы, составили тот богатый материал, который лег в основу начавших с 1809 года издаваться внушительных томов «Описаний Египта».

А война тем временем продолжалась. Как и предполагалось, турки продвигались к Египту. В феврале 1799 года, после тщательной подготовки, Бонапарт выступил им навстречу, вторгшись в Сирию. Без особых усилий были взяты Газа (где погибло две тысячи турок) и Яффа. Зато Сен-Жан-д'Акр, обороняемый пашой Джезаром и бывшим однокашником Бонапарта Фелипо, оказался для французов крепким орешком. Город снабжала продовольствием и боеприпасами британская эскадра под командованием адмирала Сиднея Смита, тогда как французам явно не хватало осадной артиллерии: орудия, которые должны были быть доставлены морем из Дамиетты, перехватили англичане. Бернуайе в своих письмах утверждает, что некоторые генералы, такие, например, как Даммартен, обеспокоенные приписываемыми Бонапарту намерениями (в том числе — короновать себя королем Персии), «сделали все, чтобы затруднить взятие Сен-Жан-д'Акра». Свирепствовали болезни. 16 апреля в Мон-Таборе, близ Назарета, пришлось дать бой подошедшей из Дамаска турецкой армии. Другая высадившаяся в Абукире армия была 25 июля разгромлена спешно возвратившимся в Египет Бонапартом. Незадолго до этого Ланюсс подавил восстание, поднятое эль Моди.

Восточная греза превращалась в кошмар. Тем более что из Парижа поступали плохие новости. Отсутствие точной информации о ходе Египетской кампании порождало самые не-

вероятные слухи. Недруги Бонапарта преувеличивали последствия катастрофы у Абукира и восстания в Каире. Сам главнокомандующий Египетской армией ввиду отсутствия надежной связи с Францией не мог своевременно принимать эффективных мер в свою защиту. А тут еще подключились англичане, изобличая жестокость Бонапарта, отдавшего распоряжение о ликвидации больных чумой французских солдат и безоружных турок. Бонапартистская пропаганда вяло и неубедительно пыталась внушить мысль об изгнании из Франции «коррумпированными чиновниками генерала и командной элиты Итальянской армии». С возобновлением войны на Европейском континенте другие поля сражений стали привлекать к себе внимание общественности. Поговаривали о перевороте, задуманном Сиейесом с помощью блистательного генерала Жубера.

26 августа Клебер, возглавивший Египетскую армию, поведал войскам о состоявшемся 23-го числа отъезде главнокомандующего. Оставленная последним записка так объясняла этот неожиданный поступок: «Интересы отчизны, ее слава, верность долгу, а также чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня, минуя кордоны вражеской эскадры, вернуться в Европу». Бонапарт взял с собой Бертье, Ланна, Мюрата, а также Монжа и Бертоле. Дважды предстояло ему испытать судьбу: ускользнуть в Средиземном море от английского патруля и, несмотря на официальный вызов, полученный им 26 мая, както аргументировать свое возвращение. Дважды свершилось чудо: корабль не был перехвачен англичанами, а реляция о победе при Абукире, одержанной 24 июля, на несколько дней опередила возвращение Бонапарта. Она опровергла пессимистические прогнозы в отношении Египетской армии и воодушевила публику описанием очередной блистательной победы Наполеона. Все как-то забыли о безвыходном положении Египетской армии, а также о том, что ее отсутствие оборачивалось тяжелыми поражениями Франции в новой войне на континенте. Получилось так, что Бонапарт правильно сделал, противопоставив себя Директории. Несмотря на провал египетской экспедиции, он возвратился во Францию в ореоле экзотических побед, воспетых услужливой пропагандой. «Все города, через которые он проезжал по пути в столицу, сияли иллюминацией», — быть может, с преувеличенным восторгом писал современник. Газета «Наблюдатель» поместила 18 октября такую заметку: «Бонапарт прибыл в Париж. Он остановился в своем доме на улице Победы, где встретился с матерью, которой всего сорок семь лет и которой поэтому долго еще предстоит радоваться успехам сына». Сделав это сенти-

ментальное замечание, журналист прибавил: «Бонапарт оказался, пожалуй, единственным сохранившим здоровье офицером Египетской армии. На вид хрупкого телосложения, он наделен исключительной физической и моральной силой». Пропаганда в очередной раз лепила образ героя, уже созданный ею во время Итальянской кампании. Жубер был убит, Моро скомпрометирован, Бернадот чересчур осмотрителен. Путь оказался свободен. Похоже, что мессией в сапогах, призванным завершить Революцию, которую, осуждая последствия воинственной политики жирондистов, возвестил в 1792 году Робеспьер[1], суждено было стать именно Бонапарту.

---

[1] Автор имеет в виду восстание 10 августа 1792 года, покончившее с монархией.

Часть вторая

СПАСЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Революция завершилась», — не устает повторять Бонапарт. Это утверждение не вызывает возражений. По мнению большинства историков, Революция завершилась с падением Робеспьера, но вернее было бы отнести ее окончание на момент устранения «бешеных»[1]*. В 1794 году революционное движение достигло порога, через который оно уже не переступит. Разве не удовлетворило оно основные требования крестьянства и буржуазии? Первое навсегда освободилось от феодального гнета. То сплачиваясь, то угрожая, оно устраняет конкурентов при продаже с торгов церковных угодий. В некоторых северных и восточных районах более трети сельских жителей стали собственниками, удовлетворив страсть к земле, которую деревня обнаруживала на протяжении всего XVIII века. Со своей стороны, сломив сопротивление дворянства, порвав путы цеховых ограничений, буржуазия, во всяком случае, та ее часть, которой удалось выйти сухой из воды, обрела право смотреть в будущее с оптимизмом. Даже война, ставшая победоносной, способствовала экономическому росту, который не затронул, пожалуй, только портовые города.*

Ничего не выиграл лишь таран Революции — городской пролетариат, если не считать временного (после 1802 года) преодоления голода и безработицы. И это потому, что он быстро лишился своих лидеров, принеся гильотине куда большую, чем аристократия, дань отсеченных голов. Поражение Бабёфа выявило слишком абстрактные, слишком утопические цели, которые ставил перед собой пролетариат. Вопрос о собственности сделал невозможным наметившийся было альянс между буржуазией и рабочим людом. «Четвертое сословие» пребывало еще в поисках классового самосознания, обрести которое ему помогут вскоре подстегнутые Империей экономические преобразования. А пока что он весь выдохся. «Эта чрезвычайно активная в первые дни революции

[1] Ноябрь 1793 года.

часть населения, — писал в своих мемуарах Баррас, — пережила столь тяжкие разочарования, что надолго отошла от дел». Да, Революция завершилась. А ну как маятник сделает отмашку в противоположную сторону? Вандемьер и Фрюктидор не устранили, а лишь отодвинули роялистскую опасность. Термидорианцам не грех подумать о надежном защитнике. Почему бы не взять на эту роль Бонапарта? Да, Революция завершилась, однако революции, которые не идут до конца, обречены. С другой стороны, пора бы уже и передохнуть, подвести итоги, упрочить завоевания буржуазии и зажиточного крестьянства. И дело это как раз по плечу Бонапарту. Так — разумеется, не без трений — заключается молчаливый альянс между генералами, превратившимися в «брюмерианцев» термидорианцами. Новая конституция сама по себе не сформирует сильное правительство, способное усмирить внутреннюю и внешнюю оппозицию. Сиейес, осознавший преимущества военной диктатуры, готов скрепя сердце подать в отставку. За четыре года Бонапарт прошел путь от временного консула до императора. За семь лет он разделался с враждебными революционной Франции соседями за исключением варварской России, прозябающей под игом самодержца — потенциальной жертвы дворцовых заговоров, и Пруссии с ее репутацией милитаризованной державы, детища императора Фридриха. Австрийская империя, увязшая в муравейнике населяющих ее народов, на фоне которого венская государственность стиралась до неразличимости, вообще утратила чувство реальности. Равно как и монархии Северной Европы, доживающие век бурбонские династии Неаполя и Испании, швейцарские кантоны, а также Португалия, несмотря на все ее обширные колонии. Одна лишь Великобритания с ее флотом, деньгами и промышленностью может еще соперничать с Францией, не пуская ее в Антверпен. Но даже надежно защищенная морской преградой, она тяжело переживает блокаду, навязанную ей Наполеоном, который на сей раз воспользовался ее же собственным оружием. В 1807 году в Тильзите французская революция пожинала свои плоды. Достигнув внутренней консолидации, страна добивается всеевропейского признания. Гёте вправе воспеть Революцию, «идеальную во всем, что есть в ней разумного, законченного, европейского».

Глава I

ПАССИВ

По традиции, историю Консульства начинают с панорамы Франции времен Директории. В этот период она являет собою страну, опустошенную войной, кишащую на западе и на юге

бандами разбойников, взламывающих замки и грабящих на дороге, с остановившимся производством и парализованной торговлей, разрушенной финансовой системой, с солдатами, разбегающимися из армии, которой не платят жалованья и не снабжают продовольствием, с пациентами, умирающими в больницах от голода, деморализованную нацию, равнодушную к фронтовым сводкам и озабоченную лишь одним: вкусить радостей столичной жизни. Так выглядела Франция в 1799 году. Но вот пришел молодой генерал и стабилизировал положение на фронтах, провел чистку в партиях, оживил экономику, основал новые институты власти. Анархия уступила место порядку, поражения — победам. Не слишком ли примитивна эта картина, чтобы быть истинной? Неужели и в самом деле между Консульством и Директорией существует такое принципиальное различие?

Всеобщий опрос IX года

Всем известен источник, из которого французские историки, начиная с Тьера, черпают сведения о Директории. В самом деле, отчеты, направленные государственными советниками консульскому правительству по материалам анкет, распространенных последним в начале IX года, обрисовали на редкость тяжелое положение, сложившееся буквально через несколько месяцев после 18 брюмера. Не предназначавшиеся для публикации и подписанные такими авторитетными лицами, как Шампаньи, Тибодо, Фуркруа, Лакюэ и другие, эти доклады заслуживают известного доверия. Первое, что поразило прибывших на места государственных советников, — это чудовищное состояние дорог. В отчете о командировке в 16-ю армейскую дивизию Фуркруа отмечает, что «все дороги департамента Нор, за исключением той, что соединяет Лилль с Дюнкерком — наименее загруженной ломовиками, — находятся в плачевном состоянии. Проезжая часть изборождена рытвинами, многие мостовые лишены покрытия, в целом же дороги напоминают вспаханные поля». В Па-де-Кале из-за неровного настила часто ломаются легкие повозки. Не лучше обстоит дело и на юге, где, по свидетельству Франсе де Нанта, две трети дорог малопригодны для эксплуатации, а то и вовсе непроходимы.

Разгул бандитизма превращает путешествия по таким дорогам в опасные для жизни. Правда, уровень свирепствующей на западе преступности ощутимо снижается на юге. Вместе с тем Фуркруа сообщает, что еще несколько месяцев назад

нельзя было спокойно проехать через Ванту. «Путешествующие по этим местам должны заручаться пропусками, выдаваемыми главарями банд, и платить выкуп. Расставленные на дорогах щиты предупреждали, что если у пассажиров нет при себе хотя бы четырех луидоров, их ожидает расстрел, и эта угроза нередко приводилась в исполнение». О спокойствии, по свидетельству государственного советника Нажака, можно только мечтать в департаменте Рона, терроризируемом бандой Жегю. В Париже расплодились преступные организации, самовольно взимающие введенную Директорией ввозную пошлину. «Они контролируются, — пишет Лакюэ, — псевдонегоциантами, темными дельцами и подставными лицами, а порой и целыми организациями».

Приграничные районы Франции производят впечатление пострадавших от оккупации. В Валансьенне каждый третий дом в руинах. Леса в долинах Рейна поредели в результате варварских вырубок. В Провансе обезлюдели десятки деревень. Но куда более серьезный ущерб нанесен гражданской войной: убийства, грабежи и пожары превратили целые районы Вандеи в пустыню.

Однако главный упрек, который государственные советники адресуют прежней власти, относится к анархии административного управления. Один и тот же закон в каждом департаменте трактовался по-разному. Барбе-Марбуа, направленный с инспекцией в 13-ю дивизию, сообщает, что «к одинаковым вопросам существовал разный подход». Причину этого он видит в несогласованности министерских распоряжений. Но что в первую очередь интересует правительственных эмиссаров, так это состояние финансов. В регистрационных книгах откупщиков, большинство которых Фуркруа обвинил в злоупотреблениях, обнаружился полный беспорядок. Даже армия не гнушалась запускать руку в государственную казну. Барбе-Марбуа приводит в этой связи высказывание одного офицера: «Сокровища — достояние храбрецов. Так набьем же карманы, а с кредиторами пусть рассчитываются жерла наших пушек».

Директория столкнулась и с проблемой, порожденной принятием Гражданской конституции духовенства.

«Даже если одного только знания человеческого сердца было бы недостаточно для понимания того, что основная масса людей нуждается в вере, в отправлении культа и в священниках, общение в ходе инспекционной поездки с жителями деревень, в первую очередь тех, что находятся вдали от Парижа, утвердило бы меня в этой мысли», — писал Фуркруа.

Провал затеи с десятидневными и теофилантропическими

богослужениями, на который указывали все отчеты, является, по сути, поражением попытавшейся навязать их Директории.

Духовный кризис отражает кризис экономический. Нажак указывает на катастрофическое состояние лионской шелкоткацкой промышленности, насчитывая в ней на четыре тысячи триста тридцать пять рабочих мест меньше, чем в 1788 году. Ответы префекта департамента Сена Фрошо на анкету, распространенную Лакюэ, проникнуты пессимизмом: «За время Революции состояние парижских мануфактур резко ухудшилось. С одной стороны, неповиновение рабочих, война, застой в торговле, сокращение финансовых поступлений, банкротства и т. п. вынуждали предпринимателей идти на свертывание производства. С другой — ассигнаты, которые они получали вместо платежей, исчерпали все их сбережения, истощили запасы, заставили многих взять ссуду под грабительские проценты, ежедневно поглощавшие большую часть их прибыли».

Из-за неудовлетворительного состояния каналов в департаменте Нор окрестности Рошфора настолько заболотились, что жители порта вынуждены были покинуть свои дома. Значительный ущерб понесла служба общественных работ. Оценивая состояние торговли в Марселе, Франсе де Нант пишет: «За все последние месяцы IX года объем импорта и экспорта едва достигал двухнедельной нормы мирного времени». Нищета принимает порой масштабы, от которых страдает уже не только простой народ. Франсе де Нант сообщает о голодной смерти двух находившихся на государственной службе инженеров. О положении рантье не приходится и говорить.

Словом, по прочтении этих отчетов вырисовывается весьма безрадостный итог правления Директории. Но не был ли этот пассив искусственно преувеличен? Справедливо ли взваливать на Директорию ошибки, допущенные ее предшественниками?

Что можно сказать «за»?

Знакомясь с результатами опроса IX года, нельзя не учитывать негативного отношения к Революции многих государственных советников. Кроме того, «Положение Франции к концу VIII года» Александра д'Отрива и множество других подобных ей скороспелых брошюр свидетельствуют, что задолго до возникновения наполеоновской легенды сторонники Бонапарта были заинтересованы в очернении Директории ради оправдания военного переворота. Разумеется, эпоха, предшествовавшая Консульству, не лучшая страница французской

истории, но почему-то сами собой отошли в тень победы Массена над русскими в Цюрихе и Брюна над англо-русским десантом в Бергене (Голландия). А ведь эти победы, одержанные в сентябре 1799 года, отодвинули опасность внешней агрессии. Канула в Лету инициатива Рамеля, создавшего налоговую администрацию, которая лишила законодательный корпус права назначать и взимать налоги. Не получила должной оценки политика, проводимая в сфере народного образования министром, а затем директором департамента внутренних дел Франсуа де Нешато, увеличившего количество школ гражданских инженеров и планировавшего учредить студенческие стипендии. Не меньшего внимания заслуживает и его экономическая деятельность. «Народ поддержит лишь процветающий режим», — заявил он. Задолго до наполеоновской блокады Франсуа де Нешато попытался обеспечить гегемонию Франции на континенте. Он поощрял коммерческие договоры, способствующие развитию промышленности, прокладывал торговые пути через Альпы и устанавливал жесткие таможенные барьеры для направляемых в Европу английских товаров. 4 фримера VI года был учрежден коммерческий банк, число акционеров которого увеличилось к концу 1798 года с 12 до 100 человек.

Дабы успешно завершить начатые преобразования, министр внутренних дел возродит существовавшую при старом режиме практику всеобщей переписи. Так, перепись промышленных предприятий включала в себя не только сведения о состоянии производства, но и о количестве рабочих на каждой фабрике, уровне технической оснащенности, конкурентоспособности производимой продукции, а также рынках сбыта. Правительственный циркуляр от 27 фрюктидора VI года объявил о проведении статистического учета всех департаментов. Началась охватившая все кантоны перепись «населения, а также домашнего скота и птицы». Франсуа де Нешато планировал создание таблицы плотности населения по кантонам с обоснованием причин ее увеличения или уменьшения.

Политика Директории во многом предвосхитила деятельность Консульства. Между тем традиционная историография усматривала в этом периоде лишь политическую нестабильность режима, подвергавшегося непрерывному давлению со стороны левой и правой оппозиции: якобинской и роялистской. Череда государственных переворотов и неуверенность в завтрашнем дне, порождаемая непрекращающейся гражданской войной, отодвинули на второй план успехи во внутренней и внешней политике, которыми Консульство сумело воспользоваться в своих интересах.

Недавние исторические исследования показали: Директории не повезло в том смысле, что период ее правления совпал с затянувшейся экономической депрессией, продолжавшейся с 1796 по 1801 год. На ее долю выпала неблагодарная миссия ликвидации последствий финансовой политики революционных правительств. Безудержная эмиссия привела к тому, что в 1796 году затраты на печатание ассигнаций превысили стоимость самих бумажных денег. Деление на мандатные территории подстегнуло инфляцию, а его отмена привела к снижению товарооборота: даже в условиях превышения предложения над спросом деньги продолжали куда-то уплывать. Ажио составляло от 1 до 3 процентов ежемесячно. Свертывание кредитования и сокращение массы металлических денег привели к дефляции. Вслед за обогатившим крестьян вздорожанием сельскохозяйственной продукции произошло общее падение цен на продовольственные товары, усугубленное несколькими урожайными годами. Цена гектолитра пшеницы снизилась с 19,48 до 16,20 франка. Неизбежным следствием обвала производства явилось падение покупательной способности села, от которого пострадали торговля и промышленность в условиях сокращения европейских рынков сбыта и ухудшения отношений с Турцией в результате военной экспедиции в Египет. Дефляция негативно отразилась на уровне заработной платы и повлекла за собой безработицу, не позволившую городским рабочим в полной мере воспользоваться удешевлением хлеба. Словом, застой в ведущих отраслях текстильной промышленности на севере и западе страны, катастрофическое положение на шелкоткацких предприятиях Лиона, торговый кризис в Париже.

Не в лучшем положении оказались и портовые города. Марсель переживал спад торговли с Левантом по уже изложенным причинам. Замерла жизнь в Бордо, которому до сих пор удавалось держаться на плаву благодаря кораблям из Америки, загружавшимся вином в обход запрета, введенного Директорией 29 нивоза VI года. Удручающее зрелище являл собою Нант. Судьба не пощадила даже Тулон со всеми его арсеналами. «Торговая газета» Бордо опубликовала перечень несчастий, обрушившихся на «главные портовые города»: нехватка наличных денег, банкротства, ущерб, нанесенный торговле английским военно-морским флотом.

В последние годы правления Директории снижение жизненного уровня, затронувшее все слои населения, сводит на нет усилия по стабилизации экономики, предпринятые Франсуа де Нешато.

Лишь преодоление хаоса (первые результаты дают о себе

знать начиная с 1801 года) и эффектный выход из непродолжительного кризиса 1802 года позволили уверовать в осуществленное Первым Консулом сказочное возрождение Франции. Не подлежит сомнению, что Бонапарт смог создать атмосферу доверия, необходимую для возобновления деловой активности, снискав расположение буржуазии, без участия которой в 1799 году ничего нельзя было бы сделать, ибо в ее руках находились все необходимые для этого материальные и интеллектуальные ресурсы. Благодаря авторитету, завоеванному у нее новым главой правительства, стали возможны многие достижения последних двух лет: стабилизация финансовой системы, выплата ренты наличными, умиротворение Вандеи, восстановление порядка в стране, примирение с Римом, прекращение войны не только на суше, но и на море. Моле скажет Токвилю: «Признаться, я был поражен тем, как быстро восстановилась власть в стране. Мне казалось, что все безнадежно развалилось. Я не представлял себе, чтобы можно было хоть что-нибудь поправить». И добавит: «Моя молодость не позволила мне воспользоваться возможностями, предоставляемыми тогдашним обществом для подобных преобразований, это было моим крупным упущением». «Чудо, совершенное Консульством», было бы невозможно без поддержки нотаблей и среднего класса. Тот же Токвиль замечает: «Придя к власти, Бонапарт вводит дополнительный налог в двадцать пять сантимов, и все молчат. Народ не восстает: преобразования Первого Консула пользуются поддержкой. В 1848 году временное правительство пойдет на ту же меру и будет предано анафеме. Первый Консул совершал такую революцию, какой хотели все, временное правительство — такую, какой не хотел никто».

Глава II

НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ

В декабре 1799 года по Парижу гуляет острота: «Что дает новая Конституция? — Она дает Бонапарта». Между тем Наполеон далеко не сразу завладел всей полнотой власти. Ему, не единственному герою Брюмера, предстояло еще отделаться от Сиейеса. Его власть оставалась непрочной вплоть до победы при Маренго. Термидорианцы пытались проникнуть в его замыслы.

Не знакомый с тем, как функционировали палаты Законодательного собрания, находясь в период правления Директории далеко от Парижа, Бонапарт плохо ориентировался в сло-

жившейся политической обстановке и при подборе кадров вынужден был во всем полагаться на брата Люсьена, Камбасереса и Талейрана. Ему не хватало юридического и финансового образования, его выступления в Государственном совете поражают своей некомпетентностью.

Вот почему было бы ошибкой видеть в Бонапарте единственного вдохновителя осуществленных Консульством впечатляющих реформ. Следует отдать должное вкладу в возрождение страны таким видным чиновникам старого режима, как Лебрен и Годен. Деятельность по реформированию государственного аппарата несет на себе печать их усилий, отражая политическую волю новых нотаблей. Созданные ими институты власти — компромисс между завоеваниями Революции и старыми монархическими учреждениями, правда, уже без короля и дворянства.

Звездный час Сиейеса

Совершив государственный переворот, победители принялись за дело. Исполнительная власть была вверена трем консулам: Сиейесу, Роже Дюко и Бонапарту, которые назначили подотчетных им министров. Камбасерес и Фуше сохранили за собой соответственно портфели министров юстиции и полиции. Годен стал министром финансов, а Бертье — обороны. 22 ноября Талейран сменил Рейнара на посту министра иностранных дел. Из бывшей Директории в новое правительство вошли два консула и четыре министра. Государственный переворот был совершен в интересах не новых людей, а нового режима.

В самом деле, в один вечер были назначены комиссии по организации и проведению политической реформы. Однако очень скоро выяснилось, что у членов этих комиссий нет новых идей. Тогда взоры их обратились к Сиейесу, пользовавшемуся репутацией знатока конституционного права. Для бывшего аббата, одержимого манией составлять конституции, настал звездный час. По прошествии десяти дней этот жрец Закона изрек: исполнительная власть принадлежит верховному представителю страны. Ему помогают назначаемые им два независимых друг от друга консула: один — в военное, другой — в мирное время. Законодательная власть осуществляется тремя палатами, избираемыми из числа нотаблей. Итак, сказано: Франции предстоит стать страной нотаблей, то есть собственников. Одна из палат, сенат, обладает правом смещения верховного представителя и консулов в случае, если они

превысят отведенные им полномочия. Свою конституцию Сиейес заключил словами, недвусмысленно выразившими ее имперский дух: «Власть исходит сверху, а доверие — снизу». Заметим, однако, что его проект предусматривал передачу народом всей прерогативы власти не одному человеку, а Законодательному собранию — сенату, члены которого, по замыслу Сиейеса, рекрутируются самим сенатом из среды термидорианцев, бывших членов Конвента, перманентно находившихся у власти со дня падения Робеспьера. Человек Революции, Сиейес доверял лишь коллегиальному управлению, предостерегая от передачи всей полноты власти одному лицу. Конечно же Бонапарт не разделял этих взглядов Сиейеса. Когда бывший аббат явился к нему с предложением занять место верховного представителя страны — почетную и высоко оплачиваемую должность, — генерал с негодованием отверг роль «откармливаемого на убой поросенка». Между двумя победителями Брюмера установились весьма натянутые отношения. «Сиейес полагает, что только ему открыта истина, — говорил Бонапарт. — На все возражения он отвечает как не терпящий возражений пророк». Со своей стороны, Сиейес вменял Бонапарту в вину намерение «взойти на престол» — чудовищное обвинение в эпоху, когда республиканские убеждения многих «брюмерианцев» считались непоколебимыми. Талейран вхолостую растрачивал свой дипломатический дар, пытаясь примирить противников. На какой-то миг показалось, что будущее новой власти скомпрометировано этими распрями и вчерашний хозяин Директории Баррас начал подумывать о возвращении к кормилу власти.

Когда же общественность узнала, что Бонапарт отказался от уготованной ему Сиейесом пожизненной должности верховного представителя страны, он прослыл истинным республиканцем, снискав, если верить донесениям полиции, одобрение публики. Заручившись поддержкой народа, консул призвал к себе членов комиссии, работавших над составлением конституции. Одиннадцать вечеров подряд заседали они в одном из залов Люксембургского дворца. В проект Сиейеса были внесены существенные изменения. Как удалось настоять на них Бонапарту, профану в области конституционного права? Много лет спустя на острове Святой Елены он дал следующее объяснение: «Эти люди, обладавшие литературным дарованием и красноречием, были начисто лишены основательности в суждениях, отличались отсутствием логики и неумением спорить». Оценка суровая, но справедливая. Бонапарт смог подчинить себе идеологов благодаря присущему ему здравому смыслу, а также, что не менее важно, — физической выносливости. «Для общест-

венной, административной и военной деятельности нужна сила мысли, способность к глубокому анализу и умение подолгу, не уставая, сосредоточиваться на чем-то одном». Умышленно долго, до глубокой ночи, обсуждал Бонапарт конституцию, чтобы усталостью сломить своих противников.

Конституция VIII года

Бонапарт заявил одному из своих советников Редереру: «Конституция должна быть краткой и...» — «Ясной», — подсказал Редерер. «Краткой и темной», — отрезал Бонапарт. В самом деле, новая конституция, в которой Бонапарт сохранил в своих интересах основные формулировки Сиейеса, стала шедевром двусмысленности. Впрочем, слишком долго заблуждаться на ее счет было невозможно. Вся полнота власти сосредоточилась в руках Первого Консула, хотя его и окружали два других консула и четыре законодательные палаты, включая милый сердцу Сиейеса консервативный сенат. Народ ничего не выиграл в результате этого переворота. Не приняв участия в формировании новой власти, он был отстранен и от ее деятельности. Ни слова не было сказано и о национальном суверенитете.

Формально всеобщее избирательное право было восстановлено. Правом голоса обладал каждый гражданин, достигший двадцати одного года и проживший в своей коммуне не менее года. Однако выборов как таковых не было. Вместо них проводились выдвижения выборщиков. Собираясь в районных центрах, эти выборщики выдвигали из своего состава каждого десятого, чьи имена вносились затем в списки нотаблей коммуны. Эти нотабли в аналогичной пропорции выдвигали нотаблей департаментов, которые, следуя той же процедуре, составляли списки нотаблей страны. Из этих списков правительство назначало должностных лиц коммун, департаментов и членов Законодательного собрания.

Законодательная власть состояла из четырех палат. Лишь правительство обладало законотворческой инициативой: проекты законов разрабатывались Государственным советом численностью от тридцати до сорока членов, назначаемых и возглавляемых Первым Консулом. Затем эти проекты направлялись на рассмотрение Трибуната из ста членов с ежегодной ротацией одной пятой его состава. Трибунат обладал правом обсуждать их и выносить свою оценку путем одобрения или отклонения. Далее проекты передавались в Законодательный корпус, состоявший из трехсот членов, одна пятая которых ежегодно обновлялась. Последний, выслушав обра-

щение трех членов правительственной комиссии, в котором содержались пожелания Первого Консула, и информацию трех представителей Трибуната об отношении к проектам их палаты, без обсуждения приступал к голосованию. Сенат в количестве шестидесяти членов не моложе сорока лет, не имевших права избираться на другие должности и рекрутируемых путем кооптации, назначал членов Трибуната и Законодательного корпуса, отбирая кандидатуры из списка нотаблей страны. Стоящий на страже законности сенат мог аннулировать представляемые ему Трибунатом законодательные акты как неконституционные. Отчеты об этих заседаниях не публиковались в печати, что изолировало сенат от народа.

Этот сложный механизм, обеспечивавший паралич парламентской власти, был разработан Сиейесом, и Бонапарт умело им воспользовался. Однако проект, касавшийся функций исполнительной власти, претерпел существенные изменения. Должность верховного представителя страны исчезла. Ее заменили три консула, назначаемые сенатом сроком на десять лет. Их имена — Бонапарт, Камбасерес и Лебрен — были внесены в конституцию. Лишь Первый Консул, Бонапарт, обладал всей реальной полнотой власти: законодательной инициативой, правом назначения государственных советников, министров и должностных лиц, правом объявления войны и заключения мира. Права двух других консулов ограничивались совещательным голосом.

Министры были подотчетны консулам. Впрочем, министерств как таковых не существовало. К тому же министров разделяло взаимное соперничество, умело подогреваемое Бонапартом. Министр внутренних дел Люсьен интриговал против шефа полиции Фуше, которого, в свою очередь, презирал Талейран. Некоторые министерские должности дублировались. Так, наряду с министром финансов была учреждена должность сначала генерального директора, а затем министра Казначейства. Помимо министра обороны возникла должность директора военного ведомства. Под самым пристальным контролем Первого Консула находилось министерство внутренних дел. Брат Люсьен решительно воспротивился предложению окружить его генеральными директорами, назначаемыми из состава Государственного совета. Однако ему так и не удалось воспрепятствовать учреждению генеральной дирекции дорожного ведомства, которую возглавил Крете. «Не повредит, — заметил ему брат, — если какой-нибудь государственный советник займется практическими делами, чтобы законы, над разработкой которых он трудится в своем кабинете, соответствовали реальным нуждам и возможностям страны».

Референдум

Одна из статей конституции гласила: «Настоящая конституция в самое ближайшее время будет вынесена на одобрение французского народа». В сущности, эта традиция, начало которой положила Революция, когда принимались конституции 1793 и 1795 годов, была выгодна Бонапарту. Правда, выборы уступили место плебисциту по проекту конституции, который неизбежно — с учетом личности Бонапарта — превратился в референдум по вопросу о полномочиях конкретного человека.

Как проходил референдум? Способ его проведения, наверняка показавшийся бы нам сегодня странным, не вызвал удивления современников. Было решено, что в каждой коммуне на избирательном участке будут находиться реестры, в которые граждане смогут вписать перед своими фамилиями «да» или «нет», а также, по желанию, мотивировать свое решение. Такой опрос, позволявший каждому выразить свое мнение, игнорировал тайну волеизъявления, к тому же голосование не везде проходило одновременно. Многие граждане не решались идти на избирательные участки из опасения, что, в случае смуты, списки лиц, выразивших свое отношение к конституции, превратятся в списки неблагонадежных. Желая приободрить избирателей, правительство пообещало, что после изучения результатов опроса реестры будут сожжены, однако обещания своего не выполнило, и до нас дошла большая часть реестров, приготовленных для избирателей в муниципалитетах, мэриях, нотариальных конторах и мировых судах. Эти реестры — свидетельства неразберихи, царившей при проведении референдума. Знакомство с ними позволяет выявить большой процент ученых и артистов, принявших участие в голосовании. Показательный факт: бывшие члены Конвента отдали свои голоса Бонапарту.

Отрицательных ответов оказалось немного. По данным газеты «Монитор», в Париже было зарегистрировано 12 440 голосов «за» и 10 «против». Куда большее число отрицательных ответов было получено на Корсике: воистину нет пророка в своем отечестве. В итоге конституция была одобрена 3 011 007 голосами против 1 562. В этом нет ничего удивительного. Правительство, если, конечно, оно не желает себе зла, редко проигрывает на референдумах. Однако опасность могла исходить от воздержавшихся. Почему в VIII году они оказались не в большинстве? Это можно объяснить спешкой, в которой проводился опрос, нерасторопностью новых, еще не повсеместно назначенных функционеров, якобинским влиянием, все еще достаточно сильным в провинции, а также необходимостью

считаться с роялистами. Если неучастие в голосовании могло еще иметь какое-то объяснение в смутную эпоху Революции, то в более спокойные времена оно было бы истолковано как несогласие с политикой реформ, а то и как выражение недоверия правительству.

Между тем Бонапарту нужна была широкая поддержка народа, которая выражалась бы в более активном участии в референдуме. Люсьен это понял. Проведя статистический анализ, Ланглуа обнаружил фальсификацию, на которую пошел министр внутренних дел. Три миллиона «да» из пяти миллионов обладавших правом голоса граждан должны были создать впечатление всеобщего одобрения. В действительности же истинное число положительных ответов составляло не более полутора миллионов. И что же? Службы Люсьена округлили полученные в департаментах цифры, добрав таким образом примерно 900 тысяч голосов. К ним приплюсовали 500 тысяч «да», сказанных армией, в которой опрос не проводился, но которой поспешили приписать бонапартистские настроения. Обман удался. Впрочем, Бонапарт начал применять конституцию, не дожидаясь окончательных результатов.

Словом, из этого опроса трудно извлечь какие-то достоверные сведения, поскольку голосование не было тайным, а его результаты оказались подтасованными. Не стоит доверять и современникам, утверждавшим, что «любого гражданина, независимо от возраста, пола, социального положения и национальности, не только допускали, но и приглашали к участию в голосовании». Данные реестров противоречат этим заявлениям. Результаты голосования отразили господствовавшие настроения, однако этот плебисцит, отнюдь не ставший свободным волеизъявлением народа, явился всего лишь констатацией свершившегося. «Вот как была основана во Франции плебисцитарная Республика», — написал в 1926 году А. Олар.

На место многочисленных представителей, которым французский народ поручал до сих пор законодательствовать и управлять, он поставил одного человека — Наполеона Бонапарта.

Конституция вступила в силу задолго до ее официального принятия. Политический костяк новой власти составили умеренные, бывшие фельяны и термидорианцы, которых попытались разбавить несколькими прежде стоявшими в стороне нотаблями, добавив к ним горстку раскаявшихся монархистов. В сенат вошли отобранные главным образом Сиейесом генералы (Келлерман, Атри, Леспинас, Серюрье), адмиралы (Бугенвиль и Морар Дегаль), представители судебной и административной власти, ученые (Бертоле, Монж, Лаплас, Добетон, Лагранж), литераторы (Вольней, Дестут де Траси), бан-

киры (Перрего), живописец (Вьен). Тридцать семь членов из шестидесяти были профессиональными парламентариями (Корнюде). Совет старейшин и Совет пятисот поставили Дюбуа-Дюбэ, Гара, Ленуара-Лароша, Вимара и Корне — мы упоминаем лишь самых известных. Из прежних национальных собраний в сенат вошли: Гаран-Кулон, Дейи и Франсуа де Нешато. В Трибунате тон задавали идеологи: Дону, Бенжамен Констан (вошедший туда по настоянию мадам де Сталь), Дюпюи, Жан Батист Сей, Ларомигьер, Андрие, Мари Жозеф Шенье, Деренод, Женгене. Предпочтение отдавалось молодым, критически настроенным умам. С их помощью Сиейес надеялся создать со временем конструктивную оппозицию. В отличие от Бонапарта, он оставался в душе сторонником парламентаризма. Окажись Сиейес во главе Франции, Трибунат сыграл бы в ее истории заметную роль.

Из трехсот членов Законодательного корпуса двести семьдесят семь были членами предыдущих национальных собраний. Назовем Грегуара, Дальфонса, Бреара...

Так, от одной формы правления к другой, кочевала народившаяся в эпоху Революции политическая элита Франции.

Административные реформы

Решающая роль в разработке конституции принадлежала Бонапарту. Несколько иначе обстояло дело с реформами административными, где последнее слово оставалось за Шапталем и Камбасересом.

Закон от 28 плювиоза VIII года (17 февраля 1800 года) покончил с либеральными завоеваниями Революции: коллегиальностью правления, выборностью и автономией местных органов власти. В поисках большей эффективности управления был произведен поворот к централизации. Территориальное деление на департаменты, округа и коммуны осталось прежним, однако управление ими было поручено соответственно префектам, супрефектам и мэрам, кандидатуры которых предлагались нотаблями, но утверждались Первым Консулом. Префект чем-то напоминал интенданта, власть которого при старом режиме ограничивалась привилегиями высших сословий, полномочиями парламентов и Провинциальных штатов. Этих отмененных Революцией ограничений больше не существовало для префектов. Назначаемые правительством местные советы (муниципальные, окружные и главные) ведали лишь финансами. Советы префектуры занимались решением административных вопросов.

На особом положении находились Париж и департамент Сена. Отказавшись от возникших в эпоху Революции, но оказавшихся малоэффективными коллегиальных институтов власти, Бонапарт и его советники создали администрацию, аналогичную той, которая существовала до 1789 года. Департамент Сена был разделен на три коммунальных округа. Во главе первого (Пантен, Бельвиль, Клиши, Пасси) и второго (Венсен, Монтре, Со) был поставлен супрефект. Третий округ, в который вошел Париж, не имел супрефекта. Столица, вновь превратившаяся в единую коммуну, была все же поделена на двенадцать муниципальных округов, возглавляемых мэрами, которые ведали гражданским состоянием. Полноправным мэром Парижа был префект департамента Сена, унаследовавший полномочия прево. Его резиденция находилась в ратуше. У Парижа не было своего муниципального совета: его функции выполнял главный совет департамента Сена. За всеми этими преобразованиями стояло стремление не только не допустить во главу городской администрации избранного народом мэра, который обладал бы властью, превышающей власть префекта, но и исключить саму возможность возрождения собрания, аналогичного тому, которое запятнало себя кровавыми событиями сентября 1792 года. Пользуясь привилегиями как в области фискальной политики, так и в отношении рекрутского набора, столица постоянно оставалась объектом неусыпного контроля. Так как должность префекта была нелегкой и существовало опасение, что он не справится с обеспечением порядка в столице, к нему было прикомандировано второе должностное лицо, в непосредственные обязанности которого входило поддержание безопасности. Этим лицом стал префект полиции в звании генерал-лейтенанта старого режима. По рекомендации Фуше Бонапарт назначил на эту должность бывшего прокурора Шатле Луи Николя Дюбуа.

Префекты, так же как сенаторы и законодатели, рекрутировались из бывших членов национальных собраний эпохи Революции. Префект департамента Сена Фрошо, Мунье, сменивший Бори на посту префекта департамента Иль-э-Вилен, Доши (Эн), Ламет (с 1802 года — префект департамента Нижние Альпы), Марки (Мерт), Юге (Алье), Жиро (Морбьян), Мешен (Ланды), Querймар (Леман), Арман (Майен), Жубер (Нор), Рикар (Изэр), Пужар (Верхняя Вьенна) — все это в прошлом члены Учредительного собрания. Беньо (Нижняя Сена), Рабюссон-Ламот (Верхняя Луара), Ружье де ла Бержери (Ионна), Монто-Дэзиль (Мэн-и-Луар), Вернейль-Пюиразо (Коррэз), Булле (Кот-ди-Нор), Ришар (Верхняя Гаронна), Ногаре (Эро), Ламарк (Тарн), Имбер (Луара), Ружу (Сона-и-

Луара) — это бывшие депутаты Законодательного собрания. Летурнер (Нижняя Луара), Жан де Бри (сменивший в 1801 году Марсона в должности префекта департамента Дуб), Тибодо (Жиронда), Колшен (Мозель), Кинет (Сомма), Жан Бон Сент-Андре (Майенс), Пеле де ла Лозер (Воклюз), Кошон де Лапарен (Вьенн), Байи (Ло), Мюссе (Крез), Лакост (Форе), Делакруа (Буш дю Рон), Гиймарде (Нижняя Шаранта), Брюн (Арьеж) — все они были членами Конвента. Тексье-Оливье (Нижние Альпы) и Риу (Канталь) прежде заседали в национальных собраниях Директории. В число префектов входило также несколько генералов, дабы никто не забывал об авторитарном характере этой власти. Зато куда меньше было дипломатов и литераторов (Рамон де Карбоньер отказался от должности).

Отбор претендентов производился Первым Консулом по спискам, представленным Камбасересом, Лебреном, Талейраном и Люсьеном Бонапартом, за которым нередко оставалось последнее слово. Известным весом пользовался также Кларк, устроивший своего дядю Ше на должность префекта департамента Нижний Рейн. Впоследствии эту должность унаследовал родственник Жозефины — Лезе-Марнезиа. Даже если кое-кто из них побывал в свое время министром (Бурдон, Делакруа, Фепу), членом Комитета общественного спасения (Жан Бон Сент-Андре) или директором (Летурнер), теперь, став префектами, они превратились всего лишь в статистов. Главари Революции погибли или находились в изгнании. Но и эти второстепенные персонажи все еще находились во власти настроений 1789 года.

В чем состояли обязанности префектов? Им надлежало представлять правительство в департаментах, а также, во взаимодействии со служащими Дорожного ведомства, усиленного группой выдающихся инженеров (Прони, Беке-Бопре, Дюмустье, Бремонтье), организовывать общественные работы, на проведение которых у Директории не хватало денег. Главной задачей был ремонт дорог, но в их компетенции также находились мосты, речная навигация, порты и фортификационные сооружения. Первые их успехи нередко просто поразительны, однако очень скоро префекты погрязают в бумаготворчестве. Воблан в своих мемуарах сетует на трудности, которые обрушились на него как на префекта департамента Мозель, но это произойдет лишь в 1810 году. Бытовые проблемы — вот с чем в первую очередь столкнулись префекты. В своем отчете министру внутренних дел Тексье-Оливье так сообщает о вступлении в должность: «За одиннадцать часов я, не без труда и изнеможения, добрался наконец вчера до пункта своего назначения. Ужасное состояние дорог и тяготы путешествия по горам сде-

лали мой путь таким долгим». Помещения, отводимые для префектуры, часто не соответствовали своему назначению. Префекту нередко приходилось размещаться в одном помещении вместе с епископом. Впрочем, нет худа без добра: чем дальше от Парижа — тем больше свободы, а следовательно — власти. До префекта департамента Ло новости доходили с шестидневным опозданием. Этот же префект жаловался, что узнал о заговоре XII года из газет и со слов других чиновников. Префектам вменялось в обязанность проявлять инициативу. Правда, их самостоятельность ограничивалась более или менее явным контролем епископа и командира дивизии.

Закон от 27 вантоза VIII года (18 марта 1800 года) дополнил административную реформу, подчинив вновь созданным институтам власти судебную систему. Каждый кантон получил по мировому судье, каждый округ — по гражданскому суду первой инстанции и по уголовному суду, каждый департамент — по общегражданскому суду. Над ними возвышались двадцать девять апелляционных судов, юрисдикция которых приблизительно соответствовала юрисдикции бывших провинциальных судов, а также парижский кассационный суд. Генеральным прокурором был назначен Мерлин Дуэ («поступь гиены», как окрестил его Моле), который обладал, однако, исключительными познаниями в юриспруденции. Хотя несменяемость судей и была восстановлена, они превратились, по сути, в назначаемых Первым Консулом чиновников, а приставленный к каждому суду правительством комиссар играл роль прокурора и надсмотрщика над своими собратьями.

Оздоровление финансов

Куда более важной, чем реорганизация административной системы, являлась задача оздоровления финансов. Лишь при этом условии могла осуществиться консолидация нового режима. Ведь к брюмеру в государственной казне оставалось, по слухам, не более 167 тысяч франков.

Бывший соратник Некера Годен, назначенный министром финансов, продолжил проведение начатых Директорией реформ. В ноябре 1799 года было создано управление прямого налогообложения. На смену выборным коллегиям пришли государственные агенты, ведавшие распределением и сбором налогов. Директора и контролеры составляли перечень налогов, сборщики и финансовые инспекторы взимали деньги. Их обязывали вносить залог. В соответствии с инициативой Рамеля, предпринятой им в период правления Директории, пра-

вительство сделало упор не на земельный, а на косвенный налог (налог на регистрацию, табак, спиртные напитки). Деньги стали регулярно поступать в казну, и к 1802 году бюджет удалось сбалансировать.

Оставалось возродить систему кредитования. 29 ноября 1799 года Годен основал амортизационный фонд, пополняемый за счет залогов, вносимых генеральными сборщиками. Контроль над ним был поручен бывшему сотруднику королевского откупного ведомства Мольену. Перед ним была поставлена задача сократить государственный долг путем выкупа рент. Дабы вернуть доверие вкладчиков, вместо кассы текущих счетов, открытой в 1796 году Перрего, 13 февраля 1800 года был основан Французский банк. Этому частному учреждению, управляемому членами генерального совета (Перье, Перрего, Малле, Лекуте, Рекамье, Барийон), предстояло регулировать биржевой рынок ценных бумаг, а также смягчать кризисные ситуации, предоставляя широкий кредит испытывающим финансовые трудности фирмам. Основными операциями этого банка являлись: учет переводных и простых векселей, выдача ссуд под вклады, открытие текущих счетов и выпуск векселей на предъявителя. Тесное взаимодействие с правительством обеспечило ему успех. Закон от 14 апреля 1803 года закрепил за ним монополию на эмиссию бумажных денег. Память об ассигнатах мало-помалу ушла в прошлое.

Однако наиболее впечатляющим доказательством финансового оздоровления явилось возобновление выплат по государственным рентам. Это событие способствовало росту популярности режима в буржуазных кругах, а завоеванное доверие позволило в марте 1803 года ввести в обращение серебряный франк весом в пять граммов, знаменитый *жерминальский франк,* остававшийся стабильным вплоть до 1914 года.

Это оздоровление, достигнутое за первые два года правления Консульства, даже с учетом уже начатых Директорией реформ, поистине сенсационно. Означало ли оно «прелюдию к новому старому режиму» или стабилизацию Революции? Да, интендантов сменили префекты, Королевский совет уступил место Государственному совету, генерал-лейтенант — префекту парижской полиции. Бонапарт был представителем обедневшего дворянства старого режима, а все его окружение вышло из правительственных учреждений бывшей монархии. Разве могли они забыть об этом, затевая переустройство Франции? Но ведь страна менялась на протяжении всех десяти лет революции. Это обстоятельство они также должны были принимать во внимание. Из этого компромисса и возникла, по выражению Ипполита Тэна, «современная Франция»,

государственные институты которой дожили до наших дней. Это стало возможным потому, что режим покровительствовал новой буржуазии, а не военной диктатуре, установление которой несправедливо приписывают Бонапарту. Последний отстранил от политики крутившихся возле Директории генералов, сделав ставку на нотаблей. Такие понятия, как империя, монархия, республика, превратятся со временем в эпифеномены. За политической нестабильностью следует видеть созданную Консульством стабильную администрацию.

Глава III
МИР

Достоверные результаты плебисцита VIII года могли бы, в случае необходимости, засвидетельствовать отсутствие у народа энтузиазма по отношению к государственному перевороту и новой конституции. В ходе голосования юг страны продемонстрировал скорее равнодушие, Париж — сдержанность, департаменты Бельгии — ледяное безразличие. Даже поддержка армии не была единодушной. Никто еще не видел разницы между Директорией и Консульством. В глазах общественности Бонапарт, даже несмотря на свою огромную популярность, мало чем отличался от перекрасившихся в брюмерианцев термидорианцев. Многим казалось, что они присутствуют при очередном фокусе с двумя третями Законодательного собрания, имеющем целью продлить власть старых парламентариев после отстранения наиболее скомпрометировавших себя деятелей типа Барраса.

Лишь успехи Бонапарта, в два года изменившего умонастроения масс, вселили уверенность как в тех, кто нажился на Революции (буржуа и крестьян, прибравших к рукам национальное имущество), так и дворян (возвратившихся, а то и не покидавших Францию), пробудили признательность рантье, получивших наконец наличными за свою ренту, и вызвали, по сведениям осведомителей полиции, доверие рабочих.

Умиротворение Вандеи

Первый успех — восстановление мира в Вандее. В 1795 году его не удалось достичь. Подписанные в мае договоренности не соблюдались из-за нарушений как с той, так и с другой стороны. Гош, находившийся тогда в зените славы, увяз в бесплодных переговорах. Нелепая, явно неудавшаяся карьера в

сравнении с той, которую дано было сделать Бонапарту. Казнь Стоффле (25 февраля 1796 года) обострила противостояние, однако в конечном счете способствовала появлению во главе мятежной Вандеи кюре из Сен-Ло Бернье — сторонника примирения с Республикой. С помощью Бернье Бонапарт выиграл там, где проиграл Гош. Сразу же после переворота 18 брюмера Бернье, отнюдь не питавший иллюзий в отношении истинных намерений Первого Консула, заявил о себе как об убежденном стороннике возобновления мирных переговоров. Опираясь на свой авторитет прелата, он неустанно призывал к прекращению военных действий. 24 ноября 1799 года, вопреки призывам Фротте, а затем Кадудаля продолжать сопротивление, было заключено первое перемирие. От имени Консульства соглашение подписал Гедувиль, от мятежников — Шатийон, Отишан и Бурмон. Передышка должна была продлиться до 22 февраля 1800 года.

Роялистский лагерь питал известные иллюзии в отношении планов Бонапарта (малопонятные после Вандемьера и Фрюктидора; впрочем, первыми скрипками в правительстве тогда были Баррас и Ожеро). В Париж, для обсуждения некоторых пунктов соглашения, отправился главарь шуанов д'Андинье. Встреча была организована через посредство Талейрана Гайдом де Невилем, руководителем «английской резидентуры» в Париже, представлявшим интересы графа д'Артуа. 26 декабря 1799 года Гайд был принят в Люксембургском дворце для уточнения деталей: «Вошел коротышка, облаченный в неказистый зеленоватый фрак, с опущенной головой, почти жалкий». Это был Бонапарт, которого бунтовщик поначалу принял за слугу. Впрочем, стоило генералу подойти к камину и поднять голову, «как он сразу же стал выше ростом, и жгучее пламя его пронзительного взгляда явило всем истинного Бонапарта». На следующий день состоялась заключительная встреча. У нас нет оснований не доверять свидетельствам Гайда де Невиля. Не менее интересным представляется и рассказ генерала д'Андинье. В нем сквозит все то же удивление, вызванное обликом Бонапарта: «Нас провели в кабинет на первом этаже. Вскоре в него вошел низкорослый, болезненного вида человек. В оливковом фраке, с прямыми волосами, на редкость неряшливый. В его облике не было ничего примечательного. Поэтому я слегка опешил, когда Гайд объявил мне, что передо мной Первый Консул».

В ходе переговоров Бонапарт признал если не законность мятежа Вандеи, то по крайней мере право на восстание запада страны против «угнетателя». Заговорили о соглашении. Оно включало в себя следующие основные пункты: освобождение

мятежных департаментов от рекрутского набора, списание недоимок, возвращение нераспроданного имущества его бывшим владельцам-эмигрантам. Зашла речь и о короле. «Я не роялист», — заверил Бонапарт. Итак, недомолвок не осталось никаких. Да и могло ли быть иначе? В начале 1800 года Первый Консул был еще слишком тесными узами связан с бывшими термидорианцами, чтобы обнаружить намерение к сближению с роялистами. Вскоре д'Андинье получил возможность в этом убедиться.

«Я не хотел покидать Парижа, не поставив Бонапарта в известность относительно истинных целей моей поездки. Словом, я написал ему, что прибыл по поручению руководителей роялистского движения, дабы передать в его распоряжение все имеющиеся у них средства в случае, если бы он вдруг захотел воспользоваться ими для реставрации монархии. В этом в высшей степени лестном для него письме я говорил о славе, которой он обессмертит свое имя, о вечной благодарности потомков. С одной стороны, я намекал ему, что не существует награды, соразмерной такой услуге, а с другой — старался показать ненадежность людей, которые, руководствуясь эгоистическими соображениями, служили всем этим поочередно сменявшим друг друга правительствам и которые при первой же его серьезной неудаче выступят против него с той же легкостью, с какой они свергли Директорию, как только убедились в ее беззащитности».

Весьма дальновидный прогноз, подтвердившийся в июне при получении известия об исходе, поначалу сомнительном, сражения, данного Бонапартом при Маренго. Но тогда, 30 декабря 1799 года, Бонапарт ответил д'Андинье уклончивым отказом: «Слишком много французской крови пролилось за последние десять лет...» Не доверяя, похоже, своим соратникам, Бонапарт не стал обнародовать это письмо. Когда же из-за оплошности аббата Годара были перехвачены все бумаги Гайда де Невиля, среди них обнаружили и копию письма Первого Консула. Однако оно не было включено в опубликованный роялистским агентством сборник документов.

10 января 1800 года Бонапарт выпустил прокламацию, в которой заявил, что прекращение гражданской войны возможно лишь при условии сдачи мятежников. «Занести вооруженную руку над Францией способны теперь лишь люди без веры и родины, вероломные орудия внешнего врага». Концентрация войск под командованием Брюна, назначенного главнокомандующим Западной армией, явилась дополнительным аргументом в ряду этих угроз. Первыми капитулировали в январе дворяне: Бурмон, Шатийон, д'Отишан, Сюзанне. Каду-

даль последовал их примеру лишь в феврале, после сражения при Граншане, в ходе которого ни одна из сторон не одержала убедительной победы. Что касается Фротте, то он угодил в западню, которую, по утверждениям современников, ему будто бы расставил Первый Консул. «Я не отдавал такого приказа, — обронил тогда Бонапарт, — однако не могу сказать, что огорчен его казнью».

Шуанство временно сошло на нет. В своих мемуарах д'Андинье так объясняет, почему это стало возможным: «В целом вооруженное восстание роялистской партии получило одобрение всех здравомыслящих французов. Нам споспешествовали благие пожелания честных людей — и только. Никто не примкнул к нам из соседних департаментов. Англия соглашалась предоставить кое-какие средства для сопротивления, но не для победы». Хотя дело роялизма и нашло в стране известное сочувствие, общественное мнение, по признанию самого д'Андинье, было на стороне Бонапарта: «В своем подавляющем большинстве жители западных провинций с радостью восприняли соглашение, дававшее им возможность перевести дух».

На юге ситуация оставалась тревожной. В донесении полиции от 4 февраля 1800 года сообщалось об активизации аббата Сирана, по прозвищу Дебом, и маркиза де Виллара: «Совместный план действий, разработанный при участии иностранных агентств, бывших военачальников Жалеса и гвардейцев-телохранителей, предусматривает уничтожение торговли, устрашение коммерсантов, нарушение коммуникаций, срыв армейских поставок и подстрекательство народа к возмущению». Подобное «шуанство» (полиция применяла этот термин также и к южным регионам) мало чем отличалось от разбоя. Все ждали, когда после бурных дебатов в Трибунате будет вотирован закон, получивший впоследствии наименование закона 18 плювиоза IX года (7 февраля 1801 года). Он предусматривал создание чрезвычайных судов без присяжных, призванных положить конец бесчинствам. На основании постановления, принятого 4 вантоза, в тринадцати западных и четырнадцати южных департаментах были учреждены соответствующие юрисдикции. Они произвели скорее психологический эффект: разбой не удалось ликвидировать полностью. С другой стороны, в департаментах Воклюз и Вар все свидетельствовало о том, что население вздохнуло с облегчением. Тем более что Бонапарт умело сочетал снисходительность с непреклонностью. 3 марта 1800 года он объявил об аннулировании проскрипционного списка эмигрантов, покинувших страну до 25 декабря. Этим он подтвердил свою приверженность общественному согла-

сию, продемонстрировав в то же время уважение прав новых владельцев национального имущества. Благодаря этим и последовавшим за ними мерам к началу 1802 года во Францию возвратилось 40 процентов эмигрантов.

Последние террористы

Нерешительность, проявленная якобинскими генералами, и чистка рядов местной администрации позволили избежать гражданской войны. В распоряжении бывших «чрезвычайщиков» оставалось три варианта: провоцировать народные волнения, подстрекать армию или организовать покушение на Бонапарта. Париж мог подняться только на голодный бунт, следовательно, вероятность восстания в столице была исключена.

«Обстановка в Антуанском предместье, — говорилось в донесении от 16 мая 1800 года, — не вызывает опасений. Разумеется, злоумышленники постоянно пытаются внести смуту, однако подавляющее большинство населения, хотя и выражает недовольство безработицей и застоем в торговле, не намерено проявлять неповиновение и исполнено решимости не принимать в нем никакого участия».

В Париже якобинцы, не ограничиваясь традиционными кофейными диспутами, попытались взбаламутить войска, в большом количестве сосредоточенные в столице после 18 брюмера. Как, впрочем, и роялисты. Полицейские отчеты за первый квартал 1800 года проникнуты явным беспокойством, донося о призывах к неповиновению, о попытках натравить некоторые воинские части на консульскую гвардию, якобы лучше экипированную и более высоко оплачиваемую, о росте преступности, создающей обстановку нестабильности. К тому же в некоторых провинциальных городах вспыхивают бунты, вызванные перебоями со снабжением: в Тулузе, если верить сводке Фуше от 30 марта, выдержанной, впрочем, в довольно сдержанных тонах, бунтовщикам удалось добиться установления твердых цен. Беспорядки были отмечены также в Марселе и ряде других южных городов.

Правда, закон об отмене свободы печати, ударивший прежде всего по якобинцам, осложнил их пропагандистскую деятельность. До 17 января 1800 года ни одна из выходивших газет не цензурировалась. После вступления закона в силу были запрещены все парижские политические издания, за исключением тринадцати, да и то под угрозой немедленного ареста в случае невыполнения правительственных решений. «Газеты, — писал Фуше, — всегда были застрельщиками рево-

люций, они их возвещали, подготавливали, а затем делали неизбежными. Малое количество изданий легче контролировать и проще заставлять работать на упрочение конституционной власти». Розничная торговля была регламентирована. Вне контроля оказались лишь нелегальные памфлеты, которые тут же стали призывать к «уничтожению тирана». Сошлемся на опус Метжа «Турок и французский воин», приглашавший всех французов стать «тысячами Брутов». Приглашение было услышано и повлекло за собой множество покушений: от адской машины Шевалье до планов бывшего адъютанта генерала Анрио убить Бонапарта по дороге в Мальмезон. В дело вмешалась полиция: «заговор кинжалов», имевший целью сразить Первого Консула ударом стилета в его ложе в Опере 10 октября 1800 года, вероятно, планировался во время «кофейных пересудов», значение которых было впоследствии непомерно раздуто секретными службами. В итоге арестовали живописца Топино-Лебрена, секретаря Барера, римского скульптора Чераки и генерал-адъютанта Арена, брата того Бартоломео Арена, который 19 брюмера занес над Бонапартом кинжал в Совете пятисот. Стоит ли удивляться, что, когда 24 декабря 1800 года на улице Никез, по которой проезжала карета с Первым Консулом, направляющимся в Оперу, взорвалась адская машина, ответственность за это покушение была возложена на чрезвычайщиков? Тщетно доказывал Фуше, что якобинцы находились под слишком пристальным контролем, чтобы отважиться на столь рискованный шаг, — Бонапарт ничего не желал знать. Просто нашелся предлог очистить столицу от последних террористов, но так, чтобы не дать повод усомниться в доброй воле Первого Консула, убежденного в том, что это покушение — дело рук якобинцев. 14 нивоза IX года был принят «сенатус-консульт», вводящий режим «особого надзора» над проживающими «за пределами европейской территории республики» ста тридцатью «чрезвычайщиками». Некоторых депортированных обвинили как «участников сентембризад»[1], дабы ославить их в глазах общественности. Шевалье расстреляли. Арена, Чераки и Топино-Лебрена отправили на эшафот. Лемар совершил неудачное покушение на Бонапарта при переходе через Альпы во время второй итальянской кампании.

Итак, левая оппозиция была разгромлена. Никто не выступил в защиту якобинцев даже после того, как Фуше предъявил доказательства, что настоящими организаторами покушения на улице Никез были шуаны: Сен-Режан, Карбон и Лимолан. Первых двух арестовали и, облачив в красные рубахи отцеубийц,

[1] Убийства в тюрьмах в сентябре 1792 года.

отправили на гильотину. Гайд де Невиль отверг обвинение в причастности к покушению и бежал. Впрочем, он не мог отрицать, что взрыв явился ответом роялистов на письмо, посланное Бонапартом 7 сентября Людовику XVIII, который 4 июня предпринял очередную попытку к сближению. В письме Бонапарта, в частности, говорилось: «Вы не должны желать возвращения во Францию, для этого вам пришлось бы перешагнуть через сто тысяч трупов». Из-за оплошности Сен-Режана и Карбона полиция раскрыла действовавшую в столице агентурную сеть графа д'Артуа. Немногим больше повезло конкурентам Гайда де Невиля: Преси, Имберу-Коломесу и Дандре, которые основали в Аугсбурге агентуру, связанную с Людовиком XVIII и действовавшую преимущественно на юге страны. Оставшись без английских субсидий Уикхама, они были арестованы прусскими властями по просьбе французского правительства на дороге из Аугсбурга в Байрейт. Изъятые у них документы переправили в Париж, где в 1802 году они были опубликованы по распоряжению Первого Консула.

Все, казалось, валилось из рук оппозиции. Брюмерианцам, страшившимся непредсказуемых последствий итальянской кампании, показалось, что в случае гибели или поражения Бонапарта, отправившегося 6 мая 1800 года на полуостров, они найдут ему замену. Реальными претендентами на пост Первого Консула считались Моро, Лафайет и Бернадот, а также триумвират, состоявший из Талейрана, Фуше и сенатора Клемана де Ри. Ложное известие о поражении французов при Маренго подвигло некоторых из них на опрометчивые шаги, позволившие Бонапарту принять по возвращении необходимые меры. «Правительственный кризис» сыграл ему на руку, позволив внушить общественности мысль, что Первый Консул — не заложник политических группировок, состоящих из брюмерианцев и экстермидорианцев, не пользующихся, в сущности, никакой популярностью в стране. Бонапарт мог поставить себя над заговорщиками и предстать миротворцем французов.

Религиозное умиротворение

Политическое примирение было бы невозможно без разрешения религиозных конфликтов. Трон и алтарь составляли при старом режиме единое целое. Вот почему члены Учредительного собрания решили, что с помощью Гражданской конституции духовенства им удастся реформировать одновременно и церковь, и государство. А поскольку церкви всегда казалось, что ее интересы совпадают с интересами монархии,

революционеры стали проводить малопопулярную политику искоренения христианства. Увы, термидорианцы слишком поздно додумались до отделения церкви от государства, обернувшегося к тому же настоящей катастрофой для конституционного духовенства, полностью лишившегося как официальной поддержки, так и государственных субсидий. И вот результат: сильно поредевший клир разделился на конституционалистов и оппозиционеров, храмы конфисковывались и распродавались (Мишле вспоминает, что родился в церкви Непорочных Дев Сен-Шомон на улице Сен-Дени, в которой его отец разместил типографию), в Париже и провинции ослабла вера. Положение французской церкви должно было выглядеть безнадежным в условиях, когда обездоленный Пий VI доживал в плену у Директории свои последние дни. Казалось, что настал Апокалипсис, что близится конец света. И все же церковной элите удалось выжить, массы сохранили приверженность внешним формам религиозности (колокольный перезвон, песнопения и латынь), которых не смогли подменить ни теофилантропия[1], ни богослужение на десятый день декады. Результаты борьбы за искоренение христианства, довольно ощутимые в городской среде, оказались ничтожными в деревне. Из всего спектра антиклерикальных свобод крестьянин воспринял лишь то, что его устраивало: смягчение некоторых «табу» в половой сфере и отмену церковной десятины. Вот почему новая власть не могла игнорировать религиозную проблему, от решения которой зависела ее дальнейшая судьба.

Католики, во всяком случае в Париже, без энтузиазма встретили государственный переворот, явно не суливший ощутимых перемен в религиозной политике, поскольку у власти остались все те же члены Конвента и идеологи. Гадали о намерениях Первого Консула, но вполне вероятно, что и сам Бонапарт не имел никакой определенной программы в отношении церкви, кроме понимания того, что эта проблема требует безотлагательного решения.

Перед ним открывались два пути: пустить дело возрождения религии на самотек, освятив тем самым факт отделения церкви от государства, или, заключив соглашение с главой христианского мира, положить конец конфликту, увенчав себя лаврами миротворца. Если часть идеологов готова была оказать предпочтение первому варианту, темперамент и расчет решительно склоняли Бонапарта ко второму. Трудности, связанные с решением вопроса о границах влияния папы на французскую цер-

---

[1] Теофилантропы («Друзья Бога и людей») — религиозное общество во Франции, образованное в 1796 году и просуществовавшее до 1802 года.

ковь, о возвращении церкви ее имущества, о возрождении духовно-монашеских орденов, не могли отпасть сами собой. Первому Консулу было тем более важно начать переговоры с папой, что они позволили бы ему не только отвратить верующих католиков от Бурбонов, но и упрочить авторитет новой власти. В своем отчете о Конкордате Порталис замечательно емко выразил умонастроение Первого Консула: «Интересы правопорядка и общественного спокойствия не допускают того, чтобы решение вопроса о религиозных институтах было передано на усмотрение церкви». Религия могла стать эффективным сдерживающим началом. Не стремился ли Бонапарт, наряду с достижением миротворческих целей, подчинить себе галликанскую церковь? Скорее всего не вера, а трезвый политический расчет руководил Первым Консулом. Впрочем, здесь не место поднимать вопрос о религиозных взглядах Бонапарта.

Первые же политические шаги, предпринятые консулами, свидетельствовали о намерении правительства положить конец гонениям на церковь. Постановлением от 28 декабря 1799 года неотчужденные храмы передавались в распоряжение «гражданам коммун, во владении которых они находились до первого дня января II года». Они могли быть открыты для верующих постоянно, кроме последнего дня декады. Это постановление совпало с Днем года. «У дверей храмов наблюдалось большое скопление народа, — читаем в одном полицейском донесении. — Закрытые прежде церкви вновь распахнули свои двери на радость толпы, состоящей из представителей обоего пола. Люди пожимали друг другу руки и целовались». То было время, когда еще не возбранялось интересоваться истинными намерениями Первого Консула. Перед вторым итальянским походом Бонапарт поделился ими с Талейраном: «сговориться с новым папой» Пием VII, избранным неутомимым конклавом 14 марта 1800 года.

Переговоры с Римом

Победа при Маренго, упрочив власть Бонапарта, позволила ему приподнять завесу над своими замыслами. 18 июня, отдав распоряжение о проведении торжественного богослужения в миланском соборе, не столько для того, чтобы, как писал «Бюллетень резервной армии», «произвести впечатление на народы Италии», сколько в расчете на французскую общественность. 25 июня он сообщил в Верчелли кардиналу Мартиниану о своем намерении начать переговоры с папой. Эта новость немедленно достигла Рима. Пий VII, не заблуждаясь

относительно ожидавших его трудностей, в целом поддержал идею переговоров.

Монсеньор Спина, архиепископ Коринфский, был приглашен Бонапартом в Париж. Заручившись согласием Курии, 5 ноября он прибыл в столицу. Только здесь узнал он имя своего будущего визави — бывшего генерального комиссара армий в Вандее Бернье, которому Бонапарт поручил вести переговоры под наблюдением Талейрана. Последний не мог принять в них непосредственного участия, так как, проголосовав в свое время за принятие Гражданской конституции духовенства, лишился духовного сана. В том же положении оказался и лидер конституционалистов Грегуар, всегда настойчиво призывавший не доверять коварной дипломатии Ватикана. В отличие от них у Бернье было более солидное прошлое, а также достоинства прирожденного дипломата, которые очень ему пригодились: начавшиеся в ноябре переговоры затянулись на несколько месяцев. Бернье сумел проявить терпение. Ему удалось обеспечить политическое примирение в Вандее и положить конец религиозным конфликтам. Больше чем все генералы, вместе взятые, он способствовал росту престижа Бонапарта. Очень скоро переговоры уперлись в вопрос об отставке епископов. С «конституционными» епископами все было просто, куда сложнее обстояло дело со старыми кадрами священнослужителей, которым папа предложил снять с себя духовный сан. Вправе ли был Пий VII требовать этой жертвы от тех, кто, несмотря на преследования, пытался сохранить верность папскому престолу? Второе осложнение: Рим выражал пожелание, чтобы католицизм был объявлен государственной или, по крайней мере, «главенствующей религией». Между тем французская сторона не могла не считаться с общественным мнением, которое не потерпело бы столь откровенного возврата к прошлому. И последнее: вопрос о церковных владениях, распроданных во время революции под видом национального имущества. Папа соглашался не требовать их возврата, однако предстояло оговорить форму возмещения ущерба. Общей сумме компенсации Бонапарт предпочел вариант, при котором государство брало бы на себя материальную заботу о духовенстве, переведя священнослужителей на оклады. Это был ловкий маневр, обеспечивавший превращение епископов и кюре в «функционеров».

Конкордат

Первая редакция документа, подготовленного к началу ноября 1800 года, не прошла из-за происков Талейрана, который нашел, что он ущемляет интересы как состоящих в браке епис-

копов, так и его собственные. Вторая редакция была отвергнута после взрыва адской машины. Фуше, арестовав действительных виновников — агентов роялизма, — спровоцировал ужесточение позиции Первого Консула на заключительном этапе переговоров. Бонапарт нервничал: Конкордат был необходим ему для того, чтобы упрочить свою популярность и отвратить католиков от роялизма, у которого по-прежнему оставалось еще немало сторонников. Медлительность Ватикана выводила его из себя. Под угрозой военной оккупации Рима в Париж отправился государственный секретарь Пия VII Консалви. Будучи человеком большего масштаба, чем Спина, он переиграл Талейрана. Однако заключительному этапу переговоров суждено было стать драматическим. После трехдневного обсуждения соглашения, редактировавшегося бесчисленное множество раз, был наконец-то намечен день его официального подписания: 13 июля 1801 года. Собираясь уже поставить свою подпись, Консалви (предупрежденный Бернье) вдруг обнаружил, что поданный ему текст не соответствует предварительно согласованному варианту. Последовали выражения протеста, угрозы разорвать отношения, требования выработать новый Конкордат и, наконец, ярость Бонапарта, швырнувшего документ в камин и тут же продиктовавшего девятый (!) вариант, который он безо всякой правки попытался навязать участникам переговоров. Однако Консалви был неумолим. Здесь уместно обратить внимание на реакцию Бонапарта: он не пошел напролом. После принятия компромиссного решения в полночь 15 июля «Соглашение между Его Святейшеством Пием VII и французским правительством» было наконец подписано. В преамбуле правительство отмечало, что римско-католическую религию исповедует подавляющее большинство французов. Принципы реорганизации французской церкви оговаривались в следующих основных статьях: папский престол совместно с французским правительством пересмотрит административное деление на диоцезы. Первый Консул назначает епископов, которым папа доверяет каноническую инвеституру. Епископы и кюре приносят правительству присягу на верность, за это государство выплачивает им жалованье, а церкви получают право пользоваться доходами от своего имущества.

Верующие вздохнули с облегчением. Вскоре, 15 августа 1801 года, Пий VII подписал договор. В немногословном послании он предлагал легитимным епископам сложить с себя священнический сан. Большинство из них так и поступило. Несколько епископов основали на западе страны, в пику Конкордату, малую роялистскую и схизматическую церковь, однако влияние ее на паству было незначительным.

Вскоре Рим направил в столицу своего легата — кардинала Капрара. Со своей стороны, Бонапарт сменил в Вечном городе посла Како на более авторитетного представителя — кардинала Феша, архиепископа Лионского, своего дядю.

Быстро определили новые епархии, во главе которых назначили новых епископов: двенадцать бывших конституционалистов (в числе которых был и Ле Коз), шестнадцать оппозиционеров (в частности, Шампьон де Сисе) и тридцать два вновь призванных (среди них был и Бернье, который хотел стать архиепископом Парижа, но, получив всего лишь должность коадъютора, вынужден был довольствоваться диоцезом Орлеана).

Были и недовольные. В римской курии их было не так много, как во французских законодательных собраниях. Государственный совет встретил Конкордат молчаливым неодобрением. В Трибунате текст соглашения подвергся откровенно ироничной оценке. Во главе Законодательного корпуса находился атеист, а сенат кооптировал своим председателем Грегуара, бывшего епископа-конституционалиста, который резко раскритиковал соглашение. Армия также не скрывала своей враждебности.

Бонапарт воспользовался этой, в общем-то ручной, оппозицией, чтобы поручить новому министру культов Порталису отредактировать, не согласовывая их с папой, основополагающие статьи документа. Эта редакция существенно изменила самый дух Конкордата. Отныне Рим лишался права издавать буллы. Запрещалось созывать соборы и посылать легатов без одобрения правительства. Во всех семинариях вводилось обязательное преподавание декларации галликанской церкви 1682 года. Всем церковнослужителям предписывалось ходить в облачении французских священников, а в храмах пользоваться единым катехизисом. Желая подчеркнуть, что католицизм не является более государственной религией, министр внутренних дел Шапталь включил в свод правил протестантского богослужения пункт, согласно которому как пасторы, так и кюре переводились на государственные оклады.

Результаты Конкордата

18 апреля 1802 года в праздник Пасхи многочисленной религиозной манифестацией во вновь открытом для богослужений соборе Парижской Богоматери было торжественно отмечено возвращение к «свободе вероисповедания». По окончании

службы генерал Дельмас, ярый республиканец, будто бы проворчал: «Ну и капуцинада! Какая насмешка над ста тысячами погибших ради того, чтобы покончить со всем этим». Несправедливый упрек. Не считая эпохи террора, когда в глазах общества католицизм и монархия составляли одно целое, Революция не была враждебна церкви. Гражданская конституция духовенства оказалась несчастьем куда большим, чем спланированный заговор против христианства. Народное воодушевление, вызванное окончанием гражданской войны, смело оставшиеся запреты и превратило своевременно опубликованный Шатобрианом «Дух христианства» в бестселлер.

Словом, Первому Консулу удалось достичь двух целей: восстановить религиозный мир и подчинить церковь государству. Что касается первого пункта, то Людовик XVIII сразу понял, какую опасность представляла для него утрата опоры в лице католицизма. Узнав о начале переговоров, он тут же направил верительные грамоты Мори, представлявшему его интересы перед папским престолом, чтобы не допустить какого бы то ни было соглашения между папством и «чудовищным правительством, которое вот уже десять лет ввергает Францию в скорбь». Однако Пий VII отослал Мори назад в его диоцез на Монтефиасконе. Роялисты в резких выражениях давали выход своей ярости в связи с подписанием Конкордата. Жозеф де Местр писал: «Я от всего сердца желаю папе такой же смерти (и по той же причине), какую я пожелал бы своему отцу, если бы завтра ему случилось запятнать меня позором». Слабость роялистской оппозиции 1803—1809 годов в какой-то мере объясняется умиротворением религиозного конфликта.

Впрочем, победа, одержанная Бонапартом над Римом, оказалась недолговечной. Он хотел вывести духовенство из подчинения папскому престолу и поставить его в зависимость от государства. Но был ли у галликанской церкви, имевшей право на существование в условиях христианской монархии, хоть какой-то шанс выжить в атеистической республике? С чего бы это стала она отдавать предпочтение не папскому престолу — центру всемирного христианства, — а главе государства, который цинично заявлял, что видит в ней лишь свою социально-политическую опору? Дювуазен, епископ Нантский, друг Фуше и один из наиболее преданных сторонников Империи, в таких словах выразит отчаяние, охватившее епископов в пору конфликта между духовенством и Империей. «Я умоляю императора, — диктовал он в 1813 году за несколько часов до своей смерти, — вернуть свободу Святому Отцу. Его неволя омрачает последние мгновения моей жизни».

К миру на континенте

Консульство застало Францию в состоянии войны со второй коалицией, в которую входили Австрия, Россия и Англия. Хотя в сентябре 1799 года и удалось не допустить иноземного вторжения, необходимость заключения мира стояла по-прежнему остро. Разве не воевала страна со всей Европой более семи лет? Бонапарт в полной мере смог ощутить рост своей популярности после подписания Кампоформийского мирного договора.

Придя к власти, он обратился к Англии и Австрии с мирными предложениями, однако ни премьер-министр Питт, ни канцлер Тугут не пожелали начать переговоры. Ответ Англии прозвучал оскорбительно. «Разве якобинство Робеспьера, Триумвирата и пяти директоров хоть в чем-то изменилось, сконцентрировавшись в человеке, воспитанном этой средой?» — возгласил Уильям Питт. Впрочем, Бонапарт и не рассчитывал на положительный отклик; этот политический демарш обеспечил ему поддержку общественности. «Монитор» парировал наскоки английской прессы анонимными статьями, надиктованными, без сомнения, самим Первым Консулом: «Подвергать оппонента оскорблениям — очень древний обычай. Нельзя не признать, что в этом деле англичане оставили нас далеко позади».

Перед Бонапартом открывались две возможности разделаться со своим ближайшим противником — Австрией: заключить союз с Турцией, на манер Франциска I, или с Пруссией в духе Людовика XV. Дескорш де Сент-Круа, посланный в Константинополь для урегулирования с султаном вопроса об оккупации Египта, полагал, что его миссия будет полностью выполнена, если ему удастся договориться о выводе французских войск из Эль-Ариша. Что же касается прусского короля, то Первый Консул направил к нему с дипломатическим поручением верного Дюрока. Дюроку был оказан благосклонный прием: Берлин не возражал против такого сближения, в результате которого Пруссия могла бы рассчитывать на приращение своей территории за счет Германии. И все же Гаугвиц ограничился лишь пространными рассуждениями.

Когда же Бонапарту стало известно, что, после того как англичане нарушили соглашение о капитуляции французских войск из Эль-Ариша, Клебер одержал победу над турками в Гелиополисе, его намерения резко изменились. Вновь охваченный давней восточной грезой, желая удержать завоевания египетского похода, он принял решение впредь не обсуждать, а диктовать условия мира.

Вторая Итальянская кампания

Осажденный в Генуе Массена оказывал австрийцам героическое сопротивление. Сюше сдерживал натиск противника в долине реки Вар. Намереваясь положить конец атакам австрийской армии, Бонапарт решил предпринять наступление на два фронта. Моро, поставленному во главе стотысячной армии, было поручено действовать вдали от Апеннинского полуострова, в Баварии, отвлекая на себя силы генерала Крея. Италию Первый Консул взял на себя. Смелый маневр — переход через Большой Сен-Бернарский перевал, который французская пропаганда приравняла к подвигу Ганнибала, позволил ему, правда, с невероятными усилиями, из-за отсутствия необходимого снаряжения и опыта преодоления горных перевалов большими войсковыми соединениями, обойти австрийцев с тыла. При выходе из ущелья столкновение с фортом Бар, обороняемым капитаном Бернкопфом, могло обернуться для экспедиции катастрофой. Пришлось обходить его высящимися над обрывом тропами, по которым можно было протащить лишь незначительную часть и без того уже изрядно пострадавшей артиллерии. Бонапарт вторгся в Италию почти с таким же малым количеством вооружения, какое было у него в 1796 году.

Цель всех этих усилий состояла в том, чтобы, атаковав с тыла австрийцев, главные силы которых были сосредоточены в Генуе и Ницце, перерезать коммуникации, связывающие их с тылом. Вот почему, вместо того чтобы поспешить на выручку к Массена, в Геную, Бонапарт устремился по дороге в Милан, куда и вступил 2 июня 1800 года. В тот же день через Сен-Готардский перевал подоспело подкрепление из Германии. Австрийцы оказались в ловушке, и Мелас поступил так, как этого и ждал от него Бонапарт: он двинулся к Милану для восстановления прерванных коммуникаций. Однако превосходно задуманный план провалился из-за неожиданной потери Генуи. Теперь армия Меласа имела мощный плацдарм, благодаря которому английский флот мог беспрепятственно снабжать ее боеприпасами и продовольствием. В этой ситуации уже нельзя было ждать, когда противник предпримет прорыв в угодном Бонапарту направлении. Следовало как можно скорее идти наперерез Меласу, чтобы не дать ему войти в Геную. Однако настичь неприятеля оказалось нелегко. 9 июня Ланн, посланный во главе авангарда, столкнулся с австрийцами у Монтебелло, но вскоре опять потерял их. Бонапарту пришлось рассредоточить силы на два больших отряда, направив один, под командованием Дезе, к Генуе, а другой — на север, к истоку По. Опасный маневр. Вторично Наполеон прибегнет

к нему в битве при Ватерлоо, когда в решающий момент корпус Груши опоздает к месту сражения. 14 июня Мелас, сосредоточив силы на бормидском направлении, атаковал значительно поредевшую в результате дробления на поисковые отряды армию Бонапарта. Если бы эти отряды не подоспели вовремя, судьба развернувшегося при Маренго сражения была бы решена в пользу обладавших подавляющим численным превосходством австрийцев.

В три часа дня, после отчаянного сопротивления, войска Бонапарта начали отходить. Мелас уже решил, что сражение выиграно, когда около пяти часов вечера под грохот орудийной канонады в бой вступил головной отряд Буде из дивизии генерала Дезе. Это явилось для австрийцев полной неожиданностью, ведь они были уверены, что сражение уже завершилось. К десяти часам вечера войска Меласа были отброшены за реку Бормида. Поражение обернулось победой. Ею французы были обязаны вовремя подоспевшему Дезе, вскоре сраженному пулей, а не полководческому гению Бонапарта. Здесь следует заметить, что многочисленные трактовки, которые Наполеон давал этой битве, начиная со сводки, отправленной из Итальянской армии, и кончая надиктованными на Святой Елене мемуарами, представляли собою весьма произвольную интерпретацию этого сражения, в котором роль Дезе оказалась приуменьшенной, а заслуги Первого Консула — преувеличенными.

Люневильский договор

Победа при Маренго, превознесенная пропагандой, еще больше укрепила авторитет Бонапарта. Однако пункты подписанного Меласом в Алессандрии договора, предусматривавшего эвакуацию австрийцев из Пьемонта, Ломбардии и Лигурии, не означали прекращения войны. Вена по-прежнему надеялась на победу в Германии. Однако ряд поражений, которые Крей потерпел в Баварии от Моро, сделали эту надежду иллюзорной. Австрии пришлось пойти на переговоры. Для встречи с Жозефом Бонапартом в Люневиль прибыл новый канцлер Кобенцль, однако переговоры зашли в тупик из-за того, что соглашение с Англией о субсидиях не позволяло Австрии заключать сепаратные договоры до февраля 1801 года. «Было очевидно, — писал Жозеф, — что на каждый свой шаг к разумному миру венский двор отваживается лишь под давлением нависшей над ним угрозы, так что нам следует рассчитывать только на силу нашего оружия».

Выведенный из терпения Первый Консул возобновил войну. Пока Итальянская армия под командованием Брюна двигалась к Ломбардии, на германском фронте Моро, окружив в Гогенлинденском лесу эрцгерцога Иоганна, уничтожил 3 декабря 1800 года главные силы австрийцев, открыв французам дорогу на Вену. Бонапарт не простит этой блистательной победы своему сопернику. В результате успехов, одержанных Дюпоном в Пеццоло, Макдональдом — в Альпах и Мюратом — над Неаполитанским королевством, Италия почти полностью перешла в руки французов.

Словом, австрийцев вынудили принять условия Бонапарта. Люневильский договор, подписанный 9 февраля 1801 года, закрепил оговоренные Кампоформийским договором территориальные аннексии в Италии, Бельгии и на Рейне. Из всех своих итальянских владений Австрия сохранила лишь Венецию. Она признала образование Батавской, Гельветической и Цизальпинской республик. Последняя, в частности, расширила свои владения за счет Моденского герцогства и Легацо. Между строк договора прочитывались две преследуемые Бонапартом цели: Италия и Рейн. Признание Веной Цизальпинской республики упрочивало французское влияние в Северной Италии. Эрцгерцог Фердинанд, уступив Тоскану инфанте испанской, жене герцога Пармского, подтвердил распространение этого влияния за пределы Цизальпинской республики. Что касается Германии, то Австрии пришлось согласиться на границу по Рейну между Францией и Империей. Ей не удалось также воспрепятствовать вмешательству Франции в вопросы, касающиеся возмещения убытков лишенным своих владений левобережным князьям.

Амьенский мир

Оставались еще Англия и Россия. У Бонапарта имелись основания многого ожидать от России. В самом деле, Павел I был от него в восхищении, а при уставшем от требовательных эмигрантов русском дворе образовалась своего рода партия франкофилов. Желая упрочить наметившиеся благоприятные тенденции, Бонапарт отпустил домой семь тысяч русских солдат, взятых в плен в Швейцарии, а 21 декабря 1800 года направил царю письмо, в котором предложил заключить союз между «двумя могущественнейшими мировыми державами». В нем, в частности, шла речь о таком разделе Турецкой империи, при котором Константинополь отходил бы к России, а Египет — к Франции. Правда, этот вариант не устраивал Анг-

лию, покровительствовавшую султану для того, чтобы обезопасить подступы к Индии. Уже Россия стала отдаляться от Англии, уже в декабре 1800 года образовалась Лига нейтральных государств (Швеция, Дания и Пруссия), блокировавшая главные пути британской торговле, когда в марте 1801 года подкупленные партией англофилов офицеры задушили царя в его спальне. Бомбардировка 2 апреля Копенгагена, предпринятая английской эскадрой, ускорила распад Лиги нейтральных государств. Новый царь, Александр I, едва взойдя на престол, повел дело к сближению с Англией.

Париж с прискорбием воспринял весть о смерти русского императора. «Павел I умер в ночь с 24-го на 25 марта, — сообщала «Монитор». — 31 марта английская эскадра прошла через Эресуннский пролив. Когда-нибудь история приподнимет завесу над возможной связью между этими событиями». И все же Бонапарт не отказался от демаршей в отношениях с Россией, направив в апреле 1801 года Дюрока в Санкт-Петербург.

Он прекрасно понимал, что не справится с Англией, не добившись превосходства на море, и делал все, чтобы преуспеть в этом. 1 октября в Сент-Ильдефонсе было подписано секретное соглашение с Испанией. В обмен на данное в Люневиле обещание подарить герцогу Пармскому итальянское королевство Бонапарт получил Луизиану, которая могла бы стать опорным пунктом на случай войны с Англией, и шесть военных кораблей. Аранхуэсский договор, подписанный 21 марта 1801 года, подтвердил ключевые пункты соглашения, оговоренные в Сент-Ильдефонсе. На основании Флорентийского договора 29 марта неаполитанский король уступал Франции остров Эльба и закрывал свои порты для английских кораблей. Были подписаны также договоры с Алжиром, Тунисом и Триполи. Договор, заключенный 3 октября 1800 года в Монтфонтене, восстанавливал между Францией и Соединенными Штатами «прочный, нерушимый и всеобъемлющий мир», основанный на признании основополагающих принципов морского права.

Все это грозило Англии серьезными осложнениями. Разумеется, война дала ей очень много: французские и голландские колонии, Мальту, захваченную ею в сентябре 1800 года, выгодную контрабандную торговлю с испанскими колониями в Америке, усиление влияния в Индии, отпадение от Франции Египта, ставшее неизбежным после убийства Клебера (14 июня 1800 года), которого сменил недалекий Мену, подписавший в августе 1801 года капитуляцию.

Однако явный рост престижа Франции, возраставшие в английском обществе симпатии, приведшие к возникнове-

нию среди элиты партии франкофилов, беспокоили Англию. К тому же экономика этого островного государства начала испытывать негативные последствия кризиса, явившегося результатом инфляции и недорода 1799 и 1800 годов. Армии приходилось подавлять вызванные ростом цен народные волнения. Нерешенность ирландской проблемы, а также безумие короля лишь осложняли положение. В начале февраля Питта сменил Аддингтон. Возглавивший внешнеполитическое ведомство лорд Хауксбери предложил Парижу начать мирные переговоры. В ответ Бонапарт направил в Лондон баденца Луи Отто. Переговоры едва не провалились, споткнувшись о египетскую проблему. В результате, по предварительному соглашению (1 октября 1801 года), было решено, что Египет отойдет Турции, а Мальта возвратится к своим прежним хозяевам — рыцарям ордена Святого Иоанна. Вопрос об эвакуации англичан ставился в зависимость от ухода французов из всех неаполитанских портов. Англия оставляла за собой свои колонии за исключением островов Тринидад и Цейлон.

Подписание предварительного соглашения было с энтузиазмом встречено британской общественностью, уставшей от войны и растерявшейся перед угрозой растущей нищеты: 15 процентов англичан оказались за чертой бедности. Раздавались даже голоса, выражавшие сожаление в связи с отсутствием торгового договора. Франция была признательна Первому Консулу за то, что он сдержал данное в Брюмере обещание положить конец конфликту.

Дело дошло наконец до выработки итогового документа, подписанного 27 марта 1802 года в Амьене Жозефом Бонапартом и Корнуоллом. Перед этим 8 октября 1801 года был заключен мирный договор с Россией, а 9 октября — с Турцией.

Опустошаемая на протяжении десяти лет войной Европа обрела наконец мир. Впрочем, на деле речь шла скорее о передышке. Наполеон отнюдь не склонен был отрекаться от своей восточной грезы, да и Англия не собиралась мириться с гегемонией Франции на континенте. Ссылаясь на Берка, которому в 1790 году на месте нашей родины виделась бескрайняя пустыня, Шеридан воскликнул в палате общин: «Взгляните на эту карту, на ней повсюду Франция».

И все же Амьенский мир получил всеобщее одобрение: «Рабочие говорят о мире и о Первом Консуле с неподдельным энтузиазмом. Их вера в правительство не знает границ. Иначе — в светских кругах, где это счастливое событие почти не обсуждается. Похоже, там оно, напротив, вызывает скорее разочарование. Поговаривают, не без иронии, что народу мнится, будто на него снизойдет манна небесная, и удивляются удаче,

которая неизменно сопутствует всем начинаниям Первого Консула».

В провинции и особенно в портовых городах, пострадавших из-за войны на море, новость была воспринята с большей радостью, чем в Париже. В Бордо дома будто бы даже были иллюминированы. По сообщениям префектов, юг, за исключением средиземноморского побережья, проявил большую сдержанность, чем север. Так или иначе, но благодаря прекращению военных действий престиж Бонапарта значительно вырос. После Кампоформио и Люневиля — Амьен. Бонапарт представал миротворцем. До образа корсиканского людоеда было еще далеко.

Преодоление экономического кризиса

В 1801 году еще можно было сомневаться в прочности режима. Да, якобинцы и роялисты потерпели серьезное поражение. Весть о победе при Маренго уничтожила в зародыше заговоры, которые плели некоторые неуверенные в завтрашнем дне брюмерианцы. Армия, несмотря на происки кучки генералов, сохраняла спокойствие. Парижские предместья, по заверениям Фуше, не вызывали опасений. И все же стоило какому-нибудь уличному восстанию объединить оппозиционные силы, и оно смело бы консульское правительство. Больше всего на свете Бонапарт боялся голодного бунта. Ни Людовик XVI, ни монтаньяры так и не смогли найти от него действенного средства. Насилие? «Солдаты не любят стрелять в женщин, которые кричат у хлебных лавок с детьми на руках», — заметил Наполеон в одном из писем. Урожай 1799 года оказался скудным, и цена на мешок муки резко подскочила. Однако в июне все возвратилось на круги своя. Известие об очередной победе (при Маренго) совпало со снижением цен на хлеб. От прошлогодней дороговизны остались лишь воспоминания.

Однако к весне 1801 года хлеб вновь вздорожал по всей территории Франции. К концу года его цена достигла в столице 18 су за 4 фунта, что было рабочим явно не по карману. Жители парижских окраин, где хлеб стоил еще дороже, ездили за покупками в город, что способствовало углублению продовольственного кризиса. С четырех утра у булочных выстраивались огромные очереди. На улице Сент-Оноре нападению подвергся обоз с продовольствием. В провинции грабежи стали реальностью повседневной жизни. В Марселе, Лилле и Амьене магазины охранялись армейскими подразделениями. На перекрестках и на рынках появлялись велеречивые орато-

ры, возлагавшие ответственность за сложившееся положение на правительство. В воздухе запахло грозой, когда к голоду добавилось общее обострение экономической ситуации, выразившееся в росте безработицы в Лионе, Руане и Седане. В докладах префектов говорилось о неустойчивости в настроениях масс. Казалось, возвращаются худшие времена террора. Общественное сознание воспринимало свертывание торговли между Францией и Англией как результат не только спада производства, но и страха перед тотальной нищетой. Надо было принимать срочные меры.

После непродолжительного колебания Бонапарт вызвал к себе 27 ноября министров полиции и внутренних дел, четырех государственных советников: Крете, Дефермона, Редерера и Реаля, а также префекта полиции Дюбуа. Прессе велено было хранить молчание. «Голод — это такая тема, на которую никому не дано говорить с народом безнаказанно», — напомнил Шапталь. Постановлением от 30 ноября пяти банкирам поручалось доставлять в Париж от сорока пяти до пятидесяти пяти тысяч центнеров зерна ежемесячно. Вскоре их сменила компания, основанная финансистамиУвраром и Ванлербергом.

«Бонапарт, — вспоминает в своих мемуарах Уврар, — знал, что голод нередко влечет за собой волнения и бунты. Опасные для старых правительств, они во сто крат опаснее для новой власти. Он чувствовал, что теряет популярность, видел, что его авторитет погибнет, если он не пресечет голодные бунты, но понимал также, что скомпрометирует себя, если прибегнет к силе. Ему необходимо было любой ценой выйти из тупика. Вот почему он с такой готовностью согласился на наши предложения!»

Уврар и Ванлерберг предложили за два процента комиссионных закупить в английских и голландских портах весь уже доставленный туда груз пшеницы и переправить его в Гавр. «Результаты не заставили себя ждать, успех оказался таким очевидным, поступления в порты Гавра и Руана такими значительными, что менее чем за три недели все опасения рассеялись. Этого оказалось более чем достаточно, чтобы ликвидировать нависший над страной голод!» О важности достигнутого при этом психологического эффекта свидетельствует одно из донесений префекта полиции: «Эти поставки благоприятно сказываются на обстановке, способствуют снижению цен на зерно и муку и явно успокаивают иные горячие головы». Цену на хлеб удалось удержать ниже критической отметки в 18 су и нормализовать хлебную торговлю. Париж избежал голода.

В столице возобновились общественные работы, бедняков

кормили благотворительным супом, помогая рабочему люду пережить зиму. Некоторым испытывавшим финансовые трудности мануфактурам Парижа, Лиона и Амьена были выделены беспроцентные кредиты. «В нынешних условиях Банк ведет себя слишком осмотрительно, — писал Бонапарт одному из его управляющих, Перрего. — Он мог бы приносить больше пользы». Первый Консул поощрял деятельность Коммерческой дисконтной кассы, контролировал другие финансовые учреждения (Коммерческий банк, Территориальный банк, Кассу Лафаржа, Общество наличного расчета), восполняя их наличность посредством акционерных обществ.

К концу 1802 года кризис пошел на убыль. Похоже, Бонапарту удалось то, что оказалось не под силу Людовику XVI и Революции. Правда, не было принято никаких мер для преодоления некоторого спада производства. Впрочем, речь шла не столько о действительном товарном дефиците, сколько о панике. История сохранила воспоминание лишь о победе Первого Консула над голодом и безработицей. В глазах общественности эта победа была куда важнее победы при Маренго, а ее психологический эффект мог сравниться разве что с заключением Амьенского мира.

Глава IV

КОРОНОВАННЫЙ ВАШИНГТОН

«После Маренго, — пишет Тибодо, — уже ни о чем не говорили, кроме как о наследственных и династических правах, о необходимости сильного правительства, об ослаблении влияния других государственных учреждений, прежде всего — Трибуната, а также о том, что настало наконец время консолидации общества. Министр внутренних дел Люсьен Бонапарт был одним из наиболее убежденных проводников этих идей, Редерер укреплял их силою своего философского ума, а Талейран — единодушной поддержкой кабинета министров».

Общественность выступала за усиление властных полномочий Первого Консула. Что скрывалось за всем этим? Поиски оптимального варианта или угодничество? Бонапарт хранил молчание. Люсьен чуть было не испортил дело, опубликовав в октябре 1800 года «Параллель между Цезарем, Кромвелем, Монком и Бонапартом». Брат подверг его опале и отправил послом в Мадрид, назначив министром внутренних дел Шапталя. И все же, поддерживаемая людьми из окружения Бонапарта, подкрепляемая посулами, данными в свое время брюмерианцам, идея упрочения консульской власти пускала все

более глубокие корни. В 1802 году она приняла очертания пожизненного консульства, а через два года — Империи.

«Надо, — говорил Бонапарт Тибодо, — чтобы формы правления в соседних государствах приблизились к нашей или чтобы наши политические институты пришли в относительное соответствие с теми, которые сложились у них. Между старыми монархиями и новой Республикой существует дух противоборства. В этом — причина всех наших европейских раздоров».

Так, во имя прочного мира, была обоснована необходимость возрождения монархии. Выражение «формы» употреблено Бонапартом не случайно. Завоевания Революции должны были остаться в неприкосновенности, но имело смысл подумать об изменении внешнего облика исполнительной власти, о придании ей видимости соответствия той, что существовала в других европейских государствах. Вся эта кампания была организована как выражение признательности Первому Консулу за успехи, достигнутые им за два года в области внутренней и внешней политики. Однако это надо было провести через голову «политического класса», всегда готового воззвать к народу. Процедура выборов VIII года проходила еще в соответствии с революционными принципами. Выборы X и XII годов вылились уже в настоящий плебисцит.

Политическая оппозиция

Брюмерианцы, и в особенности идеологи, проявляли беспокойство: Бонапарт становился значительной фигурой. Призрак диктатуры, ничего общего не имеющей с коллегиальным правлением, тем более пугал их, что Сиейес был отстранен от власти. Следуя рекомендациям Бенжамена Констана, он ввел в законодательные собрания своих сторонников, чтобы воздвигнуть перед амбициями Первого Консула заслон в виде законодательной власти, и трибуны сразу же заявили о своей нелояльности. В январе 1800 года на первой сессии они избрали председателем Дону, члена Института. Подразумевая Пале-Рояль, место проведения заседаний, Дюверье заявил: «Если кто-либо осмелится заговорить здесь о двухнедельном кумире, мы напомним всем, что эти стены были свидетелями падения полуторатысячелетнего кумира»[1]. Ропотом неодобрения было встречено выступление Риуфа, сравнившего Бонапарта с Ганнибалом. Оппозиция задавала тон в Законодательном со-

[1] Речь идет о французской монархии (481—1792 годы).

брании под председательством Грегуара. И все же не стоит преувеличивать его оппозиционность. Законы о налогах X года, о префектурах, о реорганизации судебной системы прошли с первой подачи.

В ноябре 1800 года начала работу вторая сессия. Возглавляемая Ганиелем, Малларме, Андрие и Констаном, вдохновляемым госпожой де Сталь, оппозиция в Трибунате возобновила деятельность с еще большим рвением. Отклоняются проекты законов о государственных архивах и о процедуре вынесения приговоров по уголовным делам. Это приводит Бонапарта в ярость. 5 декабря он обрушивается в Государственном совете на «голубые ленточки 1793 года, самолюбию которых, похоже, не дают покоя слишком яркие воспоминания». «Результатом всего этого, — продолжает он, — будет то, что они не позволят нам выработать нужное количество законов, разрешат принять лишь самые необходимые, вроде закона о бюджете, и заставят этим ограничиться». Предупреждение осталось без внимания. Борьба возобновилась вокруг закона о чрезвычайных мерах, о государственных займах и мировых судах. Бонапарт был вне себя: «Эту свору метафизиков давно пора утопить. Настоящие паразиты, забившиеся в складки моей одежды. Уж не думают ли они, что я позволю поступить с собой, как с Людовиком XVI?» Это была уже угроза в адрес идеологов.

В октябре 1801 года открывается очередная сессия. Председателем Трибуната избран Дюпюи, автор исследования «О происхождении религиозных культов». Этот атеист, бывший член Конвента, противник переговоров Бонапарта с Римом — очередной вызов Первому Консулу. Слово «субъект», употребленное в тексте одного из мирных договоров, подписанных Бонапартом с Россией, Баварией, Соединенными Штатами Америки, Королевством Обеих Сицилий и Португалией, вызывает гнев Жингене, Костаза и Жара-Панвилье. Однако решающее сражение развертывается вокруг первой редакции Гражданского кодекса. Бонапарт вынужден забрать свой текст о гражданских правах. Это поражение. Поражение, омраченное выступлением далеко зашедшего в своей заносчивости Шазаля: в тот момент, когда Бонапарт поехал за титулом президента Итальянской республики, он напомнил, что ни один гражданин Франции не имеет права быть членом правительства иностранного государства.

Подоспевший срок обновления на одну пятую состава Трибуната и Законодательного корпуса позволил Бонапарту избавиться от наиболее рьяных идеологов. Проведение акции было поручено второму консулу, Камбасересу. Вместо того чтобы

прибегнуть к жеребьевке, привычной, хотя и не предусмотренной конституцией процедуре, Сенат назначил триста двадцать «старых» и восемьдесят «новых» членов. Так, без лишнего шума исчезли Бенжамен Констан, Ларомигьер, Жингене, Дону, Жан Батист Сей, Андрие, Иснар, Ганиль и Байель. Законодательный корпус, где благодаря молчаливости его членов и анонимному голосованию сопротивление было более умеренным, покинули люди из ближайшего окружения Сиейеса, а также друзья мадам де Сталь: Бреар, Лакретель... Никто не возражал. В сущности, назначенные, а не избранные представители идеологии не пользовались поддержкой народа. Они верили в свое интеллектуальное превосходство, надеясь навязать его Бонапарту и обществу. Преданные частью брюмерианцев, брошенные на произвол судьбы общественностью, они стали легкой добычей. Их личные интересы преобладали над их принципами. Победы Бонапарта оказались весомее собраний сочинений идеологов. Выяснилось, что салоны мадам де Кондорсе и мадам де Сталь — еще не вся Франция.

Другим очагом сопротивления была армия. Ее профессиональные кадры состояли из убежденных республиканцев. Разве не Революции обязаны были генералы своим продвижением? «То, что они принимали за любовь к Республике, — пишет Токвиль, — являлось скорее любовью к Революции. В самом деле, армия оказалась во Франции единственным организмом, все члены которого так или иначе выиграли от Революции, извлекли из нее выгоду». Вынужденная праздность, как следствие мира на континенте, зависть к более удачливым или более дерзким командирам также порождали немало злобы. Недовольные группировались вокруг Моро. Ожеро, Лекурб, Дельмас вели подстрекательские разговоры. В Ренне, в ближайшем окружении Бернадота и его адъютанта, генерала Симона, тлел заговор под названием «горшки с маслом». Эти горшки использовались для нелегальной транспортировки антибонапартистских памфлетов. Первый Консул без особого труда призвал зачинщиков к порядку: Декаен отбыл в Иль-де-Франс, Ришпанс — в Гваделупу. Лекурба сместили, а затем вовлекли в какую-то аморальную аферу. Брюн отправился послом в Константинополь.

Недостаток твердости республиканских генералов, в том числе Бернадота, помилованного, так как он был свояком Жозефа Бонапарта, усугублялся неблагонадежностью войск. Заговоры стали привилегией офицерства. Солдаты в них не участвовали. Их устраивало прекращение военных действий. Фуше, которого Бонапарт заподозрил в излишней снисходительности к оппозиции, а также во враждебном отношении к

идее пожизненного консульства, был смещен. Правда, весьма деликатно: министерство упразднили, а его бывший глава стал членом сената.

Не утратившие надежды роялисты, поредевшие якобинцы и прирученные идеологи беспомощно взирают на то, как официальная пропаганда превозносит достижения Бонапарта. Последний ходит героем: это он восстановил мир в стране и на континенте, стал подлинным оплотом революционных завоеваний, национальным миротворцем, который распахнул двери перед эмигрантами, однако сохранил в неприкосновенности национальное имущество, восстановил приходы, но не допустил возрождения феодализма. Обратимся к мемуарам Ламартина. В них нашло отражение то воодушевление, которое вызывала в народе личность Бонапарта: «Первый памятный мне всплеск политического энтузиазма поразил меня на одном деревенском дворе, примыкавшем к двору нашего дома. Он принадлежал некоему молодому человеку по имени Жанен, чуть более образованному, чем его земляки, обучавшему приходских детей грамоте. Как-то раз, выйдя под звуки рожка и барабана из лачуги, в которой размещалась его школа, и окружив себя мальчиками и девочками, он указал им на картинки с изображением выдающихся людей, которыми торговал разносчик. “Вот, — сказал он им, — сражение у пирамид в Египте, выигранное генералом Бонапартом. Этим невысоким, худым и почерневшим от загара человеком, который с саблей в руке гарцует перед горой обтесанных камней, именуемых пирамидами”. Все утро разносчик торговал этими свидетельствами национальной славы, а Жанен растолковывал виноградарям их содержание. Его энтузиазм передался местным жителям. Так я получил первое представление о славе. Конь, султан и длинная сабля навсегда стали для меня ее символами. Эти простолюдины долгое время, быть может — всегда, были солдатами. Приобретенные картинки и то, что на них было изображено, зимними вечерами обсуждалось в домах, на конюшнях, и всякий раз в дом приглашали Жанена, чтобы он прочитал вслух подписи под этими прекрасными и правдивыми изображениями».

В прославление была вовлечена и поэзия, от официальных пиитов до скромного ученика ремесленной школы:

Ты, кто не знал ни страхов, ни сомнений,
Кого по жизни вел могучий гений,
Едва на свет родившись, в тот же миг
И мужества, и зрелости достиг.

Или:

Он возвратит нам скоро
И славу, и свободу —
Надежда и опора
Французского народа.

«Журналь де Пари» так представляет Бонапарта: «На редкость могучий организм Первого Консула позволяет ему работать по восемнадцать часов в сутки и на протяжении этих восемнадцати часов концентрировать свое внимание на одном деле или же равномерно распределять его на двадцать дел так, что сложность какого-либо из них или утомление от него не идут в ущерб другим».

Проникновенный рассказ о битве при Маренго — творение Жозефа, конного гренадера консульской гвардии.

Широкомасштабное промывание мозгов, начатое во время первой итальянской кампании, принесло плоды, обеспечив Бонапарту преданность нотаблей и простолюдинов.

Меняет формы поддержка, которую оказывают Бонапарту люди из его поделенного на кланы политического окружения: Фуше против Люсьена, Талейран и Редерер, тайный советник Бонапарта в начале Консульства, — против того же Фуше. Самые гибкие, убежденные в необходимости укрепления исполнительной власти брюмерианцы: Талейран, Камбасерес и Редерер сближаются с умеренными, бывшими фрюктидорианцами, сторонниками конституционной монархии — Барбе-Марбуа, Мюрером, Дюма, Порталисом. Симеон так определяет позицию этих потомков «монархистов 1789 года», пришедших на смену идеологам: «Народ, хозяин и распорядитель суверенитета, вправе сместить свое правительство. Восстановление свергнутой династии, низложенной не столько в результате трагического стечения обстоятельств, сколько в наказание за совершенные ею ошибки, неприемлемо для уважающей себя Нации. Неужели мы, уставшие от Революции, не найдем ничего другого, как вновь влезть в сброшенное двенадцать лет назад ярмо? Так не впадем же в заблуждение, расценивая как Революцию то, что в действительности является лишь ее порождением. Нам предстоит завершить ее».

Вот в каком направлении эволюционировало течение «неомонархизма», призывавшее к упрочению пожизненной власти Бонапарта.

Пожизненное консульство

Успехами Бонапарта мотивировалась инициатива выражения всенародной признательности, с которой Трибунат выступил 6 мая 1802 года. Однако сенат, обработанный главарем

сторонников Республики Фуше, согласился лишь на досрочные перевыборы Бонапарта сроком на десять лет. В присущей ему манере, сочетавшей сноровку политика с лукавством юриста, Камбасерес посоветовал Первому Консулу согласиться с решением сената, «если таковой будет воля народа». На деле за этими словами скрывался призыв к очередному плебисциту. Вынесенная же на голосование формулировка до неузнаваемости изменила решение сената. Нацию спрашивали не о том, согласна ли она на досрочные перевыборы на десятилетний срок, а о том, как она относится к пожизненному продлению властных полномочий Бонапарта: «Будет ли Наполеон Бонапарт пожизненным консулом?» Вот как был поставлен вопрос.

Отметим мимоходом изменившуюся форму обращения. До сих пор его называли «гражданин Бонапарт» или «генерал Бонапарт». Впервые после Бриенна, где он подвергался саркастическим насмешкам, из небытия выступает его настоящее имя: Наполеон, нередко писавшееся как Наполеоне, и притом в официальных документах. От генерала Бонапарта перешли к Наполеону Бонапарту. Не за горами уже было то время, когда станут говорить Наполеон, предав Бонапарта забвению.

Референдум о пожизненном консульстве Наполеона Бонапарта проходил в условиях, сходных с теми, в которых народ выразил свое отношение к Конституции VIII года. Было собрано 3 миллиона 600 тысяч голосов «за» и 8 374 — «против». 2 августа 1802 года сенату волей-неволей пришлось провозгласить Наполеона Бонапарта Первым Пожизненным Консулом.

По сравнению с предыдущим референдумом количество утвердительных ответов выросло на 500 тысяч. Нормальный итог, даже если допустить, что имела место некоторая фальсификация. Он объективно отражал мнение общества. Амьенский мир, религиозное умиротворение, амнистия эмигрантам принесли Бонапарту голоса многих роялистов и некоторой части воздерживавшихся до сих пор умеренных. Зато его покинули республиканцы: в списках голосовавших не было уже многих бывших членов Конвента, оставшихся после Брюмера не у дел. Бойкотировали выборы и идеологи Института. Так оформлялся развод Бонапарта с прогрессивным крылом брюмерианцев. И это несмотря на заблаговременно принятые меры. Станислас де Жирарден вспоминает:

«Один из наших генералов выстроил вверенных его попечению солдат и объявил: “Товарищи, речь идет о назначении генерала Бонапарта пожизненным консулом. Волеизъявление свободно. Однако должен предупредить вас, что первый же, кто не проголосует за пожизненное консульство, будет расстрелян на глазах у всего полка”».

Бонапарт на перевале Гран-Сен-Бернар. 1801 год. *Картина Давида*

Утро 18 брюмера. (9 ноября 1799 года перед отбытием в Тюильри Бонапарт встречается с генералами, поддерживающими план переворота.)
Гравюра по картине Шампьона

19 брюмера. Бонапарт в Совете пятисот. *Картина Бушо (фрагмент)*

Три консула: Камбасерес, Бонапарт и Лебрен. 1799—1804 годы

Открытие Государственного совета 26 декабря 1799 года.
(Бонапарт, Камбасерес и Лебрен принимают присягу.) *Картина Кудера*

Бонапарт — Первый Консул. *Картина Энгра*

Наполеон подписывает Конкордат с Римом 15 июля 1801 года. *Картина Жерара*

Пий VII (1740—1823), папа римский с 1800 года

Орден Почетного легиона различных степеней.
Учрежден Первым Консулом 29 фримера X года (19 мая 1802 года)
за особые военные и гражданские заслуги

Жан Шарль Пишегрю
(1761—1804)

Жозеф Фуше (1759—1820)

Расстрел герцога Энгиенского 21 марта 1804 года

Император Наполеон I. *1804 г.*

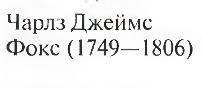
Корона Наполеона

Коронация Наполеона 2 декабря 1804 года. (Наполеон возлагает корону на голову Жозефины.) *Картина Давида (фрагмент)*

Уильям Питт
(1759—1806)

Чарлз Джеймс
Фокс (1749—1806)

Джорж Каннинг
(1770—1827)

Горацио Нельсон
(1758—1805)

Битва
при Трафальгаре
2 октября 1805 года.
Картина Майера

Капитуляция Ульма 20 октября 1805 года. *Картина Тевенена*

Наполеон в битве при Йене 14 октября 1806 года. *Картина Верне*

Наполеон после битвы
при Эйлау
8 февраля 1807 года.
(Император
осматривает поле боя
и утешает раненых.)
Картина Гро (фрагмент)

Наполеон со своим
штабом при Фридланде
14 июня 1807 года

Иоахим Мюрат (1767—1815), маршал Франции, король Неаполитанский

Луи Николя Даву (1770—1823),
маршал Франции,
герцог Ауэрштедтский,
князь Экмюльский

Жан Ланн (1769—1809),
маршал Франции,
герцог Монтебелло.
Портрет работы Жерара

Наполеон в Тильзите. 1807 год. (Рядом с Наполеоном император Александр I, прусская королева Луиза и Фридрих Вильгельм III.) *Картина Госсе*

В ряду оппозиционеров отметим и такое авторитетное лицо, как Лафайет: «Я не стану голосовать за бессрочные полномочия этого должностного лица до тех пор, пока не будут обеспечены гарантии демократических свобод. Когда это случится, я отдам свой голос за Наполеона Бонапарта». В письме, адресованном Первому Консулу, он в пространной форме обосновывает свое решение: «Невозможно поверить, чтобы вы, генерал, первый среди людей, нуждающихся для определения своего места и значения в примерах из всемирной истории, допустили, чтобы эта революция, ее победы и кровь, страдания и геройство не имели бы для человечества и лично для вас иного результата, кроме торжества произвола».

В избирательном реестре департамента Сена сохранилась такая лаконичная запись, запечатленная менее прославленным пером некоего Дюшена: «Я говорю “нет”, как и подобает другу свободы, поскольку такое увековечение власти в одних руках несовместимо с принципами разумного государственного устройства». Дюшен не был подвергнут репрессиям.

Термидорианская реформа X года

Сенатус-консульт, принятый 4 августа 1802 года по итогам плебисцита, внес изменения в систему государственного устройства, узаконенную Конституцией VIII года. Он существенно укрепил власть Первого Консула, получившего право представлять сенату своего преемника, что явилось важным шагом к восстановлению наследственного принципа. Первый Консул наделялся также правом заключать мирные и союзнические договоры, отменять смертные приговоры суда, назначать двух других консулов. Реформа облагодетельствовала и сенат. Взамен утраченной прерогативы назначать консулов он посредством сенатус-консульта (принимаемого двумя третями присутствующих) решал вопросы, «не оговоренные конституцией, однако важные для ее успешного функционирования», разъяснял «смысл допускающих разноречивое толкование статей» и, наконец, относительным большинством мог вотировать чрезвычайные меры: ограничивать индивидуальные свободы, приостанавливать деятельность суда присяжных, распускать Законодательный корпус и Трибунат. Однако большая власть даровалась сенату в обмен на послушание: хотя его состав по-прежнему формировался посредством кооптации, Первый Консул мог довести его численность до ста двадцати членов, назначая «в обход представлений избирательных коллегий департаментов граждан, отличившихся своими та-

лантами и заслугами». Наряду с этим в распоряжении Первого Консула имелись возможности подкупа, полученные им не только в результате отмены положения о недопустимости совмещения должностей, которое во фримере VIII года отстранило сенаторов от всех других форм общественной деятельности, но и благодаря праву наделять сенаторов земельными угодьями, к которым прилагались комфортабельное жилье и доход от 20 до 25 тысяч франков. Таким образом, сенат становился первой властной структурой государства. Однако на деле «сенат, — как конфиденциально заметил Бонапарт своему брату Жозефу, — обрел свой вес в обмен на послушание правительству. Ему суждено было стать собранием пожилых изношенных людей, неспособных оказывать сопротивление энергичному консулу».

Остальные законодательные собрания, напротив, утратили изрядную долю своих полномочий. Законодательный корпус перестал регулярно собираться на сессии. Численность Трибуната сократилась до пятидесяти членов, а Государственный совет на глазах вырождался в заурядное административное учреждение. Списки выборщиков сменились кантональными, окружными и департаментскими избирательными коллегиями. Кантональное собрание, состоящее из всех жителей кантона, выдвигало своих представителей в муниципальные советы и мировые суды. Список этих представителей в количестве ста человек составлял префект, внося в него дополнительные кандидатуры. Кантональное собрание выдвигало членов окружной и департаментской коллегий избирателей. Члены департаментской коллегии рекрутировались из списка, включающего шестьсот человек, плюс дополнительные кандидатуры. Окружные коллегии выдвигали по одной кандидатуре на вакантные места в Трибунате и Законодательном корпусе. Департаментские коллегии — по одной — в Законодательный корпус и сенат. Этот возврат к системе пропорционального представительства через депутатов местных коллегий, несмотря на сохранившийся избирательный ценз, по видимости, представлял собою более совершенный тип законодательной власти. Однако на практике Первый Консул лично контролировал все выдвижения, назначал председателей избирательных коллегий и мог по своему усмотрению включать дополнительно десять кандидатур в каждую окружную и двадцать — в каждую департаментскую коллегию. Летом X года произошел переход от брюмерианской, еще вполне республиканской формы правления, к деспотической, которой недоставало лишь титула монарха или императора.

Возврат к монархическим формам правления

Вот как выглядит в рассказе Тибодо прибытие Бонапарта в сенат 9 фрюктидора X года: «Тогда он впервые блеснул перед публикой всеми атрибутами своей верховной власти. С раннего утра мосты и улицы, по которым ему предстояло проследовать, были взяты под охрану. От Тюильри до Люксембургского дворца войска образовали двойной заслон. Первый Консул ехал в карете, запряженной восьмеркой лошадей. За ним следовали шесть правительственных карет со вторым и третьим консулами, министрами и ораторами Государственного совета, и все это в сопровождении многочисленного и великолепного эскорта адъютантов, гвардейских генералов, генеральных инспекторов всех родов войск. Депутация из десяти сенаторов вышла встречать его у подножия лестницы». Как мало похож он здесь на брюмерианского консула! Теперь это уже самый настоящий монарх, направляющийся во дворец. Вновь появляются ливреи, исчезает из обихода обращение на «ты». Возобновляются официальные церемонии, дворцовая охота, мессы в Сен-Клу. Растет численность консульской гвардии. В придворной жизни все еще преобладает военный стиль, однако в окружении Жозефины, удостоившейся в 1802 году официального титула, мелькают имена с дворянской частицей «де» (мадам де Ремюза, де Лористон, де Талуэ, де Люсе). Все более выверенный этикет и придворные наряды предвещают возрождение монархических форм жизни, а в законах, принятых в X году, уже просматривается будущая социальная политика Империи. Ширится поток возвращающихся эмигрантов, и восстановление престижа дворянства как бы находит свое выражение в учреждении ордена Почетного легиона. Правда, потребовалось три заседания Государственного совета, чтобы декрет о нем был принят с незначительным перевесом голосов (14 против 10). В Трибунате и Законодательном корпусе он прошел с большим трудом, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление. Орден был учрежден с целью поощрения военных и гражданских лиц, оказавших значительные услуги Республике. На смену вручавшемуся прежде именному оружию пришел иерархически организованный орден, включавший в себя шестнадцать когорт, и административный совет во главе с гроссмейстером. Предполагалось, что его материальную основу составят поместья из еще не распроданного национального имущества[1]. Хотя члены нового ордена и обязаны

[1] Имеются в виду земельные фонды из конфискованных революцией земель церкви и эмигрантов.

были присягать на борьбу с любыми попытками реставрации феодализма и его общественно-политических институтов, часть брюмерианцев усмотрела в этом авангарде нового патрициата предательство Бонапартом идеалов Республики. 28 флореаля X года (18 мая 1802 года) в своем выступлении перед Трибунатом Савуа-Роллен подверг проект декрета резкой критике: «Учреждение этого ордена в буквальном смысле подрывает основы Конституции». И уточнил: «Соглашаясь на него, вы узакониваете патрициат, который со временем навяжет вам восстановление потомственного и служилого дворянства». Шовлен, в свою очередь, изобличал орден, опутавший своими когортами всю Францию. Иерархия ордена, включающая соподчиненные и смежные структуры, приведет к возникновению могущественной организации, чреватой возвратом к «корпоративному духу, извращающему самые глубокие мысли и искажающему самые благородные побуждения». В итоге Трибунат одобрил проект лишь 56 голосами против 36. На следующий день Законодательный корпус после довольно яростных по тем временам дебатов все-таки одобрил проект 166 голосами против 110.

Несмотря на опасения, орден Почетного легиона, учрежденный 19 мая 1802 года, пользовался огромной популярностью. За два года было вручено около 9 тысяч орденских знаков. Интеллектуалы, подобно Стендалю, состроили презрительную мину. Зато армия была в восторге. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать рассказ Куанье о большом награждении, состоявшемся 14 июля 1804 года. Бонапарт намеренно приурочил его к знаменательной дате. К 1808 году насчитывалось уже 20 275 легионеров. Нападая время от времени на левое крыло оппозиции, Бонапарт все же оберегал основные завоевания буржуазной революции. Закон от 11 флореаля X года препоручил среднее образование, базировавшееся на преподавании латыни и математики, заботам нотаблей. Гражданский кодекс — плод усилий Порталиса, Тронше и Малевиля, — ратифицированный, правда, лишь 21 марта 1804 года, узаконил отмену дворянских титулов и сохранение принципов 1789 года: соблюдение прав личности, равенство перед законом, право на труд. Самый дух этой кодификации был враждебен старому режиму. Однако в вопросах, касающихся развода (отмена пункта о несовместимости характеров, сохранение, хотя и с оговорками, требования обоюдного согласия супругов, восстановление упраздненного во время Революции положения о раздельном проживании), положение женщины как низшего существа, а также лишения внебрачных детей наследства, Кодекс, по сравнению с законодательством эпохи Революции, был явным ша-

гом назад. Власть отца вновь утверждалась как основа ячейки общества, проводилось четкое разграничение между семейными и внебрачными отношениями. Провозглашались милые сердцу буржуа принципы свободной конкуренции и частного предпринимательства. Можно сказать, что Кодекс, составленный для консервативного общества, приверженного лишь земельной собственности (о движимости в нем не было сказано ни слова), представлял собою «победу юриспруденции над философией». Победу, благосклонно, если верить отчетам префектов, встреченную нотаблями. Ведь это в угоду им была восстановлена социальная иерархия, возрождены и строго регламентированы либеральные профессии (врачей, адвокатов, нотариусов), а в крупных городах учреждены торговые палаты. Словом, буржуазия превратилась в опору режима, обезопасившего заодно и крестьянство. Единственными жертвами стали рабочие. Закон от 22 жерминаля XI года (12 апреля 1803 года) вновь запретил им объединяться в союзы и обязывал иметь при себе расчетные книжки. При этом, однако, Первый Консул удерживает низкую цену на хлеб (с 12 су за фунт в 1803 году она упала до 9 су в 1804-м) и обеспечивает их работой, оживив деловую активность, которая, в свою очередь, ведет к росту заработной платы. В целом монархии был дан зеленый свет. Движение в этом направлении ускоряется после возобновления войны с Англией. 12 мая 1803 года посол Уайтворт покинул Париж. 19-го разрыв дипломатических отношений между двумя странами становится свершившимся фактом. А так как англичане начали военные действия без объявления войны, совесть главы французского народа чиста. Более того, во имя защиты своей территориальной целостности Франция готова даже расширить его полномочия. Назревала необходимость введения диктатуры Общественного спасения. Как не поставить во главе Бонапарта? Этот момент был на редкость недальновидно выбран роялистами: возобновив интриги против Первого Консула, они фактически способствовали росту его популярности, накрепко связав в сознании народа судьбу Бонапарта с революционными завоеваниями.

Заговор XII года

В октябре 1803 года несколько задержанных в Париже шуанов были преданы военному суду и приговорены к смертной казни. Один из них, по имени Керель, перед самым расстрелом взял слово. Он поведал, что прибыл в столицу одновременно с Кадудалем, замыслившим убить Первого Консула.

Это признание вселило ужас в полицейских, давно уже деморализованных упразднением министерства Фуше, подвергшегося опале 15 сентября 1802 года. Возглавивший полицейское ведомство председатель Верховного суда Ренье, которому ассистировал государственный советник Реаль, значительно уступал своему предшественнику. Между тем дело приняло нешуточный оборот в результате откровений рядового исполнителя Буве де Лозье, который после неудавшегося самоубийства назвал имена главных вдохновителей заговора: Моро, победителя в Гогенлинденском лесу, авторитет которого в армии был сравним лишь с авторитетом Бонапарта, и Пишегрю, высланного после фрюктидорианского переворота и нелегально возвратившегося во Францию. Допрос Буве проливает свет на главные цели заговора, предусматривавшего «реставрацию Бурбонов; обработку законодательного корпуса под руководством Пишегрю; организацию парижского восстания, вдохновляемого присутствием принца[1]; насильственное свержение Первого Консула; представление принца армии, деидеологизация которой поручалась Моро». Созвав чрезвычайное заседание Государственного совета, Бонапарт решает арестовать Моро. Однако общественность дезавуирует это решение, видя в сопернике Бонапарта лишь жертву политических интриг, тем более что Кадудаль и Пишегрю все еще на свободе. Донесения полиции информируют о волнениях в Париже и недовольстве в армии. И все же события быстро меняются в пользу Бонапарта. Пишегрю, а затем представители графа д'Артуа — Полиньяк и Ривьер — попадают в руки полиции. Арест Кадудаля подтверждает реальность заговора. Толпа оказывает содействие полицейским в захвате шуанов — еще одно свидетельство перемены в настроениях общества. На допросах Кадудаля произносится имя принца, ожидаемого с визитом во Францию. Людовик де Бурбон Конде, герцог Энгиенский, находился тогда в Эттенгейме, неподалеку от французской границы. По совету Талейрана (который станет затем отпираться) Бонапарт приказал арестовать его на территории Германии, что и было сделано 15 марта 1804 года. 20 марта принц был доставлен в Париж и в ночь на 21-е предстал перед наспех созданной военной комиссией. Он отверг обвинения в участии в заговоре, однако признал, что с оружием в руках воевал против революционной Франции. Его казнили (казнь была подготовлена и проведена Савари) во рву Венсенского замка в три часа утра. Смерть герцога Энгиенского, что бы там ни утверж-

[1] Имя принца названо не было; речь могла идти об одном из представителей династии Бурбонов.

дал Шатобриан, не произвела никакого впечатления на французское общество. Жозеф вспоминает, как в марте 1804 года, на обеде в Морфонтене, когда он выразил сочувствие судьбе герцога Энгиенского, один из не уехавших в эмиграцию наиболее именитых представителей старой аристократии одобрил эту казнь: «Неужели Бурбоны полагают, что им будет позволено безнаказанно организовывать заговоры? Первый Консул заблуждается, если думает, что не эмигрировавшее потомственное дворянство так уж заинтересовано в Бурбонах. Разве не они третировали Бирона[1] и моего предка, и стольких других?» Лишь в эпоху Реставрации главные действующие лица этой драмы — Талейран, Савари и сам Наполеон в «Мемориале» — почувствуют необходимость в самооправдании. А пока ведется следствие. 25 мая 1804 года начался судебный процесс по делу о заговоре Моро — Кадудаля (Пишегрю был найден задушенным в тюремной камере). 25 июня двенадцать шуанов во главе с Кадудалем взошли на эшафот. Заговорщиков дворян (Полиньяк, Ривьер) помиловали. Моро, приговоренный поначалу к двум годам тюрьмы, в конце концов отправился в ссылку. Будучи плохо организованным, грандиозный заговор XII года провалился еще и по экономическим причинам. Низкая цена на хлеб и отсутствие безработицы сняли главный побудительный мотив общего недовольства. К тому же главари заговора оказались в роли союзников враждебной Франции страны. Наконец, двусмысленная роль Моро не понравилась армии. Провал заговора не положил конца проискам роялистов (за этим заговором последуют многие другие), однако нанес им весьма ощутимый удар. Отныне антинаполеоновское движение ограничивается рамками тайных обществ, военных масонских лож, спиритуалистическими и благотворительными кружками. В обстановке экономической депрессии 1812 года совместные действия этих организаций подготовят государственный переворот генерала Мале.

А пока заговор XII года объективно сыграл на руку Бонапарту. Революционеры видели в укреплении консульской власти, связавшей себя после казни герцога Энгиенского с «ужасами Революции», единственный надежный заслон на пути реставрации монархии. Не случайно бывший член Конвента, цареубийца Алкье, заявил: «Предстоящее облечение Первого Консула наследственным императорским саном — предел моих желаний». Тогда впервые Бонапарт предстал в роли «спасителя».

---

[1] Имеется в виду герцог Лозен (позднее Бирон), прославившийся своими любовными похождениями, позднее ставший генералом Революции и казненный по обвинению в измене.

Конституция XII года

Заговор вызвал негодование широких слоев общества. Бонапартистская пропаганда умело воспользовалась народным гневом. Искусно направляемая пресса внушала читателям мысль о необходимости водрузить власть Первого Консула на более солидное основание. «Меня абсолютно не волнуют все эти вынашиваемые против меня заговоры, — заявил Бонапарт. — Но я не могу отделаться от невыносимо тягостного чувства, когда думаю о том, в каком положении оказался бы сейчас этот великий народ, если бы недавнее покушение достигло цели» (то есть под угрозой оказались бы завоевания Революции). Сенат откликнулся на это заявление обращением от 27 марта, в котором содержалось предложение провести конституционную реформу. Основным поднятым в нем вопросом был вопрос о наследственной власти. На запрос о том, следует ли предоставить правительству Франции право наследственной власти, Государственный совет ответил нерешительным молчанием. Ожидаемую инициативу проявил Трибунат. Один из его членов, бывший революционер Кюре, предложил, чтобы «Наполеон Бонапарт, ныне Первый Консул, был провозглашен императором французов и чтобы титул императора наследовался членами его семьи». Один лишь Карно публично выступил против этого предложения. Стали поступать поздравления. Новая конституция, спешно отредактированная, была тарифицирована сенатус-консультом 18 мая 1804 года (28 флореаля XII года). Ее текст, включавший 142 статьи, закладывал фундамент новой власти — Империи, приспосабливая к ней старые государственные институты. Чтобы не травмировать лучших чувств революционеров, предпочтение было отдано императорскому, а не королевскому титулу. Наполеона же он устраивал потому, что, ассоциируясь с образом Карла Великого, наделял его «неограниченными» полномочиями. «Многочисленные недруги Наполеона в Европе, — заметил Тьер, — ежедневно приписывая ему намерения, о которых он даже, во всяком случае, до поры до времени, не помышлял, твердя на тысячу газетных голосов о его планах возрождения Западной Империи Карла Великого, подготавливали умы, в том числе его собственный, к тому, что он станет императором». Статья 2 называла по имени обладателя императорского титула — Наполеона Бонапарта, не очерчивая круга его полномочий. Империя превратилась в навязанную логикой обстоятельств реальность. Титул императора наследовался его прямыми потомками, за исключением потомков по женской линии, что являлось данью монархиче-

ской традиции. Однако, не имея наследников, Наполеон мог по желанию усыновить любого из детей или внуков своих братьев. Приемным детям предстояло уступить свои права прямым потомкам императора в случае, если последние появятся на свет после их усыновления. Пункт об усыновлении явился новшеством: будучи основателем Империи, Наполеон оставлял за собой право распоряжаться ею по своему усмотрению. Общественность спокойно восприняла положение о наследственной власти, поскольку у Наполеона не было детей. Это положение представлялось надежным гарантом стабильности, исключающим возможные заговоры и интриги. И при этом не предполагало узаконения династических привилегий, аналогичных бурбонским. Империя заявляла о себе как о диктатуре общественного спасения, призванной отстоять завоевания Революции. Следующим шагом на пути реставрации дворянства стало создание института шести высших придворных должностей: великого электора, архиканцлера, архиказначея, государственного канцлера, великого коннетабля и великого адмирала, а также высших офицеров (в том числе шестнадцать маршалов). Эти высшие должностные лица председательствовали в избирательных коллегиях. Кажущееся отличие вновь созданного абсолютизма от прежнего состояло в том, что всем представителям власти, от императора до скромного служащего, вменялось в обязанность приносить присягу. Так Империя, дистанцируя себя от монархии, представала освященной высшими интересами диктатурой общественного спасения. Были учреждены также две сенатские комиссии: по индивидуальным правам и по свободе печати. Первая рассматривала все случаи незаконных арестов, в компетенцию второй входило умерять аппетиты цензуры. На практике деятельность этих комиссий ограничивалась лишь никого ни к чему не обязывающими представлениями на имя соответствующих министров. Провели третий референдум. Народу предложили согласиться с «наследованием императорской власти прямыми, побочными, законными и усыновленными потомками Наполеона, а также прямыми, побочными и законными потомками Жозефа и Луи Бонапартов». Вопрос о титуле императора на референдум не выносился. 6 ноября 1804 года были обнародованы результаты: 3 572 329 «да» и 2 569 «нет». В реестрах некоторых коммун фигурировала лишь одна запись: «Все единогласно проголосовали за». В Париже решения многих избирателей сопровождались пояснениями. Новоявленные поэты не щадили сил:

Над новым Римом, Цезарь, властвуй целый век
И помни: Император — тоже человек.

Или:

Я червь земли, но, как монарх, велик.
Мой ум преображает мира лик.

Результаты плебисцита послужили поводом к ликованию. Лишь один генерал, служивший в департаменте Шаранта, запретил какие бы то ни было изъявления восторга. Его звали Мале.

Коронация

По итогам плебисцита было принято неожиданное решение: организовать церемонию коронации. Подобно Людовику XVI, последнему королю Франции, автор Конкордата возжелал опереться на божественное право. Эта идея, несколько шокировавшая не в меру приверженных революционному духу брюмерианцев, натолкнулась на решительное сопротивление Государственного совета. Реймс и Ахен, как места коронации[1], были заменены Парижем, причем, желая возродить традицию, Наполеон непременно хотел пригласить в столицу римского папу.

Пий VII принял приглашение, надеясь добиться смягчения формулировок некоторых статей конституции. Одно обстоятельство чуть было не испортило дела: возникла необходимость спешно, в ночь на 2 декабря, обвенчать Наполеона с Жозефиной. 2 декабря 1804 года в соборе Парижской Богоматери в присутствии дипломатического корпуса, двора, членов Законодательного собрания и депутаций от «лояльных городов» состоялась пышная церемония, увековеченная для потомства на полотнах Изабо и Давида. Ее сценарий был тщательно продуман и отредактирован Порталисом и Бернье: предстояло не допустить насмешек публики, свято веровавшей в превосходство вечного над преходящим. Известно, что Наполеон собственноручно возложил на себя корону. Вопреки расхожему мнению, этот жест не был ни демонстрацией личной независимости, ни вдохновенной импровизацией, но поступком, предусмотренным протоколом, акцией, которая обсуждалась так же долго, как и вопрос о том, следует ли Наполеону совершить причастие. От причастия решено было отказаться. Затем император возложил корону на Жозефину. Что это, каприз? Любовь? Политический маневр? Когда папа удалился, настало время принесения присяги. Это была светская часть церемонии, рассчитанная на то, чтобы потрафить

[1] В Реймсе при старом порядке короновались французские короли, Ахен был столицей Карла Великого и его наследников.

бывшим революционерам, — торжественный момент скрепления союза Наполеона и нотаблей. «Я клянусь, — сказал Наполеон, — сохранять в неприкосновенности территориальную целостность республики, соблюдать и следить за соблюдением статей Конкордата и закона о свободе вероисповедания, соблюдать и следить за соблюдением принципов равноправия, политических и гражданских свобод, неотменяемости распродажи национального имущества, не повышать налогов и не вводить не предусмотренных законом пошлин, способствовать деятельности ордена Почетного легиона, править исключительно во имя интересов, счастья и славы французского народа». Этой присягой Наполеон заявлял о себе как о «коронованном представителе восторжествовавшей Революции». Он провозглашал, что будет служить имущему классу образца 1789 года в расчете на его ответную преданность. Быть может, он предвидел уже грядущий альянс новоиспеченных нотаблей со старинными дворянскими родами. Он предстал, как писал Бальзак в романе «Крестьяне», «человеком, обеспечившим право владения национальным имуществом. Его коронация была замешена на этой идее».

Глава V

ПОБЕДЫ НА КОНТИНЕНТЕ

Амьенский договор положил конец конфликту, в котором Франция, начиная с 1789 года, противостояла всей монархической Европе. Потомственные династии отступили. Не сумев путем военного вмешательства задушить новые идеи свободы и равенства, они вынуждены были признать законность их существования по крайней мере во Франции. Бонапарт предстал, таким образом, не только миротворцем, но и спасителем Революции. Но являлась ли новая антифранцузская коалиция 1805 года, возникновение которой было легко предсказуемо после произошедшего два года назад разрыва дипломатических отношений с Англией, продолжением революционных войн, или же речь шла уже о новом типе межгосударственных отношений, ответственность за которые целиком лежит на Наполеоне? Современникам все было ясно: Англия возобновила военные действия, временно приостановленные ею для того, чтобы перевести дух. Французская общественность без колебаний возложила на Англию всю ответственность за разрыв дипломатических отношений. «Англичане, — читаем в отправляемых из Лондона информационных бюллетенях, — говорят, что война представляется им сегодня почти неизбежной; газеты и воен-

ное производство до такой степени закусили удила, что они не сомневаются в агрессивных намерениях своего правительства. И добавляют, что сейчас — самый благоприятный момент, уникальная возможность отвлечь Первого Консула от предпринятых им на благо Франции грандиозных преобразований, которые, если они осуществятся, лишат Англию каких бы то ни было надежд». Что касается историков, то они, хотя и с оговорками, признали термины «третья и четвертая коалиции», приняв тем самым концепцию преемственности революционных войн. Кампании 1805 и 1806 годов вела еще «Великая Нация».

Разрыв

Из донесения полиции 14 марта 1803 года: «Англичане говорят лишь о войне. По их словам, вчера и позавчера они получили из Лондона письма, в которых сообщается, что в соответствии с королевским посланием парламент проголосовал за значительные военные ассигнования, большой рекрутский набор, а также за срочное оснащение сорока линейных кораблей». Тот же источник в донесении от 16 марта сообщает: «Домашний врач герцога Йоркского Макдональд, проживающий на улице Бак, свидетельствует, что все его знакомые английские офицеры считают войну неизбежной». От 21 марта: «Англичане сообщают, что в письмах, только что полученных ими из Лондона, содержится информация об ускоренных военных приготовлениях, что пресса никогда еще не была настроена так решительно, что в ход идут все средства для приведения армии в боевую готовность и что нет такого человека в Англии, который сомневался бы в неизбежности войны». На материале этих собранных по распоряжению Первого Консула сведений можно проследить процесс ухудшения франко-английских отношений. 17 мая 1803 года произошел окончательный разрыв. Как можно было предвидеть на основании донесений полиции, англичане первыми начали военные действия. Они выдвинули многочисленные требования. Уитворт, английский посол в Париже, перечислил их в одной частной беседе, содержание которой полиция тут же довела до сведения Бонапарта. «1) В Амьене было подписано соглашение о невмешательстве во внутренние дела Швейцарии, однако, несмотря на него, было допущено военное вмешательство в дела этого государства; 2) внесенный в договор пункт об эвакуации Мальты предполагал соблюдение интересов России, однако Петербург видел свои интересы в том, чтобы разместить на острове гарнизон, что не устраивало ни Англию, ни Францию;

3) договорились подписать торговое соглашение, однако Франция не пожелала даже слышать о нем; 4) наконец, Франция скрывала истинные цели своих военных приготовлений». Англия выразила глубокое разочарование отказом Бонапарта (на который он пошел под давлением владельцев мануфактур, но также и в интересах политики меркантилизма) начать торговые переговоры: слишком живы еще были воспоминания о договоре 1786 года, который практически разорил французскую текстильную промышленность, открыв английским товарам свободный доступ на внутренний рынок. Франция, едва вышедшая из гражданской войны, не смогла бы составить Англии серьезную конкуренцию. Впрочем, была и другая, более веская причина: Бонапарт намеревался превратить со временем Европейский континент в рынок сбыта французских товаров. Лондон не устраивало перекраивание карты Германии. 23 февраля 1803 года имперский сейм поделил ее территорию в пользу «Священной римской империи германской нации», Пруссии, Баварии и Вюртемберга. Председательствовавший на нем обер-канцлер Дальберг занимал профранцузскую позицию. Союзница Англии Австрия мало-помалу утрачивала влияние на ход европейских событий. Французская оккупация Италии распространилась на Геную и Тоскану. С 19 февраля 1803 года Бонапарт посредничал в создании Гельветической конфедерации. Под еще более сильное влияние Франции попала Батавская республика. Вот какие рынки сбыта теряла Англия! Но куда прискорбнее для нее было то, что Бонапарт приступил к созданию великой колониальной державы. Что это, возрождение былой восточной грезы? После подписания мира с Портой (26 июня 1801 года) Брюн был назначен послом в Константинополь. В сентябре 1802 года Себастиани отправился на Средиземноморье, и его отчет о военном положении Египта, опубликованный 30 января 1803 года в «Мониторе», призывал французов к новой интервенции. 7 августа французские военно-морские силы продемонстрировали свою мощь Алжиру. 18 июня Декан получил назначение на должность суперинтенданта торговых фирм в Индии и Иль-де-Франсе, куда и отбыл для исполнения служебных обязанностей. 20 июня Кавеньяк стал комиссаром по торговым делам в Маскате. А что означал интерес Бонапарта к американскому континенту? Рождение очередной, на сей раз американской, грезы? 24 сентября 1802 года Виктор был назначен суперинтендантом Луизианы, которую Испания возвратила Франции. Благодаря Виктору Юге Франция восстановила свое влияние в Гвиане. Новый Орлеан стал опорным пунктом Франции в Северной Америке, Кайена — в Южной. Так вырисовывались

планы Первого Консула, связанные с американским континентом.

Желая навести порядок в Сан-Доминго, бывшей французской колонии, перешедшей под контроль негра Туссена-Лувертюра, Бонапарт направил туда во главе двадцатипятитысячного отряда своего шурина, генерала Леклерка. Однако этой американской мечте не суждено было сбыться: экспедиция в Сан-Доминго, снаряженная без учета жаркого климата, обескровленная желтой лихорадкой и сопротивлением восставших рабов, окончательно провалилась в декабре 1803 года. В мае того же года Первый Консул продал Луизиану Соединенным Штатам. В конечном счете все направленные на восток миссии, за исключением той, которую возглавил Себастиани, не выполнили поставленной перед ними задачи. Декану пришлось искать убежища на Маскаренских островах. Имам Маскаты отверг предложение Кавеньяка. Экспедиции Бодена, посланной в «Австралийские земли» (1800—1804) якобы с научными целями, предстояло утвердить французское присутствие у южных берегов Австралии, обозначенных Пероном и Лезюером в опубликованном ими по итогам путешествия атласе как «Земля Наполеона». Однако и здесь Францию ждала неудача. Попытки основать колониальную империю не удались из-за непоследовательности проводимой политики, а также из-за несоответствия средств целям; они продемонстрировали лишь заморские амбиции Франции, настороживший английский кабинет министров. Главной причиной разрыва стал вопрос об эвакуации Мальты. Англия, оказавшаяся перед угрозой военной экспансии Бонапарта в Европе, не собиралась уступать этот отвоеванный у Франции важный стратегический объект. Со своей стороны, Бонапарт заявлял, что, выведя в соответствии с договором свои войска из неаполитанских портов, будет непреклонен в Средиземноморье и, в частности, в вопросе об острове. Талейран взял на себя роль глашатая правительства. «Первому Консулу тридцать три года, и он расправился лишь со второстепенными государствами. Кто знает, сколько ему понадобится времени, если его к этому принудят, чтобы обновить лицо Европы и возродить Западную Империю?» Тон пререканий неуклонно повышался. 13 марта 1803 года произошла преднамеренная стычка Бонапарта с английским послом. Лондон отреагировал ультиматумом, в котором содержалось требование эвакуировать Голландию и Швейцарию, затем — только Голландию в обмен на вывод в течение десяти лет английских войск с Мальты, за исключением базы на острове Лампедуза. В мае Бонапарт предложил вынести вопрос на рассмотрение третейского суда, составленного из нейтральных государств. На

этот период Мальта должна была быть временно оккупирована русскими войсками. Однако англичане не были расположены лишаться бастиона, контролировавшего морской путь в Египет, страну, в отношении которой французы не скрывали своих агрессивных намерений. Окончательный разрыв произошел 16 мая. На французские суда, стоявшие на рейде в английских портах, был наложен секвестр. В ответ Бонапарт приказал арестовать всех проживавших во Франции англичан, оккупировать Ганновер, а также несколько портов на юге Италии. Война возобновилась. Спровоцированная Англией, она отвечала интересам Бонапарта: он допускал, что успехи в деле возрождения страны, консолидация Республики, устранение внешней опасности вызовут у революционной буржуазии искушение отделаться от Первого Консула, крепнущая личная власть которого превратится в угрозу для либеральных свобод. Следовало во что бы то ни стало продолжать играть роль «спасителя». «Первый Консул — не то что эти короли Божьей милостью, которые относятся к своим государствам как к наследственному имуществу. Он должен совершать подвиги, а значит — воевать», — будто бы заявил в одной из конфиденциальных бесед Бонапарт. Но война устраивала и французскую буржуазию, англофильскую по своим вкусам, англофобскую по своим интересам. Давно пора было сломить экономическую мощь Великобритании. Война представлялась панацеей, способной разорить вероломный Альбион. Французские теоретики полагали, что в основе экономического процветания лежат жесткий меркантилизм и финансовая ортодоксия, предполагающая введение в обращение металлических денег и свертывание кредита.

Англо-французская война

Думая о том, как одолеть Англию, Наполеон вспомнил о давнем намерении Директории высадить десант. В свое время Гош предложил начать с оккупации Ирландии, угнетаемой католической страны, кипящей патриотическим негодованием с самого начала Войны за независимость. Сокрушительный отпор, который получила первая же попытка генерала Юмбера, вынудил отказаться от этого плана. Было решено осуществить прямое нападение на Англию: высадиться в Дувре и идти на Лондон. Однако Великобритания только что продемонстрировала превосходство на море, блокировав французские порты и возвратив себе острова Санта-Лючию и Тобаго. А для того, чтобы форсировать Ла-Манш, необходимо было на протяжении десяти часов обеспечивать господство над этим мор-

ским районом. Предполагалось, что на втором этапе операции французские войска легко преодолеют сопротивление английского ополчения и Лондон будет взят без боя. Весьма оптимистичный план, недооценивавший как боеспособность английских войск, так и трудности, с которыми неминуемо пришлось бы столкнуться армии, отрезанной водной преградой от тыла. Время шло, а вопрос о форсировании Ла-Манша оставался открытым, хотя в подходе к нему по-прежнему преобладал дух необоснованного оптимизма: «Всего лишь несколько лье отделяют нас от Англии, и каким бы жестким ни был ее крейсерский заслон, ей не удастся долго сохранять дееспособность и эффективность обороны, необходимой для того, чтобы остановить флотилию, обладающую преимуществами выгодной диспозиции, разнообразием возможностей и быстроходностью своих плавучих средств». Любопытный документ, позволяющий уяснить первоначальный замысел избранной Наполеоном и его советниками тактики, суть которой состояла во внезапной атаке груженной солдатами флотилии. Предполагалось, что флотилия будет состоять из трех тысяч кораблей. На поверку к 28 июля 1805 года их набралось всего две тысячи сто сорок. «Выгодной диспозицией» был город Булонь, в котором Бонапарт разместил свой штаб. В его распоряжении было двести тысяч человек, расквартированных вдали от столичных политических афер. Вместе с тем, хотя Булонь и находилась в относительной близости от Парижа, что позволяло императору одновременно заниматься государственными и военными делами, она являлась, по-видимому, «худшим из портов Ла-Манша», так как контролировалась англичанами, следившими за всеми приготовлениями. «Разнообразие возможностей» также оставляло желать лучшего: многого ли стоили копьевидные шаланды и канонерки? Свирепый ураган, разразившийся 20 июля 1804 года и разметавший дюжину этих суденышек, продемонстрировал ненадежность французской флотилии. Пришлось признать необходимость ее поддержки эскадрами. Что же касается «быстроходности плавучих средств», то надо было ждать двух приливов, чтобы отчалить от Булони. И вновь во весь рост вставала кардинальная проблема достижения военного превосходства в проливе. Словом, от всех вариантов плана, предусматривавшего внезапное нападение на Англию под покровом ночи силами флотилии, с использованием неблагоприятных погодных условий, пришлось отказаться. Вступление в войну Испании с ее мощным флотом внесло в первоначальные стратегические планы существенные коррективы: решающая роль стала отводиться отныне военно-морским силам. В соответствии с

распоряжениями, отданными в феврале — марте 1805 года, брестской (под командованием Гантома) и тулонской (под командованием Вильнева) эскадрам предписывалось, обманув бдительность англичан, взять курс на Антильские острова, соединиться там с эскадрами из Рошфора (под командованием Мисьесси), Кадиса и Эль-Ферроля. Цель этого маневра состояла в том, чтобы вынудить англичан направить свои корабли в Индию, Средиземное море и к Антильским островам, оголив оборону Ла-Манша. 30 марта 1805 года Вильнев отбыл из Тулона. Накануне, 11 января, Мисьесси отплыл со своей эскадрой из Рошфора, а Гравина — из Кадиса. Однако встреча у Антильских островов не состоялась из-за плохого взаимодействия французского и испанского флотов, а также потому, что Наполеон, передумав, предложил Гантому остаться в Бресте. Последующие распоряжения доходили с опозданием из-за плохо налаженной связи. К тому же установленные Наполеоном жесткие сроки оказались нереальными. Не найдя друг друга, эскадры вернулись в порты приписки, и британскому адмиралтейству удалось избежать рассредоточения своего флота. Инструкции лорда Бархама были недвусмысленны: «В случае затруднений при определении намерений противника всем кораблям сосредоточиться у острова Уэссан для прикрытия входа в Ла-Манш. Именно здесь необходимо добиться решающего превосходства; если канал окажется в руках неприятеля, Англии несдобровать». Вернувшись в Европу, Вильнев получает новое задание: соединиться с вышедшим из Рошфора Алльманом и деблокировать брестскую эскадру. Невыполнимое поручение: Вильнев предпочитает отсидеться в Кадисе. Наполеон тем временем проявляет признаки нетерпения. Обстановка на континенте непрерывно ухудшается, и давно уже пора высаживать десант. Однако приказы Наполеона поторапливаться дошли до Вильнева уже после того, как Наполеон отказался от десанта. 26 августа император принял окончательное решение. 29-го первые колонны двинулись на Германию. В сознании Наполеона ответственность за провал булонской операции, в успех которой не верил никто, легла на Вильнева. Подгоняемый противоречивыми приказами, Вильнев наконец снялся с якоря. 21 октября у мыса Трафальгар он столкнулся с Нельсоном и Коллингвудом. Боевой порядок франко-испанской эскадры был атакован: один корабль взлетел на воздух, семнадцать других взяты в плен, сам Вильнев сдался. Дюмануар, которому удалось оторваться от преследования, был разбит в сражении у мыса Ортегаль. Английский флот одержал убедительную победу благодаря более высокой профессиональной подготовке команд и глазомеру канониров, победу, увы, опла-

ченную гибелью адмирала Нельсона, сраженного на «Victory» пулей, пущенной марсовым матросом «Грозного». Убедительную в том смысле, что Наполеон лишился флота, способного реально противостоять английским военно-морским силам. Сломленный, он уступит им господство на море, то есть окончательную победу. Но никто еще, даже сам премьер Питт, не догадывался, что англичане уже выиграли войну.

Аустерлиц

Английское золото не лежало на континенте мертвым грузом. С его помощью была заключена еще одна, третья, антифранцузская коалиция. Россия вступила в нее без особого нажима: Александр I завидовал Бонапарту, англомания царила в Санкт-Петербурге, болезненно отреагировавшем на казнь герцога Энгиенского. Главный советник царя поляк Чарторыжский склонял своего господина к возобновлению войны с Францией. Англия обещала выплачивать по 1 миллиону 250 тысяч фунтов ежегодно за каждые сто тысяч участвующих в сражениях русских солдат. Возмущенная затеянным Францией дележом Германии и Италии, Австрия вступила в коалицию, к которой присоединились также и неаполитанские Бурбоны. Состав этой коалиции напоминал те, которые Англия организовывала в свое время против революционной Франции. Вот почему она не вызвала особого удивления французской общественности. Сам Наполеон в обращении 30 сентября 1805 года назвал ее «третьей коалицией»: «Солдаты, ваш император с вами. Вы — авангард великого народа. Если понадобится, он весь, как один, поднимется по моему призыву, чтобы рассеять и сокрушить очередной союз, сотканный Англией из золота и ненависти». И все же не обошлось без волнений. Поползли слухи о банковских сейфах: поговаривали, будто Наполеон опустошил их накануне предстоящей кампании. Беспокойство переросло в панику, хотя и беспочвенную, однако осложнившую положение Банка, скомпрометированного бездарным министром финансов, ввязавшимся в затеянную Увраром спекуляцию на мексиканских пиастрах. Экономическая депрессия 1806 года, к которой мы еще вернемся, явилась прежде всего следствием кризиса доверия, возникшего в результате возобновления войны на континенте. Благодаря сводкам из Великой Армии, обосновывающим и разъясняющим суть военных операций, Наполеону удалось укрепить «моральный дух нации». Эти бюллетени были очень популярны в 1806 году: актеры декламировали их со сцены, учителя диктовали ученикам,

священники проповедовали с амвонов; они достигали самых глухих деревушек, и о их поступлении оповещали звон колокола или дробь барабана. Они находили отклик в печати и в лирике. «Императорский бюллетень» — так назвал в 1806 году Кольсон свои «героические стансы». Эти мероприятия обеспечивали сплоченность вооруженных сил с народом, слагался своего рода миф о народной армии, даже когда Великая Армия становилась лишь инструментом в осуществлении личных амбиций императора. Впрочем, восстановлению доверия способствовали не столько бюллетени, сколько блистательные победы Наполеона. 13 августа 1805 года он продиктовал из Булони план операции, предусматривавший переброску Великой Армии с берегов Ла-Манша в Германию. Внезапное нападение австрийцев на Баварию, союзницу Франции, отнюдь не застав императора врасплох, позволило ему покинуть ставку в Булони. Поручив маршалу Брюну заботу о материальном обеспечении Великой Армии, состоявшей из семи корпусов (Бернадот, Мармон, Даву, Сульт, Ланн, Ней, Ожеро) и кавалерийского резерва под командованием Мюрата, Наполеон двинул ее по заранее намеченному маршруту к Рейну. Через двадцать дней Великая Армия сосредоточилась в Майнце. Блокировав долину между Майном и Дунаем, Наполеон отрезал вторгшемуся в Баварию генералу Маку путь к отступлению. Потерпев 14 октября поражение в битве при Эльхингене, в которой отличился Ней, австрийцы укрылись в крепости Ульм. 20 октября 1805 года, накануне Трафальгарского сражения, Мак капитулировал. Первый этап кампании занял две недели. Вопреки бытующему мнению, в ходе этой кампании возникли материальные трудности: несмотря на то, что каждый солдат получил к 23 октября на Рейне причитающиеся ему сапоги и жалованье, несмотря на бесперебойную работу тыла, к 22 ноября насчитывалось уже восемь тысяч больных. Из-за стремительного продвижения пало множество лошадей, а воровство в тылу приняло такие размеры, что приказом от 25 ноября Наполеону пришлось привлечь к работе военные комиссии. От Ульма Наполеон совершил бросок к Вене, которой овладел 15 октября безо всякого сопротивления. Франц II эвакуировал столицу, рассчитывая соединиться с армией русского царя. «Сражение трех императоров» развернулось 2 декабря, в годовщину коронации, на поле, выбранном самим Наполеоном: при Аустерлице. Самая блестящая из наполеоновских побед и самая ясная по замыслу. План Наполеона был предельно прост: оставив за русско-австрийской армией Праценские высоты и сосредоточив перед ними свои дивизии (Сульт в центре, Даву на правом фланге, Ланн и Мюрат — на

левом), внушить неприятелю мысль отрезать французов от дороги на Вену и для этого обойти их с правого, намеренно ослабленного Наполеоном фланга. Чтобы осуществить этот план, генеральному штабу противника надо было укрепить свой левый фланг, оголив при этом центр Праценских высот. Как только неприятель совершит эту ошибку, Наполеон штурмом возьмет высоты, вклинится в центр поредевших русско-австрийских войск, расчленит их и сомнет слабейший из флангов. Так оно все и произошло. Сражение началось в семь утра с восходом солнца и завершилось к шести часам вечера, с наступлением темноты, разгромом русской армии.

«Мне доводилось быть свидетелем проигранных сражений, — вспоминает один из главных участников этой драмы, эмигрант Ланжерон, — но катастрофу такого масштаба я не мог себе даже вообразить». Неприятель потерял 27 тысяч человек, 40 знамен и 180 орудий. Пока русские поэтапно покидали страну, австрийцы начали переговоры, завершившиеся 26 декабря 1805 года подписанием Пресбургского мира. Несмотря на то, что Талейран призывал Наполеона умерить аппетиты, Австрия уступила Венецию, Истрию и Далмацию Итальянскому королевству (бывшей Цизальпинской республике, переименованной волей императора, короновавшегося 26 мая 1805 года в Милане), а Швабию и Тироль — курфюрстам Вюртембергскому и Баварскому. Ей предстояло выплатить 32 миллиона векселями и 8 миллионов наличными. Финансовые счета интендантства засвидетельствовали успешный итог кампании 1805 года. Последствия поражения Австрии оказались для Европы катастрофическими: и без того полновластный хозяин Северной Италии, Наполеон, обогнув Рим, обосновался и на юге. Росчерком пера на декрете от 27 сентября 1805 года, «словно речь шла о смещении одного из его префектов», он отобрал Неаполитанское королевство у неосмотрительно примкнувших к третьей коалиции Бурбонов. «Солдаты! Неаполитанская династия прекратила свое царствование. Ее существование несовместимо со спокойствием в Европе и достоинством моей Короны (речь не шла уже о Великом Народе или Великой Нации). На штурм, сбросьте в волны эти жалкие батальоны морских тиранов, если они до сих пор еще не уничтожены. Спешите оповестить меня, что вся Италия подвластна моим законам и законам моих союзников». Жозефу, отказавшемуся было от Итальянского королевства, пришлось-таки взойти на неаполитанский престол. «Передайте ему, что я назначаю его неаполитанским королем, но стоит ему проявить малейшее колебание или неуверенность, и ему крышка. Я признаю родственниками лишь тех, кто мне служит. Не возвышающийся вместе со мной

перестает быть членом моей семьи. Я сделаю из них семью королей или, лучше сказать, вице-королей». Жозеф и Массена во главе сорокатысячного отряда двигались к Неаполю. Фердинанд IV и его ужасная супруга готовились бежать на Сицилию. Со стороны населения — ни малейшего сопротивления, скорее безразличие. 15 февраля новый монарх вступил в Неаполь. Казалось, для Наполеона нет уже ничего невозможного. Австрию изгнали не только из Италии, но и из Германии. Победоносная Революция раздвинула границы Франции до самого Рейна; с рецессии 1803 года началось перекраивание карты Германии; Аустерлиц открыл дорогу для последующего расчленения. Великое герцогство Бергское было пожаловано Мюрату, Нёшатель — Бертье. Курфюрсты Баварский и Вюртембергский удостоились королевской короны по личному распоряжению императора, вписавшего себя таким образом в разряд потомственных монархических династий. Новоиспеченные короли вместе с многочисленными южными и западными немецкими князьями вошли в состав Рейнского союза под протекторатом Франции. Союз рейнских государств со столицей во Франкфурте — резиденции двухпалатного сейма — признавал Наполеона своим протектором, назначал его главнокомандующим своими вооруженными силами, доверял ему проведение внешней политики, а также право объявления войны и заключения мира. Создание Союза положило начало распаду «Священной римской империи германской нации», урезанной до размеров Австрии, Пруссии и нескольких северных государств. 6 августа 1806 года Франц II отказался от титула германского императора: став Францем I — редкий случай ретроградации, — он нарек себя наследным императором Австрии. За этими перестановками последовало преобразование Батавской республики в Голландское королевство, вверенное попечению Людовика. Дипломатические успехи сопровождались проведением активной матримониальной политики. Усыновленный Наполеоном, его императорское и королевское высочество Евгений де Богарне, сменивший впоследствии отца на троне в Милане в соответствии с Пресбургским договором, предусматривавшим в виде уступки Австрии разделение французского императорского престола, женился на Августе Баварской. Наполеон подумывал и о браке Жерома, дожидаясь его разрыва с американкой Патерсон. В 1807 году Жером возьмет в жены дочь Вюртембергского короля, а Стефания Богарне, ставшая по этому случаю приемной дочерью императора (она была кузиной Жозефины), выйдет замуж за наследника великого герцога Баденского.

Французская общественность с энтузиазмом восприняла весть о победе под Аустерлицем, связывая с ней свои надежды

на вожделенный мир. «Журналь де Пари» писала 4 декабря: «Вчера на рассвете три орудийных выстрела ознаменовали начало мирных переговоров в Париже. Неподдельное изъявление радости, которую эта весть вызвала у представителей всех слоев общества, убеждает: блеск наших побед наполнил восторгом все сердца потому, что эти победы наряду со славой победителя символизировали надежду на близкий мир, всегда остававшийся его главной и величественной целью». Неплохое резюме общественного мнения, подтверждаемое донесениями префектов.

Пресбургский мирный договор был воспринят как «прелюдия ко всеобщему миру», передача Ганновера Пруссии предвещала, казалось, рождение франко-прусского альянса — гаранта стабильности на континенте. Даже вечно колеблющийся царь вступил в переговоры. Английский премьер Питт, убитый, как тогда говорили, Аустерлицем, скончался, уступив место Фоксу, вигу, более либерально настроенному к Франции, но главное — убежденному в ничтожестве своих европейских союзников. В июне лорд Ярмут прибыл в Париж, где с мая уже находился представитель русского царя Убри. С англичанами переговоры застопорились на Сицилии, которую Наполеон вознамерился отобрать у Бурбонов. В России Чарторыжского, толкавшего Александра на восток, сменил франкофоб Будберг. Надежды на мир развеялись. Прекрасная возможность восстановления стабильности в Европе была упущена. Французское общество переживало глубокое разочарование. Ему сопутствовало смутное беспокойство, вызванное непостижимой политикой Наполеона. Что скрывалось за созданием новых королевств — за этой промонархической ориентацией французской дипломатии? Что выигрывала Великая Нация, на интересы которой ссылались в начале кампании, от брачных альянсов, от раздачи королевских корон?

Рассказывают, что Мюрат, один из наиболее обласканных фаворитов императора, обратился к шурину с такой критикой: «Когда Франция возвела вас на трон, она рассчитывала обрести в вашем лице народного вождя, украшенного титулом, который вознесет его над всеми монархами Европы. И вот теперь вы отдаете предпочтение символам власти, которые вам чужды, а нам враждебны, и даете понять Европе, как высоко вы цените то, чего всем нам недостает: знатности происхождения». «Милостивый государь, принц Мюрат, — будто бы ответил Наполеон, — я бесконечно доверяю вам как начальнику моей кавалерии. Однако в данном случае речь идет не о военной операции, а о политическом маневре, который мною всесторонне обдуман. Вам не по душе этот брак (Евгения с дочерью Максимилиана Иосифа Баварского). Меня же он вполне устраивает, и

я отношусь к нему как к большому успеху, сравнимому разве что с победой под Аустерлицем». Похоже, Мюрат был самым здравомыслящим, после Люсьена, членом семьи Бонапартов. Он предостерегал предававшего Революцию Наполеона. Дошло ли это предостережение до сведения кого-либо из министров? После драматических событий при Маренго Мюрат был вовлечен в орбиту тайной политики Талейрана и Фуше. Его имя вновь зазвучит в кружках представителей революционно настроенных нотаблей в 1808 году, когда война в Испании примет нежелательное направление. В 1814 году Италия будет пытаться следовать заветам этого блестящего «кавалериста и короля», слишком поспешно нареченного некоторыми историками солдафоном. А что если это политическое здравомыслие — отличительная черта супруги Мюрата, Каролины Бонапарт?

Йена

Впрочем, в 1806 году ни у кого не было времени задаваться вопросом о намерениях Наполеона, о степени его приверженности идеалам Революции, о причинах превращения «Великой Нации» в «Великую Империю», а «конного Робеспьера» — в нового Карла Великого. Возобновляются военные действия. Вторично после 1792 года Франция и Пруссия переходят врукопашную.

Ответственность за эту новую войну, безусловно, лежит на Берлине. Этот конфликт явился несомненным продолжением революционных войн. Налицо «четвертая коалиция», вновь посягнувшая на идеи 1789 года. После минутной растерянности страна в очередной раз сплотилась вокруг «спасителя». Никогда еще опасность не была так велика: со времен Фридриха II Пруссия считалась могущественнейшей военной державой Европы.

Ее вмешательство в кампанию 1805 года могло бы изменить весь ход войны. Наполеон передал ей тогда Ганновер в вечное пользование — если она будет его союзницей, и во временное — при условии сохранения ею дружелюбного нейтралитета. В свою очередь, Россия и Австрия призывали Фридриха-Вильгельма III вступить в их коалицию. Советники прусского короля, Гогвиц, Гарденберг и герцог Брауншвейгский, рекомендовали демонстративно вооружаться, не ввязываясь при этом в военные конфликты. Их выжидательная позиция обусловливалась двумя обстоятельствами: итогом сражения при Аустерлице и передачей Ганновера Фридриху-Вильгельму. Вместе с тем создание Рейнского союза настораживало Берлин: а ну как столицей «объединенной Германии» станет Париж? С другой сторо-

ны, еще 22 июля 1806 года, когда всеобщий мир казался таким близким, Талейран приоткрыл перед прусскими министрами лучезарные горизонты: «Его прусское величество может на новой федеративной основе объединить государства, все еще принадлежащие Германской империи, и украсить имперской короной Бранденбургский дом». Но что дало бы это расчленение Германии на две конфедерации? Насколько искренен был Наполеон? Его предложение вернуть Ганновер Англии было расценено в Берлине как предательство и послужило причиной сближения Пруссии с Россией, скрепленного 12 июля. В конце концов Пруссия дала вовлечь себя в войну: 9 августа она провела мобилизацию, а 26-го — предъявила Франции ультиматум, в котором Наполеону предписывалось не позднее 8 октября отвести войска за Рейн. Ультиматум застал императора в Бамберге. В целях экономии он оставил Великую Армию в Германии, где она содержалась за счет местного населения. Воззвание 6 октября не оставило сомнений относительно истинных намерений Наполеона. Погасив недовольство солдат («был уже подписан приказ о вашем возвращении во Францию; там вас ждали триумфальные празднества, а в столице начались приготовления к встрече»), Наполеон возложил ответственность за очередной конфликт на Берлин, напомнив о полях Шампани, где в 1792 году пруссаки однажды уже нашли «поражение, смерть и позор». Этим он ненавязчиво давал понять, что и четырнадцать лет спустя продолжается все та же война. В первой сводке из Великой Армии он говорил о «безумии» королевы Луизы, самой яростной разжигательницы ненависти к Франции. «Безумие» было точно найденным словом: Пруссия ввязывалась в войну, не дождавшись подхода русских союзнических войск, с расстроенными финансами, с народом, который, за исключением верхушки общества, пребывал в полной апатии.

Прусский план состоял в том, чтобы оккупировать Баварию силами трех армий: шестидесятитысячной, прусско-саксонской, под предводительством принца Гогенлоэ, и тридцатитысячной, во главе с Рюхелем. Однако прежде чем они успели соединиться, Наполеон разделался с каждой из них в отдельности. 14 октября в Йене он неожиданно напал на Гогенлоэ. Численное превосходство французов превратило поражение прусской армии в полный разгром. Вот официальное описание сражения, представленное в пятой сводке: «Два часа туман обволакивал обе армии, но в конце концов рассеялся под лучами ясного осеннего солнца. Обе армии увидели друг друга на расстоянии пушечного выстрела. Левым флангом французской армии, закрепившимся в районе деревни и леса, командовал маршал Ожеро. Императорская гвардия отделяла

его от центра, где находился корпус маршала Ланна. На правом фланге располагался корпус маршала Сульта. Вражеская армия была многочисленна и щеголяла прекрасной кавалерией: все маневры выполнялись ею быстро и точно. Император, с учетом занятой им во время утреннего наступления позиции, хотел было помедлить пару часов, дожидаясь подхода остальных сил, прежде всего своей кавалерии, однако французская пылкость овладела им. Когда несколько батальонов заняли деревню Голхштердт, он заметил в стане неприятеля движение, имевшее целью выбить из нее французов. Маршал Ланн получил приказ немедленно двигаться эшелонами на помощь этой деревне. Маршал Сульт атаковал лес на правом фланге. Неприятель попытался наступать своим правым флангом на наш левый, однако маршалу Ожеро было поручено отбросить его. Не прошло и часа, как в сражение были вовлечены все основные силы: от двухсот пятидесяти до трехсот тысяч человек при поддержке семисот или восьмисот орудий сеяли смерть, являя собою одно из нечастых в истории зрелищ. Обе стороны непрестанно маневрировали, как на параде. В наших войсках ни на мгновение не возникло сомнения в победе... Овладев наконец лесом, который он штурмовал на протяжении двух часов, маршал Сульт ринулся вперед. Тут Наполеону сообщили, что резервные дивизии французской кавалерии занимают исходные позиции, а две свежие дивизии из корпуса маршала Нея развертываются следом на поле сражения. Было решено ввести в бой все резервные части. Первый атакующий эшелон, почувствовав мощную поддержку, мгновенно опрокинул неприятеля, вынудив его к отступлению. В течение первого часа отступление велось организованно, но перешло в беспорядочное бегство, когда в деле смогли принять участие дивизии наших драгун и кирасиров, предводительствуемые эрцгерцогом Бергом». В трех лье севернее, близ Ауэрштедта, главные силы герцога Брауншвейгского столкнулись с авангардом наполеоновской армии под командованием Даву, в подчинении которого находились три талантливых полководца: Фриан, Гюден и Моран. Даву сдержал натиск и опрокинул герцога Брауншвейгского, павшего в этом сражении от смертельной раны. Разбегавшиеся остатки двух прусских армий слились в один поток, вызывавший при своем движении всеобщую панику. Если бы Даву дрогнул, исход сражения мог бы быть иным. Нетрудно заметить, что официальная версия битвы при Ауэрштедте по меньшей мере немногословна. Ни словом не упоминается в ней и о Бернадоте, который, оказавшись между двумя схватками, так и не принял участия в сражении. За несколько часов прусская армия потеряла двадцать семь тысяч убитыми и ранеными,

двадцать тысяч пленными, всю артиллерию. Крепости сдавались без сопротивления, за исключением Кольберга, Данцига и Грауденца. 27 октября, когда Наполеон вступал в Берлин, Фридрих-Вильгельм уже искал защиты у русского царя.

Наполеон не мешкая приступил к решению участи побежденной Германии. Он отдал приказ об оккупации всех прусских земель от Рейна до Эльбы, принадлежавших герцогу Брауншвейгскому, принцу Оранскому и курфюрсту Гессен-Кассельскому. Пруссии предстояло выплатить огромную контрибуцию в размере ста пятидесяти девяти миллионов четырехсот двадцати пяти тысяч франков. Декретом от 3 ноября 1806 года ее владения были поделены на четыре департамента со столицами в Берлине, Кюстрине, Штеттине и Магдебурге; генерал-губернатором был назначен Кларк со своими помощниками: главным интендантом Дарю, главным казначеем Эстевом и главным откупщиком Ла Буйери. Зато Бонапарт помиловал Саксонию, освободив на следующий день после Йенского сражения шесть тысяч солдат и триста офицеров, а затем возвел курфюрста Саксонского в ранг короля, включив Саксонию в состав Рейнского союза вместе с пятью герцогами: саксон-веймарским, готским, мейнингским, гильдбурхаузенским и кобурским. Численный состав саксонской армии был ограничен двадцатью тысячами. Таким образом вся Северная Германия оказалась в сфере влияния Франции.

Франко-русская война

Оставалась Россия. Наполеон усилил свою армию (15 декабря сенатус-консульт утвердил решение о призыве восьмидесяти тысяч новобранцев, из которых шестьдесят тысяч должны были быть в кратчайшие сроки обуты, одеты и экипированы в трех центрах: Булони, Майнце и Потсдаме), а затем двинулся навстречу русским в Восточную Пруссию. Однако ожидавший его там театр военных действий не соответствовал ни его гению, ни условиям, в которых привыкла маневрировать и воевать Великая Армия. К тому же русские все сжигали при отступлении, что создавало дополнительные трудности с продовольствием. Напротив, русская армия, многочисленная и упорная, действовала в привычных для нее географических и климатических условиях. Вместо планируемого блицкрига французы вязли в грязи, испытывали трудности со снабжением, страдали от холода и сырости, а в тылах подвергались беспорядочным атакам прусских партизан. 6 февраля Наполеон писал Дарю: «Знайте, что ничего из посланного вами не пришло по назначению, потому

что армия все время на марше. Между тем, если бы провиант шел обозом вместе с армией, она не была бы голодна».

Встреча двух армий произошла 8 февраля 1807 года. При Эйлау, в слепящей метели. Сражение с неясным исходом. Наполеон думал, что застиг русских врасплох, тогда как его самого застигли врасплох превосходящие силы противника: против пятидесяти тысяч французов Беннигсен двинул семьдесят тысяч русских. Заблудившийся в метели корпус Ожеро был истреблен. Контратака русских едва не прорвала центр боевого порядка французских войск. Наполеон смог выправить положение, лишь бросив в прорыв собранную в кулак кавалерию: восемьдесят эскадронов Мюрата. Надвигалась ночь, русские стояли насмерть, когда подошедший Ней ударил по их правому флангу и вынудил отойти. На снегу осталось двадцать пять тысяч русских и около восемнадцати тысяч французов. В связи с этим сражением вспоминают обычно знаменитую картину Антуана Гро. Об изнанке этого события мы имеем представление благодаря хирургу Великой Армии Перси: «Никогда прежде такое множество трупов не усеивало столь малое пространство. Все было залито кровью. Выпавший и продолжавший падать снег скрывал мало-помалу тела от удрученного взгляда людей. Особенно много трупов было у ельника, за которым сражались русские солдаты. В поле и на дороге валялись тысячи ружей, шапок и кирас. Склон холма, несомненно, служивший неприятелю прикрытием, был усеян сотней окровавленных тел; искалеченные, но еще живые лошади ждали, когда голод повалит их на груды мертвецов. Перейдя через одно поле, мы тут же оказались на другом, также усеянном трупами». Кошмарное зрелище, которое 64-й бюллетень не в силах обойти молчанием: «После сражения при Эйлау император целыми днями пропадал на этом страшном поле брани, смотреть на которое он считал своим долгом. Понадобилось много труда, чтобы предать земле всех погибших». Находясь в состоянии нервного истощения, Наполеон прекращает военные действия и останавливается в замке Финкенштейн, где разрабатывает план новой кампании против русского царя: Себастиани в Константинополе, Мармону в Далмации, Гарданну, направленному к персидскому шаху в Тегеран, приказано отвлечь часть русских войск на восток. В мае 1807 года в результате осады, проводимой под руководством Лефевра и таких блестящих офицеров артиллерии и инженерных войск, как Ларибузьер и Шасслу-Лоба, пал Данциг, открыв дорогу на Польшу. Наполеон наращивает численность своей армии. Однако быт по-прежнему невыносим: транспортировка грузов затруднена нехваткой лошадей и малым коли-

чеством рек. Отсюда неразрешимая проблема со снабжением, порождающая рост дезертирства и грабежи.

«Если бы в Остероде у меня было шесть тысяч центнеров муки, я был бы хозяином положения», — сокрушался Наполеон 8 марта 1807 года. С приходом весны возобновляются военные действия. Наполеон идет на Кёнигсберг, где сосредоточены основные запасы оружия и снарядов русской армии. В надежде спасти эту цитадель Беннигсен атакует с фланга. Стычка произошла 14 июня у города Фридланда, в неблагоприятном месте для русских, оказавшихся спиной к реке Алле. Ланн, атаковавший неприятеля в три часа утра, тянул время, чтобы Наполеон успел подойти с главными силами из Эйлау. Настоящее сражение развернулось в пять часов пополудни и продолжалось до одиннадцати вечера. Мортье на левом фланге и Ланн в центре получили приказ сдерживать Горчакова. На правом фланге Нею предстояло, не считаясь с потерями, опрокинуть левый фланг неприятеля под командованием Багратиона, овладеть господствовавшим над местностью в тылу русской армии Фридландом и блокировать мосты через Алле, по которым русские переправились на противоположный берег. Сразу же после выполнения этой задачи Ланну и Мортье приказывалось переходить в наступление. К восьми вечера Фридланд был в руках у французов; в десять Ланн и Мортье сбросили в Алле Горчакова, который лишился путей к отступлению из-за потери мостов; сотни русских солдат утонули в реке. В этот день царь потерял двадцать пять тысяч убитыми, ранеными и пленными, а также восемьдесят орудий. Остатки его армии отошли к Неману.

Несмотря на скудные субсидии англичан, продолжающуюся войну с Турцией и угрозу восстания в Польше, ничто еще не было потеряно для России. Однако нерешительность Александра, легко переходящего от воодушевления к депрессии, побудила его пойти на переговоры с Наполеоном.

Встреча императоров состоялась 25 июня 1807 года в Тильзите, на плоту между двумя берегами Немана. «Сир, я так же ненавижу англичан, как и вы!» — «В таком случае мир заключен». В этих фразах — суть подписанного императорами соглашения. Состоялся не передел мира, как об этом тогда писали, а альянс, острие которого было направлено против Англии. «Задача Наполеона, — справедливо замечает Альбер Вандаль, — заключалась в том, чтобы одержать победу над Англией и восстановить всеобщий мир. Он полагал, что Россия более, чем любая другая страна, способна оказать ему содействие в достижении поставленной цели благодаря географическому положению континентальной и в то же время морской державы, военной мощи и неисчерпаемым материальным ресурсам. В своем ны-

нешнем смятенном состоянии она представала вынужденным союзником, к которому он обратился с предложением объединить усилия в борьбе с Англией». Расходы по реализации подписанного 7 июля соглашения должны были взять на себя Пруссия, а затем Турция. Отнятые у Пруссии государства от Эльбы до Рейна, а также часть Ганновера превратились в Королевство Вестфалию, которое Наполеон подарил Жерому. Польские земли, находившиеся во владении Пруссии, образовали эрцгерцогство Варшавское, вверенное королю Саксонии, вошедшему вместе с королем Вестфалии в Рейнский союз. Последний включал в себя отныне всю Германию, кроме Пруссии и Австрии. Наполеон предложил свое посредничество в русско-турецком конфликте. Предвидя отказ султана, он пригрозил таким расчленением оттоманских провинций в Европе, после которого за Турцией остались бы лишь Константинополь и Румелил. Александр, признавший все произошедшие в Европе изменения, предложил свои услуги в деле улаживания франко-английского конфликта. В случае отказа Англии русский император обещал поддержать Наполеона, оказав давление на Копенгаген, Стокгольм и Лиссабон, чтобы вынудить их закрыть порты для британских торговых судов. В новой политике, получившей название «континентальная блокада», которую Наполеон начал проводить, потерпев поражение при Трафальгаре, России отводилась роль козырной карты. Англичане почувствовали это на своей шкуре уже в начале 1808 года. Никогда еще Наполеон не был так близок к победе, а Европа — ко всеобщему миру.

Как стали возможны Аустерлиц и Йена?

Блистательные победы Наполеона при Аустерлице и Йене заворожили современников. Клаузевиц и Жомини посвятили объемистые труды полководческому гению Наполеона, проложив дорогу будущим теоретикам и стратегам. Между тем допущенные ими неточности в оценке личности Наполеона весьма значительны. Занесем в его пассив нежелание внедрять технические новшества: «водную повозку Фултона, приводимую в движение паром», пороховые ракеты Конгрева, телеграф Жана Александра, аэростат наблюдения майора Кутеля. Его победоносная армия была вооружена унаследованными от «старого режима» ружьями образца 1777 года (с внесенными в 1803 году незначительными усовершенствованиями) и пушками конструкции Жана Батиста Грибоваля. Наполеон продемонстрировал полнейшее равнодушие к открытию Бертолле, заменившему при производстве пороха селитру (нитрат

калия) на хлорат калия, пренебрег изобретением Форента, отказавшегося от кремниевого запала в пользу затвора, расположенного в непосредственной близости от заряда. Он знал, что прусское ружье снабжено специальным лезвием, с помощью которого пехотинец надрезал (а не надкусывал) патрон. Это простое усовершенствование обеспечивало ружьям пехоты Фридриха-Вильгельма III куда большую скорострельность, чем французским. Наполеон не придал этому факту ни малейшего значения. Более того, он распорядился экипировать двенадцать кавалерийских полков касками и кирасами, которые считались устаревшими еще при Людовике XVI. Почти не вспоминают о его поразительной неосведомленности в климатологии и географии, повлекшей за собой неисчислимые людские потери в Египте и Сан-Доминго. Забывают о проявленной им в 1806 году неосмотрительности при форсировании Одера, когда он не подумал о грязи, снеге и холоде. Плохое знание местности и отсутствие разведданных поставили его в тяжелое положение при Маренго и Эйлау.

Будучи слабым шахматистом, Наполеон, как и все вышедшие из Революции генералы, был убежденным сторонником наступательных действий. Однако Клаузевиц покажет, что «любое наступление захлебывается по мере своего развития». В доказательство он приводит поход на Россию: «Полмиллиона форсировали Неман, сто двадцать тысяч сражались у Бородино, еще меньше дошло до Москвы». И Клаузевиц приходит к выводу: «Оборонительная тактика эффективнее наступательной».

Стратегические взгляды Наполеона также нельзя считать новаторскими. Они восходят к доктрине Гибера де Ножана, предусматривавшей деление армии на автономные армейские корпуса, состоявшие из двух-трех пехотных дивизий, одной кавалерийской, артиллерии и службы обеспечения. Главная причина его побед заключалась в том, что он ввел разграничение между растянутым походным и концентрированным боевым порядком. Растягивая походный порядок на марше, он вольготно чувствовал себя на местности, поскольку его армия представляла собою как бы сеть, в которой мог запутаться маневрирующий в боевом порядке неприятель. Мак надеется выждать время в Ульме и оказывается в окружении. В 1806 году пруссаки мечутся с места на место, Наполеон обходит их с фланга, и они вынуждены принять бой в расстроенном боевом порядке. Результат? Разгром при Йене. Война становится мобильной, стремительной. Если противник рассредоточивается на марше, Наполеон маневрирует «на внутренних рубежах»: останавливает колонну отрядами, в задачу которых вхо-

дит замедлить ее продвижение, уничтожает ее ударом главных сил, а затем переходит к следующей. Наполеон мог совершать все эти маневры благодаря растянутому походному порядку, позволявшему в любой момент, дернув за силок, поймать добычу. Во время сражения он способен умело воспользоваться чужой оплошностью, а то и вынудить неприятеля совершить непоправимую ошибку, как это произошло во время битвы при Аустерлице. Наконец, внезапной атакой отдельного корпуса во фланг или в тыл противника он подготавливает «развязку», решающую участь всего сражения.

Однако Европа довольно быстро усвоит правила этой новой игры и перестанет попадать в расставляемые ей императором сети. Наполеон столкнется уже не с армиями на равнине, а с глубоко эшелонированной обороной в Португалии, при Бородине, при Ватерлоо. К тому же нерасторопность войск, растянутость коммуникаций, языковые барьеры, постепенно превращающие Великую Армию в интернациональную, парализуют высокую мобильность, продемонстрированную Наполеоном в ходе первой итальянской кампании. Он все реже маневрирует, ища преимуществ в огневой мощи артиллерии или сокрушительном натиске кавалерии, решившей исход битвы при Эйлау. В таких случаях сражение превращается в бойню.

Начиная с 1806 года, после кампании в Восточной Пруссии, успехи становятся все менее убедительными. И это при том, что в 1806—1807 годах Наполеону благоприятствовала политическая обстановка: поляки связывали с ним надежды на возрождение Польши, Вена и Берлин открыли ворота победителю Аустерлица и Йены. Однако гражданская война вылилась в такую форму сопротивления, против которой Наполеон оказался бессилен. Высокая боеспособность революционных армий, так же как и Великой Армии, заключалась в том, что они были народными армиями, воевавшими с бандами наемников. Однако по мере того, как Великая Армия утрачивала свой национальный характер, превращаясь в разношерстную толпу, ее победы уходили в прошлое.

Наполеоновские маршалы и генералы были не столько полководцами, сколько рубаками (Ней, Мюрат, Делор, Лазаль, Сент-Илер, Пактод, Пажоль, Компан, Кюрели, Клапаред). Иные — учтивыми дипломатами (Лористон, Коленкур, Андреосси). Попадались и «трусы» (Моне, но не Барагэ д'Илье Мареско и де Дюпон, несмотря на постигшие их несчастья), и прохвосты (Дютертр), и развратники (Шабран), и дезертиры (Сарразен, Бурмон). Были и «потомственные» генералы (Аббатуччи, Абовилли). Одни сгинули в нечеловеческих условиях плена (Лефран), других отстранили от должности за излиш-

нюю приверженность республиканизму (Амбер, Делмас, Монье) или по подозрению в симпатиях к Моро (Дюрют). Но куда больше было тех, кого пуля сразила прежде, чем они успели по-настоящему заявить о себе (Дезе, Валюбер). Наполеон на всю жизнь сохранил память о своем адъютанте Мюироне. Наконец постепенно иссякает людской резерв. Рекрутские наборы уже не в состоянии удовлетворить растущие аппетиты прожорливого Молоха. Окончательно утратив численное превосходство над сплотившейся против него Европой, Наполеон будет обречен, тем более что соотношение потерь, до поры до времени благоприятное для французов, постепенно выравнивается. После Эйлау армия производит уже впечатление плохо оснащенной, недоукомплектованной командирами, часто недисциплинированной людской массы. Многие из тех, кто был с Наполеоном в Булонской ставке, получили повышение или перешли в гвардию. Четыре пятых всей армии составляли наспех обученные рекруты 1806—1807 годов. Моральный дух также оставлял желать лучшего. Война велась за пределами Франции, и, казалось, ничто не ущемляло жизненных интересов страны. Но буржуазию тревожило безмерное расширение естественных границ, ей было достаточно увеличения рынков сбыта. 5 прериаля XI года торговая палата Парижа, «принимая во внимание состояние войны, в которую вновь ввергла Республику злая воля врага», поднесла Первому Консулу в подарок стодвадцатипушечный корабль под названием «Парижская торговля». Но все это делалось не от чистого сердца. Впрочем, не считая, разумеется, человеческих жертв, война почти не отражалась на жизни страны, так как велась на чужой территории. Более того, она приносила доход. По отчетам Дарю был подведен финансовый итог военной кампании с 1 октября 1806 года по 15 октября 1808 года: чрезвычайные контрибуции составили 311 662 000 франков, налоги с вассальных территорий — 79 667 000, кассовые аресты — 16 172 000. Помимо многочисленных налогов, взимаемых с поверженных государств, Франция, только по официальным данным, получила от Пруссии 40 тысяч лошадей и прочих товаров на сумму в 600 миллионов франков, и это не считая награбленного. Расходы на Великую Армию составили, по сведениям Дарю, 212 879 335 франков, в то время как главный казначей оприходовал наличными 248 478 691 франк. Словом, прусская и польская кампании ничего не стоили французским налогоплательщикам. Общественное мнение, давным-давно обработанное армейскими сводками, выражало полное одобрение всему происходящему. Тем более что победы 1805 и 1806 годов ввергли Европу в состояние шока и после двух итальян-

ских кампаний обеспечили Наполеону репутацию непобедимого полководца. Революция не ошиблась в выборе своего «спасителя».

Глава VI
КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА

После Тильзита Наполеону оставалось покорить лишь Англию. Побеждая на суше, он не рассчитывал победить на море. Катастрофа у мыса Трафальгар и слишком медленное возрождение французского флота препятствовали прямому нападению на Британские острова. Отсюда — замысел торговой войны. Намереваясь сокрушить промышленность и торговлю Англии, составлявшие основу ее могущества, Наполеон призывал, а то и вынуждал европейские страны не принимать британские торговые суда и доставляемые ими грузы. После расторжения Амьенского соглашения Бонапарт попытался посредством «coast system» (системы берегового контроля) закрыть английским судам доступ к берегам, находящимся в сфере его влияния. Он руководствовался охранительными мотивами, стремясь оградить французскую промышленность от наплыва конкурентоспособных английских товаров. Берлинский и миланский декреты, распространив блокаду на весь европейский континент, превратили ее в краеугольный камень всей внешней политики Наполеона. Отныне любое государство, не участвующее в континентальной блокаде, превращалось во врага: невозможно было сохранять нейтралитет в том противостоянии, которое Наполеон навязал «океанократам».

Из предыстории блокады

Отечественная история научила французов видеть в кредите хрупкое основание, разрушение которого неминуемо влечет за собой кризис основывающейся на нем политической формы правления. По их мнению, ахиллесовой пятой Англии была ее финансово-кредитная система. Многие экономисты, от Томаса Пейна до Лассаля (его трактат «Финансы Англии» вышел в 1803 году), указывали на непомерно разросшийся государственный долг, неэффективность бумажных денег и армию людей, находящихся на грани безработицы. Такие ученые, как Саладен и Монбрион, приходили к выводу, что столь импозантное с виду английское процветание — не более чем мыльный пузырь. Казалось, стоит перекрыть Великобрита-

нии доступ на европейский континент, и она обанкротится. В борьбе с надменным Альбионом Директория уже пыталась взять на вооружение эту политику, однако для ее проведения ей не хватило средств. После расторжения Амьенского договора Наполеон вновь вернулся к этой идее. Термин «континентальная блокада» был впервые употреблен в 15-й сводке Великой Армии, опубликованной 30 октября в «Мониторе». Однако еще раньше эта унаследованная от Директории мысль прозвучала в импровизированной речи Бонапарта, произнесенной им 1 мая 1803 года в Государственном совете, накануне разрыва с Англией. Мио де Мелито запечатлел ее для нас в своих мемуарах: «Нам предстоит еще оплакать наши потери на море, быть может, даже потерю наших колоний, зато мы укрепимся на суше. Мы уже завоевали на побережье достаточно обширные пространства, чтобы внушать страх. Мы и впредь будем расширять наши владения. Мы создадим более надежную систему берегового контроля, и Англия кровавыми слезами оплачет развязанную ею войну». По сути, речь шла о том, чтобы повернуть против Англии оружие, которое она первой пустила в ход еще во времена Столетней войны и применяла вплоть до царствования Людовика XVI. Она вновь прибегла к нему 16 мая 1806 года, объявив в правительственном приказе блокаду французского побережья. Этот скорее театральный жест позволил экипажам британских крейсеров шарить в трюмах кораблей, преимущественно американских, поддерживавших торговые отношения с Империей. После Йены, 21 ноября 1806 года, посчитав себя достаточно могущественным для нанесения ответного удара, Наполеон подписал берлинский декрет, вводящий режим континентальной блокады. Термин «блокада Англии» был бы, однако, предпочтительнее, поскольку «континентальная блокада» традиционно ассоциировалась с действиями британского военно-морского флота. Решение императора было воспринято как неожиданное и в известном смысле безапелляционное. Похоже, Наполеон даже не потрудился согласовать этот вопрос с торговыми палатами. Впрочем, последние косвенно заявили о своих интересах. 23 нивоза XII года Делессер потребовал введения запрета на увеличение налогообложения в целях поощрения нарождающейся отечественной промышленности. В 1806 году блокаду восприняли как средство вдохнуть жизнь в экономику, потрясенную кризисом, разразившимся в результате банкротства торговых объединений, которые неосмотрительно поддержало государственное казначейство. Словом, реакция владельцев мануфактур была позитивной, а коммерсантов, во всяком случае, не враждебной, хотя они и были задеты ею в

первую очередь. В предновогодние дни 1806 года позиция франка ощутимо окрепла. «В Париже процентная ставка в коммерческих операциях повысилась», — сообщалось в одном из отчетов Торговой палаты.

Континентальная блокада

В преамбуле к берлинскому декрету император заявлял, что вопреки «человеческому праву, обязательному для всех цивилизованных народов», Англия, объявляя «врагами» всех подданных враждебного ей государства, арестовывает экипажи торговых судов и даже их пассажиров. Она распространяет на частную собственность право завоевания, которое применимо лишь в отношении государственного имущества враждебной державы, она объявляет блокаду «территориям, которые не смогла бы контролировать даже объединенными вооруженными силами — целым побережьям и всей Империи». И добавляет: «Принимая во внимание, что чудовищное злоупотребление правом блокады имеет целью воспрепятствовать общению между народами и возвести промышленность и торговлю Англии на руинах континента, что естественной самозащитой было бы воспользоваться в борьбе с врагом его же оружием, мы решили применить к Англии те методы, которые она закрепила в своем морском праве, и постановили: Статья I. Британские острова объявляются зоной блокады». Таким образом, в тексте берлинского декрета говорится о блокаде Англии, а не континента. Однако, не обладая достаточно мощным флотом, Наполеон вынужден был закрыть континент для английских судов и товаров. Отныне «любые формы торговых отношений с Англией запрещаются; любой английский подданный, задержанный в странах, оккупированных французскими войсками или войсками ее союзников, будет арестован как военнопленный; на любой магазин, товар или собственность, принадлежащие подданному Англии, будет наложен секвестр. Торговля английскими товарами запрещена, любой товар, принадлежащий Англии, произведенный на ее фабриках или доставленный из ее колоний, будет секвестрирован». Текст декрета направлялся «королям Испании, Неаполя, Голландии и Этрурии, подданные которых — такие же, как и мы, жертвы несправедливости и варварства английского морского права». Итак, на морскую блокаду Наполеон отвечает блокадой континентальной. «Море я хочу покорить силою суши», — произнес он знаменитую фразу. Запрет на английские товары не был новинкой,

однако затронул нейтральные страны, в той мере, в какой блокада, утрачивая протекционистский характер, становилась инструментом войны.

Миланские декреты

На берлинский декрет Лондон ответил ноябрьским правительственным приказом 1807 года. Британский кабинет заявил, что берет в кольцо жесткой блокады все порты Франции, а также государств, находящихся в состоянии войны с Великобританией. Лондон намеревался запретить всякую торговлю, кроме той, которая велась с Англией, обеспечив свои коммерческие связи с наполеоновской Европой. Свобода мореплавания предоставлялась лишь судам, которые готовы были оплатить свой транзит в размере 25 процентов от стоимости груза. Отвечая ударом на удар, Наполеон первым миланским декретом (23 ноября 1807 года) распорядился арестовывать все суда, осмелившиеся зайти в английские порты, а вторым (7 декабря 1807 года) — любое судно, подчинившееся распоряжению британского кабинета министров. Текст первого миланского декрета завершался прямым призывом к Соединенным Штатам покончить с морским диктатом Англии. Казалось, обстоятельства благоприятствовали этому намерению Наполеона. После инцидента с фрегатом «Chesapeake», обстрелянным 22 июня 1807 года английским адмиралом Беркли, президент Джефферсон издал распоряжение, запрещающее английским военным кораблям входить в территориальные воды Соединенных Штатов. Наполеон рассчитывал на союз с Америкой. Однако серия неувязок сделала невозможным заключение этого столь важного для него договора. Решением от 18 сентября 1807 года император обязал своих корсаров задерживать нейтральные суда и конфисковывать находящиеся на них английские грузы. В сложившейся обстановке Джефферсон счел за лучшее не выпускать из своих портов американские корабли дальнего плавания. Он наложил на них эмбарго, вотированное Конгрессом 22 декабря 1807 года. В итоге 17 апреля 1808 года Наполеон подписал байонский декрет, объявивший собственностью Империи любое зашедшее в европейский порт американское судно. «Соединенные Штаты, — говорил он Годену, — наложили эмбарго на свои корабли. Следовательно, тот, кто утверждает, что плывет из Америки, на самом деле плывет из Англии, и его документы — фальшивка». Все это в конечном счете осложняло отношения с Соединенными Штатами и ухудшало перспективы сближения двух государств в случае успеха блокады.

Блокада в действии

Подписав в Тильзите договор с Россией, Наполеон задался целью полностью блокировать континент. «Этот грандиозный и потрясающий эффект — результат альянса двух ведущих мировых держав, — читаем в одном из документов 1807 года. — По их призыву целый континент восстает и сплачивается против общего врага. Война с островитянами, в которой участвует такое множество государств, призвана уничтожить их торговлю, парализовать промышленность, опустошить моря — самые плодоносные их владения. Это — блистательный замысел, столь же обширный, сколь и трудноосуществимый. И вот он осуществлен». В самом деле, за период с июля по ноябрь 1807 года континент оказался почти полностью закрытым для английских товаров. По договору, подписанному 31 октября 1807 года в Фонтенбло, Дания стала союзницей Франции. В результате дорога на Теннинген закрылась для англичан. Проигравшим войну Австрии и Пруссии также пришлось присоединиться к блокаде, однако наибольший ущерб британская торговля понесла после Тильзита, лишившись российского рынка. Последствия этой утраты сказались не сразу, из-за запоздалого закрытия русских портов, однако со временем Англия рисковала остаться без столь необходимого ее флоту сырья: конопли, льна и древесины. Голландия, находящаяся с 1806 года в ведении Людовика Бонапарта, хотя и с оговорками, примкнула к континентальной блокаде. Новоиспеченный монарх понимал, что эта призванная сокрушить Англию махина раздавит сначала Голландию. Поэтому он, по мере сил, старался смягчить ее тяжелую поступь. Одернутый братом, он вынужден был издать декрет (15 декабря 1806 года), объявлявший введение блокады в своем королевстве, но не перекрыл каналы контрабанды, служившие своего рода предохранительным клапаном для голландской экономики. Однако после того, как Наполеон пригрозил направить в его королевство мобильные войсковые соединения, Людовик 28 августа 1807 года решился обнародовать более жесткий декрет, за которым последовал арест около сорока британских торговых судов, пришвартованных в голландских портах. К концу 1807 года Голландия стала почти недоступной для Великобритании. Наведя порядок на северном побережье, Наполеон занялся югом. Жесткие санкции в отношении Англии были приняты Италией. 29 августа 1807 года генерал Миолис отдал приказ об аресте английских товаров, складировавшихся в Ливорно. Оккупации подверглась Пиза. Воинские гарнизоны разместились в государствах понтификата, в Анконе, Пезаро и Чивитавеккье. 19 февраля 1807 года строгий декрет ввел режим блокады в Испании. Были прерва-

ны коммуникации с Гибралтаром. В конце 1807 года, после долгих препирательств, Португалии также пришлось присоединиться к антибританской коалиции. 6 ноября, спасовав перед ультиматумом Франции, португальские министры согласились наложить эмбарго на английские корабли. 8 ноября они отдали приказ об аресте британских подданных и о секвестре принадлежащего им имущества. Однако этому запоздалому решению не дано было предотвратить вторжение французских войск: 21 ноября Жюно пересек португальскую границу. Это событие обернулось тяжелыми последствиями для британской торговли. По сравнению с 1806 годом экспорт английских товаров в Лиссабон сократился в 1807 году на 40 процентов.

Кризис 1808 года в Англии

К концу 1807 года к блокаде, за исключением Швеции, сохранившей верность договору с Англией, присоединились уже все европейские страны. Лондон скоро почувствовал последствия этого торгового кордона. Особенно трудными для британской экономики оказались первые шесть месяцев 1808 года. В первом квартале доходы от экспорта упали с 9000 до 7244 фунтов стерлингов. Во втором было отмечено дальнейшее снижение: с 10 754 фунтов за тот же период 1807 года до 7688. Трудности усугублялись в результате прекращения товарообмена с Соединенными Штатами, поставлявшими англичанам пшеницу и хлопок. Застой на рынке колониальных товаров сопровождался беспрецедентным падением экспорта британской мануфактуры. Промышленники Манчестера не могли реализовать скопившиеся у них запасы хлопка. Не менее напряженная обстановка сложилась в Ланкашире и Шотландии. Серьезный кризис поразил суконную промышленность. И это при том, что разрыв торговых отношений с балтийскими странами привел к повышению цен на лен. В мае и июне 1808 года в ответ на рост дороговизны прокатилась волна народных возмущений в Ланкашире. В августе 1808 года наметились симптомы девальвации фунта. Все это давало Наполеону основание рассчитывать на победу, которую он пророчил в 1807 году в своем выступлении перед Законодательным корпусом: «Англия, наказанная за методы, которые составляли самую суть ее подлой политики, вынуждена сегодня наблюдать за тем, как от ее товаров отказывается вся Европа, а ее корабли, загруженные никому не нужными дарами, скитаются по бескрайним морям, где, как им казалось, они еще совсем недавно царили, и тщетно отыскивают от Зунда до Геллеспонта хотя бы один готовый приютить их порт».

Часть третья

РАВНОВЕСИЕ

Наполеон достиг вершины своего могущества не в 1811 году, когда родился римский король, а в 1807-м — после Тильзита. К этому времени все страны континента превратились кто — в союзников, а кто — в вассалов Франции. Над Англией, оказавшейся в полной изоляции, лишившейся традиционных рынков сбыта, нависла угроза катастрофы. Естественные границы Франции по Рейну, Альпам и Пиренеям были надежно защищены. Давняя мечта монархов и Комитета общественного спасения стала реальностью. Экономическую депрессию 1806 года, как в свое время 1801-го, в конце концов удалось преодолеть, что свидетельствовало о способности власти контролировать механизмы, регулировавшие тогдашнюю экономику. Свыкшись с двухсотлетним господством абсолютизма, никто, похоже, не страдал от ограничения свобод, разве что буржуазия. Впрочем, «беспорядки» пугали ее куда больше. Партийная борьба окончательно сошла на нет, если не считать отдельных, лишенных политической окраски актов разбоя. Складывается новое социальное равновесие, от которого выигрывают главным образом нотабли. Но и народ доверяет тому, кто по-прежнему остается гарантом революционных завоеваний, находящих свое выражение в продолжающейся распродаже национального имущества, дележе общинных земель и равенстве перед законом. Словом, повышение заработной платы и частичное сокращение безработицы, по крайней мере в Париже, оставят у рабочих, особенно в преддверии грядущих невзгод, несколько преувеличенное чувство гордости неким «золотым веком», чувство, которое не изгладят из их памяти ни растущий гнет рекрутских наборов, ни ужасы оккупации 1814—1815 годов. Никогда прежде, похоже, Франция не выглядела такой могущественной, сплоченной, внушающей уважение. Краткий миг, предшествовавший появлению первых трещин, — благодатный, уникальный период для историка наполеоновской Франции, период, о котором на протяжении всего XIX века страна сохранит ностальгические воспоминания.

В этом кратком миге территориального, политического и социального равновесия, упроченного официальной пропагандой и военными победами, — истоки живучести легенды о наполеоновской Империи.

Глава I

НАПОЛЕОНОВСКАЯ ИМПЕРИЯ

На удивление многолика Франция эпохи Империи! Желающему посетить ее туристу Ланглуа дает ценные советы в «Путеводителе» (опубликованном в 1806 году и переизданном в 1811-м), который составил конкуренцию «Справочнику путешественника» Рейшара. Путешественнику не рекомендуется ввозить во Францию запечатанные пакеты и даже самые обыкновенные письма под страхом «не только ареста, но и штрафа в размере 500 ливров за каждое письмо». Зато ему советуют иметь при себе двухзарядный пистолет и ни в коем случае не доверяться извозчикам. Багаж путешественника, перемещающегося в собственном экипаже, должен ограничиваться коробом, чемоданом, обтянутым «коровьей» кожей, и шкатулкой для драгоценностей, денег и векселей, снабженной специальными болтами, позволяющими крепить ее в карете или номере гостиницы. Подорожные пошлины вполне умеренны: «Если ехать дилижансом, стоимость каждого лье, включая чаевые кучеру и кондуктору, не превышает одного франка, а за две лошади при езде на почтовых с учетом платы хозяину гостиницы и слуге — пяти франков». Стендаль, правда, приводит другие расценки, вспоминая, во что обошлось ему в XII году путешествие из Гренобля в Париж. Автор «Полного путеводителя по Французской Империи» особенно настаивает на различии между южной и северной Францией, западными департаментами и теми, что раскинулись по левому берегу Рейна; путешественника призывают учитывать особенности менталитета и ландшафта, местных промыслов и природных ресурсов. Аналогичные суждения выходят из-под пера гамбуржца Немниха в его интересных путевых заметках, опубликованных в 1810 году знаменитым тюбингенским издателем Коттой.

Северная Франция

На севере Империя простирается далеко за пределы абсолютистской Франции, включая Бельгию, а после аннексии Голландии — и Соединенные провинции. Лишь морской пей-

заж и общее устье Рейна придают этой территории некоторое единство, непрерывно нарушаемое меняющимся ландшафтом и разноязычием. На севере — Голландия, в прошлом Батавская республика, ставшая в 1806 году королевством, вотчиной Людовика Бонапарта, ждущая того часа, когда в 1810 году она будет грубо аннексирована Наполеоном, нетерпимым к проявлениям своеволия брата. Задолго до этого события император сделал ему строгое внушение в ответ на пожелание последнего приспособить гражданский кодекс к местному праву: «Нация, насчитывающая 1 800 000 душ, не может иметь собственного законодательства. Римляне диктовали законы союзникам; почему бы и Франции не навязать свои законы Голландии?» В дальнейшем континентальная блокада обострит конфликт между братьями. Стремясь предотвратить разорение своего королевства, экономика которого целиком зависела от морской торговли, Людовик вынужден был терпеть контрабанду, превращая тем самым Голландию в самое уязвимое звено наполеоновского кордона. Вот почему в 1808 году Наполеон решил ее аннексировать. В июле 1809 года, после неудавшейся попытки англичан захватить Зеландию, он лишь укрепился в своем намерении. В марте 1810 года Людовику было предложено уступить Франции без каких-либо компенсаций земли к югу от Рейна. Отныне семи тысячам французов (со временем их число возросло до двадцати тысяч) предстояло контролировать голландское побережье. 1 июля 1810 года Людовик, показав императору пример, отрекся от престола. Девять бельгийских департаментов, как более покладистые, были расширены за счет австрийских Нидерландов и Льежского княжества. С этого момента начинается развитие Бельгии. Если серьезные преобразования в политической сфере прошли вполне безболезненно, поскольку стандартизация административно-судебной системы, насаждаемая французскими властями, изгнала из памяти самый дух, царивший в бывших княжествах, то экономические и социальные потрясения оказались весьма глубокими. Разумеется, дворянство, несмотря на утрату привилегий, отстояло свои земельные владения и сохранило влияние в деревне. Однако распродажа национального имущества, ударившая прежде всего по церкви, обогатила не столько крестьян, религиозная щепетильность которых не позволяла им приобретать бывшие земли духовенства, сколько буржуазию, обладавшую до этого некоторым весом только в Льежском княжестве. Благодаря капиталам, нажитым на спекуляции национальным имуществом, и возможностям, открывшимся в результате расширения рынков сбыта, эта буржуазия проявляет заинтересованность в развитии про-

мышленности. В Генте на базе английских ткацких станков налаживается машинное производство хлопчатобумажных тканей. Количество текстильных машин возрастает с 500 в 1808 году до 2 900 в 1810-м. Континентальная блокада и новое рудное законодательство благоприятствуют развитию угольной промышленности. В 1795 году в Бельгии было добыто 800 тысяч тонн угля. В 1811-м его добыча составила уже миллион 300 тысяч тонн. Военные заказы стимулируют развитие металлургии в Геннегау. В Антверпене, куда дважды — в 1803 и 1810 годах — наведывался Наполеон, наращивают мощность крупнейшие судостроительные верфи Империи. В 1807 году там со стапелей сошли четыре военных корабля, в том числе два — семидесятичетырехпушечных. В индустриальной жизни Империи Бельгия начинает играть все более заметную роль: на ее долю приходится половина всего добываемого угля и четверть всей выплавляемой стали. Гент, по свидетельству немецкого путешественника Немниха, выходит на второе после Парижа место «по числу многоотраслевых предприятий». Словом, в отличие от Голландии, промышленность которой была ориентирована главным образом на внешнюю торговлю, французская оккупация пошла Бельгии на пользу. Этим объясняется отсутствие какой-либо оппозиции режиму Империи. Буржуазию устраивает до поры до времени политический строй, благоприятствующий осуществлению ее экономических планов. Аристократия, долгое время ориентировавшаяся на венский двор, в конце концов примыкает к Наполеону после его женитьбы на Марии Луизе и соглашается занять места в Законодательном собрании. Герцог д'Аренберг и граф де Мерод становятся сенаторами. Несмотря на волнения 1798 года, вспыхнувшие в связи с объявлением рекрутского набора, и ухудшение отношений с папой, крестьяне остались верны Наполеону. Доказательством этому может служить сравнительно небольшой процент уклонившихся от воинской повинности, а также всенародный энтузиазм, которым было встречено в 1813 году возрождение французской армии после пережитого ею в России разгрома. Наконец, собственно северная Франция с ее индустриальными центрами в Лилле, Валансьенне и Амьене. Лилль — это одновременно и промышленный центр и рынок сельхозпродукции, производимой в регионе, специализирующемся на выращивании масличных культур, из зерен которых сотни давильных прессов выжимают масла, экспортируемые в Голландию, Ахен и Дюссельдорф. Хмель, табак, лен и тюльпаны дополняют список производимых на экспорт сельскохозяйственных товаров. Наконец, в самом городе, помимо фабрик, действуют сахарорафинадные, а также прядильно-ткацкие за-

воды, специализирующиеся на переработке хлопка по английской технологии. Больше других пострадал от революции Валансьенн. Состоятельные семьи, ведшие здесь светский образ жизни, были почти полностью истреблены, однако изготовляемые в подвалах батист и кружева, несмотря на их высокую себестоимость, сохраняли прежнее отменное качество. Ускоренными темпами развивается хлопчатобумажная промышленность в Сен-Кантене, где численность занятых в этой отрасли рабочих возросла с 502 в 1806 году до 1 500 в 1810-м, и в Амьене, где Морган и Делэ первыми установили на своих предприятиях хлопкопрядильные машины. В 1806 году действовало уже 15 348 веретен. Словно в подтверждение роли севера как наиболее промышленно развитого региона Империи угледобывающая отрасль Анзена переживает самый настоящий взлет благодаря применению паровых машин: добыча угля увеличилась с 242 277 центнеров в 1807 году до 420 706 в 1809-м. Психологический климат, установившийся в департаментах севера, выше всех похвал; здесь удалось добиться ощутимого снижения преступности, свирепствовавшей во времена «истопников»[1], а также явного сокращения числа уклоняющихся от воинской повинности и дезертиров. В Па-де-Кале их количество достигало в 1803 году 300, упав до 134 в 1804-м и 12 в 1812-м.

Восточная Франция

Рейн перестал быть границей между государствами. Эльзас вновь переживает расцвет, надежда на который, казалось, была утрачена навсегда. Правительство Империи поощряет здесь выращивание табака и свеклы, облесение, расширяет площади, отводимые под саженцы и искусственные пастбища. Континентальная блокада идет на пользу индустриальному развитию Верхнего Рейна; выделим две крупные прядильные фирмы: Гро-Давилье, Роман и Си (в распоряжении которой находилось в 1806 году в Вессерлинге 5 038 веретен и 185 рабочих) и Дольфус и Си (1 404 веретена и 72 рабочих за тот же период). Благодаря подъему производства население Мюлуза, крупного центра хлопчатобумажной промышленности, увеличилось с 6 до 8 тысяч жителей. Словом, ассимиляция Эльзаса протекала без осложнений. Аналогичный про-

[1] «Истопники», «поджариватели» *(chauffeurs)* — банды грабителей, действовавшие в Северной Франции в годы революции и уничтоженные в период Консульства. Название получили вследствие практиковавшейся ими пытки огнем, которую они применяли к своим жертвам для вымогательства.

цесс характерен для четырех департаментов левого берега Рейна, поглотивших 97 бывших карликовых государств. Только в них проживало около полутора миллионов человек. Экономический подъем этого региона также не вызывает сомнений. Отметим два нововведения: отмена десятины и упразднение дворянских привилегий стимулировали развитие сельского хозяйства (расширение посевов сахарной свеклы, широкомасштабные работы по лесонасаждению, увеличение площадей, отводимых под виноградники), а ограничение притока конкурентоспособных английских товаров положительно сказалось на развитии текстильной и сталелитейной промышленности (в Крефельде удвоилось число шелкоткацких фабрик; в Ахене, население которого возросло с 10 до 30 тысяч, количество мануфактур увеличилось в десять раз; департамент Рер с 2 550 предприятиями и 65 тысячами занятыми на них рабочими стал в 1811 году самым промышленно развитым регионом наполеоновской Империи. Благодаря отмене речных пошлин удалось улучшить навигацию на Рейне, характер которой, впрочем, существенно изменился: объем сырья, поставляемого из рейнского бассейна к верховьям, превышал встречный поток колониальных товаров из Голландии, значительно оскудевший после введения режима континентальной блокады. Развитие промышленности и торговли способствовало возникновению буржуазии, ставшей главной опорой наполеоновского режима. Но и поместное дворянство, несмотря на утрату титулов и привилегий, воздерживается от конфронтации с новой властью. Оно заполоняет префектуры, заседает в Законодательном собрании, перед ним раскрываются двери сената. Что касается крестьянства, то оно решительно поддерживает борьбу с преступностью (пресловутый Шиндеранн[1] нейтрализован) и приветствует введение Гражданского кодекса Наполеона (ни в какой другой аннексированной стране он так часто не переводился и не комментировался, как в Эльзасе). Похоже, что симпатии населения рейнского бассейна были завоеваны благодаря мудрому администрированию префектов, подобных Лезе-Марнезиа в Кобленце и Жан-Бону Сент-Андре в Майнце. Им удалось воздержаться от повсеместного насаждения французского языка. Не став французами, жители прирейнской области все же почувствовали свое отличие от других немцев. Франкофобские призывы Гоерра, основателя газеты «Рейнский Меркурий», почти не встречали отклика вплоть до 1813 года. Французское влияние распространяется в глубь Германии до королевства Вестфалии, созданного в 1807 го-

[1] Главарь «истопников» (см. выше).

ду и объединившего владения герцога Брауншвейгского, курфюрста Гессенского, а также государства Гёттинген, Оснабрюк и Грубенхафен, отнятые у курфюрста Ганноверского. Сложилась своего рода французская Германия в противовес немецкой Франции, образовавшейся на левом берегу Рейна. «Это королевство, — заявил император 24 августа 1807 года, — даст жизнь народу, который, будучи поделен на множество княжеств, не имел даже собственного имени. Жители стольких государств обретут наконец родину; ими будет править французский принц». Этим принцем стал Жером, младший брат Наполеона. Последний в письме от 7 июля 1807 года призывал его не обмануть чаяний немецкого народа: «Надо, чтобы даровитые люди, пусть даже и не дворянского происхождения, могли рассчитывать на Ваше расположение и престижные должности, чтобы остатки рабства и вся система иерархических отношений между монархом и последним простолюдином была разрушена до основания. Благодеяния Кодекса Наполеона, гласность судопроизводства, введение института присяжных должны стать отличительной чертой Вашего правления». При содействии Симеона, представителя Государственного совета, Жером поделил свое королевство на восемь департаментов, поставив во главе каждого из них по префекту. Судебная система стала точной копией французской. Органы самоуправления избирались коллегиями выборщиков. Чиновники немецкого происхождения, выходцы из среды аристократии и интеллигенции (Иоганн Мюллер, профессор права Гёттингенского университета Лейст, Якоб Гримм), мирно уживались с французами (Норвен, Пишон, Дювике, Лекамю). Декрет от 23 января 1808 года упразднил феодальный строй. Однако, хотя формально барщина уже не существовала, некоторые виды оброка (ценз, рента, денежная повинность) подлежали выкупу. Впрочем, крестьянам не хватало денег, поскольку префекты, форсируя раздел общинной собственности и отмену прав выпаса скота после первого укоса на чужих лугах, желая поскорее разделаться с принудительным севооборотом, фактически развалили сельскую общину. Все же следует признать, что идеи революции, даже несмотря на их одностороннее воплощение, нашли в Германии широкую поддержку.

Западная Франция

Здесь, на западе, находилось одно из наиболее уязвимых мест Империи — Вандея. Ни умиротворение VIII года, ни поражение Кадудаля не смогли окончательно погасить очаг роя-

листского сопротивления. Граф Пюизе продолжал работать на англичан. В своих мемуарах он следующим образом охарактеризовал направление своей деятельности: «В конце концов любая гражданская война — не что иное, как результат конфликта между неимущими или теми, кому недостает богатства, почестей, привилегий, власти, и теми, кто, как им представляется, наделен всем этим в достаточной, а то и в избыточной степени. Наличие некоторого фанатизма способно, конечно, несколько разнообразить формы и детали этого конфликта, однако в целом это ничего не меняет». Попытку организовать облаву сорвали эмигранты. В 1808 году по конспираторам был нанесен ответный удар. Арест Прижана, правой руки Пюизе, а затем Шатобриана, брата писателя, фактически обезглавил агентуру Джерси. Кроме того, Пюизе ссорится с д'Аваре, фаворитом Людовика XVIII. Бандитизм по-прежнему свирепствует в департаментах Сарта, Майенн, Мэн-и-Луара и Нижняя Луара. В донесении полиции от 11 марта 1809 года содержится анализ причин этого явления: отмечаются трудности с организацией взаимодействия четырех департаментов, апатия местного населения, деструктивная позиция «малой церкви»[1], недоукомплектованность нарядов жандармерии, попустительство местной магистратуры. Из каких слоев рекрутируются банды грабителей? Фуше выделяет три социальные группы. Первая, «наименее представительная», состоит из «злоумышленников, пользующихся сложившейся обстановкой, чтобы пограбить, выдавая разбой за политическую борьбу». Вторая, «составляющая основу движения, формируется из дезертиров и уклоняющихся от службы призывников». Наконец, третья — «из бывших шуанов, часть которых известна нам по имени, но прежде всего — по умонастроению и почерку». Что же касается происков англо-роялистов, то «Бретань находится под слишком жестким контролем, Нормандия слишком консервативна, и лишь с Мэном связываются их надежды на прямое восстание». В самом деле, порты на западе блокированы, судоходство в заливах и бухтах, где осуществлялось каботажное и рыболовное плавание, практически парализовано. Степень недовольства высока, умонастроение общества неопределенно. Желая разоружить оппозицию, Наполеон щадит Вандею. Гнет рекрутского набора здесь не так тяжел, как на остальной территории Империи. Для осуществления контроля над призывом он решает основать в самом сердце Вандеи город, вы-

---

[1] Так называли католических священников, не признававших Конкордата Наполеона с папой и ведших антиправительственную пропаганду в некоторых районах Франции.

брав для него в 1804 году место в провинции Ла Рош-сюр-Ион, у опушки леса. Наполеон — так будет назван новый населенный пункт, административный центр департамента Вандея. В 1812 году число его жителей не превысит 1 900. Наконец, в 1808 году, дабы окончательно привлечь на свою сторону Вандею, Наполеон освобождает на 15 лет от налогов все восстановленные до 1 января 1812 года дома, пострадавшие во время гражданской войны. «А что, вспоминают здесь еще о Бурбонах?» — спросит он в 1808 году у своего душеприказчика Торла во время инспекционной поездки по западным районам страны. «Сир, — ответит Торла, — ваша слава и ваши благодеяния давно уже вытеснили Бурбонов из их памяти». Торла — льстец, и Наполеон не заблуждается на его счет. Вместе с тем не подлежит сомнению, что с 1802 по 1812 год запад, еще не залечивший ран гражданской войны, обнаруживал искреннюю приверженность миру. Доказательством этому может служить декрет от 6 ноября 1810 года, сокративший до ста пятидесяти число отрядов жандармерии в западных департаментах Империи.

Центральные районы

Овернь явно не процветает, более того, производит впечатление провинции, брошенной правительством Империи на произвол судьбы. В самом деле, если благодаря вайде и табаку юго-запад получает, пусть и ненадежную, прибавку к бюджету (табачные фабрики, лишь на 1/8 обеспеченные местным сырьем, вынуждены импортировать табак из Виргинии и после 1806 года превращаются в убыточные), центральные районы, если верить отчетам префектов, производят поистине безотрадное впечатление. Вот о чем информирует, например, в IX году префект департамента Верхняя Луара: «Раздел общинных земель обернулся для сельского хозяйства самой настоящей катастрофой. Край, главное богатство которого составляли многочисленные горные пастбища, после их распашки изменился до неузнаваемости. Некогда поросшие травой высокогорные склоны превратились в пшеничные поля. Первые же потоки дождя смывают тонкий слой плодородной почвы, и после одной-двух жатв на месте некогда тучных пастбищ, вдоволь кормивших тысячные отары, высится лишь голая скала». Другим обрушившимся на этот район несчастьем стало опустошение лесов, не только государственных, но и частных, в результате варварского выпаса скота и чрезмерного роста поголовья овец, не контролируемого, как прежде, управляющи-

ми. Словом, Овернь остается очагом эмиграции, во всяком случае, периодической. Во время Революции эмиграционный процесс замедлился, однако в первые годы Империи, из-за повальных рекрутских наборов, вновь активизировался. Едут в Париж в надежде избежать воинской повинности. Постепенно, из-за перманентной мобилизации и обезлюдения деревни, поток эмигрантов в Париж оскудевает. По сообщениям префекта департамента Канталь, его сменяет другой, состоящий из детей и подростков: «Действует некая черная банда, ежегодно прочесывающая самые бедные и отдаленные коммуны; набирая армию мальчишек, она посылает их в Париж, где дети становятся трубочистами или попрошайками». При этом настроение общества удовлетворительное, и, хотя жизнь тяжела, крестьянин не жалуется.

Южная Франция

Если верить современникам, два величественных морских фасада на юге Франции — атлантическое и средиземноморское побережья — представляли собой жалкое зрелище. Вот какой увидел Немних Ла-Рошель в 1809 году: «До наступления этой воистину ужасной поры жизнь в Ла-Рошели била ключом. Население города превышало тогда двадцать тысяч, и казалось странным, что оно не было еще многочисленнее. Ныне здесь царит запустение. На улицах — ни души. Все поросло травой. Жители, число которых уменьшилось более чем наполовину, практически не покидают домов из-за отсутствия сфер приложения своего труда». В самом деле, экспорт водки в Англию поставлен в зависимость от превратностей континентальной блокады. Та же ситуация сложилась в Бордо. «Не надеясь на лучшее, — замечает Немних, — здесь живут в неизбывном страхе перед дальнейшим ухудшением. Численность населения сократилась до 70, если не до 60 тысяч. По другим данным, она еще ниже. Сотни домов пустуют, и горькую усмешку вызывают былые планы процветания. Редкие суда стоят в широкой гавани залива, и глаз не захвачен зрелищем уходящего за горизонт леса корабельных мачт». Следствием этого упадка, к причинам которого нам еще предстоит вернуться, явилось то, что купцы, лишившись возможности наживаться на морской торговле, стали вкладывать деньги в пищевую промышленность. Сахарные заводы, производящие лучшие сорта сахара, отправляют его на продажу главным образом на юго-восток. В Бордо насчитывалось около пятидесяти табачных мануфактур и бумажных фабрик. При этом дру-

гие ремесла, такие как стекольное и бочарное, переживают упадок. Хотя в Ландах Дюплантье продолжил дело Бремонтье по насаждению сосновых лесов, хотя сельское хозяйство Бордо, например виноградарство, переживает небывалый подъем, как никогда остро стоит проблема сбыта. Вот почему общественные настроения в Бордо весьма взрывоопасны. Не лучшее положение сложилось и на средиземноморском побережье. Здесь — самое слабое звено блокады, и, к своему стыду, власти не в состоянии обеспечить надлежащий контроль над прибрежной полосой. В 1813 году каждый вечер английские корабли становятся на рейд у Йера. «Их присутствие неопасно, поскольку, не располагая десантом, они не угрожают нашим островам и побережью. Однако оскорбительна та смелость и безнаказанность, с какой они разгуливают на своих судах по акватории рейда». Еще в 1808 году Мори де Ташер записал в дневнике, что «английская эскадра из 12 кораблей и 4 фрегатов фактически блокировала тулонский порт». Марсель — уже не процветающий промышленный и культурный центр, как прежде. Утрата в 1794 году статуса вольного города, а затем континентальная блокада парализовали торговую жизнь этого порта. Отношения с Корсикой остаются напряженными. В 1809 году генерал Моран обезвреживает в Аяччо заговор, инспирированный англичанами. Положение в промышленности не менее драматично. Лимукские сукна все еще находят сбыт в Италии, но фабриканты Каркассонна потеряли традиционные рынки Леванта. Шелкоткацкие фабрики Нима начинает лихорадить задолго до кризиса 1810 года. Надежды на Соединенные Штаты как на рынок, призванный компенсировать потерю Испании, быстро развеялись. Мыловаренные заводы Марселя и швейные фабрики Эро (производящие колпаки из красного полотна), продукция которых вливалась в полноводный поток товаров, экспортируемых на Восток, также становятся жертвами блокады. В самом деле, застой в торговле вынудил многих негоциантов вложить средства в мыловарение. Отсюда кризис перепроизводства, углубленный потерей рынков сбыта. Наконец, средиземноморские департаменты Франции испытывают нехватку зерна. Им приходится ежегодно закупать крупные партии пшеницы, оплачивая ее труднореализуемой продукцией других сельскохозяйственных культур, прежде всего — виноградарства и садоводства. Стоит ли удивляться, что отчеты о состоянии общественного мнения полны пессимизма? Супрефект Экса сообщает: «Люди, преданные правительству, редки. Их можно встретить лишь в среде государственных чиновников и должностных лиц. Сторонников императора немало, и все же недовольным и обеспокоенным несть числа».

Фрондируют не только роялисты. В районе Марселя, в департаментах Вар и Альпы активизируются анархисты. Группы заговорщиков заключают друг с другом соглашения. В 1811 году полиция раскроет заговор, возглавлявшийся, вероятно, Гидалем, будущим сообщником Мале. План заговорщиков состоял в том, чтобы уступить англичанам побережье Тулона. Префект Буш-дю-Рон обвинил Барраса, лечившегося в то время на юге, будто он является вдохновителем этого заговора, и бывшему директору пришлось искать убежища в Риме. Путешествуя в 1809 году вверх по Роне, Немних свидетельствует, что экономическое положение этого региона не в пример прочим весьма благополучно. После разрушительных последствий якобинского террора и смут, вызванных правлением Директории, текстильная промышленность Лиона переживает небывалый подъем благодаря активной деятельности торговой палаты, применению технического новшества Жакара и изобретению Ремоном новых красителей. Такому процветанию Лион обязан новым маршрутам, проложенным через Альпы, в частности — через Сенисский горный массив. Благодаря этим коммуникациям город свободно ввозил иллирийский и левантийский хлопок и пьемонтский рис, вывозя тем же путем книги и сукна. Начиная с 1801 года на долю Лиона приходится 7/8 всего товарооборота региона. После пережитых потрясений общество начинает понемногу обретать долгожданное равновесие. Духовная жизнь города возвращается в свою колею, явно опровергая незаслуженный приговор, вынесенный в 1804 году Бенжаменом Констаном: «Этот город соединяет в себе, на мой взгляд, скуку небольших торговых городов Германии с пошлостью французской провинции». В действительности Лион был центром возрождения религиозной мысли, восходящей к философии Симона Баланша. Женева, присоединенная к Тонону и Бонвилю, вошедшим в образованный 25 апреля 1798 года департамент Леман, символизировала, по воспоминаниям Бенжамена Констана, относящимся к 1799 году, дух республиканизма и протестантизма, противостоящий католицизму и монархизму Савойи. Дела в ней шли из рук вон плохо. В городе действовали лишь несколько фабрик — вся остальная территория департамента представляла собою сплошной аграрный сектор. В сущности, Женева перестала быть процветающим городом. Интегрировавшись в косную экономическую систему, она утратила традиционные функции коммерческого посредника и перевалочного пункта. Застой в торговых и финансовых делах, которым пришлось заплатить за политическую стабильность, выводил из себя некоторые слои буржуазии. Гельветическая конфедерация, в создании которой

принимал участие Наполеон, также обрела мир. Общественность Швейцарии приветствовала в Наполеоне деятеля, который, как и во Франции, положил конец межпартийным распрям и ликвидировал непопулярную Гельветическую республику. Акт о посредничестве 1803 года провозгласил равенство граждан перед законом, сохранив в неприкосновенности автономию кантонов. От республиканской формы правления, введенной Директорией, сохранились социальные права; от прежней конфедерации — традиции федерализма. Однако акт о посредничестве был фактически продублирован договором, низведшим Конфедерацию до роли вассального государства, что вызвало протест местных патрициев (разыгравших свою австрийскую карту), недовольство торговой и промышленной буржуазии, пострадавшей от континентальной блокады, а также известное раздражение швейцарцев фактом аннексии французами Валеза в 1810 году, а также во время оккупации Гессена.

Французская Италия

Для Великой Империи перестает существовать граница Альпийских гор. Дорога через Симплонский перевал связывает Милан с Верхней Роной и Женевой. Бонапарт еще в 1802 году осознал экономическое и стратегическое значение этого торгового пути, однако до 1810 года Симплонский перевал не использовался в полной мере: опасались, что миланцы воспользуются им для выгодной контрабанды со Швейцарией в ущерб Франции. Предпочтение было отдано Сенису. Савойцы дорожили дорогой через Морьенскую долину, связывавшую Францию с Италией. Благодаря этой коммуникации лионская шелкоткацкая промышленность удовлетворяла свои потребности в сырье из Пьемонта и далее — через Анкону и Адриатику — из Леванта. Да и сам торговый Пьемонт был заинтересован в дороге через Мон-Сенис. Словом, с 1805 года Сенис превратился в обязательный маршрут большой оси Париж — Турин — Генуя. Декреты 1807 и 1808 годов подтвердили его приоритет. В этот период грузооборот сенисской дороги в четыре раза превышал грузооборот симплонской. Однако в 1810 году ситуация изменилась. В результате аннексии Валеза значение симплонской дороги возросло, что облегчило труд таможенников. После аннексии Иллирийских провинций, чтобы избежать заторов караванов с левантийским хлопком, декрет от 12 апреля 1811 года предоставил симплонской дороге те же таможенные льготы, что и Сенису. Поток грузов равномерно распределился по двум дорогам.

За время наполеоновского владычества карта Италии значительно упростилась. Французская Италия, состоявшая из пятнадцати департаментов, раскинулась от Турина до Рима, который в 1809 году будет отобран у папы и превратится во второй по значению город Империи. Королевство Италия включало двадцать четыре департамента и управлялось из Милана вице-королем Евгением Богарне. Наконец, Неаполитанское королевство, отнятое у изгнанных на Сицилию Бурбонов, пользовалось при Жозефе Бонапарте, а затем Мюрате относительной самостоятельностью. Словом, Италия вступила на путь объединения, и Наполеон, явно преувеличивая, поставит это себе в заслугу. «Для пятнадцати миллионов итальянцев процесс агломерации давно уже развивался по инерции. Им надо было просто жить, чтобы ежедневно наблюдать за становлением единства принципов и законов, мыслей и чувств — этого надежного и прочного цемента человеческих сообществ. Присоединение к Франции Пьемонта, а затем Пармы, Тосканы и Рима носило временный характер и, в соответствии с моими замыслами, не имело иной цели, кроме гарантии и ускорения роста национального самосознания итальянцев».

Стремление к политическому объединению, сильно преувеличенное Наполеоном на Святой Елене, сопровождается стремлением к правовому единству. Введение французского Кодекса преследовало цель закрепить аннексию Рима и Турина, подготовить аннексию Милана и ликвидировать в Неаполе старую феодальную оппозицию. Опираясь на 40-тысячную армию, позволявшую ему сдерживать на редкость агрессивную преступность, Жозеф начал глубокие преобразования. Он учредил министерство внутренних дел, насадил в провинциях интендантов по аналогии с французскими префектами, реорганизовал фискальную систему, ввел поземельный налог, осуществил распродажу церковного имущества. Жозефу повезло: ему помогали такие превосходные министры, как Мио, Редерер, Саличетти. Когда в 1808 году Жозефа сменил Мюрат, неаполитанская буржуазия поддержала новое правительство прежде всего потому, что в него вошли два выдающихся политика: министр внутренних дел Зурло и министр юстиции Ричарди, — фактически определявших деятельность кабинета. Постепенно формируется прослойка государственных служащих и офицеров — будущих карбонариев. Несмотря на ограничения, налагаемые режимом континентальной блокады, оживает деловая активность Неаполя. Отменяются устаревшие законодательные акты. На севере (Ломбардия, Тоскана, Пьемонт), где благодаря итальянскому свободомыслию и реформам просвещенного австрийского деспотизма уже действовало про-

грессивное законодательство, наполеоновские преобразования не производят ни малейшего впечатления.

Иначе — на юге. Упразднение папского суда в Риме вызвало глубокое потрясение в умах римской буржуазии, состоявшей в основном из юристов. Еще более революционным преобразованием стало узаконение развода, шокировавшее итальянское духовенство. Сеньориальные права были отменены на следующий же день после вступления в Италию французских революционных войск. Наполеоновская оккупация освящает их отмену, хотя и с существенными оговорками — на юге.

Однако итальянскому крестьянину французское владычество не принесло ничего. Крупные земельные владения непосредственно переходят от аристократии к буржуазии, которая отводит их под выращивание перспективных культур. В Пьемонте по инициативе богатых фермеров, превратившихся в крупных землевладельцев, значительно расширяются плантации риса, что приводит к разрушительным для здоровья населения последствиям. «Рисовые поля продолжают косить людей», — писал в 1803 году префект Сезии. И все же французская администрация поддерживает сельскохозяйственные акционерные общества, поощряет лесонасаждения, проводит ирригационные работы в долинах Минчо и Адидже, осушает болота близ Вероны, создает образцовые пастбища. На севере успешно выращиваются пшеница и шелковица, на юге — хлопок, вайда и сахарный тростник.

Наполеон намеревался сделать из Италии поставщика сельскохозяйственной продукции. В промышленном отношении он видел в ней лишь потребителя французских товаров. На севере, где корпоративная система пала задолго до французского нашествия, сложились благоприятные условия для развития национальной промышленности. Между тем шелкопрядильные фабрики Пьемонта приходят в упадок. Итальянский шелк-сырец, или мулине, прямым потоком направляется в Лион. Торговые отношения Франции с государствами Италии напоминают отношения между метрополией и колониями.

Национально-патриотическое движение на севере Италии весьма незначительно. Крупные землевладельцы, так же как и бывшие якобинцы, охотно служат в новой администрации. Иначе обстоит дело в Риме, где буржуазия слишком долго жила щедротами аристократии и папского престола, чтобы в одночасье отречься от них. Да и старинные дворянские роды, за некоторым исключением (Боргезе, Спада, Чижи), предпочитают сохранять дистанцию. Рим не простит французам похищения Пия VII и планов перенесения Ватикана в Париж. Но не столько национальное унижение, сколько рекрутские наборы

раздражают общественность. Когда новые префекты Тразимена и Рима — Турнон и Редерер — объявили 30 апреля 1810 года очередной призыв, треть рекрутов ушла в подполье. Даже результаты выдающейся деятельности Турнона, который за три года осушил Понтийские болота, разбил террасы и парки, протянувшиеся от виллы Медичи до виллы Боргезе, раскопал древний Рим и превратил Кампанию в гигантскую хлопковую плантацию, не изгладили из памяти итальянцев факта заточения Пия VII. Риму не суждено было долго оставаться второй столицей Империи, несмотря на грандиозные планы, которые связывал с ним Наполеон. Хрупкое равновесие, достигнутое в Италии к 1807 году, нарушится вскоре после ареста папы.

Париж

Несмотря на объявленное в 1804 году Наполеоном намерение перенести резиденцию французского правительства в Лион, поближе к Италии, Париж по-прежнему остается столицей Империи. Во дворце Тюильри размещается правительство: министерства и главные управления, в Бурбонском дворце — Законодательный корпус, в Люксембургском — сенат.

Облик города, население которого за пятнадцать лет увеличилось с 500 до 700 тысяч, почти не изменился в эпоху Империи. Наполеоновский Париж — Париж Людовика XVI, украсившийся лишь несколькими монументами: Вандомской колонной, возведенной в 1810 году Гондуэном и увенчанной статуей императора работы скульптора Шоде, Триумфальной аркой на площади Карузель, достроенной в конце 1808 года архитекторами Персье и Фонтэном, фундаментом Арки Звезды, заложенным Шальгреном, улицей Риволи с аркадами, церковью Мадлен, строительство которой было начато еще до Революции, но которую Наполеон пожелал сделать святилищем своей славы, несколько набережных и мостов... Не мало, но и не так много, чтобы, по замыслу Наполеона, преобразить Париж, превратив его в величественный город дворцов и общественных зданий.

Эпохой Империи датируется начало великого исхода провинциалов в столицу. Основной поток эмигрантов составляют сезонные рабочие. Ежегодно 40 тысяч поденщиков наводняют Париж. С наступлением мертвого сезона многие из них остаются в столице и оседают в трущобах центральной части города, образуя ядро тех преступных групп, которые в эпоху Луи Филиппа будут описаны в произведениях Эжена Сю и Виктора Гюго.

Вместе с тем продолжается индустриальное развитие Парижа, начавшееся еще во время Революции. Устранение Англии как конкурента способствует развитию хлопчатобумажной промышленности. Научные открытия и нужды войны обеспечивают прогресс в области химии и машиностроения; приток иностранцев стимулирует производство предметов роскоши (ювелирных изделий, часов, мебели). Однако этому подъему недостает стабильности из-за ограничений, налагаемых администрацией, которая боится чрезмерной концентрации рабочей силы в столице. Ее не приветствуют и парижские предприниматели. Из каждых десяти тысяч Ришар Ленуар обеспечивает местами не более тысячи, идя навстречу пожеланиям администрации, опасающейся неконтролируемой агломерации столицы. Не допустить голода, безработицы и эпидемий — такова неусыпная забота властей.

Превосходство Парижа может проявиться и проявляется лишь в творческой и интеллектуальной сфере. Вкусив радостей столичной жизни, Стендаль преисполняется презрением, не всегда справедливым, к провинции. Разве не было в провинции своих газет, академий, театров? И все же провинция не в силах соперничать со столицей. Отсюда то колдовское очарование, которым обладал Париж в глазах остальных жителей Империи.

Объединение

Но насколько прочной была эта Франция, с ее сорокадвухмиллионным населением, говорившим как минимум на шести языках, не считая местных диалектов; с промышленно развитыми севером и востоком, пшеничными полями Иль-де-Франса и лесистой Нормандией; с пришедшими в упадок портовыми городами и углублявшейся экономической отсталостью центра? Не слишком ли хрупким было достигнутое в 1807 году равновесие?

Стремясь обеспечить единство Империи, Наполеон обращается к традициям римской государственности. Первостепенное значение он придает коммуникациям. Уже в 1805 году он записал: «Из всех дорог и трактов те, что связывают Францию с Италией, обладают стратегическим приоритетом». А вот что он отметил в 1811-м: «Шоссе Амстердам — Антверпен сократит расстояние от Амстердама до Парижа до суток пути; шоссе Гамбург — Везель приблизит Гамбург к Парижу на четверо суток, что обеспечит и упрочит единство этих стран с Империей». Декрет от 16 декабря 1811 года заключает пере-

чень четырнадцати стратегических дорог, связывавших Париж с отдаленнейшими уголками Империи. Самыми важными были объявлены: дорога № 2 Париж — Амстердам через Брюссель и Антверпен, № 3 Париж — Гамбург через Льеж и Бремен, № 4 на Майнц и Пруссию, № 6 Париж — Рим через Симплон и Милан, № 7 Париж — Турин через Мон-Сенис, № 11 Париж — Байонна.

Не стоит заблуждаться относительно качества этих дорог: Пумьесу де ла Сибути, чтобы добраться из своей Дордони до Парижа, пришлось изрядно потрястись на рытвинах и ухабах; езде по дороге Морис де Ташер предпочел плавание с риском для жизни в дырявой посудине, красочное описание которой он оставил в своем дневнике.

Государственная почтовая служба, учрежденная 16 декабря 1799 года, была вверена заботам Ла Валетта, который организовал для императора эстафету курьеров, превознося ее в своем дневнике. Декретом от 20 мая 1805 года государство распространило свой контроль на пассажирские и товарные перевозки. Свободным от него оставался лишь гужевой транспорт. Престиж станционного смотрителя мог сравниться во французском обществе того времени лишь с престижем нотаблей.

Однако путешествие по дорогам — по-прежнему серьезное испытание. По свидетельству Пумьеса де ла Сибути, чтобы добраться в дилижансе из Бордо до Парижа, требовалось сто двадцать часов. «В путь отправлялись в шесть или семь утра, к полудню останавливались на обед и обедали до самого вечера. Вечером ужинали и ложились спать до утра». Многие передвигались только пешком, задавая нелегкую работу ногам. Привычка к дальним переходам объясняет выносливость наполеоновских солдат.

Вслед за римскими цезарями Наполеон создает единое законодательство. Гражданский кодекс вводится во всех аннексированных странах и вассальных государствах. Новое общество возникнет там, где крестьянин освободится от сеньориальных прав, где буржуазия завоюет ведущую роль в экономике. Наполеон видит в Гражданском кодексе надежное средство борьбы с феодализмом и умело применяет его в зависимости от обстоятельств. «Введите Гражданский кодекс в Неаполе, — пишет он в 1806 году Жозефу, — все силы, враждебные вам, иссякнут через пару лет, зато все, что вам захочется сохранить, упрочится. В этом — великое преимущество Гражданского кодекса».

Однако Наполеон настаивает на его всестороннем применении лишь на территориях аннексированных государств. Он — из тех реформаторов, которым хватает терпения действовать поэтапно. Это хорошо видно на примере проводимой им полити-

ки в области языка. Местная администрация, естественно, двуязычна; должностные лица, по преимуществу французы, но также и итальянцы, бельгийцы, голландцы и другие, входят в сенат. Часть префектов, в основном бельгийского происхождения, работает во французских департаментах. В аннексированных странах преподавание ведется в традиционных формах, французский не становится обязательным вторым языком, не делается никаких попыток в чем-то ущемить национальное своеобразие покоренных провинций. Неизбежное в условиях рекрутских наборов смешение этнических групп становится важным фактором сближения разноязычных народов. Супрефект Монтелимара отметил в 1806 году, что в «Провансе, Лангедоке и на юге Дофине сфера применения местного идиоматического диалекта относительно сузилась. Передислокация войск, миграция населения, возвращение военнослужащих в родные места приобщили к французскому языку немалое число людей».

Наконец, можно говорить об экономической интеграции в той мере, в какой ее обеспечивает протекционистский кордон имперских таможенных служб, борющихся с иностранной конкуренцией. Раскинувшаяся от Данцига до Байонны Империя представляет собою гигантский рынок из восьмидесяти миллионов потребителей. Цель созданной Наполеоном экономической системы заключалась в том, чтобы обеспечить на нем привилегированное положение для французской промышленности, на нужды которой работали бы все регионы Империи. «Франция превыше всего! Таков мой принцип», — писал Наполеон Евгению Богарне.

Историк наполеоновской Империи Марсель Дюнан замечает: «Политическая цель Наполеона заключалась в том, чтобы окружить себя не союзниками, а вассалами. В экономическом отношении он нуждался не столько в друзьях, сколько в данниках. Он совсем не заботился о том, чтобы как-то компенсировать другим государствам привилегии, которых добивался для французской промышленности и торговли. Двери для наших товаров должны были быть повсюду широко открытыми, они должны были находиться под покровительством множества бесцеремонно выторгованных протекционистских уступок в условиях, когда накрепко закрытые границы исключали какую бы то ни было иностранную конкуренцию, а свободные от множащихся запретов французские товары, облагаемые весьма умеренными пошлинами, приносили миллионные прибыли, оседавшие в таможенных кассах Империи».

Эта политика, во всяком случае до 1810 года, отвечала интересам новой французской буржуазии. Вот почему образ Революции стал довольно быстро вытесняться в сознании наро-

дов аннексированных государств экономическим империализмом, часто грубым, переоценивавшим реальные возможности промышленной Франции, страны, еще не вполне оправившейся от недавно пережитой гражданской войны.

Глава II

ЦАРСТВО НОТАБЛЕЙ

Если Берген Старший, каким он изображен на портрете Энгра (около 1832 года), символизирует Францию Луи Филиппа, Франсе де Нант, написанный Давидом (с налитым кровью лицом, дородный, облаченный в мундир важного государственного сановника), дает исчерпывающее представление о вожделениях французов эпохи Империи: богатство, высокие должности, почести.

Мы в начале царствования новых нотаблей. Обратимся к Баранту. «Государственная власть на всех ее уровнях и во всех разновидностях за несколько лет сконцентрировалась в руках чиновников, которые заняли свои должности отнюдь не благодаря способностям, опыту или уважению граждан. Исповедуемые ими взгляды, бесчисленные возможности, открывшиеся перед ними благодаря Революции, лотерея выборов, доверие, а то и покровительство, оказанные им комиссарами Конвента, — таковы были причины их продвижения. Этой новой аристократии и вручил Конвент судьбу Франции. Привилегированный класс, состоявший из людей, которые выделялись своими талантами, социальным положением, независимостью суждений, деятельностью на государственном поприще, сгинул на эшафотах, в изгнании, в преследованиях... Его благосостояние было подточено конфискациями, банкротствами, “максимумом” на доходы и введением в обращение бумажных денег».

Итак, состояния новых нотаблей выросли на банкротствах, максимуме, бумажных деньгах и присвоенном национальном имуществе. А. Мальро найдет удачный образ, иллюстрирующий это перемещение капиталов от аристократа к банкиру: «Благодаря Наполеону мадам Рекамье в своем шезлонге сменила “Обнаженную Маху”».

Экономические основы нового общества

В 1808 году земля, несмотря на появление новых форм собственности, по-прежнему остается основным источником дохода. К престижу, традиционно связанному с землевладением,

примешивается чувство защищенности, которое оно дает особенно после катастрофического падения курса ассигнатов. Земля перестала быть феодальной собственностью: Гражданский кодекс закрепляет отмену старого режима и гарантирует государственным правом неприкосновенное и святое право собственности. Кодекс соблюдает интересы собственника, прежде всего — земельного. Приоритет в нем отдается недвижимости. С 1807 года начинается работа по составлению кадастра, призванного зафиксировать перераспределение земли и узаконить распродажу национального имущества.

Распродажа продолжается, однако темпы ее снижаются. Декретом 9 флореаля IX года она была приостановлена; разрешалась лишь ее перепродажа держателями долговых обязательств, а также отчуждение в счет погашения двух третей депозита, однако законами от 15 и 16 флореаля X, а затем 15 вантоза XII года она вновь была разрешена. Если за время Революции общее число торговых сделок составило 1 100 674, то после X года их количество не превысило 40 тысяч. Революция изрядно попользовалась имущественным фондом, а реституции дворянам и «фабрикам» привели к его дальнейшему оскудению. Добавим, что декрет 15 брюмера IX года выделил из него богадельням материальных ценностей на сумму в четыре миллиона франков; крупные ассигнования поступили также в распоряжение ордена Почетного легиона и сенатского корпуса. Темпы распродажи, достаточно высокие на севере, снижаются на западе и юге, а на Верхнем Рейне и в Лотарингии распродажи практически не происходит.

Каков же социальный состав покупателей? Примерно 10 процентов из них — купцы и коммерсанты, столько же юристов; 7—8 процентов — бывшие аристократы, чиновники и священнослужители, остальные — крестьяне, нередко объединившиеся в артели. Но поскольку речь идет, как правило, о малоплодородных землях, дающих мизерный доход, разбитых к тому же на разрозненные, далеко отстоящие друг от друга участки, возникает ощущение, что время земельных спекуляций прошло. Исключение составляют земли близ Парижа, в департаменте Сена-и-Марна, префект которого аннулировал во время Консульства земельные аукционы в попытке противодействовать объединившимся в союзы «алчным группировкам». Покупателями на этих последних торгах становятся мелкие землевладельцы, не столько на востоке, сколько на севере и юге.

Закон от 20 марта 1813 года об отчуждении общинного имущества, принятый в целях пополнения государственной казны, временно и лишь местами (нет никаких следов земельных торгов ни на Верхней Луаре, ни в Домбе), возродит практику земельных спекуляций.

Спросом пользуются наделы, владельцы которых (бывшие аристократы и буржуа), сами никогда не обрабатывавшие эти земли, вынуждены продавать их из-за возникших еще во время Революции финансовых трудностей. Очень хорошо сказано об этом в воспоминаниях Ремюза: «Секвестры, революционные меры, неурожайные годы — все это привело поместья в упадок, лишило доходов, приумножило долги». Возвращение земельных владений их бывшим хозяевам становилось возможным лишь в результате тяжелых и затяжных судебных процессов, по завершении которых они тут же перепродавались. Внесение арендной платы обесценивавшимися ассигнатами жестоко ударило по старой земельной аристократии. Нередко насущная забота возвратившегося на родину эмигранта заключалась в том, чтобы любыми средствами вернуть себе родовое поместье. При этом ему приходилось расставаться с земельными угодьями.

Банкиры, коммерсанты, владельцы мануфактур, разбогатевшие на спекуляциях колониальными товарами или благодаря росту промышленного производства, ставшему возможным в результате появления новых рынков сбыта, быстро становятся собственниками, вкладывая свои ликвидные средства в недвижимость. Симптоматично, что из 1056 крупнейших землевладельцев 130 были хозяевами мануфактур и коммерсантами. Богатство какого-нибудь Ришара-Ленуара, Терно или Рекамье во многом состояло из городской или сельской недвижимости. Как правило, оно было сколочено во время Революции путем приобретения национального имущества. Когда в январе 1811 года Бедерман объявил о своем банкротстве, выяснилось, что его актив превышает пассив на миллион 800 тысяч франков; речь шла о недвижимости, которую ему не удалось реализовать. Земля — не только надежная сфера вложения капиталов, но и источник социального престижа. Фьеве отмечает в декабре 1802 года, что учреждение избирательных коллегий, в которые входили наиболее состоятельные граждане, «вновь повысило значение крупных земельных владений». Тогда, в начале века, элита не мыслила себя вне земельной собственности. Землевладение по-прежнему определяло собой иерархическую структуру общества.

Нотабли

Наполеоновская система опирается на нотаблей, направляющих экономическую, административную и правовую жизнь страны. Если и не само слово, то понятие вошло в оби-

ход после принятия Конституции VIII года, доверившей им отправление общественных, административных и государственных должностей. Более отчетливо их социальный контур вырисовывается благодаря появлению списков нотаблей, предусмотренных законом 13 вантоза IX года. Какой критерий был положен в основу отбора? Происхождение? Возраст? Заслуги перед отечеством? Богатство? Бывшие революционеры враждебно относились к дворянам, Бонапарт — к нуворишам: «Нельзя раздавать дворянские титулы богачам. Кто сейчас богат? Скупившие национальное имущество, поставщики, воры. Как можно основывать институт нотаблей на богатстве, добытом таким путем?» Хотя, как это явствует из отчетов префектов, добрые нравы по-прежнему в чести, именно деньги становятся критерием режима, который права цензитарного отбора назначения чиновников закрепил за Первым Консулом, а право селекции депутатов законодательного корпуса — за сенатом. Согласно реформе X года члены департаментских коллегий могли быть пожизненно избраны из шестисот наиболее состоятельных граждан департамента. Эти списки дают нам самое общее представление о тех первых нотаблях, которым в начале XIX века суждено было определять политическую жизнь Франции.

Возьмем Париж. Здесь отмечается явное преобладание предпринимателей и рантье (более 240), коммерсантов (72, хотя сведения об уплате торгово-промышленных налогов и не всегда включались в общую сумму налогообложений), высших должностных лиц (54). Достаточно широко представлены профессии нотариусов (22) и банкиров (15); другие, например врачи, составляют меньшинство. Средний уровень доходов колеблется в зависимости от районов. В Фонтен де Гренель он составляет 40 тысяч франков, в Руле — 35, в Реюньоне — 12, в Арси — 15, нигде не падая ниже пяти тысяч. Среднегодовой доход в 5 тысяч франков, который дает капитал в 100 тысяч франков, характерен для провинции. Правда, в самых неблагополучных регионах он может снижаться до трех тысяч.

Что же представляет собою нотабль в эпоху Империи? Это — домовладелец (нередко — бывший дворянин), рантье, крупный коммерсант, юрист, чаще — нотариус или адвокат, доходы от недвижимого имущества которого, как правило, превышают 5 тысяч франков. Если его имя фигурирует в списке шестисот состоятельных граждан департамента, у него есть шансы войти в состав избирательной коллегии столицы этого департамента, может быть, даже стать ее председателем, а то и удостоиться чести исполнять обязанности сенатора или депутата Законодательного корпуса. Разумеется, можно было

быть влиятельным человеком и не обладая крупными доходами, и даже стать членом окружной коллегии, рекрутировавшейся не по цензитарному принципу. Однако перед этими мелкими собственниками, этими местечковыми «праведниками» двери департаментской коллегии, зарезервированной лишь за шестьюстами именитыми, были закрыты навсегда. Ведь львиная доля доходов поступала в казну в виде налогов на земельную собственность, поскольку почти не существовало крупных состояний, не основанных на недвижимости. Так формировалось умонастроение, надолго определившее психологию общества: хотя по мере развития капитализма биржевые акции со временем и обрели значение, которое они не могли иметь в 1808 году, они так и не стали серьезным конкурентом родовых поместий (домов, ферм и лесов), превратившихся в условиях непрерывной инфляции в надежное прибежище капиталов.

Как бы то ни было, государственный рантье, похоже, более других нотаблей заинтересован в сохранении и упрочении существующего порядка. Это прекрасно понимает Наполеон, который ежедневно требует сведений о курсе пятипроцентной ренты и, в целях оздоровления сотрясаемого ажиотажем финансового рынка, регулирует деятельность маклеров и биржи. Однако, несмотря на возобновление платежей наличными, эффективность усилий консула невелика из-за продолжающейся войны и банкротств объединенных в гильдии коммерсантов. Подозрительность рантье развеивается лишь после победы при Фридланде: если 8 февраля 1800 года курс пятипроцентной ренты составлял 17,37 франка, 27 августа 1807 года он достиг 93 франков и на три ближайших года стабилизировался у отметки 84 франка. Часто нотабль — это государственный служащий. Бальзак одним из первых обратил внимание на растущее влияние класса чиновников, получающих от правительства Империи престижные должности и средства к существованию. 21 апреля 1809 года министр внутренних дел Крете разработал проект закона о государственных служащих, на основе которого была составлена тарификационная таблица. В повышении престижа государственной службы (при учреждении Счетной палаты на 80 вакантных мест претендовало две тысячи человек) уровень окладов, наконец-то регулярно выплачиваемых, играет первостепенную роль. В Париже префект получает 30 тысяч франков; в провинции — от 8 до 24 тысяч. Супрефект зарабатывает 3—4 тысячи, генеральный инспектор дорожного ведомства — 12 тысяч франков. В Париже оклад командира дивизии — 12 тысяч франков, начальника отдела 1-го класса — 6 тысяч, его заместителя — 4500, писаря,

составителя деловых бумаг — 3400, курьера — от 2 до 3 тысяч франков. На вершине пирамиды — государственный советник с окладом в 25 тысяч франков, не считая крупных дополнительных материальных поощрений. «Таланты», как тогда принято было говорить, — члены Института, врачи, писатели, профессора — составляли ничтожный процент от общего числа нотаблей, что служило лишним доказательством цензитарной природы режима. Нотабль — это тот, кто управляет: патрон — рабочими, чиновник — служащими, земельный собственник — фермерами и арендаторами. Это — опирающаяся на собственность власть. Срок владения собственностью в расчет не принимался. Как правило, нотабли нажили свое состояние до Революции и приумножили его благодаря Революции. Металлургические заводы по-прежнему остаются в руках Дитрихов, Рамбургов и Ванделей. Более пятидесяти процентов всех предприятий текстильной промышленности возникло до 1789 года. В анкетах Империи упоминается почти вся крупная деловая буржуазия старого режима. Разве не показательно, что в результате анкетирования, проведенного по распоряжению консульского правительства для выявления двенадцати наиболее крупных земельных налогоплательщиков, список возглавили имена дворян: де Люиня (департамент Сена-и-Уаза) и герцога Люксембургского (Сена-и-Марна)? Старая, жившая земельной арендой буржуазия воспользовалась распродажей национального имущества с большой выгодой для себя и оказалась более стойкой, чем управленческо-административная. А крупная торговая буржуазия таких городов, как Нант и Бордо, традиционно специализировавшаяся на трехсторонней торговле, умело приспосабливалась к изменившимся условиям. Новые нотабли рекрутируются из среды бывших управленцев и политиков, но прежде всего — из торговцев национальным имуществом, колониальными товарами, ассигнатами и нажившихся на армейских поставках спекулянтах.

Другая Франция: народные массы

Несмотря на процесс обуржуазивания, Франция по-прежнему остается крестьянской страной, хотя и с широким спектром социального расслоения: от крупного землевладельца, наживающегося на продаже сельскохозяйственной продукции, до мелкого арендатора, положение которого порой весьма плачевно. Правда, и это тоже неоспоримый факт, деревня подвергается засилью нотаблей: потомственного дворянства и

новоиспеченных землевладельцев. На эту тенденцию указывают все префекты, ее учитывает и правительство.

Две категории выигрывают от роста сельскохозяйственного производства и сложившейся в ходе войны конъюнктуры: крупный землевладелец и поденщик. Благодаря капиталам и плодородным почвам землевладелец богатеет и в неурожайные годы, такие, например, как 1801-й. В обычное же время он извлекает выгоду из расширения рынков сбыта, которыми обеспечивает его наполеоновская армия. «Наши победы, раздвигая границы Империи, благоприятствуют продаже сельскохозяйственной продукции, — замечает в своих мемуарах Кайо. — И вот половодье пшеницы затопило народы, скудные земли которых не могли обеспечить вызревание тучных нив». Замечание справедливое, если говорить только о севере и востоке, не имея в виду атлантическое побережье.

Что касается поденщика, этого деревенского пролетария, на долю которого приходится от 60 до 70 процентов всего сельского населения, то он извлекает свою выгоду из нехватки рабочей силы, вызванной увеличением рекрутских наборов. Обусловленный ими рост заработной платы достигает за период с 1798 по 1815 год 20 процентов. И так как его благосостояние растет, он время от времени претендует на роль (правда, весьма скромную) покупателя при очередной распродаже национального имущества. Префект департамента Вар Фоше говорит о поденщиках, которые «благодаря экономии и не слишком разорительным сделкам» приобрели небольшое поле для обработки в сверхурочное время. В округе Прован из 84 тысяч гектаров пахотных земель 34 680 гектаров обрабатывали 6 271 человек. Они были взяты на учет в ходе переписи населения. Хотя это покажется странным, некоторые поденщики нанимают слуг, пастухов и извозчиков. Они явно выбиваются в люди, раздражая окружающих. «Поденщики ведут себя дерзко и вызывающе с тех пор, как цена на них возросла в результате рекрутских наборов», — констатирует автор статистического отчета департамента Нор. Стремясь не допустить чрезмерного роста заработной платы, правительство запретило слугам и сезонным рабочим (жнецам, сборщикам винограда) объединяться в союзы.

Менее благоприятная конъюнктура сложилась для фермеров и арендаторов. В отличие от крупных фермеров и богатых землевладельцев, богатеющих на росте цен и расширении рынков сбыта, мелкий фермер сталкивается с серьезными проблемами. После известной эйфории цены на пшеницу с 1809 по 1812 год увеличились на 18 процентов, а арендная плата за тот же период подскочила на 37 процентов. Префект

Мерта приводит в пример фермера из округа Люневиль, владевшего 12 гектарами земли. За год его арендная плата составила 1 200 франков. Сверх этой суммы фермер должен был оплатить труд пахаря и пастуха, которых он нанял на весь год, а также труд сезонных рабочих. К этому добавились затраты на инвентарь, питание и одежду. В итоге расходы фермера превысили 3 488 франков, тогда как доходы составили 3 646 франков. Выручка была получена за счет продажи зерна рыночным покупателям и перекупщикам. Неблагоприятным фактором оставался также малый срок арендного договора: от трех до девяти лет. В еще более плачевном состоянии оказались арендаторы, составлявшие, по выражению Сисмонди, девять десятых всех землевладельцев. Трудясь на малоплодородных землях, они не располагали товарным излишком, который позволил бы им воспользоваться преимуществами складывающейся конъюнктуры. И все же их положение несравненно лучше прежнего: они освобождены от десятины, а нередко и от налогов. Гаспарен отмечает в своих «Заметках об аренде», что арендаторы входят в наименее обремененную налогами группу населения Франции. Особое место занимают виноградари — как правило, мелкие землевладельцы. Согласно отчетам супрефектов, неурожайные годы, дающие вино лучшего качества, благоприятнее урожайных из-за уменьшения общих расходов и более высокой цены за гектолитр. А расходы и в самом деле немалые: приходится тратиться на удобрения, подпорки для подвязывания лозы, обработку почвы и винные бочки.

И все же до 1809 года деревня поддерживала Империю, которая, остановив рост преступности, обеспечила ей относительную безопасность, более справедливое распределение налогов и сохранение революционных завоеваний (отмену феодальных привилегий и отчасти распродажу национального имущества). Условия жизни в деревне явно улучшились. Это отмечает в 1805 году Пеше в «Началах статистического учета во Франции»: «Сегодня во Франции потребляется больше хлеба и мяса, чем прежде. Сельский житель, знавший лишь грубую пищу и сомнительные для здоровья напитки, сегодня имеет в своем распоряжении мясо, хлеб, хорошие пиво и сидр. По мере роста благосостояния земледельцев колониальные товары (такие, как сахар и кофе) получили в деревне широкое распространение».

Далее Шапталь признает, что «разрушение деревни, сопровождаемое реквизициями и рекрутскими наборами, должно было бы вызвать ненависть крестьян к Наполеону, однако этого не произошло. Напротив, своих самых ревностных сторонников он обрел именно в их среде, потому что гарантировал:

возврата к десятине и феодальным привилегиям, возвращения имущества эмигрантам и восстановления сеньориальных прав не будет».

Не меньшей популярностью пользовался Наполеон и в пролетарской среде. Городской люд: ремесленники, рабочие, поденщики, — авангард революционных событий в Париже, составлявший ядро сторонников Шалье в Лионе и террористов в Марселе, — охотно поддержал Империю. Идеал санкюлотов превратился в воспоминание, заставлявшее вздрагивать лишь немногих ветеранов полиции. Чем же объяснить такую преданность (это не преувеличение) Наполеону?

В самом деле, в эпоху Империи социальное положение рабочего ухудшилось. Закон от 22 жерминаля XI года обязывал его иметь трудовую книжку, которую ему предписывалось вручать патрону при найме и брать назад при расторжении трудового соглашения. Утверждают, что эта книжка ставила рабочего в зависимость от предпринимателя и облегчала полиции контроль над миграцией рабочей силы. Но при этом забывают, что введение трудовых книжек (само по себе, безусловно, являвшееся возвратом к прошлому) было санкционировано министерством внутренних дел, которое рассчитывало этой мерой решить проблему нехватки рабочих рук. Предприятия переманивали рабочих у конкурентов. Да и сами рабочие всегда готовы были воспользоваться предлагаемой надбавкой, не заботясь о выполнении принятых ранее на себя обязательств. Трудовая книжка гарантировала, таким образом, предпринимателю более или менее стабильный штат. Однако предприниматели, особенно в капитальном строительстве, сами побуждали рабочих обходить закон и, не навлекая на себя ответных санкций, нанимали их без трудовых книжек. В довершение ко всему попытка полиции установить контроль над миграцией рабочей силы с помощью бюро по трудоустройству окончилась неудачей.

Профессиональные союзы были запрещены 414, 415 и 416-й статьями Уголовного кодекса. Тем не менее забастовки — явление нередкое, особенно в Париже. Разумеется, их масштабы ограничивались строительной площадкой, в лучшем случае — несколькими представителями одной профессии, и продолжались не более недели без какой-либо политической окраски. Забастовки были протестом против внедрения станков (в 1805 году в Лилле, в 1803 году в Седане) или требованием сокращения рабочего дня. В 1801 году в Париже рабочие, занятые возведением трибун к празднику 14 июля, потребовали десятипроцентной надбавки. Полиция арестовала зачинщиков, в число которых попал один виноторговец. В августе 1802 го-

да были приостановлены работы на Аустерлицком мосту. Канун коронации послужил рабочим собора Парижской Богоматери предлогом для аналогичных действий. Годом позже рабочие Лувра не согласились на увеличение продолжительности рабочегс дня. В 1805 году была более крупная забастовка, охватившая немалое число строительных рабочих. В августе 1807 года состоялась новая забастовка луврских каменотесов. В марте 1810 года после несчастного случая серьезное волнение охватило рабочих строительной площадки, на которой возводилась Арка Звезды; потребовалось вмешательство армейских подразделений. Здесь перечислены лишь самые крупные выступления, большинство из которых завершилось компромиссом. В октябре 1806 года в Париже ордонансом полиции был установлен новый график работ на строительных площадках города; с 10 до 11 часов вводился обеденный перерыв. Рабочие воспротивились этому возврату к старым порядкам и потребовали дневного обеденного перерыва, известного в просторечии под названием «полдник на камне». Любопытная деталь: «Они заявляли, что если бы Его Величество Император находился тогда в Париже, он ни за что не допустил бы принятия подобного ордонанса». Волнения начались 6 октября и 13-го закончились соглашением: было решено, что с 10 до 11 строители завтракают, а с 14.30 до 15 полдничают на своих рабочих местах. Впрочем, такое мирное разрешение конфликта — скорее исключение. Чаще следовали весьма суровые репрессии: зачинщиков бросали в тюрьму или ссылали в провинцию. Доставалось и предпринимателям. Стоило им сговориться о снижении заработной платы, как вмешивалась полиция. В этих случаях власти заботились не столько о справедливости, сколько о порядке, что производило благоприятное впечатление на столичных рабочих и объясняло популярность Наполеона в предместьях. Так, просьба бумагопромышленников заморозить зарплату, с которой они обратились в надежде умерить требования рабочих, встретила вежливый, но решительный отказ префекта полиции Дюбуа. Аналогичным образом были аннулированы тарифы, введенные шляпниками в 1801 и 1810 годах. Советы, учрежденные законом от 18 марта 1806 года для улаживания трудовых конфликтов между предпринимателями и рабочими, оказались вопреки ожиданиям Наполеона малоэффективными. Впрочем, рабочим хватало средств для самозащиты: стали нелегально возрождаться компаньонажи. Нужно ли было их запрещать? Реаль, один из полицейских боссов, призывал к сдержанности: «Компаньонажи, как разновидность масонства, существовали с незапамятных времен. Не надеясь уничтожить их в зародыше, я, насколько

это в моих силах, постараюсь предотвратить пагубные последствия их деятельности». А что еще он мог предложить? Тем более что многие из этих компаньонажей, не выдвигая политических требований, изошли во взаимных упреках. Отсюда — известное попустительство со стороны полицейских властей, если не в Париже, то в провинции.

Рекрутские наборы пожирали не только сельскую, но и городскую молодежь, приводя к серьезному дефициту рабочей силы. Разумеется, доля рекрутов по отношению ко всему трудоспособному населению была относительно невелика, однако она включала наиболее деятельную и перспективную его часть. Сезонная миграция около сорока тысяч рабочих, ежегодно направлявшихся в Париж на заработки, после 1812 года идет на убыль. В декабре 1813 года, во время посещения парижских строек, Наполеон выразил удивление, не увидев молодых людей. «Стариков хватает, — заметил в разговоре с ним один из подрядчиков, — но у них нет ни сил, ни сноровки. А молодых теперь днем с огнем не сыщешь. Всех подмела рекрутчина». Непрекращающиеся войны нарушали естественный процесс воспроизводства населения.

Рабочий не в претензии — разумеется, если ему посчастливилось избежать призыва. Ведь нехватка рабочих рук стимулирует рост его зарплаты, размеры которой варьируются по отраслям: самая высокая — в строительстве, одна из самых низких — в текстильной промышленности. В Париже она выше, чем в провинции, что и объясняет сезонную миграцию в столицу. Кризис 1810 года остановит непропорциональный рост заработной платы, который по отношению к 1789 году составил около 25 процентов (впрочем, стоимость жизни также возросла, за исключением цены на хлеб, искусственно удерживаемой Наполеоном в Париже на уровне 18 су за четыре фунта). В день столичный рабочий зарабатывал от 3 до 4 франков, что за вычетом праздников и выходных составляло менее 900 франков в год — сумму, не идущую ни в какое сравнение с 25-тысячным окладом государственного советника. В провинции в 1801 году средняя зарплата поденщика достигала 1 франка 20 сантимов; более квалифицированный рабочий получал от 1,6 до 2 франков, однако за вычетом низкой цены на хлеб жить в провинции было в целом дешевле, чем в столице. И все же отсутствие безработицы и относительный рост заработной платы способствовали повышению жизненного уровня, хотя несчастные случаи на производстве и болезни по-прежнему уносили немало людей. В удручающем отчете, составленном в 1807 году полицейской префектурой, отмечается, что средняя продолжительность жизни представителей

некоторых профессий (сапожников, пекарей, чесальщиков) едва превышает 50 лет и что среди них нередки самоубийства. Алексис де Ферьер свидетельствовал в IX году: «Рабочие стали несколько лучше питаться. Они чаще потребляют мясо и дрожжевые напитки, их одежда выглядит чище и добротнее». Ему вторит англичанин Бербег, отметивший в 1814 году: «Трудящийся класс стоит здесь на куда более высокой ступени развития, чем у нас». Наполеон поощрял создание обществ взаимного страхования наподобие общества льежских шахтеров, учрежденного декретом от 26 мая 1813 года. Касса взаимопомощи пополнялась за счет двухпроцентных вычетов из зарплаты рабочих, а также взносов предпринимателей из расчета 0,5 процента от общей суммы выплачиваемой зарплаты. Это был первый шаг в направлении современного социального обеспечения. Относительное благосостояние населения, отсутствие классового самосознания (не считая мануфактур, работавших на военную промышленность, в стране было мало крупных предприятий: на каждый цех в среднем приходилось около четырех рабочих) вкупе с жестким полицейским надзором обеспечивали спокойствие в предместьях, которое продлилось вплоть до 1830 года.

Закрытое общество

Головокружительная карьера, которую сделали сын кабатчика Мюрат, ставший королем Неаполя, и маршальша Лефевр, знаменитая Мадам-Без-Церемоний, могла бы навести на мысль о внутренней социальной мобильности Империи. На деле же крупные земельные владения по-прежнему принадлежали древним родам. Они или не погибли в штормах Революции, или были возвращены своим прежним владельцам после 1800 года. Новые возникли во время Революции. Горе тем, кто не успел нажиться на распродаже национального имущества. Несмотря на отдельные примеры баснословных обогащений, таких возможностей становится все меньше в Империи, где процветали спекуляция колониальными товарами да грабежи побежденных стран. В итоге завоевание Европы принесло выгоду лишь привилегированным: генералам, получавшим дотации из государственных фондов, высшим сановникам, представителям старинных дворянских родов, а также владельцам мануфактур и коммерсантам в виде торговой прибыли. Другим слоям общества продвигаться по социальной лестнице нелегко. В некоторых регионах крестьяне мало-помалу превращаются в мелких собственников, однако и они,

если только не связывают свою жизнь с армией, по-прежнему лишены возможности переломить судьбу. Такова расплата за возвращение к порядку. Несколько слов об условиях продвижения в армии. В эпоху Империи путь от рядового до офицера долог, несмотря на растущее число батальонов, каждый из которых формировался из шести рот. Анализ контрольных реестров показывает, что до XII года доля офицеров — выпускников военных школ — не превышала 2 процента. За период с 1807 по 1809 год она возросла на 15 процентов. Знаменитый Куанье, призванный в армию в 1799 году, к 1807 году дослужился до капрала, а к 1809 году до сержанта. Лишь в 1812 году ему присвоили наконец звание лейтенанта. Полевые сумки солдат наполеоновской гвардии были слишком тесны для маршальских жезлов. (К 18 брюмера Лефевр был уже генералом и командовал в Париже дивизией; своим продвижением он полностью обязан Революции.) Если не считать кавалеров ордена Почетного легиона, получавших особую надбавку, максимум, на что мог рассчитывать солдат, это на то, чтобы уйти в отставку лейтенантом. Но эта с таким трудом заработанная пенсия обеспечивала ему доход, значительно превышавший тот, который получали его деревенские сверстники. Чем выше ступень социальной лестницы, тем жестче кастовая иерархия. На вершине царит закаленная в революционных боях солидарность. Возникают династии, такие как династия Бертье. Два брата маршала становятся генералами, его сестра выходит замуж за кадрового офицера д'Ожеранвиля, сын которого делает молниеносную карьеру. Зять Сезара Бертье, Брюйер, назначается адъютантом маршала. Подобные карьеры делают члены семей Дежана, Нея, породнившегося с Даву Леклерка. Не преувеличивает ли д'Имбер, который в своей книге «Нравы администрации», вышедшей в 1826 году, заметил: «Стоило какому-нибудь командиру дивизии быстро и без запинки ответить на отрывистые вопросы Наполеона, и он, как правило, покидал Тюильри с лентой ордена Почетного легиона, а то и в должности государственного советника. Таковы были преимущества этого железного правления: если человек обладал талантом, какой бы ничтожной должностью ни наградила его судьба — начальника, заместителя или простого служащего канцелярии, — Наполеон своей могучей дланью поднимал его за волосы, возносил на пьедестал и объявлял: это мой ставленник». В действительности назначение на государственные должности не было вопреки вышеприведенному утверждению фактором социального продвижения. Простые служащие не становились командирами дивизий, а начальники канцелярий — членами Государственного совета. Когда в

1807 году была учреждена Счетная палата, 20 процентов ее состава были в прошлом работниками системы государственных финансов, 17 процентов — членами Трибуната, 5 процентов — судебного ведомства, еще 5 — королевскими откупщиками. Назначение было не выдвижением новых людей, а почетным завершением уже сделанной карьеры. В администрации, как и в армии, на смену головокружительным взлетам, возможным после 1789 года, приходит строгая иерархия, тормозящая быстрое продвижение. Могут возразить, что четырнадцать лет — ничтожно малый срок для серьезной карьеры. Но у нас есть представление о том, каким виделось Наполеону будущее. Новая управленческая элита должна была состоять из аудиторов Государственного совета. «Я готовил своему сыну счастливое будущее, — доверительно сообщал император Лас Казу. — Я растил для него в новой школе представительный класс аудиторов Государственного совета. По завершении образования и достижении определенного возраста им предстояло занять все руководящие посты Империи». Созданная сенатус-консультом 19 жерминаля XI года новая кузница руководящих кадров начала энергичную деятельность. При отборе кандидатур предпочтение отдавалось детям, зятьям и племянникам министров, сенаторов, государственных советников, генералов и префектов, — представителям той социальной среды, которая будет поставлять аудиторов до последнего дня Империи. Зарождалась административная династия. Ренье, Абриаль, Трейлар, Редерер, Мунье — ее начало. Среди первых выпускников — представители крупной потомственной буржуазии: Аниссон-Дюперрон и Винсент-Марнолиа; дети банкиров: Перего и Лекуте; выходцы из дворянских семей Бельгии, такие как д'Арберг. С 1809 года кандидаты должны были иметь или получать от своих семей пансион в размере 6 тысяч франков в год. «Доход или пансион в 6 тысяч франков, — пишет Шарль Дюран, — формально исключал из рядов аудиторов всех менее обеспеченных молодых людей, хотя бы и выходцев из вполне состоятельных и респектабельных семей, какими бы просвещенными, высокоодаренными, трудолюбивыми и широко образованными они ни были. Даже функционер высокого ранга, председатель суда, докладчик в Государственном совете или генерал не мог, не располагая доходом сверх получаемого жалованья, направить в аудиторы своего единственного сына. Еще меньше шансов было у сына павшего в бою генерала или чиновника, умершего при исполнении служебных обязанностей и не оставившего крупного наследства». Вступая в эту корпорацию, Стендаль справедливо заметил в письме к сестре: «Главный препон — отсутствие состояния».

Чтобы стать аудитором, ему пришлось представить официальное свидетельство о доходе в 7 тысяч ливров. Для получения должности откупщика также необходимо было внести залог. И судьи с заниженным окладом могли рекрутироваться лишь из среды нотаблей. Элитарный режим упрочился благодаря созданию Университета Империи, призванного штамповать по одному и тому же образцу бакалавров — молодых представителей буржуазии. Хотя высшие школы (в число которых входит и Политехническая) и факультеты повышают утраченный при старом режиме престиж высшего образования, начальное образование приходит в упадок и фактически отдается на откуп церковно-приходским властям. Шансы пробиться в управленческую элиту сохраняются лишь у разбогатевшей в Революцию плутократии и у потомственных аристократов. Наполеоновское общество возвращается к порядку в интересах нотаблей.

Глава III

ВОЕНИЗИРОВАННАЯ ЭКОНОМИКА

Нотабли приходят к власти в период экономического подъема страны. Подобно тому как рождение сказочно счастливых «буржуазных династий» относят к наполеоновской эпохе, в Империи хотят видеть истоки успехов современного французского капитализма. Эта аналогия была отчасти инспирирована самим Наполеоном. «Не кто иной, как я, создал французскую промышленность», — заявил он в 1812 году Коленкуру. Да, законодательство, несколько спонтанно, но совершенствуется в направлении, выгодном крупным компаниям. Правительство, дирижизм которого все-таки не стоит преувеличивать, уделяет большее, по сравнению с предшествующим, внимание экономике, поощряя развитие машинного производства. Наконец, статистика, хотя это и не изобретение Империи, занимает не последнее место в документации того времени. И все же новая экономика работает прежде всего на военные нужды, то есть на континентальную блокаду. Казалось бы, победы на фронте открыли перед Францией те необъятные рынки, которыми до сих пор владела Англия. Однако французские предприятия, оснащенные устаревшим и медленно обновлявшимся оборудованием, не обладали достаточным потенциалом, чтобы насытить их конкурентоспособными товарами. Традиционные рычаги экономической экспансии XVIII века — порты атлантического побережья — разрушила война, а будущие центры угольной промышленно-

сти внутри страны еще не заработали в полную силу. Разумеется, в сельском хозяйстве, в ответ на дефицит, обусловленный прекращением притока импорта колониальных товаров, выращиваются новые культуры, однако винно-водочная промышленность переживает непреодолимые трудности из-за потери главного потребителя — Великобритании. В обстановке сотрясающего экономику Франции кризиса нотабли Первой Империи, похоже, не овладели еще теми механизмами управления, которые обеспечивали процветание Англии. Очевидно одно: промышленная революция делает свои первые шаги. Однако начало уже положено.

Рутинное сельское хозяйство

«Что такое земледелие? Это основа благосостояния государства, мастерская, которая обеспечивает всех», — написал в X году Прадт. Ему вторит Наполеон: «Это душа, фундамент Империи». Словом, подобно тому, как земельная собственность составляет основной источник богатства, земледелие предстает главной сферой приложения экономической деятельности. В своей книге «Положение сельского хозяйства во Франции», написанной под влиянием Артура Юнга и английской агрономии, Прадт призывал фермеров совершенствовать культуру земледелия. Он разработал широкую программу, заинтересовавшую правительство Консульства, а затем и Империи. Он призывал создавать экспериментальные фермерские хозяйства, культивировать экзотические растения, «проявлять особую заботу о домашних животных», большее внимание уделять виноградарству. На VI году Революции возродились земледельческие товарищества. В 1808 году их насчитывалось уже 52. Они сыграли важную роль в оснащении крестьян более современным инвентарем и увеличении площадей, отводимых под кормовые травы. Наибольшую активность проявляло парижское товарищество, издававшее тысячными тиражами ученые записки на средства своего департамента. Наряду с докладами в них публиковались рекомендации фермерам, обращавшимся к товариществу за советами. В провинциях развернули агитацию не держать поля под паром, а засевать их люцерной. Однако личная инициатива убеждала порой больше, чем теоретические выкладки агрономов. Так, граф де Сей в своем имении ла Рош, в департаменте Ду, с одобрения префекта Жана Дебри начал высевать сахарную свеклу. Но в целом земледелие развивается черепашьими темпами. По данным Шапталя, на 52 миллиона гектаров, составлявших террито-

рию тогдашней Франции, приходилось 23 миллиона гектаров пахоты, 3 с половиной миллиона гектаров пастбищ и столько же лугов, около 4 миллионов гектаров пустырей, песчаников и вереска, 7 миллионов гектаров лесов. От пара отказываются лишь в богатых районах Нормандии, Эльзаса и севера Франции. Серьезной проблемой остается нехватка удобрений из-за слаборазвитого скотоводства, а также низкого качества получаемого на базе плохой соломы навоза. Медленно обновляется инвентарь (по-прежнему используется соха, косе крестьяне предпочитают более дешевый серп, молотят по старинке цепом). Что касается новых культур, то картофель по-настоящему войдет в обиход лишь при Луи Филиппе. На юге никак не может установиться цена на табак: зимой XIII года стоимость фунта подскочила до 16 су, а потом резко упала.

Причиной этих скачков стало прекращение импорта из Виргинии, а позднее — увеличение числа подпольных табачных фабрик. Правительство отреагировало декретом от 29 декабря 1810 года. Весь табак был скуплен Управлением государственной табачной монополии, складирован, а затем реализовывался розничными торговцами, имевшими соответствующий патент. Тогда же стали возникать табачные мануфактуры наподобие мануфактуры Тоннейнса в департаменте Ло. Наполеон решительно поддержал изобретение Делессера, позволявшее получать сахар из свеклы. В отчете от 23 марта 1811 года министр внутренних дел утверждал, что «свекла — одна из лучших овощных культур, идущая на корм скоту; это очень прибыльный продукт, который благотворно влияет на почву, насыщая ее элементами, необходимыми для созревания злаков. Необходимость экстенсивного выращивания сахарной свеклы, — продолжал Монталиве, — диктуется ее неоспоримыми достоинствами; а поскольку общий объем площадей, которые нужно отвести под эту культуру, способную полностью удовлетворить наши потребности в сахаре, не превысит 35 тысяч гектаров, будет достаточно, если каждый департамент Империи выделит на эти цели от 100 до 400 гектаров». Пошлины на импорт сахара и его потребление были установлены декретом от 5 августа 1810 года. Однако, хотя ввозные пошлины оставались в силе, а отечественным производителям выплачивались дополнительные дотации, производство сахара не росло, несмотря на строительство новых заводов в Пасси, Шато-Тьерри, Бурже, По, Кастельнодари, Дуэ, Монсе, Намюре и Парме. Столь же плачевной оказалась судьба хлопка: ввод новых предприятий в Буш-дю-Рон и Пиренеях не изменил положения к лучшему. Зато неожиданный успех выпал на долю вайды на юге.

Экспериментальная школа в Альби разработала усовершенствованную технологию по ее выращиванию. Однако консервативная деревня не стала культивировать ее промышленные сорта, а сельские нотабли, которые могли бы настоять на ее выращивании, сами не видели в ней никаких выгод. Все искали надежной прибыли, мгновенной отдачи. Та же рутина царила и в животноводстве. Оказалось, что нескольких отар овец (в Сабре, Лориоле, Адже и Камбре) и табунов лошадей (в По, Тарбе, Перпиньяне, Гранпре, в Арденнах и в Ле Беке в Нормандии), скрещивания ландских овец с испанскими мериносами или появления в Ландах буйволов явно недостаточно, чтобы возродить некогда многочисленное поголовье. В Альпах пастухи по-прежнему перегоняли овец на летние пастбища. С октября по май более пятидесяти тысяч животных паслись в Провансе, а летом возвращались в горы отарами по две тысячи в каждой. Местные жители подбирали оставшийся после них помет и ругали волков. Если малая урожайность зерновых объяснялась низким качеством навоза, то главным препятствием, стоявшим перед экстенсивным животноводством, указывали в своих донесениях префекты, являлась раздробленность земельных владений. Так выглядел порочный круг, из которого не могло выйти сельское хозяйство, не желавшее расширять площади под кормовые луга. Леса попрежнему гибли. Главными врагами деревьев были козы. «Они губят насаждения, препятствуют их воспроизводству», — пишет префект Нижних Альп Александр Ламет. 6 января 1801 года, затем 26 января 1805 года принимаются решения о реорганизации лесничества. Назначается генеральный директор во главе совета из пяти членов. Инспекторы контролируют тридцать один лесной округ, вверенный попечениям смотрителей, которым подчиняются главные лесничие. Напрасный труд. Наносимый лесам ущерб не уменьшается. Из 8 миллионов гектаров леса миллион 800 тысяч гектаров находятся в частном владении, остальные принадлежат государству и коммунам. Остается виноградарство, переживающее в эпоху Империи небывалый подъем. По оценкам Шапталя, в 1808 году виноградники занимали 1 613 939 гектаров и давали 35 миллионов гектолитров вина. «Какое буйство виноградников, ими покрыта вся Франция!» — воскликнул один из современников.

Разнообразен географический ассортимент вин: от Бургундии с шамбертеном, снискавшим репутацию любимого вина императора, до Шампани, где Мое и Шандон производят игристые напитки. Несмотря на блокаду, не иссякает экспортный поток по-прежнему пользующихся спросом бордоских вин, причем не только на континент, но и, под прикрытием

специальных лицензий, в Англию: 2 593 галлона в 1805 году, 13 105 — в 1809-м. В окрестностях Парижа производят «сухие» и «терпкие» вина, которые восполняют нужды столицы. Вполне объясним в этих условиях интерес к виноградарству: искусство высаживания, подрезания и окуривания лозы становится объектом многочисленных исследований. Каде де Во полагает, например, что в изготовлении вина должен участвовать химик. В «Листке земледельца» утверждается, что за исключением виноградарства все прочие отрасли сельского хозяйства застойны или бесперспективны. Это несколько безапелляционное утверждение все-таки справедливо констатирует отставание Франции от английской агрономии. Причину этого отставания префекты видят в разделе общинных земель. С другой стороны, благодаря распродаже национального имущества осваиваются многие доселе запущенные церковные угодья, разумеется, если они приобретаются крупными фермерами или земельными собственниками. Но поскольку представления о престиже нередко брали верх над заботой об урожайности полей, новые нотабли превращали приобретенные пахоты в парки и охотничьи леса. Такие действия вызывали негодование Наполеона: «Я не потерплю, чтобы частное лицо губило 20 гектаров, превращая плодородные земли в парк». Но гнев этот был бессильным.

Состояние промышленности

По прошествии четырех лет французы в полной мере смогли оценить прогресс, достигнутый страной в индустриальной области. На выставке IX года, организованной во дворе Лувра, было представлено 220 экспонатов. Через год их насчитывалось уже 540. Прерванная войной традиция возродилась в 1806 году. В новой выставке приняли участие 1 422 человека, съехавшиеся со всех концов страны. Отчет конкурсной комиссии, которой было поручено оценить образцы экспонировавшихся товаров, содержит краткий перечень видов продукции того времени: на выставке были представлены образцы сукон, кашемира, саржи, кисеи и нестандартных тканей, бархата, шелка, шляп, лент, кружев, блонда, конопли, льна, хлопка, бумазеи, пике, нанки, железа, стали, хлопкопрядильных станков, квасцов, соды, железного купороса, красителей для химической промышленности, хрусталя, фарфора, изделий ювелира Бьеннэ и часовщика Брегета... Особое место занимали экспонаты государственных мануфактур: севрский фарфор, ковры Гобелена, Бовэ и Савонри. Наполеон не смог по-

сетить ее, так как участвовал в Прусской кампании. Шампаньи писал ему 4 октября 1806 года: «Все сходятся на том, что, по вызванному ею интересу, нынешняя выставка выгодно отличается от предыдущих. Она свидетельствует о прогрессе наших мануфактур». Преобладали три отрасли: хлопчатобумажная, химическая и военная. Первая не пользовалась покровительством императора: его раздражало, что она работает на импортном сырье. Он склонен был поощрять развитие шелковых, льняных и полотняных мануфактур.

После того как попытки наладить выращивание хлопка на юге и в Италии провалились, пришлось довольствоваться сырцом, ввозимым с Ближнего Востока и из Бразилии. Однако устранение английской конкуренции и возникшая мода на нанку, бумазею и ситец стали такими мощными стимулами, что позволили этой отрасли оставить позади даже индустрию предметов роскоши. Были внедрены значительные усовершенствования, прежде всего в технологию прядения, позволявшие получать более тонкую пряжу. Мануфактуры оснащаются хлопкопрядильными станками и самоходными челноками. «Похоже, что наибольшего прогресса наша промышленность достигла в производстве хлопкопрядильных машин», — докладывал Шампаньи императору в письме от 4 октября. Он мог бы сослаться и на льнопрядильную машину Филиппа де Жирара, на ткацкий станок Жакара... И все же английская технология оставалась в четыре-пять раз производительнее французской. Химическая промышленность также переживала пору расцвета. Долгое время Франция зависела от импорта испанской и сицилийской барильи, из которой вырабатывалась сода, идущая на нужды стекольных заводов, белилен и красилен. Возобновление войны с Англией, а затем обострение отношений с Испанией привели к резкому скачку цен: с 45 франков за центнер в 1807 году до 350 франков в 1808-м. Плодотворная идея выращивания барильи в Провансе не решила проблемы. Декрет от 13 октября 1809 года освободил 33 фабрики, производящие соду (угленатриевую соль, используемую в промышленных целях), от налога, после чего цена на центнер испанской соды упала со 120 до 55 франков.

Широкую известность приобрел способ получения соляной кислоты из жавелевой воды. На своем заводе в Терне Шапталь наладил производство кислот, хлората натрия и солей свинца. Стоит ли удивляться высоким показателям, достигнутым оружейными мануфактурами? Список старинных мануфактур Мобежа, Шарлеруа, Сент-Этьенна, Тюля и Кленжанталя пополнили новые мануфактуры Мютзига, Льежа, Турина и Кюлембурга. В 1806 году было произведено 265 800 единиц во-

оружения. Строжайшая дисциплина труда компенсировалась освобождением от призыва в армию, что и объясняло, по-видимому, избыток рабочей силы на военных предприятиях. Отрасль контролировалась генеральными инспекторами, отчеты которых поступали в VI отдел военного министерства, возглавляемого Гассенди. Наполеона часто упрекали в недостаточном внимании к вопросам модернизации вооружений. В действительности же основная вина за медленное внедрение технических новшеств лежала на бюрократии. Несмотря на неоднократные жалобы оружейников, отмечавших, что «винт собачки пехотного ружья приходится часто заменять из-за поломок, когда по невниманию солдат нажимает на спусковой крючок при откинутом назад курке с кремнем», и что винт следует выплавлять из стали, а не железа, эта рекомендация, осев в папках военного министерства, так и не дошла до сведения императора. Прогресс в области машиностроения, без которого промышленная революция просто невозможна, был красноречиво воспет Шапталем. Между тем паровая машина так и не получила должного распространения. Металлургия, за исключением перешедших на коксовое топливо доменных печей Крезо, фактически топталась на месте. И все же два фактора обеспечили будущее развитие французского капитализма. Наполеоновский кодекс узаконил право свободного предпринимательства, закрепив отмену цехового устройства вопреки некоторым поползновениям к его восстановлению, исходившим от имперской полиции. Всякое вмешательство государства, как в случае с рудниковыми концессиями, всегда осуществлялось в интересах частной собственности. В самом деле, разделавшись с законом от 28 июля 1791 года, предоставлявшим неограниченную свободу действия «собственникам земной поверхности», новое горнорудное законодательство, принятое 21 апреля 1810 года, разделило собственность на землю и собственность на недра, оставив за государством право на эксплуатацию последних. При этом государственные концессии приобретались за плату просто символическую в сравнении с получаемой прибылью. Поначалу весьма умеренная, она способствовала концентрации ресурсов, необходимых для эксплуатации шахт и рудников. Преодолевались пережитки старого режима. На правом берегу Рейна была отменена коллективная эксплуатация доменных печей и кузниц. Французское законодательство преобразовало старые эмфитевзисы[1] в частные наследственные владения.

---

[1] Долгосрочные договоры, по которым банки выдавали ссуды под залог земли.

Наконец, торговый кодекс 1807 года, вызвавший к жизни акционерные общества, обеспечил приток новых капиталов. Помимо эффективно действующего законодательства, следует учитывать и другой не менее важный фактор: поместный капитализм, обеспечивавший в XVIII веке развитие черной металлургии, вытесняется более предприимчивым банковским капитализмом. Последний наглядно обнаруживает свои преимущества в Дофине на примере семьи Перье: Огюстен руководит одновременно и банком, и ситцевой фабрикой в Визиле. Наряду с маршалами и государственными советниками почетное место в наполеоновской легенде занимают полководцы от индустрии. Такие, например, как текстильный король Ришар (1765—1839). Сын крестьянина, он перепробовал все профессии, пока наконец, разбогатев на спекуляциях национальным имуществом, не открыл совместно с Ленуаром-Дюфреном магазин тканей, который сразу же стал приносить большие доходы. «Ришар и Ленуар» ввели продажу товаров по твердым ценам. Перейдя от коммерции к производству, они оборудовали ткацкими и прядильными станками бывший монастырь Бон-Секур по улице Шарон, а отпочковавшись от Парижа, начали врастать в провинцию, пустив в 1800 году корни в Алансоне, в 1802-м — в Се, в 1806-м — в Лэгле... В 1810 году, когда умер Ленуар, на их предприятиях было занято 12 800 рабочих.

Другой заметной фигурой текстильной промышленности стал Оберкампф. До Революции он основал в Жуи мануфактуру по производству крашеного полотна. В 1805 году на ней было занято 1 322 рабочих; ежегодная прибыль составляла миллион 650 тысяч франков. Благодаря черной металлургии Франсуа де Вандель (1778—1825) вернул себе состояние, которого лишился в свое время как эмигрант. Он начал с того, что выкупил металлургический завод в Айанже, а в 1809 году — в Крейцвальде; приобретение в 1811 году сталелитейного комплекса в Моевре ознаменовало новый этап в жизни семьи. Можно упомянуть также Терно, совершившего переворот в сукновальном производстве, Дугласа, сконструировавшего хлопкочесальную машину, Андре Кэклена. Несмотря на нехватку некоторых видов сырья и низкий КПД энергоносителей, французская промышленность 1806—1810 годов переживает период безоблачного оптимизма. Возвращение к порядку и безопасности, возрождение роскоши, непрерывное расширение рынков сбыта (Наполеон не церемонился с союзниками, требуя, чтобы они держали свои границы открытыми для французских товаров) — все это порождало ту эйфорию, которая обусловит многие опрометчивые решения. Не случайно промышленный подъем

вызывает настороженность консервативной части нотаблей. Шапталь, будучи ярым поборником прогресса, так резюмирует их настроения: «Когда войны или запретительные меры перекрывают промышленным товарам доступ к потребителю, с горечью видишь муки и метания тысяч неприкаянных людей, слишком часто нарушающих общественное спокойствие. Куда разумнее вместо того, чтобы создавать скопления людей, обслуживающих ту или иную отрасль промышленности, расселить их по деревням, где ремесла служат полезным подспорьем земледельческому труду».

Опасаясь социального взрыва, парижские власти приостановят в столице рост мануфактурного производства, уже подорванный нехваткой сырья и энергоресурсов.

Торговля: победы и поражения

Континентальная блокада, обеспечив промышленности надежный протекционистский заслон, углубила кризис больших портовых городов, в первую очередь тех, которым крейсерство (Кале, Булонь и Дюнкерк) и каботаж не приносили дополнительных доходов, а также тех, у которых не было давно налаженных связей с внутренними регионами страны. Именно в таком положении оказалась Ла-Рошель. «Распад колоний и затяжная война наносят огромный ущерб приморским городам. Никогда прежде уныние не пронизывало до такой степени любое коммерческое начинание. Многие люди разорены», — отмечалось в XII году на сессии генерального совета департамента Нижняя Шаранта. Согласно данным «Статистического ежегодника департамента» за 1813 год с 1804 по 1810 год лишь 60 судов, плавающих под флагами стран Северной Европы, и около 20 американских кораблей, прибывших за винами, солью и водкой, пришвартовались в порту Ла-Рошель. Такого кризиса не выдержал даже самый крупный в городе торговый дом братьев Гареше, завершивший этот период с убытком в 900 тысяч франков. Нант и Бордо оказались более подготовленными к испытаниям блокады. Благодаря заключению Амьенского мира поставки вооружений в колонии постепенно достигли довоенного уровня. В 1802 году Бордо загрузил оружием двести восемь кораблей, что, по оценкам историков, «сопоставимо с показателями последних лет старого режима». В том же году в его порту бросило якорь двести двадцать судов с грузом колониальных товаров. Оружие направлялось теперь не на Антильские острова, а в Иль-де-Франс и Иль-де-Бурбон. Наконец, прежнего объема до-

стиг экспорт в Англию прославленных бордоских вин. С 1803 по 1807 год Бордо, подобно другим городам атлантического побережья, которым повезло больше, чем портам Ла-Манша, жестко блокированным английским флотом, сохранил кое-какие прежние торговые связи с нейтральными Соединенными Штатами и Данией. Однако ужесточение режима блокады, ущемлявшей интересы нейтральных государств, привело в 1808 году к полной стагнации торговли. Лишь лицензионная система да продолжавшиеся поставки незначительных партий вооружений спасли порт от паралича. Происходивший в стране процесс «деиндустриализации» нанес ущерб большей части городов атлантического побережья.

Аналогичный застой пережил между 1801 и 1807 годами Марсель, перед тем как уступить первенство Триесту, Ливорно и Мальте. «Геную император приобрел в XIII году, Ливорно — в 1808-м. Венский договор сделал его владельцем Триеста. То, что льстило национальному самолюбию французов, угнетало марсельских негоциантов, — пишет в своих мемуарах Тибодо, который, будучи префектом Буш-дю-Рона, как никто другой с пониманием относился к нуждам марсельцев. — Эти три чужеземных порта казались им пасынками, втершимися во французскую семью, змеями, которых император пригрел на своей груди». Это наглядный пример озабоченности, которую стали вызывать у нотаблей нескончаемые аннексии императора. Закат Бокерской ярмарки обусловлен упадком Марселя. И тем не менее, как уже неоднократно отмечалось, сложившаяся конъюнктура пошла на пользу внутренней торговле. Перемещение рынков на восток способствует освоению водных артерий. Благодаря Рейну Страсбург превратился в крупнейшую европейскую кладовую. Ничего удивительного, что Наполеон продолжил начатые еще при абсолютизме работы по прокладке каналов (Сен-Кентен, Л'Урк и др.). Что же касается принципа эксплуатации дорог, то он восходит к древнеримской традиции. Декрет от 16 декабря 1811 года поделил их на магистрали стратегического и местного значения. Такая классификация регулировала движение товаров, повышала скорость доставки почты и грузов.

И все же путь из Парижа до Орлеана по-прежнему занимал пятнадцать часов, а проведенная в 1811 году инспекция состояния перевозок выявила множество опозданий из-за рутинной организации труда транспортников и экспедиторов. Впрочем, для Наполеона дорога обладала прежде всего стратегическим значением. Дорога через Симплонский перевал, прокладка которой началась 9 октября 1805 года и завершилась в 1809 году, обеспечила Франции господство над Итали-

ей. Не меньшее значение имела и дорога Мон-Сенис. Лион воспользовался ею для упрочения своего торгового могущества. К числу других факторов, благоприятно сказавшихся на развитии внутренней торговли, следует отнести стабилизацию финансового рынка, введение (натолкнувшееся на яростное сопротивление) метрической системы мер, обнародование в 1807 году торгового кодекса, а также учреждение торговых палат, выражавших на консультативной основе пожелания, которые могли влиять на решения правительства. Любопытная примета времени: витрины начинают понемногу вытеснять вывески. В Париже это изменение облика лавок происходит быстрее, чем в провинции.

Кризис 1805 года

Об уязвимости французской экономики свидетельствуют кризисы, последний из которых (мы к нему еще вернемся) станет для режима роковым. В основе этой уязвимости лежит дефицит доверия: его могла подорвать малейшая паника, а ведь известно, как быстро в военное время обрастает плотью любой тревожный слух. Примером может служить дело об «Объединившихся негоциантах», принявшее в 1805 году неожиданно крупные масштабы.

В феврале 1806 года Фьеве дал глубокий анализ причин этой катастрофы, вызванной, по его мнению, чрезмерными спекуляциями в Париже, где хуже, чем в Лондоне, обеспечивалась надежность финансовых операций. В сентябре 1805 года министр финансов Барбе-Марбуа локализовал кризис, возникший из-за недостатка доверия в условиях усложнившейся социально-политической конъюнктуры.

Попав под влияние таких ловких спекулянтов, как Уврар, Деспрез и Ванлерберг, Барбе-Марбуа дал увлечь себя планами импорта во Францию мексиканских пиастров. Неудачная афера породила толки о надвигающемся банкротстве Французского банка. Начались массовые снятия вкладов. Ажиотаж подогревался слухами о том, что, отправившись на очередную войну, император захватил с собой всю имевшуюся наличность. Столпотворение у касс переросло в беспорядки. Победа под Аустерлицем несколько разрядила обстановку, однако внезапно возникший дефицит наличности повлек за собою серию банкротств, самым крупным из которых стало разорение члена генерального совета Французского банка Рекамье. Трудности со сбытом продукции текстильной промышленности осложнили положение. Безработица поразила крупней-

шие мануфактуры: зима 1806/07 года оказалась нелегкой для парижских и лионских рабочих. Начавшийся в январе 1806 года спад производства охватил всю страну от Нормандии до Эльзаса, от севера до юга.

Реакция Наполеона была решительной: предоставление крупных кредитов промышленникам, заказы индустрии предметов роскоши, усиление введенного Берлинским декретом от 21 ноября 1806 года протекционизма стали прелюдией к континентальной блокаде. К весне 1807 года кризис удалось преодолеть. Как и в 1802 году, режим заработал на нем новую популярность, что придало ему еще большую самонадеянность, за которую он поплатился в 1810 году. Депрессия 1805 года явилась результатом кризиса доверия к Банку, осложненного перепроизводством в текстильной промышленности, которое, в свою очередь, обусловливалось (а может быть и нет — экономисты еще не пришли к единому мнению) дефляцией этого доверия.

Аграрный сектор не пострадал. В 1805, 1806 и 1807 годах урожаи были вполне удовлетворительными. Нельзя недооценивать, как это иногда делают, еще одного обстоятельства: выставка 1806 года, на которой экспонировались тонкие сукна Терно, кашемир Белланже, бумазея Ришара-Ленуара, фарфор Наста и Дила, клеенки Сегера, изделия из кожи Саллерона, бронза Томира, обои Жакмара и Бернара, продемонстрировала жизнестойкость промышленности. Вознесли хвалу Наполеону. Министр финансов Барбе-Марбуа, раболепный придворный, которому, правда, вскоре пришлось оставить свой пост, в начале января 1806 года уверял Наполеона, что тучи рассеиваются. С чего бы это? «Стоило распространиться вести о возвращении Вашего Величества, и дела сразу же пошли на лад. Все банкротства в Париже прекратились».

Глава IV

СТИЛЬ АМПИР: БУРЖУАЗНОЕ ИЛИ НАПОЛЕОНОВСКОЕ ИСКУССТВО?

Говорят не о «стиле Наполеона», а о стиле «ампир». Не столько для того, разумеется, чтобы возвеличить в официальном искусстве явление, именуемое нами сегодня «идеологией господствующего класса», то есть буржуазии, сколько для того, чтобы подчеркнуть пресловутую необразованность великого человека.

В самом деле, до чего оригинальным читателем был этот монарх, выбрасывавший в окошко своей берлины ненравя-

щиеся ему книги! Какой убогой была культура императора, пренебрегавшего элементарными правилами орфографии и путавшего Эльбу с Эбро, а Смоленск с Саламанкой! Все это послужило бы прекрасным поводом для насмешек над историком, который осмелился бы заговорить о «веке Наполеона» с теми же интонациями, с какими принято говорить об эпохе Перикла или Людовика XIV. Военная диктатура Наполеона снискала не лучшую репутацию. История Франции не знает такой формы правления, которая могла бы соперничать с наполеоновской в подавлении интеллектуальной и духовной жизни страны! И это при том, что ни одно правительство не уделяло, пожалуй, такого пристального внимания вопросам культуры, как правительство генерала Бонапарта, заявившего: «В мире существуют лишь две силы — сабля и ум. Однако в итоге всегда побеждает ум».

Несмотря на воинственный пафос, это была эпоха торжества буржуазного вкуса, подцензурной, как уже было сказано, культуры — провал проводимой Наполеоном политики дирижизма в области литературы, науки и искусства. Вот почему было бы нелишне подытожить ее результаты в период, когда Империя достигла вершины своего могущества. На этом пути нас ждут немалые сюрпризы.

Упадок литературы?

Много говорилось о личной ответственности Наполеона за кризис в литературе. Достаточно сослаться на Шатобриана и мадам де Сталь; правда, они находились в оппозиции. По их мнению, режим Империи парализовывал вдохновение, удушал малейшую самостоятельность, переплавлял в тигле официозности высокие жанры XVIII века. Но главный упрек относился к цензуре — мелочной, дотошной, хотя и осуществлявшейся профессиональными литераторами.

Да, маркиз де Сад был посажен в Шарантон, однако он пользовался там относительной свободой и даже ставил спектакли (в меру садистские, разумеется), рассчитанные, с разрешения директора заведения Кульмье, на немногих привилегированных зрителей. Из найденного позднее дневника маркиза мы узнаем о «разного рода» распространявшихся на него послаблениях.

Дезоргу выпала сходная судьба, правда, не на столь длительный срок. Из-за начавшейся войны с Испанией Брифо пришлось переработать сюжет «Дона Санчо». Заменив Барселону на Вавилон и сохранив рифму, он не встретил больше ни-

каких препятствий. На «Генеральные штаты Блуа» Рейнуара в 1810 году был наложен запрет: трагедия оказалась перегруженной политическими аллюзиями, однако сам автор не пострадал.

К чему скрывать? Упадок контролируемой цензурой литературы начался еще в Революцию, время куда более репрессивное по отношению к культуре, чем Империя. Шенье и Руше сложили головы на гильотине, тогда как в эпоху Империи ни один писатель не был казнен. Франсуа де Нефшато отсидел за свою «Памелу»; тюремному заключению подверглись Деститут де Траси и Гара, Сад и Лакло. Мари-Жозефу Шенье пришлось отречься от трагедии «Тимолеон», герой которой слишком напоминал Робеспьера. Часть пьес была исключена из репертуаров («Аталия» и «Магомет» Вольтера), из других изъяты малейшие намеки на монархию и христианство. В целом, таким образом, Империя предстает куда более лояльной, чем Революция, что отнюдь не означало ослабления контроля над культурой. Декретом от 29 июля 1807 года число парижских театров сократилось до восьми; остались «Комеди Франсез», Театр Императрицы (Одеон), «Опера-Комик», «Варьете», «Гэте», «Амбигю-Комик» и «Водевиль». Соответственно «никому не дозволялось ставить спектакли в других театрах, давать представления на публике, даже бесплатные, печатать и расклеивать афиши, а также распределять билеты, отпечатанные типографским шрифтом или написанные от руки». За каждым театром закреплялся свой репертуар. Однако не все правильно понимали назначение этого декрета, имевшего целью внести порядок в сумятицу и не допустить банкротств, чреватых закрытием зрелищных заведений.

Аналогичную цель, явно полицейскую, преследовало и учрежденное в 1810 году Управление полиграфии и книготорговли. Сократить число парижских книготорговцев до шестидесяти, навязать им патент и обязательство «не продавать ничего, противного интересам государства и долгу перед государем» — значило поставить их под контроль правительства. Между тем положение, сложившееся в полиграфии, требовало серьезных реформ. Сословие парижских печатников насчитывало в 1808 году сто пятьдесят семь типографов, большинство которых, включая и отца историка Мишле, влачили, по выражению автора правительственного отчета, «жалкое беспатентное существование», не обладали необходимой профессиональной квалификацией и вообще занялись издательской деятельностью случайно, еще в Революцию. Процветало лишь несколько издательств, таких как Фирмен-Дидо или Агас, возглавляемое зятем Панкука. Жалобам не было конца: «Рано или поздно

книгоиздатели переселятся в провинцию, где все дешевле — и бумага, и труд наборщиков». Именно так поступил Мам. Однако и издатели были не без греха. Барба снискал дурную репутацию, торгуя «из-под полы». По свидетельству издателя Бальзака Верде, автора исследования «Издательское дело», опубликованного в 1860 году, некоторые издатели, в том числе и Боссанж, приобрели лицензии на импорт колониальных товаров, рынок которых находился под контролем Англии. Правительство Империи поставило перед ними лишь одно условие: экспорт в Великобританию должен осуществляться на эквивалентной основе. Загрузив несколько кораблей книгами, издатели выбросили их затем в Ла-Манш, так как прибыль от перепродажи колониальных товаров обещала с лихвой перекрыть себестоимость погибших произведений. Правда, афера не удалась, и Боссанжу пришлось свернуть коммерческую деятельность. Другим важным следствием учреждения Управления полиграфии стало издание «Газеты книжной торговли», публиковавшей перечень всех выходящих книг.

Словом, одними лишь полицейскими мерами, имевшими и положительный результат, никак не объяснить упадок литературы эпохи Империи.

Официальная и маргинальная литература

Наполеону приписывают часто цитируемое высказывание: «Малая литература — за меня, большая — против». Заслужили ли Институт и, в частности, отделение французского языка и литературы обращенную к ним критику? В отделении французского языка и литературы, унаследовавшем традиции Академии и реорганизованном в 1803 году, по соседству с такими политическими деятелями, как Сиейес, Маре и Камбасерес, заседал прославленный поэт Парни, автор нашумевшей поэмы «Война богов» (1799), вызвавшей ярость цензуры после заключения Конкордата; Легуве, снискавший в 1801 году популярность благодаря огромному успеху, выпавшему на долю его поэмы «Достоинства женщин»; Лебрен-Пиндар, вознесший в «Оде Верховному Существу» хвалы Робеспьеру, но в итоге перешедший на сторону Бонапарта. Язвительный пафос оды внушал страх. Приведем из нее пародийный катрен на одного из собратьев поэта по перу:

— У меня увели...
— Ах, мне искренне жаль.
— Манускрипты мои.
— Это — вора печаль.

Довольно-таки вялая поэзия, устраивавшая, впрочем, особенно в произведениях Легуве, склонную к дидактике буржуазную публику. Крупнейшим поэтом эпохи был Делиль, преподаватель Коллеж де Франс и трудолюбивый переводчик Вергилия. В 1813 году правительство устроило ему пышные похороны. Однако еще при жизни у него появился соперник, Баур-Лормьян, искусный стилизатор «Оссиана», с легкой руки которого в моду вошла поэзия бардов. Драматургия широко представлена творчеством академиков: Колленом д'Арлевиллем, бессмертным создателем образа барона де Крака, предтечей Лабиша Пикаром, автором комедий «Городок» и «Господин Мюзар, или Старый фат», Александром Дювалем, Франсуа Андрие и, разумеется, Этьенном, «Два зятя» (1810) которого стали популярнейшей комедией своего времени. Именно буржуазная публика обеспечивает успех спектаклям, которые льстят ей и в то же время вышучивают ее. Из авторов трагедий и исторических драм назовем переводчика Шекспира Дюси, Мари-Жозефа Шенье, Непомюсена Лемерсье («Пинту», 1800, «Христофор Колумб», 1809) и конечно же Рейнуара. В 1805 году его «Тамплиеры» имели шумный успех благодаря нескольким стихам подлинно корнелевского звучания:

Бесчестит себя тот, кто думает спастись —

или:

Творенье человека — честь,
Всевышнего творенье — добродетель.

В отделение французского языка и литературы входили также историки: Лемонтей, Лакретель, Мишо и даже уцелевший в бурях XVIII века Бернарден де Сен-Пьер. Забвение, жертвами которого стали многие из перечисленных литераторов, порой несправедливо. В то время как одни, подобно Делилю, быть может, и заслуживают опалы, в которую их ввергла история, другие, как драматург Рейнуар, вправе рассчитывать на лучшую участь. В духовной жизни страны преобладает идеология. Мы имеем в виду последних апологетов Просвещения: Вольнея, Гара, Деститута де Траси, Кабаниса, Нэжеона Редерера. На выборах они противостоят неохристианскому монархизму (Фонтан, Шатобриан), влияние которого на газету «Журналь де л'Ампир» особенно заметно по рубрике, которую вел Жоффруа, статьи которого с упоением читал Стендаль. Но и Академия распалась на две враждующие партии, одна из которых возглавлялась Маре, другая — Рено де Сен-Жаном д'Анжели. Кандидатура Этьенна вызвала яростную борьбу этих политических группировок.

В недрах официальной литературы расцветает жанр агиографии — от «Эпопеи франков» Лезюра до «Аустерлица» Мильвуа, который, наряду с Шандоле, являлся ярчайшим поэтом той поры. Им противостоят маргиналы — либертены, преследовавшиеся еще добродетельными якобинцами и окончательно развеянные Империей как литературное направление, противное принципам буржуазного общества, которое Наполеон возвел на обломках старого режима. Шодерло де Лакло «помиловали» только благодаря тому, что он был генералом. Впрочем, Лакло умер еще в 1803 году, Ретиф де ла Бретонн прозябал в должности служащего Главного полицейского управления. Издание последних произведений писателя (он творил до самой смерти, то есть до 1806 года) не улучшило его материального положения. Ему пришлось покинуть Институт, несмотря на покровительство Мерсье. В 1814 году в Шарантоне ушел из жизни де Сад. Луве де Кувре скончался в 1797 году, Нерсиа — в 1800-м. Задолго до них, еще в начале Революции, приказал долго жить Мирабо. Казанова умер в 1798 году.

Не менее чуждо было новой буржуазии и другое маргинальное направление — мистическое учение иллюминатов. В 1803 году, после смерти «безвестного философа» Сен-Мартена, казалось, что это учение ожидает полное забвение. Однако несколько новых публикаций возродили его к жизни. Ими стали работы Фабре-Пелапра о тамплиерах, «Исследования о происхождении и назначении пирамид» (1812) Девисма и вышедшая год спустя «Золотая поэзия Пифагора» Фабра д'Оливе. Балланш и лионская школа мистиков занимают особое место.

Ряд писателей не принадлежит ни к какому направлению. Это Сенанкура с его «Оберманом» (1804), возвестившим эру романтизма; Шарль Нодье, которому консульская полиция изрядно потрепала нервы за сатиру под названием «Наполеонша»; и конечно же Жозеф Фьеве: в его комедии «Приданое Сюзетты» едко высмеяно термидорианское общество. Это также Жубер, последний из династии французских моралистов («Мысли» Шамфора вышли в 1803 году), произведения которого будут полностью опубликованы лишь после его смерти. Упомянем еще Азаиса и его теорию компенсаций.

Следует отметить еще гастрономическую литературу, представленную творчеством Бершу и Гримо де ла Реньера, к которым вскоре примкнет Брийа-Саварин. В ней нашла свое выражение свойственная выскочкам жажда наслаждений. Остаются политические маргиналы: мадам де Сталь и Шатобриан с несхожими, впрочем, судьбами. Первой было предписано удалиться в ссылку в Коппе, второму — войти в состав Академии. При этом Шатобриан посчитал себя более обижен-

ным. Мятежный и отнюдь не женский нрав мадам де Сталь раздражал Наполеона. Книги писательницы лишь ускорили разрыв. Ее трактат «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800) проповедовал идеи, имевшие мало общего с теми, которые занимали Первого Консула. Ее теория климатов, отказ от отживших политических институтов, восторженное отношение к «республиканской» литературе не находили отклика в душе Бонапарта. Ее тенденциозно феминистские романы «Дельфина» и «Коринна» шли вразрез с нормами упрочивавшегося буржуазного общества, поставившего женщину в полную зависимость от мужчины. К тому же мадам де Сталь неосмотрительно скомпрометировала себя связью с Бернадотом и Моро. Ей пришлось покинуть Париж. Замок в Коппе стал оплотом политической оппозиции. Правда, его хозяйка прилагала неустанные усилия, чтобы вновь войти в милость, однако своими демаршами она лишь докучала верховному правителю. В Коппе она написала большой трактат «О Германии», в котором сравнила немецкую философию и литературу с французской, отдав предпочтение рейнским соседям. Ничего удивительного, если вспомнить, что 1804-й — год завершения Гегелем «Феноменологии духа» и год смерти Канта. Однако книга переполнила чашу терпения. Она была конфискована и уничтожена. Мадам де Сталь эмигрировала за границу.

Зато «Дух христианства», которому предшествовали «Атала» (1801) и «Рене» (1802), сделал Шатобриана придворным писателем. Трактат с его установкой на восстановление религии в правах импонировал правительству. Автора поощрили, назначив секретарем посольства в Риме, а затем полномочным министром в Валезе. Недостаточно весомое, по мнению автора «Рене», поощрение. Казнь герцога Энгиенского послужила для Шатобриана поводом уйти в отставку. Задумав грандиозную христианскую эпопею, он отправился в 1806—1807 годах в далекое путешествие из Парижа в Иерусалим, откуда привез поэму «Мученики» (1809). Поэма увидела свет, когда конфликт между папой и императором вступил в самую драматическую фазу. Досадное совпадение. Избранный в 1811 году в Академию, Шатобриан не смог произнести вступительной речи, а точнее — проклятия своему предшественнику, Мари-Жозефу Шенье, бывшему члену Конвента и цареубийце.

«Я был преисполнен решимости, — напишет он в «Замогильных записках», — встать на защиту свободы, а также возвысить голос против тирании». С тиранией он боролся без большого риска для себя, по крайней мере до 1814 года. Два

мыслителя предвосхищают будущее: в 1808 году Фурье обнародует «Теорию четырех движений», а Сен-Симон в это время разрабатывает свое учение, не забывая при этом спекулировать государственным имуществом.

Массовая литература

Нельзя обойти молчанием массовую литературу. Песенный жанр довольно скоро проявился как бунтарский («Новобранец из Лангедока», «Король Ивето» Беранже, 1813). Зато вполне безобидной предстала картина нравов в водевилях Дезожье. Если в непринужденной поэзии Пии, в его «Альманахе Муз», еще можно найти известное очарование, следует признать, что романы мадам Коттен и мадам де Жанлис вообще невозможно читать. Два жанра холодят кровь. Прежде всего «черный роман», восходящий к «готическому» роману Уолпола, Анны Рэдклиф и Льюиса. Романы Дюкре-Дюмениля («Виктор, или Дитя леса», 1796, «Коэлина, или Дитя тайны», 1798, «Лолотта и Фанфан», 1807) и Пиго-Лебрюна («Господин Ботт», 1802, «Человек намерений», 1807) расходятся баснословными тиражами. Подземелья и замки с привидениями, мужчины в масках и соблазненные девы, проклинающие отцы и верные сыновнему долгу юноши услаждают досуг не только умеющих читать кучеров и швейцаров, но и всей буржуазной публики.

Эти сюжеты переселяются на театральные подмостки с легкой руки таких драматургов, как Лоэзель-Треогат, Кэгниез по прозвищу «бульварный Расин» и конечно же Пиксерекур, без ложной скромности сравнивающий себя с Софоклом. Мелодрама, как это вытекает из самого термина, являет собою синтез драмы, пения и танца. Ею не пренебрегали композиторы — Буальдье и Крейцер. Она же становится предметом яростной полемики между Лагарпом, сторонником элитарного театра, и Мерсье, воскликнувшим: «На каком основании вы закрываете двери театров перед народом, вы, нация не то спесивцев, не то скопидомов? Бедняк как никто нуждается в том, чтобы пролить слезу умиления. Где тот автор, который позаботится о нашем славном народе, обеспечит его вкусной и полезной духовной пищей, организует ему благочестивые увеселения и научит его наслаждаться ими?» Мелодрамы игрались при полных аншлагах. «Двойное замужество» Пиксерекура выдержало 451 представление в Париже и более тысячи в провинции.

В эпоху Первой Империи необычайно возрос интерес к

книге. Тон задавал сам Наполеон. Его библиотекарь Барбье регулярно информировал императора о книжных новинках. «Число пунктов приема подписки множится день ото дня, — сообщалось 21 октября 1809 года в «Парижском бюллетене полиграфии и книготорговли». — Их открывают даже цирюльники». Какому же чтиву отдается предпочтение? Романам Дюкре-Дюмениля, Пиго-Лебрюна и переводам Рэдклиф и Уолпола. «Классические» произведения, за исключением романов Шатобриана, не фигурируют в каталогах подписных изданий. Зато явно растет авторитет научных обществ: в 1813 году Мангури учреждает «Общество французских археологов», а Мальт-Брюн возрождает в 1813 году престиж географической науки.

Изобразительное искусство

Возникает мода на произведения живописи и скульптуры. Растут тиражи книг по эстетике: живо обсуждаются взгляды Винкельмана и Катремера де Кинси. Легран переводит трактаты Пиранези по архитектуре. Амори Дюваль обращает внимание на влияние живописи на промышленные искусства. В свою очередь, Реверони Сен-Сир отмечает благотворное воздействие на искусство точных наук. В 1801 году Балланш издает трактат под названием «О чувстве в его отношении к литературе и искусствам», который блекнет в лучах «Духа христианства» Шатобриана. Ландон публикует «Анналы Музея и современной школы изобразительных искусств». Множится число частных коллекций (Феш, Люсьен Бонапарт, Виван Денон, Сульт). Покоренная Европа открывает свои сокровища для знатоков. Несмотря на богатый ассортимент, цены на картины продолжают расти. В Салоне царит вечное столпотворение; правда, вход туда свободный. «Ужас, что за публика! — негодует современник. — Какие-то грузчики, торговки, слуги!» Музей Наполеона также переполнен. На выставке привезенных из Италии картин побывало тридцать тысяч посетителей. Разумеется, причиной такого столпотворения людей была не столько любовь к живописи, сколько гордость одержанными победами. Наполеон понимает, что искусство — мощный инструмент пропаганды. «Его величество, — пишет Монталиве Денону в 1810 году, — выражает пожелание, чтобы открытие Салона было приурочено к празднествам, которые предполагается организовать в честь Великой Армии, а также чтобы Музеум естественной истории предстал к этой дате во всем своем великолепии». В этот период импе-

ратор заигрывал с живописцами. В 1808 году он посетил Салон с явным намерением выказать свое расположение Гро. Наполеон раздал награды, побеседовал с художниками, всем своим видом показывая, что с автором картины «Битва при Эйлау» он незнаком. Завершив церемонию награждения, он резко повернулся, снял с себя орден Почетного легиона и прикрепил его на грудь живописца. Подойдя к последней работе Давида «Коронация Жозефины», он, по воспоминаниям Делакруа, долго смотрел на нее, затем «снял шляпу, поклонился Давиду и торжественно произнес: “Я вас приветствую, Давид”».

Давид безраздельно царил в живописи, которая благодаря государственным и частным заказам была на подъеме. Первый живописец императора, Давид — сенатор, кавалер ордена Почетного легиона и член Института — достиг в этот период вершины своей славы. Ему поручают запечатлевать ключевые события легенды: «Переход Бонапарта через Сен-Бернарский перевал», «Награждение», «Коронование Жозефины». Не забыта и античность: при консульстве он начал работу над картиной «Леонид у Фермопил», которую завершил в 1814 году. В 1809 году он пишет «Амура и Фаэтона», в 1812-м — «Гомера и Каллиопу». С его именем связан триумф неоклассицизма.

У него много учеников: по подсчетам сына — четыреста тридцать три. Самые прославленные изображены на полотне «Мастерская Давида». Вот Гро (1771—1835) — его «блудный сын». Проявивший себя как классицист в картине «Сафо на Левкасе», он запечатлел также основные события своего времени. Его картины — «Битва при Абукире», «Битва при Эйлау» (1807), «Наполеон в госпитале чумных в Яффе» (1804). Вот Жерар (1770—1837), который в 1786 году поступил в мастерскую Давида, отказавшись от своих ранних классицистических полотен («Велизарий», «Психея» и т. п.) ради парадных портретов членов императорской семьи и государственных сановников. Вот Жироде-Триозон (1767—1824), заявивший о себе в 1793 году картиной «Сон Эндимиона». Его «Оссиан, или Апофеоз французских героев, павших за Родину», заказанный в 1800 году для Золотого Салона — экспозиции, развернутой в замке Мальмезон, а также «Погребение Аталы» и конечно же «Всемирный потоп» (1806), картина, которая в 1810 году на проводимом раз в десять лет конкурсе будет поставлена выше давидовских «Сабинянок, останавливающих сражение между римлянами и сабинянами», снискали ему репутацию величайшего мастера своего времени.

Особо хотелось бы отметить оставившего заметный след Эннекена, Фабра (1766—1837), второго ученика Давида, на-

гражденного в Риме «Гран-при», Александра-Эвариста Фрагонара (1780—1850), сына великого Фрагонара, скончавшегося в 1806 году, и вероломного ученика Давида, расставшегося со своим учителем ради «готики трубадуров», а также Франка, Мюлара, Викара, Дроллинга и Ревуаля.

Особое место занимает Энгр (1780—1867). Его портреты Наполеона поражают своим величием, почти византийским великолепием. И тот же Энгр — автор серии «Одалиски», обнаженные женские тела которой выглядят сладострастнее давидовских. Многообразие школ не сводится к классицизму. И у живописи есть свои маргиналы.

Таков Прюдон (1758—1823), сын каменотеса из Клюни, испытавший на себе влияние немецкой школы. В прошлом член революционных обществ, он был введен своим соотечественником, префектом Сены Фрошо, в официальные салоны. Картина «Триумф Бонапарта» (1801) закрепляет наметившийся успех. Прюдон декорирует в Париже помпезные мероприятия в честь императора. Жан Брок (1771—1850), боровшийся с влиянием Давида, примыкает к примитивистам, требовавшим от искусства, вслед за Морисом Кэ и Шарлем Нодье, абсолютной наивности и непосредственности. Эти настроения не были чужды и Энгру. Брок — автор удивительной картины «Смерть Гиацинта» (1801), долгое время остававшейся неоцененной. Это направление противостояло анимализму Венкса и руинам Сюве. Все жанры пользуются признанием. Валансьенн (1754—1819) издает трактат, в котором отстаивает право художника на изображение как современных событий, так и сюжетов из античной истории и мифологии. Пейзаж попрежнему в моде благодаря Юберу Роберу (умер в 1808), Бидо (1758—1846) и Моро-старшему (1739—1805). Буали (1761—1845) заявляет о себе как о мастере жанровых сцен: «Прибытие дилижанса» (1804), «Проводы призывников 1807 года» и «Чтение 7-го Бюллетеня Великой Армии» (1808). С ним конкурирует Тоней (1755—1830). Дюплесси-Берто специализируется в жанре солдатского анекдота. В области портрета Данлу бросает вызов корифеям этого жанра. Анималист Юэ, умерший в 1811 году, передает эстафету Шарлю Верне (1758—1836), рисующему лошадей. Упомянем также и Мейнье (1768—1832).

Но вот появляется Жерико (1791—1824). Острый драматизм его картин «Офицер конных егерей императорской гвардии, идущий в атаку» (1812) и «Раненый кирасир, покидающий поле боя» (1814), предвосхищает романтизм. Подобно Делакруа, Жерико сложился как художник не столько в мастерских, сколько в Музее Наполеона, где беспорядочно сосед-

ствовали Тициан и Веласкес, Караваджо и Рибейра, Рубенс и Рембрандт. Подобно Вильи и Ламартину, Жерико, прельстившись военной карьерой, вступит в полк красных королевских мушкетеров, во время Ста дней последует за королем в Гент, а затем возвратится к гражданской жизни.

Даже этот скупой перечень живописцев свидетельствует о том, насколько Империя богата талантами. Вся живопись при Наполеоне слишком безапелляционно сводилась к нескольким полотнам из античной истории, батальным сценам и парадным портретам сановников: «Сабинянкам» Давида, «Эйлау» Гро и «Мадам Рекамье» Жерара. Это — бесспорные шедевры, однако они ни в коей мере не отражают всего многообразия живописной продукции первого пятнадцатилетия XIX века. Либертинаж и «слезная драма» уходят в прошлое, зато в эпоху Империи благодаря Шатобриану и Музею французских памятников, основанному Ленуаром, возникает стиль трубадуров — своего рода дань воображаемому средневековью — появляются мистификации Оссиана, воссоздающие древние мифы, и, как следствие децентрализации, начинается возрождение провинциальных музеев (датируемый 14 фрюктидора IX года, когда на основании соответствующего постановления им было передано на хранение 846 живописных полотен), возникают региональные культурные центры. В Лионе творит Гробон, в Лотарингии — Клодо, в Провансе — Константен. Может сложиться впечатление, что Франция отстает от европейской моды по гротеску (Фюссли в Германии, Блейк в Англии и др.). Однако это не так. Вафлар (1774—1837), незаслуженно забытый (и не он один), разрабатывает эту традицию в своей потрясающей картине «Юнг и его дочь» (1804).

Да, триумф неоклассицизма — это не только многообразие направлений, но и культурное завоевание Европы. Изабо едет по приглашению в Вену, Давид пишет в 1812 году для князя Юсупова. В порядке «культурного обмена» двое сыновей Пиранези поселяются в Париже. И разве Гойя не стал придворным живописцем Жозефа Бонапарта?

Скульпторы и архитекторы

Неоклассицизм переживает расцвет и в скульптуре, хотя шедевров здесь меньше, чем в живописи. И это не удивительно. Умирают Пажу, Клодион и Гудон, уступая место Шинару (1756—1813), Ролану (1746—1816), Картелье (1757—1831) и Муату (1746—1810). Скованные академизмом скульпторы создают произведения, которым не хватает жизненности. Но

при этом виртуозно выполнены бюст мадам Рекамье работы Шинара и барельеф Луврской колоннады, высеченный Картелье. Большая самостоятельность Шоде (1753—1810) позволяет ему успешно разрабатывать мифологические сюжеты, в которые благодаря оригинальности своего таланта он вдыхает новую жизнь. Он прославился статуей Наполеона в римской тоге, которой предстояло увенчать Вандомскую колонну. Но и он не идет ни в какое сравнение ни с Бозио (1768—1845), автором барельефа, украшающего ту же колонну, ни с итальянцем Кановой (1757—1822), дарование которого невозможно переоценить. Его «Обнаженного Наполеона», навеянного Аполлоном Бельведерским, император запретил выставлять, оскорбившись чересчур атлетическим телосложением скульптуры. Канова создает скульптурные портреты императорской семьи: Полину в образе Венеры и императрицу-мать в образе Агриппины. Эти работы вызвали фурор. Но, несмотря на настойчивое приглашение Наполеона, Канова предпочел остаться в Риме.

Неоклассицизм царил и в архитектуре. Гондуин (Медицинская школа), Пейр, Шальгрен (Одеон, Арка Звезды), Пуайе (здание Законодательного корпуса), Водуайе, Селерье (театр Варьете), Виньон (церковь Мадлен), Броньяр — представляют официальное направление. И хотя в целом французская архитектура все еще смотрит в прошлое, появляются новые идеи. Они находят свое техническое выражение в применении металлических конструкций при наведении мостов (Аустерлицкий мост, переходной мостик в Музее декоративных искусств), в каркасе куполов (после пожара, уничтожившего в 1806 году крытый хлебный рынок, Беланже возводит новый купол из меди и стали). В области теории Дюран (1760—1834), ученик Буле, став профессором Политехнической школы, в «Собрании и сравнении архитектурных стилей, древних и новых», так же как и Роднеле (1743—1829) в «Теоретическом и практическом исследовании зодчества», отстаивает концепцию искусства, основанного не на красоте, а на целесообразности, в соответствии с которой ведущая роль отводится не архитектору, а инженеру. Леду умер в 1806 году, однако его теория города будущего не оказала никакого влияния на архитектуру наполеоновских городов Понтивы и Ла Рош-сюр-Йон.

Любимыми архитекторами императора были Фонтен (1762—1853) и Персье (1764—1838), которые во главе с Давидом стали подлинными вдохновителями стиля ампир. На их долю выпала нелегкая задача. Много писали о нерешительности Наполеона, вынашивавшего грандиозные проекты: пре-

Наполеон в Фонтенбло. *Картина Деларош*а

Фридрих Вильгельм III (1770—1840), король Пруссии

Луиза (1776—1810),
прусская королева

Франц I (1768—1835),
австрийский император

Клеменс Венцель Меттерних (1773—1859)

Генерал Анн Савари (1774—1833), герцог Ровиго, министр полиции с 1810 года и до отречения Наполеона

Шарль Морис Талейран (1754—1838)

Наполеон II (1811—1832),
король Римский, сын Наполеона

Императрица Мария Луиза
(1791—1847),
вторая жена Наполеона

Графиня Мария
Валевская
(1789—1817),
возлюбленная
Наполеона

Император подписывает в Байонне соглашение об отречении Карла IV и его сына от испанского престола 10 мая 1808 года

Эрфуртское свидание 28 сентября 1808 года. (Наполеон — в центре, Фридрих Вильгельм III и Талейран — слева, Александр I — справа.) *Картина Госсе*

Переправа отступающей наполеоновской армии через Березину
22—29 ноября 1812 года

Император
Александр I

Генерал-
фельдмаршал
Михаил
Илларионович
Голенищев-Кутузов
(1745—1813),
светлейший князь
Смоленский

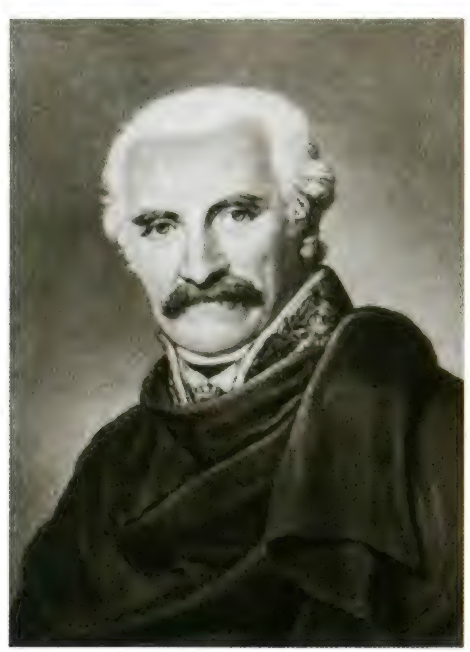
Кампания 1814 года. *Картина Мейсонье*

Людовик XVIII в Тюильри. Март 1815 года

Фельдмаршал
Артур Уэлсли
(1769—1852),
герцог Веллингтон

Генерал-фельдмаршал
Гебхард Леберехт Блюхер
(1742—1819),
князь Вальштатт

Генерал Гудсон Лоу (1769—1844), губернатор острова Святой Елены с 1816 года и до смерти Наполеона

Граф Луи Маршан (1791—1876), камердинер Наполеона, отправившийся с ним на остров Святой Елены; Наполеон сделал его своим душеприказчиком

Остров Святой Елены

Граф Эмануэль Лас Каз (1800—1854), секретарь Наполеона на острове Святой Елены

Граф Шарль Тристан Монтолон (1783—1853), адъютант Наполеона, сопровождал его на остров Святой Елены; подозревают, что именно он отравил императора

Альбина
Монтолон
(1779—1847),
супруга графа
Монтолона;
предполагаемая
любовница
Наполеона
на острове
Святой Елены

Наполеон
на смертном одре.
*Картина
Штойбена*

Перенесение праха Наполеона на борт «Бель-Пуля» для отправки в Париж. *Картина Изабо (фрагмент)*

образовать Дом инвалидов в храм Марса, соединить Лувр и Тюильри, понастроить триумфальных арок, реконструировать Версаль, возвести на холме Шайо дворец римского короля, а на Марсовом поле — административный центр. Рассматривая все эти представленные на его утверждение планы, Наполеон не мог принять окончательное решение. Из задуманного удалось построить лишь арку на Карусельной площади по проекту Фонтена, сооружение, которое кажется сегодня недостаточно монументальным: его надо представлять себе на старом фоне дворца Тюильри. Храм Славы, в который должна была преобразиться церковь Мадлен, вызвал к жизни множество проектов и стоил Наполеону немалых душевных терзаний. Последний будто бы даже хотел возвести на холме Монмартра что-то вроде его аналога, «своего рода храм Януса», где оглашались бы мирные договоры. Периодически рассматривался и каждый раз откладывался проект соединения Лувра с Тюильри. В дневнике Фонтена Наполеон предстает перед нами в непривычном ракурсе — охваченным сомнениями и боящимся ошибиться. Колебался он и в отношении Версаля. По смете Гондуина на реконструкцию дворца предполагалось затратить 50 миллионов. Персье и Фонтен были менее разорительными. В конце концов Наполеон заявил: «Лучше уж вообще ничего не затевать, если то, что мы предлагаем, не может соперничать в великолепии с архитектурой Людовика XIV». Что касается Шайо, то Персье и Фонтен задумали грандиозный проект, изложенный в книге «Резиденции государей». Приступили к подготовке, однако в связи с войной ни один монумент так и не был сооружен. «Из-за непомерных амбиций дворцы остаются недостроенными», — негодовал Наполеон. Может быть, его позиция отражала психологию новых чиновников? Последние строили мало, предпочитая обживать старые аристократические особняки. Что до буржуазии, то она возводила в основном доходные дома, заменяя вывески на витрины. В этом частном строительстве на первых порах доминируют египетский и дорический стили, затем входят в моду элементы итальянского Возрождения, порой безукоризненно вписывающиеся в сложившуюся архитектонику, например в палладианство улицы Риволи.

Декоративно-прикладное искусство: стиль ампир

С наибольшей полнотой стиль ампир проявился в убранстве интерьера. Персье и Фонтен почти в ультимативной форме навязывали свои идеи краснодеревщикам. Преобладает

акажу, массивное или — для второсортной мебели — фанеровочное. Нередко в него инкрустируются полоски светлого дерева, смягчающие впечатление от темной однотонной массы. Мебель покоится на рельефном цоколе либо на ножках «львиные когти». Над стойками комодов возвышаются кариатиды, несущие на себе антаблемент. Формы — прямолинейны. Декор заимствуется у египтян, греков, римлян и этрусков. Мифологические образы (богини, лебеди) соседствуют с военными аксессуарами (мечами, стрелами, шлемами), пчелы — с орлами. Неоценима роль ювелиров и скульпторов по бронзе в таких шедеврах, как туалетный столик, подаренный городом Парижем Марии Луизе в 1810 году, колыбель римского короля Прюдона, Одио, Томира. Еще один крупный ювелир — Бьенне, расположившийся под вывеской «Фиолетовая обезьяна». Все необходимые аксессуары для коронования вышли из его мастерской. Хотя мебельные фабрики продолжают производить переносные и круглые столики, появляются новые образцы мебели: псише, большие наклонные зеркала на ножках, курульные кресла. Вот как Рейшар описывает спальню мадам Рекамье:

«С высоким потолком, она почти по всему периметру стен облицована монолитными зеркалами. Между этими зеркальными панно и над массивными, разукрашенными деревянной мозаикой дверями — белые деревянные панели с вкрапленными темными полосами. Перегородка в глубине, перед окнами, также представляет собою огромное зеркало. За ней красуется придвинутое изголовьем к стене эфирное ложе богини этого будуара».

Об этом ложе мы имеем представление благодаря описанию, оставленному нам другим современником: «Кровать слывет самой красивой в Париже. Она из красного дерева, декорирована медью и возвышается на двух ступеньках из того же дерева. У изножья кровати, на постаменте, — красивая греческая лампа из меди». С таким великолепным ложем могут соперничать лишь кровати Фонтенбло, изготовленные специально для Жозефины. Они — творение Якова Демальтера (1771—1841), одного из мэтров нового стиля, весьма плодовитого: на его счету 217 кроватей, 58 консолей, 87 секретеров, 106 бюро и 577 кресел — все для дворца Фонтенбло. Весьма изысканны и севрские вазы с изображением мифологических и батальных сцен. Их автор — Изабо, по эскизам которого был расписан знаменитый стол Маршалов, восхищавший Стендаля.

Наряду с изделиями из дерева и металла продукция текстильной промышленности также участвует в создании нового

декора. Спросом пользуются индийские ткани, в изготовлении которых отличается Оберкампф, шелк (производимый лионскими мануфактурами, возродившимися благодаря изобретению Жакара), дамаст, атлас, броше. Как заметила мадам де Жанлис: «Из тщеславного желания выделиться стены не обтягивали, а плиссировали тканями».

Одежда

Принципы, определяющие декор интерьеров, распространяются и на людей. В одежде безраздельно царит античность с некоторой примесью ориентализма (следствие успеха, выпавшего на долю кашемира). Тон задают темные цвета и тяжелые ткани: все хотят угодить Наполеону, который между тем требует роскоши, чтобы загрузить текстильную промышленность. Покрой мужского костюма хранит память о Революции, однако брюки — главный элемент одежды санкюлотов — надолго изгнаны из буржуазного гардероба. Редингот, фрак, прямой жилет создают видимость мундира. Такая тенденция странным образом влияет на женский туалет: прическа похожа на кивер, ригидная юбка из плотной ткани напоминает ножны, сапоги, эполеты, перевязь. Престиж государственной должности объясняется отчасти униформой, которую Наполеон заставляет носить своих подчиненных. Стиль ампир присутствует и в одежде. Император — единственный, кто не следует моде: небольшая, нарочито помятая шляпа, серый редингот и зеленый костюм гвардейских стрелков. Он придает себе облик не менее странный, чем его имя, уже вошедшее в легенду.

Музыка

Арфа или пианино, желательно фирмы Эрар, составляют непременный атрибут респектабельного буржуазного интерьера. Фортепьяно решительно вытеснило клавесин. «Нет салона, — свидетельствует в 1803 году современник, — в котором не стояло бы фортепьяно. Молодые люди, вундеркинды с десяти лет, творят на этом инструменте чудеса». Словом, салон — место, отведенное музыке.

Наполеона никак не назовешь меломаном. Опера, находившаяся на улице ла Луа, там, где ныне разбит сквер Лувуа, процветала, несмотря на финансовые трудности, возникавшие из-за капризов солистов и бесконтрольной раздачи кон-

трамарок. Это был единственный род музыкального искусства, пользовавшийся любовью Наполеона, равно как и его современников, включая Стендаля, который скрупулезно заносил в дневник впечатления от просмотренных спектаклей. Особую симпатию Наполеона вызывала итальянская опера. Его фаворитом был неаполитанец Паизиелло, соперник Россини. Неменьший энтузиазм вызвала у Наполеона в 1807 году опера Спонтини «Весталка», героиню которой подняли на бой римские легионы. В 1808 году он заказал композитору оперу «Фернанд Кортес, или Завоевание Мексики» на либретто Эспенарха и Жуи. Судя по премьере, состоявшейся 28 ноября 1809 года, либретто оказалось удачнее музыки. Из статьи, помещенной в «Журналь де л'Ампир», явствует, что все аллюзии в опере были безошибочно расшифрованы современниками:

«Ее сюжет удивительно перекликается с нашим временем. Народ — который сам является живым свидетелем чуда неустрашимости и героической стойкости воинов — с тем большим удовольствием и интересом следит за их бледным сценическим отражением. Разве Кортес, покоривший с семьюстами пехотинцами и семнадцатью лошадьми огромную империю, не напоминает нам героя, который во главе легионов, внушавших уважение не столько своею численностью, сколько доблестью, поверг в замешательство самые стройные ряды войск, обратил в бегство несметные полчища и восторжествовал над объединившейся против него Европой?»

Однако изменение политической ситуации, вызванное событиями в Испании, привело к запрещению «Фернанда Кортеса». Вознесшая поначалу хвалу «спасителю», опера стала восприниматься как прославление испанского патриотизма. Непросто складывались отношения и с Керубини. «Император, — признавался позднее этот флорентиец, — ждал от меня музыки, противной здравому смыслу». В итоге обязанности домашнего капельмейстера Наполеон возложил на Паэра. Не были забыты и французы. Опера Мегюли «Иосиф в Египте» произвела в 1807 году фурор, однако зрители отдали предпочтение скорее Лесюэру, учителю Берлиоза. Опера Лесюэра «Барды», написанная по мотивам поэм Оссиана, вызвала восторг, не разделенный, однако, Стендалем. «Бардов» затмила в 1807 году оратория «Триумф Траяна» — апология Империи, погрязшей в беззастенчивой лести. В сцене триумфального восхождения Траяна на Капитолий звучал марш Лесюэра, под который Наполеон вступил в собор Парижской Богоматери для участия в церемонии коронации. Пышные декорации (цирковые лошади Франкони, четыреста тридцать два костю-

ма), мадам Браншю и Лэнез — лучшие оперные исполнители того времени, — а также протекция императора обеспечили успех помпезному празднеству.

Балеты Оперного театра также привлекали зрителей, делившихся на поклонников Вестрис, Дюпора и Гарделя — лучших танцовщиков. На сцене Оперы проходили концерты. 24 декабря 1800 года, торопясь на ораторию Гайдна «Сотворение мира», Бонапарт едва не пал жертвой взрыва адской машины.

Успехом пользовались композиторы Гретри, Далейрак, Буальдьё, Триаль и Монсиньи, обогащавшие репертуар Комической оперы. На концертах публика жаждала вновь услышать знакомые ей арии. В популярном жанре романса блистал певец и композитор Гара, успехом пользовались военные марши, звучавшие в опере «Битва при Маренго» — шумной иллюстрации сражения, основные этапы которого добросовестно воссоздал Вигери. Упомянем и Мартини — создателя оперы «Любовное наслаждение длится лишь мгновение».

Словом, вопреки звучащим иногда утверждениям, музыкальная жизнь была не такой уж вялой. Франция оказалась не на высоте только в духовной, а также симфонической музыке, где блистали имена Стамица, Гайдна и Моцарта. Впрочем, Революция несет за это не меньшую ответственность, все-таки во времена Империи композиторов поощряли; именно тогда была учреждена Римская музыкальная премия, в это же время возросло значение Парижской консерватории, руководимой Сарретом.

Научно-технический прогресс

Возьмем Пармантье. Его судьба достаточно показательна. Он, пропагандировавший во Франции картофель (эта культура получит распространение лишь при Июльской монархии), настойчиво рекомендовавший еще в 1793 году заменить тростниковый сахар на виноградный, был одним из наиболее ревностных поборников наполеоновского режима.

Не питая иллюзий в отношении медицины, находившейся в рудиментарном состоянии, он ратовал за гигиену и разумное питание, видя в них эффективное средство профилактики эпидемий. Его деятельность как члена Парижского совета по здравоохранению еще недостаточно изучена, однако можно предположить, что он вел в нем посильную борьбу с инфекционными заболеваниями. Пармантье был убежден, что просвещение достижимо только авторитарным путем.

Аналогичного мнения придерживался и Наполеон, опи-

равшийся на Академию наук. Из неудачи, постигшей проект Фултона, был сделан поспешный вывод о равнодушии Наполеона к научным открытиям. В отличие от своих предшественников (и это один из тех случаев, когда Наполеон отходит от идеалов Революции), он не использовал научные открытия в военных целях. Можно привести пример с построенным в Медоне под руководством майора Кутеля аэростатом наблюдения, примененным республиканскими генералами в Шарлеруа и Флерю. Наполеон разбил корзину аэростата, не поняв его значения для рекогносцировки местности.

Еще пример: начиная с 1804 года французские войска регулярно обстреливались пороховыми ракетами Конгрива. Наполеон не ответил на брошенный ему вызов. Он не видел возможности применения научных открытий, доказав это во время Египетской кампании. Можно ли упрекать его в этом?

Ни один глава государства не уделял большего внимания науке и не был так щедр на поощрения ученых. Ласепед стал верховным канцлером ордена Почетного легиона, Лагранж, Монж и Бертолле вошли в сенат, Фуркруа — в Государственный совет, Фурье был назначен префектом Гренобля, где поощрял научные исследования молодого Шампольона.

Назовем несколько имен. В математике это — Монж (1746—1818), основоположник начертательной геометрии; Лагранж (1736—1813), его трактат «О решении числовых уравнений» вышел в 1808 году, «Аналитическая механика» — в 1811-м; Лаплас (1749—1827) работает над «Трактатом по небесной механике» и сочинением «Аналитическая теория вероятностей».

В химии царят Бертолле (1748—1822) — мозг научного общества города Аркёй и автор исследования «Химическое равновесие»; Фуркруа (1755—1809), продолживший разработку новой химической номенклатуры Лавуазье; Гей-Люссак (1778—1850), совместно с Тенаром изучивший щелочные металлы и введший в научный обиход понятие электрического сопротивления.

Естествознание вступает в новую фазу своего развития благодаря Ламарку (1744—1829), изучающему беспозвоночных животных, реформатору палеонтологии и сравнительной анатомии Кювье (1769—1832), Жоффруа Сент-Илеру (1772—1844), вступившему в полемику с Кювье по вопросу о единстве плана строения животного мира.

Медицина также изобилует прославленными именами. Упомянем умершего в 1803 году Биша, личного врача императора Корвизара, главного врача больницы для душевнобольных Пинеля, смягчившего режим содержания пациен-

тов, хирурга Дюпюитрена, Лаэнека, первым применившего в 1815 году акустические методы при диагностике легочных больных.

Фармацевтика многим обязана Воклену (1763—1829), но еще больше — Каде де Гассикуру, личному провизору императора. Открытие Лебоном светильного газа, к сожалению, не нашло практического применения. Леблан разработал промышленный способ получения соды.

Появляются и новые имена. Среди молодых — выпускники Политехнической школы: Араго, Сади Карно. Другие, такие как Френель, Ампер и Коши, совершают революцию в науке.

Какой еще строй в такой же мере способствовал творчеству столь представительной плеяды ученых?

На службе у одного человека

«Я стремлюсь только к величию, — признавался Наполеон Вивану Денону. — Великое всегда прекрасно».

На смену «сладкой жизни» последних лет старого режима приходит вкус к монументальности и великолепию. Стиль Людовика XVI, отвергнутый как легкомысленный, уступает место в литературе и меблировке, архитектуре и музыке тяжелому, чтобы не сказать — тяжеловесному стилю: массивному акажу, изделиям из бронзы, плотным тканям, ораторским приемам речи, помпезной музыке, древнеримским триумфальным аркам. Если даже Сент-Бёв осмелился написать, что «у триумфальных побед имелось множество серьезных соперников во всех родах искусств, такие как “Мученики”, батальные сцены на полотнах Гро, “Весталка” Спонтини», можно допустить, что в сарказме не было недостатка. Сравнение Наполеона с Людовиком XVI несостоятельно: с одной стороны, неполные пятнадцать лет могущества, с другой — на редкость долгое царствование. Баланс явно не в пользу императора.

И все же творческий итог режима Империи в целом удовлетворителен: возник оригинальный стиль, активизировалась поощряемая официальными заказами деятельность живописцев, Париж стал культурной столицей Европы. Конечно, у фасада имелись и задворки — та манера, в какой искусство было поставлено на службу одному человеку. С 1805 года официальное угодничество просто вышло из берегов. Сохранилась картина, изображающая народы мира, пришедшие поклониться бюсту императора: китайцы, негры и даже краснокожие ин-

дейцы во главе с вождем, увенчанным разноцветными перьями. Славословие порой переходит все границы. «Какую честь оказывает Всевышнему столь великий гений!» — восклицает проповедник с церковной кафедры, приветствуя появление императора на богослужении. Наполеон вынужден вмешаться. «Я освобождаю вас от обязанности уподоблять меня Богу», — пишет он Декресу. И тут же сетует: «Увы, я родился слишком поздно, на мою долю не осталось великих деяний. Согласен, судьба моя завидна, путь — прекрасен, но как далеко мне до Александра! Когда он объявил себя сыном Юпитера, Восток ему поверил. Но стоит мне объявить себя сыном Предвечного Отца, и меня освищет последний прощелыга. Народ теперь чересчур образован». Но разве не продолжал император дело Революции, учитывая негативный опыт Людовика XVI, когда использовал искусство в целях саморекламы?

Не стоит забывать, что и Бальзак, и Гюго, и Мюссе, и Виньи, и Берлиоз, и Делакруа сложились как художники именно в эпоху Империи. Надо ли напоминать, как воспламенялось их воображение при чтении бюллетеней Великой Армии? «В лицеях, — вспоминал Виньи, — учителя беспрестанно зачитывали нам бюллетени Великой Армии, а наши возгласы “Да здравствует император!” перемежались цитатами из Тацита и Платона». Ссылаясь на эти бюллетени, Тьер и Сент-Бёв сделали из Наполеона крупнейшего писателя своего времени.

Возродив эпопею и поставив перед собой задачу прославления Героя, романтизм выразил тот же идеал, который Наполеон навязывал писателям и живописцам. Там, где не срабатывал цезаризм, на помощь приходила Легенда. Эпоха Наполеона — это эпоха романтизма.

Часть четвертая

ОБМАНУТЫЕ ОЖИДАНИЯ НОТАБЛЕЙ

Во время встречи Александра с Наполеоном в Эрфурте (1808 год) Талейран шагнул навстречу русскому царю: «Зачем вы здесь, сир? Вы один можете спасти Европу, но для этого вам надо бросить вызов Наполеону. Франция — цивилизованная нация, чего нельзя сказать о ее монархе. Следовательно, союзником французского народа должен стать российский царь». В ходе второй встречи он выразился еще определеннее: «Рейн, Альпы и Пиренеи завоеваны Францией; остальное — дело рук Наполеона; Франция не дорожит этими победами». Франция? Вернее сказать — революционная буржуазия, от имени которой говорил Талейран.

Первой причиной разногласий между нотаблями и Наполеоном стала деятельность по созданию нового дворянства Империи. Хотя оно и получило гарантии безопасности, новое дворянство не скрывало своей враждебности принципу эгалитаризма, выступало за вовлечение старой аристократии в общественную жизнь, словом, вполне могло явиться причиной восстановления ненавистного феодализма. Брак императора с Марией Луизой в очередной раз выявил монархическую природу наполеоновского режима, обозначившуюся еще в 1806 году, когда из официального словоупотребления было изъято слово «республика». Уж не нарушил ли император данную им в 1804 году клятву? На сей раз его властолюбие не так-то легко сходит ему с рук. Отсутствие свобод превращается в невыносимый дефицит, сравнимый с нехваткой сахара и кофе. С 1808 года люди отводят душу в частных беседах, критикуя императорский деспотизм.

Испанская афера углубляет раскол в среде союзников Брюмера. В 1808 году Наполеон упрочил дело Революции, если не считать одной осечки: войны с Англией. Кое-кто из революционеров, включая Фуше, пытается восстановить торговые связи, надеясь на уступки Наполеона; напрасные надежды. Наполеон рассчитывает на поддержку известной части буржуазии, поскольку разорение французских портов компенсировалось стремительным развитием мануфактур, оказавшихся в привилегированном

положении благодаря протекционистской политике континентальной блокады. Этой буржуазии и адресовались щедро расточаемые императором декларации и посулы поддержать национальную промышленность.

Зато испанская афера, особенно после того, как открылась ее подоплека, была встречена нотаблями с настороженностью. Не видно было выхода и из конфликта между Францией и Англией: он не приносил ни малейшей экономической выгоды (если не считать военных поставок), особенно после восстания американских колоний против французского владычества, спровоцированного династической одержимостью Наполеона. Впервые война началась не с европейской коалицией, сплотившейся против революционной Франции, а по инициативе человека, избранного этой революцией и вознамерившегося завладеть короной. То, что это была корона Бурбонов, не имело значения. Способ, каким Наполеон принялся за дело, оскорбил не только Европу, но и французскую общественность.

«Он снял неаполитанскую корону с головы Жозефа и возложил ее на голову Мюрата, который уступил последнему корону Испании, — писал Шатобриан. — Ударом кулака Наполеон водрузил эти венцы на головы новоявленных королей, и они разошлись в разные стороны, как два новобранца, обменявшиеся киверами по требованию капрала-интенданта».

Знаменательное сближение Талейрана и Фуше — показатель озабоченности чрезмерной территориальной экспансией наполеоновской Империи, а также политикой, переставшей служить интересам «революции». Разве всплеск патриотизма в Германии наряду с ожесточенным сопротивлением, оказанным Австрией во время кампании 1809 года, не подтвердили опасения, вызванные войной в Испании?

Под сомнение была поставлена незыблемость наполеоновских побед. Еще Карт, как мы видели, отверг в 1794 году захватнические планы Робеспьера. Превзойденной оказалась даже милая сердцу Директории политика «дочерних республик»: Наполеон готов был посягнуть на всю Европу. Но по силам ли это Франции? — задавалась вопросом здравомыслящая часть буржуазии.

Экономическая депрессия 1810 года завершает процесс отхода нотаблей от политики Империи. Оказалось, что спекуляция национальным имуществом имеет пределы. Вслед за финансами и торговлей кризис поражает промышленность. В 1811 году он затрагивает сельское хозяйство. В 1813 году в результате потери внешних рынков в очередной раз снижаются темпы развития мануфактурного производства. Три черных года поколебали оптимизм рантье и предпринимателей, углубили недовольство сельского населения.

Не хватает лишь поражения на фронте, чтобы разрыв стал очевидным. Грандиозные масштабы катастрофы в России отвращают от наполеоновского режима его главных сторонников: во-первых — революционную буржуазию, не желавшую больше финансироватьееприбыльное предприятие, поскольку «страсть удваивать ставки и жажда риска», присущие Наполеону, были чужды хитрым и осмотрительным Гранде; во-вторых — крестьянство, уставшее приносить себя в жертву прожорливому Молоху, служившему уже не завоеваниям 1789 года, а династическим интересам одиночки.

1808 год стал поворотным годом наполеоновской авантюры, подлинным началом конца.

Глава I
ОТ «СПАСИТЕЛЯ» К ДЕСПОТУ

«Потребность в установлении временной абсолютной диктатуры, необходимой для спасения государства, отодвигала на второй план опасения, связанные с ее возможными последствиями. Никто не предполагал, что интересы отечества могут оказаться несовместимыми с гражданскими свободами», — писал в своих мемуарах Бурьен. Разве эти свободы не были гарантированы «общественными институтами власти, вызванными к жизни разумом и просвещенностью века»? Сам Бенжамен Констан допускал такое — оправданное состоянием войны — «исключение». Между тем на смену диктатуре общественного спасения римского образца, «просвещенной» диктатуре в духе XVIII века, пришла наследственная монархия. Разумеется, речь шла о том, чтобы вынудить европейских государей, которые никогда бы не приняли крайних форм республиканизма, признать новую власть и тем упрочить социальные завоевания Революции. Если бы Наполеон сделал ставку на буржуазию, он обеспечил бы будущность своей династии, а также общность интересов Империи и нотаблей. Однако, начиная с 1808 года, он стал отдаляться от этой перспективы: укрепление единоличной власти исключало функционирование постоянных политических институтов, упраздняло свободы. Наполеон не верил в «конституции». Он считал, что Революцию совершила не любовь к свободе, а тщеславие. «Правительства, столь неудачно названные умеренными, всегда будут прямиком вести к анархии», — заявит он Моле. На что последний позднее совершенно справедливо возразит: «Франция никогда не верила в долговременность опирающегося на силу порядка, скрепленного принуждением и оправданного интересами государства».

Наполеон

Хрупкий генерал итальянской армии с худым смуглым лицом, обрамленным длинными волосами, превратился в упитанного «человечка» с выступающим брюшком, восковым лицом и короткой стрижкой. Внешне — ничего общего между Бонапартом и Наполеоном.

Прежними остались только взгляд, то повелевающий, то очаровывающий, улыбка, по словам Шатобриана, «властная и выразительная», и голос, в котором слышался певучий говор Аяччо. Сколько раз уже говорилось о необычайной работоспособности Наполеона, его гигантской памяти, замечательной силе ума и, разумеется, непреклонной воле организатора. Отмечали его презрение к людям, непомерную гордыню, крайнюю нервозность, ввергавшую его в припадки, похожие на эпилепсию. Впрочем, повторять это — значит слишком доверять мемуарам Бурьена и Шапталя, его опальных соратников. Это был вспыльчивый человек, преданный в дружбе, хотя и не свободный от предубеждений (говорили, будто он недолюбливал Гувиона Сен-Сира и Журдана). Охваченный постоянной тревогой, он не смог ни одобрить, ни отвергнуть представленный ему Фонтаном проект соединения Лувра с Тюильри, а в последние годы Империи, если верить Ронье, порой терял способность принимать решения по военно-стратегическим вопросам. Золотая, а позднее и черная легенды исказили облик Наполеона, переоценив: одна — его достоинства, другая — недостатки. Его письма свидетельствуют о безмерности его натуры, но также и о здравомыслии; о жестокости, но и о сентиментальности. В письме Эжену Богарне от 4 апреля 1806 года он нежен: «В вашем доме должно быть веселее, это важно для счастья вашей супруги и вашего здоровья. Молодую женщину, занимающую к тому же высокое положение в свете, надо развлекать». В мае 1808 года, поздравляя брата Луи с отцовством, он сух: «Приветствую по случаю рождения сына. Назовите принца Шарлем Наполеоном». Речь идет о будущем Наполеоне III.

Каков он был с женщинами? Наполеон как-то признался Гурго: «Я никогда никого не любил по-настоящему, разве что немного Жозефину, да и то потому, что мне было тогда всего двадцать семь». Неверная, расточительная и с причудами (на жарком супружеском ложе ее левретка Фортюне не раз хватала Бонапарта за икры), Жозефина довольно скоро наскучила ему. Император имел как минимум двух внебрачных детей: Леона (1806) от актрисы Элеоноры Данюэль де ла Плень, приятельницы Каролины Бонапарт, и Александра (1810) от Ма-

рии Валевской. Возможно, еще и дочь Эмили, будущую графиню де Бригод, от Франсуазы Марии Леруа. Ни одна из любовных связей — а их было немало — не оказала влияния на жизнь Наполеона: всем им суждено было остаться в истории не более чем минутным развлечением прославленного полководца.

По заведенному распорядку рабочий день императора начинался в семь утра. Придворный маршал Дюрок сообщал ему газетные новости и последние донесения полиции. Затем Наполеон изучал счета армейских поставщиков и беседовал с приближенными. В восемь в своем рабочем кабинете он диктовал секретарям (Бурьену, затем — Меневалю и Фэну) письма и просматривал полицейские сводки. В девять короткие аудиенции, в десять — десятиминутный завтрак, сопровождающийся неизменным разбавленным шамбертеном — привычка, сохранившаяся еще с дореволюционных времен. Затем он возвращался в кабинет к досье, сводкам, донесениям и картам, составленным для него Бакле д'Альбом. В час пополудни он присутствовал на заседаниях совета министров, Государственного или Административного советов. Обедал в пять, однако нередко садился за стол не раньше семи. После обеда задерживался в гостиной в обществе императрицы, знакомился с книжными новинками, отобранными для него его личным библиотекарем Барбье, после чего возвращался в кабинет для завершения дневных дел. В полночь ложился спать, в три часа просыпался, обдумывал наиболее щекотливые вопросы, принимал горячую ванну и около пяти вновь засыпал.

Этот распорядок дня нарушался только переездами и военными кампаниями. Тогда император пересаживался в специальную берлину, оборудованную выдвижными ящиками и отделениями для документов. Перемещался он в сопровождении кавалькады камергеров и адъютантов. Экономя время, он диктовал прямо в карете, а на привалах начальник штаба Бертье или секретари рассылали его распоряжения.

Однако в последние годы Империи начинает сказываться переутомление. Современники констатируют частичное ослабление умственных способностей Наполеона. Неизменным остается лишь созданный пропагандой образ. Мало кто из исторических деятелей приложил столько усилий для сохранения собственного имиджа: треуголка, серый сюртук, рука между пуговицами жилета — эта лубочная картинка (в иных случаях — карикатура) сама диктовала императору манеру себя вести.

Политические взгляды Наполеона

Политические воззрения Наполеона претерпели значительную эволюцию. Дошедшие до нас черновики и наброски, «Письмо Буттафьочо», а также «Ужин в Бокере» являют нам молодого офицера, который накануне Революции искренне и осмотрительно (особенно после поражения на Корсике) ищет идеальную форму правления. Тогда же Наполеон определит ее для себя как Империю. Обретение всей полноты власти не отвлекает его от размышлений о политическом устройстве государства. Он с видимым удовольствием излагает свои взгляды на заседаниях Государственного совета, перед приближенными, в письмах. Каждый конкретный случай служит ему материалом для построения политической философии. Философии, отражающей скорее взгляды Макиавелли, чем Руссо. Впрочем, после Консульства он откажется от нее. 7 июня 1805 года он посылает Эжену Богарне, в то время вице-королю Италии, свои рекомендации: «Покажите этому народу, что вы правите, руководствуясь уважением к нему, — тем большим, чем меньше он его заслуживает. Придет время, когда вы поймете, что народы мало чем отличаются друг от друга». На основании щедро расточаемых в письме советов можно было бы составить новый трактат «Государь». Основополагающим принципом правления должно быть отсутствие гласности. Государю надлежит как можно меньше говорить и как можно больше слушать. «Молчание государя не позволяет подданным определить степень его могущества, — пишет Наполеон. — Если же он заговорит, его речь должна быть исполнена сознанием безграничного превосходства». Государь не должен поощрять доносчиков, а также доверять иностранным послам, ибо «посол, — продолжает император, — ничего хорошего о вас все равно не скажет, так как его профессиональный долг заключается в том, чтобы говорить о вас плохо». Наконец, следует занять непримиримую позицию по отношению к казнокрадам: «Поимка даже одного бесчестного бухгалтера — важная победа администрации». Всякое правительство, по мнению Наполеона, высказанному в другом документе, должно опираться прежде всего на силу: «Слабость порождает гражданские войны; твердость обеспечивает спокойствие и процветание государства». Преодоление унаследованного от Революции кризиса было возможно лишь на путях установления авторитарной власти — Брюмера. Такой власти, которая не была бы подотчетна парламенту английского образца. «Нынешнее правительство, — провозгласил Наполеон в 1804 году, — уже

больше не креатура Законодательного собрания; отныне между ними устанавливаются самые прохладные отношения». Эту мысль Наполеон настойчиво проводит в обращении к нации, или, по терминологии бонапартизма, «обращении к народу»:

«Законодательный корпус стоит на страже общественного достояния; в его обязанности входит принятие законов о налогообложении: если ему вдруг заблагорассудится воспрепятствовать принятию второстепенных законов, я не стану ему противиться; но если в его среде сформируется оппозиция, готовая помешать деятельности правительства, я обращусь к Сенату, воспользовавшись правом пророгации, переизбрания или роспуска, а в случае необходимости прибегну к поддержке Нации, возвышающейся над этой пирамидой».

А вот что он пишет губернатору Голландии Лебрену: «Не для того я взял на себя труд управления Голландией, чтобы прислушиваться к мнению амстердамской черни или поступать так, как угодно другим». Обретя безграничную власть, Наполеон обнаружил еще одну черту своего характера: при такой форме правления, когда все замыкается на одном человеке, самодовольство последнего быстро подавляет всякую конструктивную оппозицию. «Подвластные мне народы Италии хорошо меня знают и должны помнить, что в одном моем мизинце больше ума, чем во всех их головах, вместе взятых». Покровительствуемая успехом самонадеянность весьма скоро превращается в цинизм: «Я давно заметил, что так называемые порядочные люди ни на что не годятся».

И вот диктатура общественного спасения, некогда опиравшаяся на народ («правление именем народа обладает двойным преимуществом: узаконивает пророгацию и подтверждает законность моей власти, которая в противном случае выглядела бы самозваной»), превращается в четвертую династию, которую Наполеон пытается навязать европейским монархиям. «Я дал им понять, что намерен покончить с революциями. Монархи должны быть благодарны мне за то, что я перекрыл поток революционного сознания, грозившего смести их троны. Их престолы рухнут вслед за падением престола моего сына», — доверительно сообщает он Коленкуру. Наполеон приходит к убеждению, что аристократия должна стать главной опорой создаваемой им наследственной монархии: «Это подлинная, единственная основа монархии, ее регулятор, ее рычаг, ее руль, ее действенный стимул». Так Монтескье сменяет Руссо, поддержка нотаблей приносится в жертву интересам старой знати.

Императорская семья

Редко на долю семьи какого-нибудь государственного деятеля выпадает такая же роль, какая выпала на долю ближайших родственников Наполеона. История его взаимоотношений с семьей, занимательно рассказанная Фредериком Массоном, — нескончаемая череда размолвок и примирений. Впрочем, у братьев и сестер императора не было оснований для недовольства. С первых дней существования Империи семья Бонапарта стала династией французских князей с правом престолонаследия. Старший брат Жозеф (1768—1844), которому Наполеон долгое время оказывал известное предпочтение, удостоился отобранного в 1806 году у Бурбонов Неаполитанского королевства, а затем сменил на испанском престоле Карла IV. Луи (1778—1864), женившийся на Гортензии де Богарне, дочери Жозефины, получил в 1806 году Голландское королевство. Выдающийся монарх, он близко к сердцу принял нужды своего государства, пострадавшего от континентальной блокады, что привело его к неизбежному конфликту с братом. Проказник Жером (1784—1860) вывел Бонапарта из себя, женившись на богатой американке мисс Петерсон, однако в 1805 году помирился с ним; через шесть дней после второго бракосочетания, с дочерью вюртембергского короля, состоявшегося 12 августа 1807 года, он стал королем Вестфалии. Лишь Люсьен (1775—1840), самый умный из всех, побывав министром внутренних дел, послом в Испании и членом Трибуната, не удостоился королевства. Он женился на мадам Жубертон вопреки воле своего брата и вынужден был возвратиться в Рим, в свое поместье Канино, возведенное папой в ранг княжества. Элиза (1777—1820), жена безвестного корсиканского офицера Феликса Баччиочи, которого Наполеон ввел в сенат, стала принцессой де Люк и Пьомбино, затем — великой герцогиней Тосканской. Полина (1780—1825), красота которой увековечена в скульптуре Кановы, разведясь с Леклерком, вышла замуж за князя Боргезе. Наконец, Каролина (1782—1839), вышедшая замуж за Мюрата, была увенчана короной великой герцогини Бергской, а затем королевы Неаполитанской.

Став королями, братья Наполеона должны были, по замыслу императора, послушно проводить его политику. 6 мая 1808 года он пишет брату Луи: «Я узнаю из парижских газет, что вы назначаете князей. Настоятельно прошу вас не делать этого. Короли не могут назначать князей. Это прерогатива одного лишь императора». 27 августа 1809 года он напоминает Элизе из Шенбрунна: «Вы — французская подданная и, как все французы, обязаны подчиняться приказам министров».

По мере того как проявлялись пагубные последствия имперской политики, противоречившей интересам вверенных им государств, братья и сестры Наполеона пытались выражать интересы своих народов, посягая на единство Империи. В 1810 году Наполеон пожалел о том, что нараздавал престолы. Рождение римского короля (20 марта 1811 года), по-видимому, изменило его взгляд на Империю: он решил аннексировать неосмотрительно розданные территории в пользу сына. Луи в Голландии пал первой жертвой пересмотра политического курса; затем тучи сгустились над Мюратом. Переориентация политики вызвала возмущение французской общественности, так как отодвигала интересы нации на второй план: в расчет принимались лишь династические амбиции. В итоге семья сослужила Наполеону дурную службу не столько своими интригами, сколько тем, что превратилась в некий клан, эксплуатировавший Францию и Европу ради накопления несметных богатств и удовлетворения своих непомерных аппетитов.

Механизм государственной власти

Хотя республиканский календарь перестал издаваться 1 января 1806 года, а надпись «Французская Республика» гравировалась на монетах до конца 1808 года, личная диктатура Наполеона уже в 1804 году утвердилась как имперская форма правления, не церемонившаяся с законной консульской властью. Постепенно нотабли лишились того влияния, на сохранение которого все-таки рассчитывали вопреки усилившейся консолидации Империи. Воцарилась единая воля, потворствовавшая не интересам буржуазии, а прихотям одного человека.

Министры превратились в рядовых исполнителей: вся их документация отныне проходила через руки императора. В 1804 году Шапталь покинул министерство внутренних дел. Добросовестный Шампаньи сменил в 1807 году Талейрана на посту министра внешних сношений. Впавший в 1810 году в немилость Фуше передал полицию на попечение «жандарма» Савари. Сильные личности, способные оказывать влияние на решения императора, были заменены преданными, но бесталанными исполнителями. В 1811 году учреждается министерство мануфактур и торговли во главе с Коленом де Сюсси, которому передается ряд функций министерства внутренних дел, чересчур разбухшего под руководством Крете, а затем Монталиве. Увеличилось число главных управлений, ограничивших полномочия министров.

Противовес законодательной власти, куда как слабой уже

при Консульстве, окончательно сошел на нет. Даже Трибунат, давно не представлявший собою никакой оппозиции и поделенный Конституцией XII года на три палаты, в 1807 году прекратил свое существование. Сессии Законодательного собрания, состав которого формировался из функционеров нового и старого призыва, сократились до нескольких недель в году. Однако Наполеон намеревался отделаться и от него. В ходе выборов в Национальное собрание 1807 года, призванных обновить на одну треть состав депутатов, в большинстве избирательных коллегий был зафиксирован большой процент самоотводов. Избиратели также бойкотировали формальные выборы. Казалось, что сама власть утратила к ним интерес: в 1812 году предполагалось назначить 399 членов в коллегию округа и 139 — в коллегию департамента Сена. Сенат добровольно отказался от последних претензий на самостоятельность, даже несмотря на ту относительную власть, которой обладали комиссии по свободе печати и индивидуальным правам. Последняя отменила, в частности, решение брюссельского суда присяжных, оправдавшего мэра Антверпена Вербруга, из личной мести обвиненного генеральным комиссаром полиции Бельмаром во взяточничестве и подлоге. Маркиз де Сад, заключенный в Шарантоне, тщетно взывал к этой сенатской комиссии, которая так и не сочла нужным высказаться по его делу.

И Государственный совет, весьма влиятельный в период Консульства, утратил немалую долю своего могущества. По свидетельству Тибодо, Наполеон все реже наведывался на его заседания, предпочитая навязывать свои решения, не прислушиваясь к мнению советников. Впрочем, кое-какое влияние у Совета все же оставалось, ибо, как свидетельствуют обнаруженные недавно записи секретаря Совета Локре на заседании 6 июня 1810 года, Трейяр не менее шести раз отклонял предложения Наполеона, касающиеся работы апелляционного суда. Оказавшись в меньшинстве, император 11 ноября 1813 года вынужден был смириться с результатами голосования. Впрочем, следует принять во внимание, что элита аудиторов, к которой принадлежал и Стендаль, формировалась именно в этом питомнике будущих администраторов. Пойти навстречу Совету означало признать его роль кузницы кадров. После того как были приняты все основные законы, Государственный совет вполне мог сосредоточиться на юридической стороне административной деятельности.

Недолго сохранялась несменяемость кадров и в судах. Решением сенатус-консульта от 12 октября 1807 года назначенной императором сенатской комиссии было поручено взять на себя труд по их обновлению. Закон, принятый 20 апреля

1810 года, реорганизовал судебное ведомство, заменив суды по уголовным делам на суды присяжных, заседавшие в столицах департаментов; присяжные заседатели назначались по списку из 60 человек, составленному префектом. Поимка преступника возлагалась на прокурора. Судебный следователь выносил постановление об аресте. Апелляционные суды были переименованы в имперские.

В префектурах возникло новое поколение, многие представители которого были потомками старого дворянства, более лояльно относившегося к распоряжениям новой власти: Моле, назначенный в 1807 году префектом Кот-д'Ор; Монталиве, сначала префект департамента Ла-Манш, затем Сена и Уаза, возглавивший в 1809 году министерство внутренних дел; Паскье, в 1811 году сменивший Дюбуа в префектуре полиции. Австрийский брак императора ускорил захват префектур старой аристократией (Косе-Бриссак, Ла Тур дю Пэн, Бретей). Семейственность также оставалась в силе. Абриал был сыном бывшего министра, Ренье — влиятельного судьи. Назначение префектов все больше зависело от прихоти императора. Тем же, кто надеялся на длительное пребывание в должности, нередко приходилось кусать себе локти. Директивы администрации носили все более произвольный характер. Они исходили от министерства внутренних дел, полиции, главного управления по рекрутскому набору. Именно этот род деятельности мало-помалу парализовал инициативу префектов, старания которых оценивались, как сообщает Савари императору, равным образом с учетом их происхождения, состояния и «особого расположения Вашего Величества». Они оценивались также по степени влияния, оказываемого ими на генеральные советы, чьим пожеланиям, принятым в ходе «летучек», суждено было навсегда оставаться мертвой буквой. Забвение, в котором пребывали муниципальные власти, усугублялось отсутствием реальной власти у мэров.

Параллельно убыванию, а то и упразднению функций законодательной власти осуществлялось дробление на все более многочисленные главные и окружные управления. Префект Мозеля Воблан отмечает, что в последние годы Империи это дробление привело к тому, что путаница в делах стала неизбежной. В результате тщательно отлаженная административная машина застопорила, столкнувшись со всеобщей подозрительностью и сверхцентрализацией. Накануне битвы при Лейпциге Наполеона вынудили одобрить статьи расходов уполномоченного по административно-финансовой части Сен-Мало, чем отвлекли от предстоящего сражения, имевшего немаловажное значение для будущего Германии.

Отныне Наполеону приходилось единолично решать даже второстепенные вопросы. Если он и собирал послушный совет, то не для ратификации мирного договора или альянса, как это предусматривалось конституцией, а для уточнения формулировки сенатус-консульта. «Император не считал нужным подписывать документы на заседаниях совета министров. Представленный проект декрета сразу же направлялся в соответствующий отдел министерства вместе с докладом и сопроводительными документами. Обложкой к итоговому документу, ждущему его подписи, служил, как правило, лист бумаги с тезисами предлагаемых министрами вариантов проекта. Так что министры уносили с собой после заседания лишь собственные впечатления от того, что говорилось и происходило в их присутствии».

Император отдавал предпочтение деятельности административных советов, заседания которых проходили по понедельникам, четвергам и субботам и часто длились с девяти утра до семи вечера.

«В обязанность административных советов входило всестороннее изучение какого-либо одного вопроса или одной составляющей нескольких вопросов. Как правило, — замечает Фэн, — эти вопросы касались бюджетного финансирования отдельных ведомств, таких, например, как дорожное, инженерных войск или кораблестроения».

Император вызывал на заседания государственных советников, инженеров-специалистов, начальников канцелярий. Сохранились документальные отчеты этих заседаний, в ходе которых каждый мог высказать свое мнение, однако это мнение в лучшем случае принималось во внимание, и лишь императору принадлежало право принятия окончательного решения. Проводя эти заседания, Наполеон получал нужную ему информацию, поскольку в силу одной малоизвестной черты своего характера часто колебался, принимая практические решения. Все это привело в итоге к парадоксальной ситуации, когда административные советы одобряли бюджет Парижа до его рассмотрения генеральным советом, реорганизованным в муниципальный совет столицы, и утверждались без учета мнения парижских нотаблей.

Финансы Империи

Функционирование правительственного аппарата стоило недешево. Чтобы контролировать расходы на его содержание, в 1807 году была учреждена Счетная палата, которую возглавил бывший министр государственного казначейства Барбе-

Марбуа, подвергнутый опале после банкротства Союза объединенных коммерсантов. Наполеон рассчитывал получить необходимые ему средства путем взимания косвенных налогов. Так, с 1804 по 1810 год были восстановлены пошлины на алкогольные напитки. Непопулярный в народе налог на соль был в 1806 году заменен пошлиной. С 1810 года введена государственная монополия на табак.

Главное управление сводных налогов передается в ведение «Анакреона фискальной политики» Франсе де Нанта. На этот раз нотабли и народ объединились в своем недовольстве; вновь начинают взиматься налоги на продовольственные товары и соль, что вызвало волну возмущения, едва не захлестнувшую деревню. Эти меры правительства свидетельствовали о том, что война перестала себя окупать. После кампании 1805 года Наполеон учредил кассу чрезвычайных расходов. Ее администратором был назначен Ла Буйри, а директором — генерал-интендант оккупированных территорий Дарю. С 1805 по 1809 год в кассу чрезвычайных расходов поступило 734 миллиона. Сенатус-консультом 30 января 1810 года была создана государственная казна чрезвычайных расходов во главе с Дефермоном. Император обладал единоличным правом на основании издаваемых им же самим декретов финансировать из этого резерва армию, крупные гражданские и военные мероприятия, общественные работы и культуру. Государственная казна чрезвычайных расходов пополнялась за счет контрибуций и прибыли от выгодного размещения капитала. Однако со времени начала испанской кампании война из доходной превратилась в разорительную. Победа над Австрией в 1809 году стала последней финансовой «инъекцией» при не вполне ясных обстоятельствах, после чего разразилась катастрофа, предсказанная экономистом Франсисом д'Ивернуа.

Система образования

По замыслу Наполеона кузницей профессиональных кадров Империи должен был стать Университет. «Без преподавательского корпуса, сплоченного на основе единого принципа, невозможно единое политическое государство», — говорил император. Закон от 11 флореаля X года, введший систему лицейского образования, не оправдал возлагавшихся на него надежд. Разношерстный преподавательский состав не отвечал предъявляемым требованиям, обучение было чрезмерно милитаризованным, финансирование — недостаточным. Буржуазия бойкотировала эту новую форму образования. Лицеи не

выдерживали конкуренции с частными учебными заведениями. 10 мая 1806 года был принят закон о создании «Университета — образовательного и просветительского учебного заведения Империи». Профессорско-преподавательскому составу предписывалось взять на себя «гражданские, профессиональные и договорные обязательства». Фуркруа взялся за разработку практической стороны закона. На рассмотрение поступило 20 проектов, после чего 17 марта 1808 года вышел декрет, содержащий 144 статьи, закладывавшие «основы образования в учебных заведениях Университета». Декрет закреплял за Университетом монополию на образование. Университет Империи во главе с магистром, ученым советом и корпусом генеральных инспекторов был разделен на академии; каждая академия, в свою очередь, возглавлялась ректором, советом и инспекторами. Магистр выдавал разрешительные лицензии преподавателям и учебным заведениям, каждое из которых выплачивало Университету ежегодную дань. Образование включало три ступени: начальное, руководство которым Наполеон поручил монахам конгрегации «Христианское вероучение»; среднее, получаемое в лицеях и коммунальных школах, и высшее — на факультетах филологии, естественных наук, права, медицины и теологии Университета. Именно в эпоху Империи стала престижной степень бакалавра, обладание которой открывало путь в высший свет. Преподавателей по-прежнему готовила реорганизованная в 1810 году Эколь Нормаль. Посредством системы образования Наполеон утверждал свою волю в деле формирования новой профессиональной элиты. Нотабли мгновенно раскусили намерение Наполеона. В целом создание Университета Империи вызвало негативную реакцию общества; в итоге он не выполнил возложенной на него задачи.

Поэт Луи де Фонтан сменил на посту магистра Университета автора проекта декрета Фуркруа, который, не пережив этой опалы, скончался. Он был смещен в наказание за свое революционное прошлое. Что же касается Фонтана, то, возможно, соглашаясь на эту должность, он рассчитывал на теплое местечко, но, вероятнее всего, надеялся обеспечить собственное будущее, отстаивая интересы церкви, для которой создание Университета означало потерю контроля над образованием. Он ввел в состав совета Университета таких католиков-ультрамонтанов, как Бональд и аббат Эмери, и утвердил на должности директоров, надзирателей и преподавателей лицеев множество священнослужителей. Этим он предал императора и поддержал католицизм.

И все же государственная монополия на образование не была такой уж безграничной: наряду с духовными семинария-

ми функционировали частные школы и пансионы. Правда, и они, номинально входившие в корпус учебных заведений Университета, контролировались инспекторами. Несмотря на это, частные заведения, прежде всего духовные училища и семинарии, успешно конкурировали с лицеями.

Скандал, разразившийся в 1810 году в Сен-Поль-де-Леоне в связи с преобразованием средней школы в духовное училище, вызвал гнев Наполеона: «Передайте магистру Университета, что ему пристало иметь дело с префектами, а не епископами и не превращать народное образование в дело о котериях и происках церковников». 17 июля 1809 года министр полиции направил префектам циркуляр с требованием представить сведения о положении дел в системе лицейского образования. Полученные данные подтвердили авторитет духовных учебных заведений и растущую популярность церкви в молодежной среде. Будущие представители элиты явно не хотели попадать в расставленные Наполеоном сети. Декрет от 15 ноября 1811 года внес изменения и дополнения в декрет от 17 марта 1808 года: духовные училища переводились в подчинение Университету. Каждому департаменту разрешалось иметь не более одной духовной школы, а ее ученики были обязаны носить сутану. В этих школах и пансионах обучение сводилось к элементарной зубрежке. С другой стороны, даже студентам духовных училищ надлежало пройти лицейский курс. По данным на 1813 год, приведенным в трактате Монталиве «О положении в Империи», в лицеях и коллежах должно было учиться 68 тысяч, а в частных учебных заведениях — 47 тысяч школьников. Однако, не без пособничества Фонтана и его инспекторов, епископам удавалось обходить данный декрет. Гизо писал в 1816 году, что администрация Университета Империи «неустанно пропагандировала религиозные принципы, набожность, благочестие». Все это делалось в угоду нотаблям.

Отмежевание нотаблей

Постепенно, по мере того как обнаруживалась авторитарная природа власти, буржуазия начала проявлять признаки беспокойства. Ее цезаристские настроения сменились глубоким разочарованием политикой правительства, игнорировавшего интересы нотаблей и преследовавшего лишь собственные корыстные цели. Вместе с тем у нее оставалось все меньше возможностей для выражения своего недовольства и подрыва основ режима. Торговая палата Парижа заявила, что война пагубно отражается на торговле. «Неопределенность

сроков войны, — говорилось в протоколах палаты, — усугубляет положение, не позволяя заключать торговые сделки, которые с наступлением мира обернутся разорением». Циркуляр от 31 марта 1806 года запретил публикацию и какое бы то ни было оглашение аналогичных обращений палаты без санкции министерства внутренних дел. Парижская буржуазия лишилась возможности выражать свое мнение через генеральный совет мануфактур, которому было запрещено обнародование проходивших на его заседаниях обсуждений.

Создание 5 февраля 1810 года Главного управления полиграфии и книготорговли и увольнение типографских рабочих предвещали не заставившее себя долго ждать дальнейшее наступление на гласность. Декрет от 3 августа 1810 года разрешал каждому департаменту издавать не более одной газеты. В порядке исключения допускались одноразовые выпуски литературных и научных газет, а также печатание объявлений о продаже недвижимости и перемещении товара. К октябрю 1811 года число парижских газет сократилось до четырех: «Монитор», «Газетт де Франс», «Журналь де Пари» и конфискованная 18 февраля 1811 года у братьев Берген «Журналь де Деба», переименованная в «Журналь де л'Ампир».

Полиция взяла эти газеты под неусыпный контроль. В довершение ко всему 17 сентября 1811 года Компьенский декрет конфисковал все парижские газеты в пользу государства. Барыши поделили полицейские, придворные и писатели. За всю свою историю Франция не знала такого драконовского режима. В результате читатели получили угрюмые, пошлые, полностью подконтрольные правительству листки, начисто лишенные интереса. На излете Империи выяснилось, что парижского буржуа лишили кофе, сахара и газет. Этого он вынести уже не мог.

Буржуазия, пострадавшая в свое время от революционного террора, с трудом переносила усиление полицейского гнета имперской власти. С возвращением Фуше на набережную Вольтера деятельность полиции стала устрашающе эффективной. Фуше разделил свое ведомство сначала на три, затем — на четыре департамента, которые возглавили государственные советники: Реаль, Пеле де ла Лозер и префект полиции Дюбуа. Демаре была поручена служба безопасности, призванная своевременно распутывать интриги и заговоры. За исключением одного-единственного «прокола» — заговора генерала Мале (1808), допущенного в результате подогреваемого Наполеоном соперничества двух параллельных служб (министерства и префектуры полиции), соперничества, усложнившего механизм расследования, полиция неплохо справлялась с возложенны-

ми на нее обязанностями: все попытки Пюизе внедрить свою лондонскую агентуру провалились. 9 января 1808 года был казнен заговорщик Ле Шевалье; 5 июня того же года был арестован Прижан, подготавливавший восстание на западе.

Но Фуше умел быть лояльным и по отношению к Фобур-Сен-Жермен[1], смягчив, к примеру, условия содержания под стражей де Полиньяка. Его отставка напугала нотаблей. Сменившему Фуше Савари явно недоставало изощренности «лионского расстрельщика»[2]. Савари не только демонстрировал свою брутальность в Испании, но и совершал одну оплошность за другой. Так, он надумал снабдить прислугу богатых домов расчетными книжками. Все усмотрели в этом очередной способ надзора за «добропорядочными семьями». Инициатива Савари вызвала всеобщее негодование, и хозяева практически не пользовались этими книжками. Под предлогом «сбора статистических данных о моральном и социальном облике граждан» Савари задался целью составить досье на всю Францию, вмешиваясь в процедуру заключения брака богатыми наследницами и девицами из аристократических семейств. Такое вторжение сыска в личную жизнь окончательно дискредитировало ведомство с набережной Вольтера. Не Фуше создал миф об имперской полиции, напротив, он постарался сделать ее как можно менее заметной. Бесцеремонный характер контроля, постепенно взятый на вооружение режимом, проявился в промахах Савари.

Если абсолютная монархия, согласно знаменитой формуле Сен-Симона, была «долговременным царством подлой буржуазии» (мнение, ни в малейшей степени не разделяемое самой буржуазией), то имперская форма правления после 1807 года перестала быть властью одного класса — той же буржуазии, — став игрушкой в руках Наполеона. Получилось нечто прямо противоположное ожидаемому. Надеялись на постепенную эволюцию от диктатуры общественного спасения к конституционному правительству либерального типа. На деле же, как подчеркивает Моле, «гений Наполеона, вся его человеческая природа противились любому разделению власти. Единоначалие составляло, по его мнению, непременное условие сильного правительства; власть, подвергаемая критике, ограниченная, сдерживаемая — обречена на колебания, ей недоступны те мгновенные озарения, благодаря которым Наполеон совершал свои чудеса... Когда же его звезда начала угасать, — добавляет Моле, — известно ли вам, в чем он видел выход из затруд-

---

[1] Аристократический район Парижа.

[2] Так окрестили Фуше за расстрелы картечью населения Лиона после подавления восстания 1793 года.

нений и прочные основания для будущего? Он упрекал себя в том, что наделил Законодательный корпус слишком большой свободой, а сенат — слишком большим авторитетом».

Разве могли нотабли, без сожаления наблюдавшие за тем, как канул в Лету старый режим, допустить, чтобы порядок сменился авантюризмом, а авторитет власти — тиранией?

Глава II

ПРОСЧЕТ: ДВОРЯНСТВО И ИМПЕРИЯ

«Нелепый предрассудок эгалитаризма все еще остается религией лавочников», — предупреждал якобинец Фуше. Наполеон не внял его предостережениям. Первую ошибку — создание дворянства — он допустил еще до начала войны в Испании. Тогда он сказал: «Революцию совершило тщеславие; свобода была лишь предлогом». Открывая нотаблям доступ к новым титулам, Наполеон надеялся заставить их смириться с упразднением свобод. Кроме того, он рассчитывал амальгамировать революционную буржуазию со старой аристократией, противопоставив ее Бурбонам. Двойной просчет: старая знать служила узурпатору спустя рукава, а в торговых лавках, если верить Фуше, всерьез скорбели об утрате равенства. Заволновалась и деревня: неужели, несмотря на данную императором в 1804 году клятву, в стране возродится феодализм? Словом, реакцию общественности никак нельзя было назвать восторженной.

Этапы одного творения

Идея равенства так укоренилась, что Наполеону пришлось потратить восемь лет на создание нового дворянства, хотя уже с 1804 года никто не питал иллюзий относительно характера наполеоновского режима. «Нация не созрела для двух вещей, — признавался Первый Консул Редереру, — для наследственных должностей и дворянства. Наследное дворянство, происхождение которого обусловливалось благотворными деяниями и великими заслугами перед отечеством, не сумело удержать позиции. И все же оно куда приемлемее новой знати, которая не преминет вознестись над своей ровней».

Составленные избирательными коллегиями списки нотаблей — влиятельных людей, которые могли бы стать родоначальниками новой аристократии, исчезли после принятия Конституции X года. Администрация Империи проявила безразличие к факту их исчезновения. По мнению Редерера, На-

полеон был против этих списков, видя в нотаблях новую, рожденную Революцией знать, которая вышла бы из-под его контроля. Вот причина проявленного Империей безразличия к деятельности избирательных коллегий.

Можно ли рассматривать учреждение ордена Почетного легиона как шаг к возрождению знати, шаг, сделанный на сей раз самим Наполеоном? Не преследовал ли он цель создать элиту, аналогичную той, что была внесена в списки нотаблей, способную служить опорой консульскому правительству? Элиту, которая в отличие от предложенной избирательными коллегиями выделялась бы не своим богатством, но заслугами перед государством, а также тем, что была бы сформирована самим Первым Консулом?

30 июля 1791 года Учредительное собрание упразднило «все внешние признаки, указывающие на различие в происхождении», однако воздержалось от вынесения постановления относительно «общенационального знака отличия, присуждаемого лицам, отличившимся доблестью, талантами и заслугами перед государством». Конвент оговорил, что награды присуждаются «гражданам, славно послужившим отечеству». Наконец, Директория пополняла число воинских наград именным оружием. Эти знаки отличия ни в коей мере не посягали на принцип равенства. Они попросту не присуждались гражданским лицам. Учреждение Бонапартом ордена Почетного легиона расширяло границы поощрения. Он осуществил то, на что не отважилось Учредительное собрание. Слово «орден» не фигурировало в проекте закона, а древнеримское «легион» должно было успокоить общественность. Это, однако, не помешало Государственному совету подвергнуть проект решительной критике. На одном из его заседаний Берлье воскликнул: «Предлагаемый нам орден приведет к возрождению аристократии: кресты и ленты — монархические побрякушки!» — «Почему бы не рассматривать это нововведение в качестве единой награды для военных и гражданских лиц? Разве у людей, которые первыми подняли руку на деспотизм и провозгласили свободу, не те же права, что и у воинов, защитивших родину от чужеземцев?» — возразил Бонапарт. Не менее бурные дебаты развернулись в Трибунате. В Законодательном собрании на 166 голосов, поданных «за», пришлось 110 голосов «против». Основанный на присяге и наделенный земельными владениями, Почетный легион представлял собою в зародыше новое дворянство.

Следующим этапом в деле создания новой французской аристократии стали жалования сенаторам — сенатории. Сенатус-консультом 14 нивоза XI года предусматривалось учреждение одной сенатории на каждый апелляционный суд

большой инстанции — своего рода административной единицы, за которую сенатор нес моральную ответственность. К сенатории прилагались дом и годовой доход из фонда национального имущества в 20—25 тысяч франков, предназначенных для покрытия представительных и дорожных расходов сенатора, обязанного какую-то часть года жить в своей сенатории. Если бы сенатории не передавались по наследству, они не воспринимались бы как возврат к феодализму и не оскорбляли бы эгалитарных чувств французов.

Подобно спискам нотаблей, орден Почетного легиона и сенатории представляли собою в конечном счете попытку возрождения дворянства. В конце 1804 года орден по непонятным причинам испытал финансовый кризис. Декретом от 28 февраля 1809 года он был лишен земельных наделов, находящихся в ведении когорт. В порядке компенсации ему было выплачено 2 миллиона 82 тысячи франков ренты при стабильных 5 процентах годовых. Это событие решило судьбу ордена: обретя поначалу благодаря своим земельным владениям значительное влияние, он перестал играть роль оплота аристократии, сделавшись тем, чем был в момент своего возникновения — обычной наградой.

Когда владельцы некоторых сенаторий обнаружили, что их доходы поступали от весьма удаленных друг от друга владений, их постигло глубокое разочарование. Так, в сенаторию Ажана входили национальные поместья, расположенные в департаментах Жер, Ло-и-Гаронна, Сена-и-Уаза, Эр-и-Луара, что существенно осложняло получение доходов владельцами сенатории. Приведенный пример — скорее правило, чем исключение. «Управлять здесь трудно и разорительно, прибыль ничтожна, владелец приходит в отчаяние от непрерывной борьбы за получение причитающегося ему дохода», — жаловался владелец сенатории Риома. В Бурже Гарнье-ле-Буассьер сокрушается с связи с «существованием скудных и изолированных друг от друга наделов, требовавших для обработки большого числа мелких арендаторов, сомнительная платежеспособность которых нередко оборачивается либо убытками, либо тяжкими пререканиями». Словом, таким феодам не удавалось стать княжествами.

Предрешенный исход

Бонапарт хотел править такой Францией, в которой аристократия получала бы богатство и должности лишь из рук императора. Что касается брюмерианцев, то они хотели бы тако-

го дворянства, которое автоматически освящало бы непреходящий характер их власти. Наполеона такой вариант не устраивал. Недоверие к нотаблям побудило его ограничить роль избирательных коллегий и приостановить раздачу сенаторий, мотивируя свое решение ссылкой на разрозненность национальных угодий. Труднее объяснить довольно быстро наступившее охлаждение Наполеона к ордену Почетного легиона. Наметившееся к 1805 году падение его престижа свидетельствует о том, что император, вероятно, задался целью низвести его до уровня обыкновенного знака отличия, каковым орден и по сей день остается в нашей Республике.

Дворянство возрождается в Тюильри вместе с возникновением двора. Весьма скромный поначалу дом Первого Консула обретает со временем облик королевского дворца. Состоявшийся в 1801 году прием знати Этрурии повлек за собой расширение протокольного отдела и возвращение к ливреям. Официальная роскошь выставляется напоказ. Сапоги и брюки уступают место туфлям с пряжками, шелковым чулкам и коротким панталонам. Неопубликованное постановление от 12 ноября 1801 года учреждает должности одного гофмейстера и четырех префектов дворца. Множатся не только оказываемые Жозефине почести, возрастает значение благородного женского общества в окружении супруги Первого Консула: мадам де Люсей, де Лористон, де Талуэ и другие. Введение пожизненного консульства углубляет тенденцию, которая станет нормой после провозглашения Империи. Но сколько всему этому предшествовало предосторожностей! И сколько оговорок было сделано при восстановлении высокооплачиваемых государственных должностей! «Поначалу весь этот маскарад вызывал улыбку, однако скоро к нему привыкли», — читаем в мемуарах Фуше. Моле, со своей стороны, добавляет: «Бонапарт испытывал неловкость, представая перед республиканцами и солдатами своей армии во всем великолепии верховной власти». Сдержанное негодование проявляли не только военные, но и буржуазия. Многие с беспокойством наблюдали за возвращением эмигрантов. Кто еще выиграет от восстановления дворянства, как не старая аристократия? Фьеве зрел в корень; в декабрьской заметке 1802 года, анализируя реакцию общественности, он писал: «Нелегко понять, каким образом создается или воссоздается знать, если титулы, первоначально соответствовавшие занимаемой должности, а затем, по причине злоупотреблений, превратившиеся в персональные и наследственные, могут возродиться на том этапе, на каком они были упразднены».

Между тем возрождение монархических форм власти сдела-

ло восстановление дворянства неизбежным. Декрет от 30 марта 1806 года, закрепивший за членами императорской семьи княжеские титулы, нанес первый урон принципу равенства: «Положение принцев, призванных править огромной империей, укрепляя ее союзами, и положение остальных французов никак не могло быть равноправным». Подтверждением этому служила матримониальная политика раздающего короны императора. Что уж говорить о других изданных в тот же день декретах? Принцесса Полина и ее супруг, принц Боргезе, получили Гасталийское княжество, принц Иоахим Мюрат — Клевское и Бергское княжества, Бертье удостоился Нёшатель. На территории Пармы и Пьяченцы возникли три графства, так называемые большие феоды. «Мы оставляем за собой право даровать вышеозначенные феоды кому пожелаем, объявляя их наследственными владениями, переходящими по наследству как законным, так и внебрачным потомкам мужского пола», — заявлял Наполеон. Это ли не возрождение дворянства, хотя бы и с помощью чужеземных феодов?

Но решительный и бесповоротный шаг был сделан императором два года спустя. Декрет от 1 марта 1808 года восстановил все старые дворянские титулы, за исключением виконта и маркиза. Высшие должностные лица Империи носили титулы принцев. К ним почтительно обращались «ваше высочество». Министры, сенаторы, пожизненные государственные советники, председатели Законодательного корпуса и архиепископы были графами. Председатели избирательных коллегий, первые председатели кассационного суда и Счетной палаты, епископы и мэры 37 славных городов получили баронство. Предполагалось также восстановление титула шевалье. Возрождение атрибутов старой аристократии сопровождалось восстановлением геральдического права. Учрежденный вторым декретом 1 марта 1808 года Совет юстиции титулов, в составе великого канцлера, трех сенаторов, двух государственных советников, одного генерального прокурора и одного генерального секретаря, рассматривал спорные геральдические вопросы и представлял свои решения на утверждение императору. Наполеон нашел остроумный компромисс между слабостью французов к почестям и провозглашенным в 1789 году равенством. Титул дворянина Империи не предоставлял никаких привилегий, не освобождал от уплаты налогов и исполнения законов. Иными словами, он не мог повлечь за собой восстановление феодальных прав. Хотя новые должностные лица нередко получали высокие оклады, эти оклады не были платой за соответствующий титул. Земельное владение, название которого иногда присоединялось к титулу, находилось за пределами Франции.

Титулами вознаграждались услуги, оказанные государству в гражданской и военной областях. Они были аналогичны древнеримским знакам отличия, которые не давали ничего, кроме полагавшихся их носителям почестей. Грамота, даровавшая маршалу Лефевру титул герцога Данцигского, раскрывает намерения императора.

«Желая засвидетельствовать нашему кузену, маршалу и сенатору Лефевру расположение за всегда отличавшие его верность и преданность и выразить признательность за выдающиеся заслуги, оказанные им в первый день нашего царствования (то есть 19 брюмера), а также за те, которые он не переставал нам с тех пор оказывать, украсив их недавно очередным блистательным подвигом — взятием города Данцига; желая также увековечить особым титулом это славное и достопамятное событие, мы решили пожаловать и настоящим жалуем ему титул герцога Данцигского с земельным наделом, расположенным в границах наших государств.

Мы желаем, чтобы вышеозначенное герцогство Данцигское стало владением нашего кузена, маршала и сенатора Лефевра, и передавалось по наследству его сыновьям, как законным, так и внебрачным, по праву первородства, в полную их собственность, под ответственность, на условиях и со всеми правами, титулами, почестями и прерогативами, определенными для герцогств конституциями Империи».

Следует особо отметить, что император не пожаловал маршалу ни имения, ни ренты, ни усадьбы в Данциге или его окрестностях. Дарованный титул — не более чем признание ратных заслуг, *cognomen*, по древнеримскому обычаю. Такого рода пожалования всегда обеспечивались доходами с земель, расположенных за пределами Франции. Этим Наполеон отдавал дань уважения общественному мнению, нетерпимому к любым формам феодализма, но также выражал и твердую решимость связать судьбу нового дворянства с будущим великой Империи.

Эти персональные титулы не наследовались, оставаясь признанием личных заслуг одного человека, а не всей семьи, как прежде. Впрочем, титул переходил по наследству в случае приобретения майората. Такой майорат должен был основываться на капитале, который передавался по наследству. Он мог включать в себя не обремененную ипотекой недвижимость, акции Французского банка или государственную ренту, размеры которой соответствовали титулу. Замысел императора нетрудно угадать. Воспоминания о трудной молодости в разоряющемся накануне Революции дворянстве привели его к мысли восстановить титулы, не возрождая феодализма, и обеспечить их хотя бы доходами от майората.

Такое доступное для всех дворянство рекрутировалось главным образом из среды военных, функционеров и нотаблей, правда, со значительной диспропорцией в соотношении: 59 процентов приходилось на военных, 22 — на функционеров (государственных советников, префектов, епископов, судейских) и лишь 17 процентов — на нотаблей (в эту группу входили также служащие государственных учреждений, сенаторы, члены избирательных коллегий, мэры). Доля коммерсантов, промышленников, людей искусств и представителей свободных профессий (врачей, адвокатов) была незначительной.

Скрытое недовольство, и в этом нет ничего удивительного, исходило именно из этих кругов. «Одним из неотъемлемых принципов торговли является то, что ею могут заниматься лишь равноправные люди. Наполеон же во что бы то ни стало стремился к установлению иерархии», — записал в дневнике Оттингер. «Финансисты выражают недовольство, — добавлял Фьеве, — тем, что социальные различия, основанные на воспоминаниях о классовом расслоении и служебном положении, оттесняют их на задний план».

Труднее понять чувства других нотаблей, поскольку дворянство присуждалось, как правило, автоматически, вместе с должностью сенатора, государственного советника и т. п. Лишь в отношении к майорату можно судить о характере вызываемого им интереса. Не исключено, что у нотаблей он был не столь велик, как можно было бы предположить. Между тем Совет юстиции титулов очень быстро заработал с перегрузкой. Так, на заседании 28 октября 1808 года рассматривался вопрос о присуждении майоратов графам Лафорету, Шовлену, Мероду де Вестерлоо, Даржюзону, председателю избирательной коллегии департамента Мэн-и-Луара Контаду, главному королевскому казначею Эстеву, аудитору Государственного совета Перего, председателю избирательной коллегии департамента Финистер Вальдарж-Серрану, камергеру Мерси д'Аржанто, мэру Монса Дювалюде Больё и т. д. Среди баронов, дела которых рассматривались Советом в тот день, было 9 префектов, 10 членов избирательных коллегий, несколько судейских. Правда, было и много неявившихся на заседание. Почему бы это?

Ажиотаж по поводу титулов разгорелся и среди военных. «Через мои руки прошло множество прошений, — свидетельствует член Совета юстиции титулов Паскье, — с ходатайствами о продвижении в дворянстве, словно речь шла о присвоении очередного воинского звания». Заигрывая со старой аристократией, Наполеон надеялся объединить ее с новой: на 23 процента древних родов приходилось 58 процентов бюргерских. Однако последние, хотя и составляли большинство, с

беспокойством следили за возрастанием роли старой знати при дворе и префектурах. Возобновилась борьба самолюбий, воскресла взаимная ненависть. Не было ли создание дворянства Империи лишь предлогом для возведения прежних хозяев жизни на вершину иерархической лестницы? Судя по некоторым отчетам префектов, содержащих анализ общественного мнения, такое предположение имело реальные основания. И все же Наполеону не вполне удалось привлечь на свою сторону старую элиту. Нет слов, дворянство Империи пестрит выдающимися именами: Ноайль, Монморанси, Тюренн, Монтескью. Разумеется, немалую роль в переходе потомственной аристократии на службу Империи сыграли престижные должности и высокие оклады. Но был ли искренним этот союз? Паскье признавался, что согласился на сотрудничество с Наполеоном исключительно ради того, чтобы обеспечить себе будущее.

По-видимому, следует признать, что попытка создания дворянства в Империи была ошибкой и окончилась провалом. Ошибкой постольку, поскольку брюмерианцы не стремились к возрождению аристократии. Доказательством может служить сопротивление Законодательного корпуса учреждению ордена Почетного легиона. Эгалитаризм во Франции имеет тенденцию к нивелировке по нижнему социальному уровню: легче уничтожить вышестоящие классы, чем сравняться с ними. В этом — причина негодования, вызванного не лишенным, впрочем, здравомыслия призывом Гизо, который в эпоху Июльской монархии на требования понизить имущественный ценз ответил: «Обогащайтесь!» Нотабли приняли подаренные им почести и возомнили себя знатными. Паскье иронизирует над Гарнье, который критически относился к институту дворянства, однако «графский титул куда как нежно щекотал его ухо». Словом, выдвиженцы не испытывали признательности режиму.

В этом — причина катастрофы: дворянство Империи не стало опорой династии, на что так надеялся Наполеон. В 1812 году он признался Коленкуру, что институт дворянства не оправдал его ожиданий. Два года спустя старое дворянство вернуло себе все прежние титулы, а новое предало императора забвению.

Глава III

КРЕН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ: ТРЯСИНА ИСПАНСКОЙ ВОЙНЫ

Решение о непосредственном вторжении в Испанию Наполеон принял после Тильзита. С 1788 года на Иберийском полуострове царствовал благодушный и слабовольный Карл IV, пе-

редавший бразды правления своей супруге Марии Луизе Пармской и премьер-министру Годою. Приход к власти Карла IV совпал с концом эпохи великих колониальных завоеваний, удесятеривших доходы метрополии, которые не привели при этом к чудовищной инфляции, поразившей страну в XVI веке. Однако не вся Испания была в равной степени вовлечена в процесс преобразований: аристократов и крестьян Галисии и Андалузии, в отличие от буржуазии Кадикса и Барселоны, не затронули прогрессивные идеи Просвещения. Наметилось противостояние двух Испаний: одна откликнулась на новые веяния, другая оставалась консервативной. Годой, ставший в двадцать пять лет первым министром, прекрасно понимал это; несмотря на свою непопулярность, объяснявшуюся стремительным взлетом, он ухитрялся сохранять равновесие между «темной» и «просвещенной» Испанией. Для этого ему приходилось вести сложную дипломатическую игру, которую он проиграл, не оказав сопротивления наполеоновскому нашествию.

Война с Испанией началась по личной инициативе Наполеона, хотя его и подталкивали к ней Талейран и Мюрат.

Первая ошибка императора состояла в том, что представление о гибнущей Испании, навязываемое рассказами путешественников и отчетами дипломатов, побуждало его взять на себя роль спасителя, который может преобразить полуостров. Точнее, совершить очередной брюмерианский переворот.

Хотя Испания пострадала от континентальной блокады, кризис затронул в основном лишь промышленную и торговую Каталонию, Валенсию и Кадикс. Не сказался он и на демографическом росте в стране, население которой увеличилось с 9 миллионов в 1765 году до 12 миллионов в 1808 году. Эта жизнестойкость не охладила воинственного пыла Наполеона. Вторая ошибка: императору казалось, что в этой войне народ Франции его поддержит. Его ослеплял успех кампаний 1805—1806 годов, которые были приняты общественностью, расценившей их как продолжение войн за Революцию. Иная ситуация сложилась в Испании. Здесь Наполеон руководствовался забытым после 1789 года династическим интересом: Бурбонов должны сменить Бонапарты. Такой была в конечном счете цель войны. Наполеону хотелось думать, что эта смена династий будет с одобрением встречена во Франции: помимо перспективы присвоения испанских сокровищ, она давала возможность насадить революционные идеи 1789 года в стране, стонущей под гнетом реакционного режима, вовлечь Испанию в орбиту французской политики, интегрировать ее в систему государств европейского континента.

На деле начало испанской авантюры вызвало кислую мину

даже на лицах жителей Бордо. За исключением кое-каких деловых кругов, прельстившихся на мгновение испанской шерстью и латиноамериканскими рудниками, война в Испании, судя по отчетам префектов, содержащих анализ общественного мнения, была неодобрительно встречена даже на юге. Идея естественных границ слишком глубоко вошла в сознание французов: нотабли с беспокойством наблюдали за военными действиями, разворачивающимися по ту сторону Пиренеев. Их реакция стала первым симптомом расхождения между Наполеоном и французской буржуазией.

Внешняя политика Годоя

Подписав в 1795 году Базельский мир, положивший конец войне между Испанией и Францией, Годой, прозванный по этому случаю «князем-миротворцем», начал проводить политику сближения с Республикой. По Сент-Ильдефонскому договору, Испания стала в 1796 году весьма ценным союзником Франции. Посол в Испании Люсьен Бонапарт делал все, чтобы поссорить Мадрид с Португалией — экономическим бастионом Англии на континенте. Назначенный главнокомандующим испанскими войсками, Годой разгромил армию соседа и оккупировал его территорию прежде, чем англичане успели что-либо предпринять. Буржуазия Кадикса, быстро уставшая от войны, приветствовала Амьенский мир. Затянувшаяся пауза в торговле с колониями расстроила испанские финансы: покупательная способность бумажных денег упала на 70 процентов. Вот почему, когда англо-французский конфликт возобновился, Годой постарался сохранить нейтралитет. 19 сентября 1803 года Бонапарту пришлось направить Карлу IV гневное письмо, раскрывающее последнему глаза на «глубокую яму, вырытую Англией под троном, на котором нынешняя испанская династия восседает уже сто лет», и разоблачающее происки Годоя — «подлинного короля Испании». Карл IV внял предостережениям, и испанский флот стал участвовать в морских сражениях Франции вплоть до трафальгарской катастрофы. Решив, что фортуна отвернулась от Наполеона, Годой призвал испанцев к оружию против врага, чье имя не называлось, но легко угадывалось. Годой предложил антифранцузской коалиции осуществить в Пиренеях отвлекающий маневр, а после захвата британской эскадрой Буэнос-Айреса начал переговоры с Лондоном. Поражение антифранцузской коалиции открыло премьер-министру всю глубину его ошибки. Ранее ее совершили неаполитанские Бурбоны, которые в

нарушение договора о нейтралитете с Францией впустили на территорию своего королевства англо-русскую армию. Что касается Португалии, то она по-прежнему испытывала на себе экономическое давление Англии, скорее, впрочем, демонстративное, чем реальное: в 1806 году в ее портах бросило якорь 354 корабля под британским флагом. «Нейтралитет» Португалии, снабжавшей Францию колониальными товарами, утратил свое значение. Все это вместе взятое побудило Наполеона начать борьбу за подчинение средиземноморских государств французскому влиянию.

Первый удар пришелся по неаполитанским Бурбонам. В воззвании 27 декабря 1805 года Наполеон одним росчерком пера сверг их с престола: «Неаполитанская династия прекращает свое царствование: она угрожает миру в Европе и бросает тень на мою корону». Возведенный в ранг монарха Жозеф Бонапарт тут же вступил во владение королевством, которое оставили ему Мария Каролина и Фердинанд IV, приютившиеся на Сицилии. Пришлось, правда, умиротворять Калабрию, а Мессинский пролив так и не перешел под контроль Франции.

Затем Наполеон принялся за Португалию, отказывавшуюся участвовать в континентальной блокаде. Еще в октябре 1806 года он заявил испанскому послу: «Я рассчитываю на помощь Испании, чтобы включить Португалию в мою систему». Многие испанцы были против этой интервенции; они полагали — и недавние исследования португальских историков подтверждают справедливость их взглядов, — что не следует переоценивать доли Великобритании в португальской торговле и что оккупация Португалии приведет к захвату англичанами Бразилии, а затем и Испании.

Что касается Годоя, то в надежде на получение лузитанского княжества он спровоцировал императора на войну с Брагантским королевством. По Фонтенблоскому договору Португалия подлежала переделу в октябре 1807 года. Юг передавался Годою, север — королеве Этрурии (у которой Наполеон собирался аннексировать ее итальянские владения). Центр со столицей был оставлен на закуску. Жюно с двадцатипятитысячным отрядом занял Лиссабон 30 ноября 1807 года. Королевская семья бежала в Бразилию: она не угодила Наполеону, не сразу закрыв португальские порты для британских торговых судов.

Несмотря на настойчивые призывы либералов и франкопортугальцев (таких, например, как промышленник Раттон), Жюно не торопился с проведением реформ. Он безучастно отнесся к указаниям Наполеона ввести Гражданский кодекс в Португальском королевстве, ограничившись созданием пор-

тугальского легиона. Быть может, он рассчитывал стать королем центральной части Португалии... На этот счет существует немало бездоказательных утверждений. Так или иначе, его бездеятельность скомпрометировала французов.

Принеся королевства Этрурии и Португалии в жертву своим амбициям, Годой открыл армии Наполеона границы Испании.

Байоннская ловушка

Легкость, с какой Наполеон лишил трона неаполитанских Бурбонов, вдохновила его на проведение аналогичной операции в Мадриде. И действительно, под предлогом защиты Португалии от военных посягательств Англии французские войска без труда проникли на полуостров. Более того, мадридский двор даже склонял Наполеона к вмешательству в испанские дела. Инфант Фердинанд, принц Астурии, направляемый своим наставником, каноником Эскуагницем, вынашивал план низвержения Годоя. Находя поддержку у французского посла, он написал Наполеону 11 октября 1807 года письмо, в котором выразил готовность жениться на принцессе из семьи императора в обмен на помощь в борьбе с фаворитом. Раскрыв «заговор Эскориала», Годой убеждал Карла IV арестовать сына; последний воззвал к отцовскому милосердию. «Государь мой, папочка, я совершил ошибку», — писал он Карлу IV, который, со своей стороны, поведав Наполеону «об этом чудовищном преступлении», обратился к нему за советом.

Предлогом к вторжению послужило восстание в Аранхуэсе. Вспыхнувший 17 марта 1808 года мятеж, явившийся следствием придворных интриг и недовольства народа, возмущенного беспринципностью Годоя, привел к падению фаворита и отречению Карла IV. По воспоминаниям Шампаньи, восстание в Аранхуэсе скорректировало не столько «планы императора, в соответствии с которыми Испания должна была содействовать росту могущества Франции, сколько способ, каким он намеревался достичь поставленной цели. На первых порах он собирался низложить "герцога-миротворца", что отвечало интересам испанского народа, и поставить на его место своего человека. Похоже, что бунт сына против отца подсказал ему тактику, позволившую в итоге достичь более впечатляющих результатов».

После того как Карл IV выразил протест против примененных к нему насильственных мер, Наполеон приказал собрать всю королевскую семью в Байонне для улаживания конфликта между отцом и сыном. Если принцы восприняли это как

должное, то общественность Испании была возмущена тем, что чужеземный монарх вмешивается в дела нации. 2 мая 1808 года, когда младшего сына Карла IV усаживали в экипаж для отправки в Байонну, вспыхнул мятеж, жестоко подавленный Мюратом. События, унесшие около трехсот человеческих жизней, увековечены Гойей в знаменитой картине «Расстрел со 2-го на 3-е мая». Достигшая Байонны весть встревожила Наполеона, открыв ему глаза на то, до какой степени уязвлено национальное достоинство испанцев. Однако он всего лишь воспользовался этим инцидентом для запугивания Бурбонов. В результате бурной сцены Фердинанд возвратил отцу корону, а престарелый монарх, в свою очередь, отрекся от престола в пользу «своего друга, великого Наполеона». Самому императору корона была не нужна, он предложил ее брату Луи, но Луи от нее тоже отказался. Пришлось надавить на Жозефа, который и был коронован 6 июня 1808 года. Мюрат, полагавший, что работает в Мадриде на себя, скрепя сердце отправился царствовать в Неаполь. Дабы узаконить сделку, в Байонне с 15 июня по 7 июля собралась хунта нотаблей, выработавшая «конституцию» на манер французской, которая провозгласила отмену пытки и майоратов, оставив в неприкосновенности дворянство и инквизицию.

Позднее, на Святой Елене, Наполеон скажет: «Признаюсь, я очень грубо провернул тогда это дело; безнравственность предстала слишком глубокой, несправедливость слишком циничной, а вся затея — ужасно подлой, поскольку в итоге я проиграл». Что же затянуло Наполеона в эту трясину? Говорили о ненависти Бурбонов, предавших его в Неаполе и Мадриде. «Это мои личные враги», — сказал он Меттерниху. Говорили еще о магическом действии на его воображение имени Людовика XIV. «Со времен Людовика XIV испанская корона принадлежала французской династии, и нечего скорбеть о том, что возведение на престол Филиппа V куплено такой ценой и кровью, раз оно обеспечило господство Франции в Европе. Следовательно, это одна из лучших частей наследства, оставленного нам великим монархом, и император обязан сохранить его в целости. Он не должен, он не может позволить себе потерять хотя бы малую его толику», — заявлял Наполеон.

Этот императив династической политики (заключавшийся в том, чтобы рассаживать на европейских престолах членов своей семьи) так же довлел над сознанием императора, как и необходимость войны с Англией, побудившая его добиваться не завоевания, а союзничества Испании.

Сыграли свою роль и волшебные сказки о несметных испанских сокровищах, сочиненные Талейраном с целью от-

влечь Наполеона от Австрии. Награбить побольше денег (миф об иберийской роскоши, взращенной на латиноамериканские пиастры) и кораблей (легенда о Непобедимой Армаде) — вот к чему стремился Наполеон. Что до возможных осложнений с *afrancesados*[1], сторонниками либеральных реформ, то, по мнению Наполеона, свержение испанской династии должно было привлечь их на его сторону. «Этот народ созрел для глубоких преобразований и готов был бороться за их осуществление. Я был там очень популярен», — скажет Наполеон Лас Казу несколько лет спустя.

В целом Наполеон правильно понимал ситуацию. Народное восстание не было инспирировано ни Бурбонами (Фердинанд неоднократно предлагал Наполеону свои услуги), ни кортесами, ни поддерживавшими реформы разночинцами. Сопротивление исходило от народа и церкви. Оно явилось не столько результатом патриотического подъема, сколько реакцией общества, вызванной экономическим кризисом (континентальная блокада, осложнявшая товарообмен с колониями, наносила ощутимый ущерб интересам Испании), а также стремлением испанского духовенства и крупных землевладельцев воспрепятствовать переменам, которых желали профранцузски настроенные либералы. И все же решающую роль сыграло уязвленное чувство национального достоинства. Чванливость и бесцеремонность французов, со страстной силой разоблаченные в памфлете Севаллоса «О методах, использованных императором Наполеоном для узурпации испанской короны», всколыхнули народные массы. Байоннский переворот своей грубостью и презрением к испанским национальным традициям оскорбил даже *afrancesados*, увидевших в Наполеоне нового деспота, поправшего идеалы Революции. «Если бы хунта собралась в Мадриде, а не в Байонне, если бы низложили Карла IV, оставив на престоле Фердинанда, произошла бы народная революция, и дело приняло бы совсем иной оборот», — говорил Лас Каз Наполеону на Святой Елене. Разве не в среде «жозефинов»[2] сосредоточилась духовная и политическая жизнь Испании, представленная именами Азанца, О'Фарила, Кабарруса, Уркихо, Моратина — нежного создателя «Согласия девушек» — или Гойи, который, завершив портрет Карла IV, преспокойно взялся писать Жозефа? Зато другие, пусть и менее многочисленные, такие как Ховеланос или Кинтана, примкнули к патриотам, отвергнув навязываемые извне реформы.

---

[1] Afrancesado — подражающий всему французскому, сторонник французов (*исп.*).

[2] То есть сторонников Жозефа Бонапарта.

Испанское сопротивление

В считаные недели в Испании сформировалась стотысячная повстанческая армия, состоявшая в основном из крестьян и ремесленников, во главе с профессиональными военными. «Не секрет, что исход войны решили народные низы», — с презрением заметил *afrancesado* Рейносо. Гранды, толстосумы, гражданские власти — все, боявшиеся беспорядков, готовы были поддержать Жозефа. Правда, несколько смертных приговоров, вынесенных судом народа, охладили их профранцузский пыл, однако лишь немногие примкнули к партизанской армии, возглавляемой плебеями: «Одноруким», «Смолёным», «Удалым». Овьедо восстал 24 мая, Сарагоса — 25-го (долгие месяцы город держал осаду под командованием Палафокса), Галисия — 30-го, Каталония — 7 июня. Заручившись поддержкой английского правительства, не желавшего перерастания испанского сопротивления в национально-освободительное движение, хунта во главе с бывшим министром Ховеланосом, собравшись сначала в Севилье и затем в Кадиксе, от имени Фердинанда VII объявила Франции войну. Жозеф смог вступить в Мадрид лишь 20 июля 1808 года — после одержанной шестью днями раньше победы Бесьера при Медина дель Рио-Секо. Хотя Страна Басков, Кастилия и Каталония не оказали серьезного сопротивления, новый король посылал Наполеону из враждебно встретившей его столицы панические депеши. Император по-прежнему не верил в возможность сколько-нибудь серьезного сопротивления, когда пришло сообщение, что у подножия Сьерра-Морены испанские войска окружили генерала Дюпона, руководившего военными операциями в Андалусии. Французские солдаты — большей частью вчерашние новобранцы, погибавшие от голода и жажды, — сдались в плен 22 июля 1808 года в Байлене. Не в первый раз наполеоновские войска терпели поражение на открытой местности. 4 июля 1806 года Ренье был разгромлен Стюартом в Калабрии, однако, благодаря хорошо организованному отступлению, свел потери к минимуму. Тем не менее сражение при Байлене открыло повстанцам дорогу на Мадрид. «Мы — французы, мы еще дышим, но мы не победители», — писал Морис де Ташер, один из сдавшихся в плен.

Перепуганный Жозеф покинул Мадрид и укрылся вблизи границы. Французы столкнулись с новой для них формой войны. Их потрясла безудержная ненависть испанцев, слагавших о французской солдатне такие вирши:

Француз не лучше мула,
Он писает прилюдно,
Стреляет беспробудно
Por el organo del culo[1].

Заволновался Ланн: «Осада Сарагосы — совсем не та война, какую мы вели до сих пор». Пламя сопротивления перекинулось на Португалию, где по просьбе обосновавшейся в Порто хунты высадился шестнадцатитысячный контингент английских войск под командованием Уэлсли, будущего герцога Веллингтона. Жюно решил атаковать неприятеля, но потерпел поражение при Вимейро из-за численного превосходства противника. 30 августа он подписал Синтрскую конвенцию, по которой французы и португальцы, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с Францией, подлежали репатриации. Осмелевшие англичане высадились в Галисии, встретив поддержку местного населения.

Все эти неудачи, и прежде всего катастрофа в Байлене, потрясли Европу. Они развенчали легенду о непобедимости Великой Армии. Между тем регулярная армия дислоцировалась в Германии, тогда как потерпевшие поражение части состояли в основном из новобранцев, моряков и иностранцев. Но английская пропаганда не замедлила подхватить новость, и британский флот выбросил на побережье Франции кипы листовок, живописующих разгром Дюпона. В Пруссии патриотическая партия ускорила проведение реформ. Австрия, потрясенная свержением испанских Бурбонов, вновь начала вооружаться. Союзников Наполеона охватило беспокойство. Штадион писал о настроении баварского короля: «Здесь на каждом шагу замечают, каких трудов ему стоит сдерживать негодование по поводу расправы с этой династией и скрывать тревогу в связи с неопределенностью и зависимостью собственного положения».

Эрфуртская встреча

Наполеон понял наконец, что события на Иберийском полуострове требуют самого пристального внимания. Но перебрасывать Великую Армию в Испанию — значило играть на руку жаждущей реванша Австрии. Следовало перепоручить контроль за Веной российскому союзнику. Встретившись в Тюрингии, временном французском анклаве, два монарха договорились продолжить Тильзитские переговоры. Стоявшая

---

[1] Посредством своей задницы *(исп.).*

перед ними задача была не из легких. Советники Александра, стремясь лишить Наполеона военного плацдарма, представлявшего угрозу для России, настаивали на выводе французских войск из Пруссии. Была достигнута предварительная договоренность об эвакуации, намеченной на 1 октября 1808 года. Однако Наполеон, испытывая нужду в деньгах, стремился всеми силами выжать из Пруссии максимум причитающейся Франции контрибуции и, продолжая оказывать военное давление, не торопился с выводом своих войск. На востоке вопрос о разделе Турции упирался в проблему Константинополя, который Наполеон не хотел отдавать Александру. Царь же обвинял французов в том, что они нимало не заботятся об интересах России, в частности в том, что касалось оккупации Финляндии, и утверждал, что его партнер пользуется всеми выгодами от их союза, ничего не давая взамен. Что, наконец, обещания Наполеона освободить Пруссию в обмен на стосорокамиллионную контрибуцию и обязательство содержать армию в количестве не более сорока двух тысяч человек недостаточны для снятия напряженности в отношениях между двумя союзниками.

В Эрфурте Наполеон вел себя как проситель: ему пришлось пустить в ход все свое обаяние. Вот почему он привез с собой двор и «Комеди Франсез». Талейран, находившийся с 9 июля 1807 года не у дел, был удивлен полученным вызовом из Валенсии, где он исполнял роль тюремного надзирателя за испанскими принцами. Наполеон так излагал ему свои планы: «Мы едем в Эрфурт. Я хочу вернуться оттуда с руками, развязанными для того, чтобы свободно чувствовать себя в Испании. Мне нужна уверенность, что Австрия испугается и присмиреет, и я не хочу в какой бы то ни было форме ввязываться в дела Леванта. Подготовьте конвенцию, которая удовлетворяла бы императора Александра, ущемляла интересы Англии и устраивала меня. В остальном можете рассчитывать на мою помощь: необходимый престиж вам будет обеспечен». Талейран подготовил проект. Наполеон включил в него две статьи. Первая предусматривала, что он диктует обязательства, определяющие условия вступления России в войну против Австрии; вторая предполагала немедленную переброску русских войск к австрийской границе. В этих двух статьях заключалась вся соль эрфуртской встречи.

На переговоры Наполеон прибыл первым — 27 сентября 1808 года. В город съехались все коронованные особы Рейнской конфедерации: «королевский партер», или «цветник», как уточнил некий острослов. Выставленная напоказ роскошь не произвела на Александра ни малейшего впечатле-

ния: он изменил свое отношение к Наполеону. По свидетельству Меттерниха, Талейран взял на себя труд раздувать пламя. Обладая собачьим нюхом, бывший министр иностранных дел стал выразителем интересов части буржуазии, обеспокоенной безоглядным, как казалось, империализмом Наполеона — генератора нескончаемых войн. Потому-то Александр, направляемый Талейраном, умышленно подыгрывавшим Австрии, отклонил обе предложенные Наполеоном статьи[1]. Они не вошли в подписанную 12 октября конвенцию, о чем Талейран поспешил уведомить венский кабинет министров. Заручившись нейтралитетом России, Австрия решила весной начать войну.

И на другом поприще Наполеон также не добился успеха. Он намеревался просить руки одной из сестер Александра и поручил Талейрану разведать обстановку. «Признаюсь, — вспоминал бывший министр, — мне стало страшно за Европу, когда я подумал о возможности очередного альянса между Францией и Россией. По мне, надо было сделать так, чтобы идея альянса выглядела достаточно приемлемой, способной удовлетворить Наполеона, но чтобы при этом возникли ограничения, делающие ее осуществление затруднительным». Желая оттянуть время, Александр, подготовленный Талейраном[2], при встрече с Наполеоном ограничился туманными обещаниями. Однако месяц спустя Коленкур сообщил императору о помолвке великой княгини Екатерины с принцем Ольденбургским; другой сестре царя, Анне, было всего 14 лет.

Наполеону, желавшему добиться положительного результата в Эрфурте, следовало отдать царю Константинополь. Но он так и не смог на это решиться. Вот почему в подписанной 12 октября конвенции согласовывались лишь второстепенные вопросы: царю выделялась Финляндия, а также румынские провинции Молдавии и Валахии. В обмен на это статья 10 оговаривала, что «в случае, если Австрия начнет войну против Франции, российский император берет на себя обязательство действовать против Австрии совместно с Францией». Однако эта статья мало к чему обязывала, поскольку Александр отклонил важные для Наполеона пункты конвенции. Словом, составленное в угрожающих выражениях письмо было отправлено австрийскому императору лишь за подписью Наполеона; Александр ограничился данным австрийскому пред-

---

[1] На наш взгляд, автор упрощает проблему: Александр I действовал отнюдь не в интересах французской буржуазии, рупором которой был Талейран, а в собственно российских интересах.

[2] Здесь роль Талейрана крайне преувеличена; Александр и мысли не допускал о родстве с «выскочкой корсиканцем».

ставителю, барону Венсану, «советом» не испытывать в очередной раз судьбу, берясь за оружие.

14 октября монархи расстались. Эрфуртская встреча завершилась дипломатическим поражением Наполеона. Однако Наполеон мог еще наверстать упущенное, если бы, быстро решив испанскую проблему, успел перебросить к весне Великую Армию на Дунай.

Наполеон в Испании

29 октября 1808 года Наполеон выехал из Парижа во главе стошестидесятитысячной армии, состоявшей из семи армейских корпусов под командованием Ланна, Сульта, Нея, Виктора, Лефевра, Мартье и Гувиона Сен-Сира. Для гвардии этот поход стал прогулкой: несколько небольших сражений открыли Наполеону дорогу на Мадрид. 30 ноября отряд польской легкой кавалерии прорвал оборону в ущелье Сомосьерра, и 4 декабря Мадрид пал. Двумя днями ранее Наполеон принял меры, призванные обеспечить ему поддержку местных либералов: упразднил инквизицию, феодальные привилегии, внутренние таможенные пошлины, треть монастырей.

И все же первая половина кампании выявила просчеты французских маршалов. Так, соперничавшие друг с другом Лефевр и Виктор, не обеспечив должного взаимодействия, упустили Галисийскую армию. Ней, лишившись поддержки Ланна, не смог разгромить армию центра. В армейской среде произошло нечто невероятное: 22 декабря, в буран, при переходе через перевал Сьерра-Гвадарама, солдаты стали роптать, отказываясь идти дальше. Наполеону пришлось спешиться, чтобы личным примером воодушевить бойцов. Весть об этом неповиновении вызвала в Париже сенсацию. Фуше не без ехидства упомянул о нем в бюллетене 18 января 1809 года.

Тем временем перегруппировавший силы генерал Мур двигался к Бургосу, намереваясь перерезать французам коммуникации. Наполеон попытался ударить по англичанам с тыла, однако его маневр не удался из-за плохой погоды и полного отсутствия информации о противнике.

Наполеон находился в Асторге, где 1 января получил объемистый пакет депеш. Ознакомившись с ними, он приостановил преследование англичан и объявил, что пробудет несколько дней в Асторге. 3-го он принял решение возвратиться в Париж, назначив вместо себя Сульта, который, несмотря на победу при Луго — 7-го — и Ла-Коруньи — 16-го, — так и не смог воспрепятствовать англичанам погрузиться на корабли.

Какого рода известия побудили Наполеона внезапно покинуть Испанию в тот момент, когда его ждали еще Лиссабон и Кадикс? По мнению обычно хорошо информированного Паскье, «Наполеон не мог больше игнорировать сообщения о продолжающемся интенсивном вооружении Австрии, что свидетельствовало о ее весьма опасных намерениях. Кроме того, он знал, что, уступая давлению Англии, она рассчитывала, воспользовавшись его отсутствием, перейти границу, захватить Баварию, перенести войну на берега Рейна и обеспечить освобождение Германии. Обстоятельства благоприятствовали Австрии в ее попытке осуществить этот смелый замысел. В самом деле, все пришло в движение в австрийских землях, едва Наполеон примчался из Испании, чтобы предупредить новую угрозу. Это был один из тех моментов жизни императора, когда его душа находилась, должно быть, во власти сильнейших эмоций».

Паскье отмечает и другую причину поспешного возвращения Наполеона: «плетущиеся в его правительстве интриги» и прежде всего — сближение между Талейраном и Фуше, которые до этого были в ссоре. «Что удивляло в неожиданном согласии этих двух особ, так это огласка, которой они, обычно столь осмотрительные, сочли возможным предать свой союз, — отмечает Паскье. — Либо они считали, что заключенный ими альянс укрепит их могущество, либо не сомневались в поражении императора». Как и накануне битвы при Маренго, оба сообщника, по-видимому, не исключали возможности гибели Наполеона, что позволило бы им заменить его Мюратом. Подобные интриги свидетельствовали об усталости, царящей в окружении императора, и страхе нотаблей перед непрерывно возобновляющимися войнами.

Особенности испанской войны

Наполеону удалось стабилизировать обстановку в Испании: столица была освобождена, английский контингент выдворен за пределы страны, а Сарагоса, по истечении трехмесячной осады, в ходе которой погибло 40 тысяч человек, пала 20 февраля 1809 года. Но эти успехи не привели к окончанию войны в Испании, войны без правил, зверства которой, быть может, и преувеличивались народным воображением. Для французской армии она была осложнена тяжелыми природными и климатическими условиями, проблемами с продовольствием, поскольку в нищей стране и в мирное-то время трудно было прокормиться, партизанскими набегами, кото-

рые предпринимал против разрозненных французских колонн и конвоев народ, доведенный до фанатизма ксенофобией и религиозной пропагандой. Кровная месть, социальный и региональный антагонизм, пылкость испанского характера лишали эту войну какого бы то ни было смысла.

Наполеон заблуждался, представляя себе Испанию по аналогии с Францией 1809 года. Реформы, проведенные в этой стране императором и его братом Жозефом, могли вызвать сочувствие лишь самой просвещенной части буржуазии, молодых представителей офицерства и незначительного числа лиц духовного звания, враждебно настроенных по отношению к инквизиции. Но даже среди этих *afrancesados* сколько было дорожащих своим местом чиновников и сколько армейских поставщиков, заинтересованных в огромных военных прибылях!

Столь же ошибочной была попытка сыграть на местном национализме в надежде разобщить врага. Напрасно Ожеро распечатывал на каталонском языке газеты, перепевавшие заезженные темы этнической автономии. Наконец, рассредоточенность очагов сопротивления сбивала с толку наполеоновских маршалов, привыкших сражаться в чистом поле против обороняющегося единым фронтом неприятеля.

Впервые не сработала наполеоновская концепция молниеносной войны, основанная на сокрушительных ударах, вынуждавших противника сразу же идти на переговоры. Французская армия увязла на полуострове, оказавшись не в состоянии одержать решающую победу. Испания лишила Империю живой силы; приходилось объявлять дополнительные рекрутские наборы. В 1809 году, не без осложнений, был досрочно призван в армию контингент 1810 года. С 1808 года доклады Фуше начинают пестрить сообщениями о многочисленных антивоенных манифестациях в Бордо и Париже. 4 декабря 1808 года Меттерних писал: «Со времени начала народного восстания в Испании вооруженные силы Франции сократились вдвое».

Затянувшаяся война перестала себя окупать. В опубликованном в 1812 году памфлете под названием «Наполеон — администратор и финансист» женевский экономист Франсис д'Ивернуа осветил финансовые последствия событий в Испании: «До 1809 года Наполеон осуществлял свое триумфальное шествие, завладевая трофеями побежденного врага, чтобы с их помощью напасть на другого и так же обобрать его. Все его войны, за исключением испанской, были столь молниеносными и эффективными, что, возместив благодаря победе расходы на проведенную кампанию, он всякий раз возвращался с

казной, позволявшей ему в следующем году экипировать и содержать во Франции рекрутов — вплоть до отправки на территорию иностранной державы. Но, забросив их за Пиренеи, он ввязался в столь дорогостоящую авантюру, что, вместо того чтобы извлекать из каждой кампании по 250 миллионов франков, он стал вкладывать в них огромные суммы, в результате чего доходы обернулись для него расходами, а прибыль — убытком».

Наконец, испанская война, пробив брешь в континентальной блокаде, спасла Англию от экономического кризиса. Народное восстание, отвлекая на себя французские вооруженные силы, сделало более уязвимой созданную Наполеоном систему берегового контроля, что привело к активизации контрабандной торговли, стимулируемой всеобщим дефицитом и повышенным спросом на колониальные товары. Оно вновь открыло перед британскими экспортерами испанские порты, а также необъятный южноамериканский рынок, на который они давно уже взирали с нескрываемым вожделением. С июля 1808 года возобновились торговые отношения между Англией и восставшими провинциями. Прерванные наполсоновской кампанией, они ощутимо упрочились в 1809 году, позволив англичанам реализовать крупные запасы промышленных товаров. Важное значение для английского экспорта имело освоение, хотя и медленное, захваченных Фердинандом VII колоний. В памфлете 1809 года под названием «Последствия континентальной блокады для торговли, финансов, кредита и процветания британских островов» д'Ивернуа остроумно заметил, что блокада могла бы быть куда эффективнее, если бы «французское правительство, принимая весьма жесткие меры для закрытия европейских рынков, не приняло куда более жестких мер для открытия их в Южной Америке».

Словом, итоги войны в Испании оказались для Наполеона явно неутешительными. Он сетовал на Святой Елене: «Эта злополучная испанская война стала самым настоящим бедствием, первопричиной обрушившихся на Францию несчастий». Она привела к разобщению императора и буржуазии, но в еще большей степени — к разобщению императора и народа, измученного опустошительными рекрутскими наборами. Легенда о «Людоеде» родилась в 1809 году, когда военные операции на Иберийском полуострове вновь потребовали дополнительных призывов в армию.

На одном из самых знаменитых полотен Гойи, созданном живописцем между 1808 и 1809 годами, изображен колосс, угрожающий толпе людей и животных. Как не узнать в нем Наполеона?

Глава IV

ПРОБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА

После кампании 1809 года Наполеон утратил инициативу в своей внешнеполитической деятельности: войну ему навязала Австрия, решившая, что настало время отомстить за Аустерлиц. «Если Наполеон не планирует начать войну, она тем более должна быть включена в наши планы», — писал ведущий австрийский политик Штадион. Он вел переговоры о заключении союза с освободившейся от французской оккупации Пруссией, рассчитывая на восстание в Северной Германии и даже на мятеж монархов Рейнской конфедерации. Патриотический порыв охватил Вену, где певец «национальной идеи» Йозеф Хормеер сочинил «Австрийского Плутарха», а Кастелли — «солдатские песни».

Начало баварской кампании было с одобрением встречено общественностью, возмущенной казнью книготорговца Палма, расстрелянного в 1806 году за распространение антифранцузской брошюры «Глубоко униженная Германия». Ответственность за нарушение и без того шаткого равновесия в Европе возложили на Наполеона. «Нынешняя власть во Франции и сохранение любого из европейских престолов — абсолютно несовместимы», — писал Меттерних. Антинаполеоновская пропаганда в Австрии черпала свое вдохновение в основном из памфлетов, распространявшихся на Иберийском полуострове.

Что касается Наполеона, то он не хотел конфликта, ибо увяз в Испании, а во Франции наблюдал симптомы усталости от непрерывной череды войн. Во власти Александра было предотвратить войну с Австрией. Из Вальядолида Наполеон послал к нему адъютанта с предложением направить в Вену совместные ноты, за которыми должен был последовать разрыв дипломатических отношений, если ответ австрийского кабинета окажется неудовлетворительным. Царь не согласился, и Наполеону пришлось отказаться от этого замысла. К тому же неполная победа в Испании серьезно подорвала его престиж. Ловко инсценированное сближение вчерашних врагов — Талейрана и Фуше — произвело впечатление разорвавшейся бомбы: нотабли насторожились. Словом, очередной военный конфликт разразился при неблагоприятных обстоятельствах. На востоке Наполеону противостояли вооруженная Австрия и запуганная Германия; на западе — восставшая Испания, оккупированная англичанами Португалия и предавший его Париж; со времени битвы при Маренго на его долю не выпадало более трудной миссии.

Баварская кампания

8 февраля 1809 года партия войны одержала в Вене верх, убедив Франца I в том, что из-за финансового кризиса необходимо незамедлительно воспользоваться субсидиями, обещанными Англией, если Австрия начнет кампанию. Первоначальный план предусматривал превентивное наступление на Рейне, которое вовлекло бы в конфликт Пруссию и спровоцировало общенациональную войну против французских оккупантов. Однако в последний момент эрцгерцог Карл решил предпринять наступление на Баварию в надежде поднять ее население против Франции. Эрцгерцог Иоганн готовился к вторжению на Апеннинский полуостров, а эрцгерцог Фердинанд — к оккупации Варшавы. 10 апреля 1810 года войска эрцгерцога Карла вторглись во владения Макса Йозефа Баварского. Составленное Шлегелем воззвание эрцгерцога «К немецкой нации» гласило: «Мы боремся за возвращение Германии ее независимости и национального достоинства». Наполеона, казалось, удивило вступление в войну Австрии, так как он ждал этого не раньше конца апреля. Вот почему австрийцы опередили немецкую армию, находившуюся под командованием французского императора (Великая Армия сражалась в Испании).

«Никогда прежде Наполеон не оказывался в более дурацком положении», — писал в своих мемуарах Савари. Однако, обратившись к генералам с призывом «Инициатива и стремительность», он смог довольно быстро выправить положение. Стодвадцатишеститысячная армия эрцгерцога Карла, форсировав реку Инн, смела баварцев, однако ее дальнейшее продвижение было приостановлено дождями и трудностями со снабжением. Утром 17 апреля Наполеон прибыл в Донауверт. В результате пятидневных боев с 19 по 23 апреля в сражениях под Танном, Абенсбергом, Ландсхутом, Экмюлем и Регенсбургом, в котором Наполеон был легко ранен в ногу, эрцгерцог Карл отступил. «Солдаты, вы оправдали мои ожидания, — заявил Наполеон в воззвании 24 апреля. — Не пройдет и месяца, как мы будем в Вене». Планы эрцгерцога Карла провалились, поскольку баварцы повели себя не так, как он ожидал. Монжла — министр Макса Йозефа — писал своему государю: «Граф Штадион получил возможность осознать совершенную им чудовищную ошибку, когда согласился на изменение плана кампании. В Северной Германии он встретил бы множество сторонников, тогда как в Баварии не нашел ни одного. Вместо того чтобы начать со слабейшего звена Конфедерации, он ударил по сильнейшему». Разбитый под Экмюлем,

эрцгерцог Карл бежал через Регенсбург на левый берег Дуная. Теснимый на флангах богемскими и тирольскими войсками австрийцев, Наполеон спустился вниз по реке куда медленнее, чем в 1805 году. Кампания продолжилась в окрестностях Вены, куда Наполеон вновь вступил 13 мая. Оказанный ему холодный прием разительно отличался от смешанного с симпатией любопытства, проявленного венцами в 1805 году. Занявшие высоты австрийцы разбомбили мост через Дунай. Император принял решение форсировать реку ниже Вены, воспользовавшись для переправы островом Лобау. 17—24 мая он соорудил из плавучих средств понтонный мост, а в ночь на 21-е корпуса Массена и Ланна заняли Асперн и Эсслинг. На следующий день французы были атакованы превосходящими силами эрцгерцога Карла и в результате разрыва моста, соединявшего остров Лобау с берегом, оказались отрезанными от основных сил. После завершения восстановительных работ, продолжавшихся всю ночь и утро 22-го, возобновилось наступление на Ваграм. Тем временем понтонный мост снесло течением. Израсходовав боеприпасы, Ланн вынужден был отойти к Эсслингу, где получил смертельное ранение. Починив мост, Массена под покровом ночи смог отвести оставшиеся части на остров Лобау.

Поражение в Эсслинге, раздутое австрийской пропагандой, потрясло Европу. «Альгемайне цайтунг» сообщила о взятии в плен двадцати пяти генералов и гибели императора. Неожиданным было и решительное сопротивление австрийских войск, непохожих на те, с которыми Наполеон имел дело в 1805 году. Воля к победе, которой так недоставало «искушенным наемникам» Аустерлица, ныне воодушевляла солдат Австрийской империи. Наполеон впервые столкнулся с немецким патриотизмом.

Кризис Великой Империи

Пока Наполеон возводил на острове Лобау фортификационные сооружения, намереваясь пробыть там около месяца в ожидании подкрепления из Италии, над Империей нависли тучи.

По Германии, в ответ на донесшийся из Австрии призыв, прокатилась волна мятежей. Самым значительным из них стал Тирольский, вспыхнувший в бывшем австрийском владении, переданном Наполеоном Баварии. Там в апреле хозяин постоялого двора Андреас Гофер призвал обывателей к борьбе «за Бога, Императора и Отечество». Как и в Испании, в этой

гористой и отсталой, глубоко религиозной стране, нетерпимой ко всему чужеземному, сложились благоприятные условия для ведения партизанской войны. Тирольское восстание было подавлено лишь в январе 1810 года, Андреас Гофер казнен. В апреле 1809 года в Вестфалии лейтенант Катт попытался захватить Магдебург. Майор Шилль вышел из Берлина во главе своего полка в тщетном стремлении оккупировать королевство. Он отступил в мае к Штральзунду, где и нашел свою смерть. Полковник Дюрнберг при сходных обстоятельствах был также разгромлен Касселем.

В Саксонии сын герцога Брауншвейгского повторил со своими гусарами из легиона смерти безрассудный рейд Шилля на Вестфалию. В его воззвании к немцам говорилось: «Бейте в набат, братья мои! Пусть эта весть о пожаре зажжет в ваших сердцах чистое пламя любви к Родине; пусть она станет для ваших угнетателей залогом неминуемой гибели». Его черный легион безнаказанно прошел через Дрезден, Лейпциг, Брауншвейг, Ганновер и Бремен.

Все эти акты неповиновения являлись слагаемыми единого, давно вынашиваемого плана, проваленного нетерпеливыми заговорщиками. Они выявили недовольство немцев, до поры до времени покорно сносящих наполеоновское владычество. От Тироля до Балтии заявила о себе новая сила, глашатаем которой стал Фихте, произнесший в Берлинской академии с 13 декабря по 20 марта 1808 года четырнадцать речей, обращенных к немецкому народу.

В Испании, где Наполеон держал отборные войска, авторитет Жозефа безнадежно подрывали маршалы, совершавшие ошибку за ошибкой. Под руководством таких энергичных и безжалостных военачальников, как братья Мина и Эмпесинадо, разгоралось пламя партизанской войны. В начале 1809 года Сульт начал успешное наступление на Португалию, однако, захватив в марте Порто, ограничился проведением незначительных операций. Скрывалось ли за этой непонятной пассивностью желание Сульта провозгласить себя королем Португалии под именем Николая I, как утверждали неохотно служивший под его началом маршал Ней, а также генерал Тьебо, чьи мемуары в целом весьма неодобрительно освещают деятельность крупных военачальников того времени? Разумеется, все это были клеветнические слухи, однако соперничество, сталкивавшее друг с другом наполеоновских маршалов, позволило англичанам высадить в апреле 1809 года крупный десант под командованием Уэлсли. Благодаря тактике будущего герцога Веллингтона, приказавшего солдатам вести прицельный огонь, используя для прикрытия рельеф местности, передви-

гавшиеся на виду у неприятеля французские войска несли тяжелые потери. 12 мая англичане отбили Порто, вынудив Сульта эвакуировать Галисию.

Воспользовавшись трудностями, с которыми Наполеон столкнулся в Австрии, британский кабинет министров решил высадить десант в Нидерландах. 29 июля 1809 года сорокатысячный контингент закрепился на острове Валхерен, в устье реки Шельды, затем 13 августа овладел городом Флесинге, вынудив французов отойти к Антверпену.

В Париже нарастало беспокойство. В связи с болезнью Крете, Фуше, временно исполнявший обязанности министра внутренних дел, взялся за мобилизацию национальной гвардии северных департаментов, поручив оборону Антверпена недавно впавшему в немилость Бернадотту. В Париже была вновь создана национальная гвардия. На побережье Прованса, где ожидалось появление английского флота, все было приведено в боевую готовность. Энергичные меры Фуше, поначалу одобряемые Наполеоном, в конце концов насторожили императора, заподозрившего герцога Отрантского в политическом двурушничестве. Но самым неприятным было то, что Наполеон вдруг почувствовал себя не у дел. Спустя некоторое время слишком могущественный министр впал в немилость.

В довершение ко всему накалилась обстановка в Риме. Пий VII отказался участвовать в континентальной блокаде. На выпад Наполеона, заявившего ему: «Вы, Ваше Святейшество, — глава Рима, я же — его император», папа ответил, что духовная миссия церкви запрещает ему принимать чью-либо сторону в преходящей размолвке между ее чадами. Отсутствие Консалви, одного из немногих сторонников умеренной политики Ватикана, углубило разногласия, развязав руки непримиримому кардиналу Пакка. 21 января 1808 года Наполеону пришлось приказать генералу Мьолли оккупировать Папскую область. 16 мая 1809 года, пребывая в эйфории от победы над Веной, он принял решение об аннексии папских владений.

Арест папы 6 июля обострил конфликт Наполеона с Пием VII, возмутил общественность Италии и активизировал сопротивление в Испании. От Гентца, обличителя «рабства Германии», до Кеваллоса, разоблачающего «закулисные махинации» Байонны, от Жильрея с его карикатурами до Коцебу, создателя гротесков, — интеллектуальная элита отвернулась от Наполеона. В 1804 году Бетховен уничтожил посвящение Героической симфонии, а у Гойи родился замысел картины «Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде». Армия по-прежнему поддерживала императора, однако европейская интеллигенция уже не видела в нем своего героя.

Ваграм

14 июля Итальянская армия под командованием принца Евгения и Макдональда, отбросив эрцгерцога Иоганна к реке Раб, соединилась с армией Наполеона. И вовремя.

В ночь на 5 июля, в грозу, император форсировал Дунай к югу от Энцерсдорфа. На следующий день французские войска развернулись в Мархфельде, поскольку эрцгерцог Карл с частью своих сил отошел к Ваграму.

5-го вечером Наполеон приказал Итальянской армии, усиленной саксонским корпусом, атаковать австрийцев. Однако из-за ошибки итальянцев, принявших саксонцев за неприятеля, приказ пришлось отменить.

6-го ранним утром сражение возобновилось. Эрцгерцог Карл расположил свои войска (140 тысяч человек и 400 орудий) боевым порядком в виде буквы Т, намереваясь зажать французов в тиски двумя флангами своей армии. Правый фланг, двигаясь на Асперн, должен был отрезать Наполеона от Дуная, левый — оттеснить французов к реке. Центр боевого порядка находился в селе Ваграм.

Против левого крыла австрийцев Наполеон поставил корпуса Даву и д'Удино, против правого — корпуса Бернадотта и Массена, оставив в резерве гвардию и Итальянскую армию для быстрой переброски их на наиболее уязвимые участки боя.

К 11 часам эрцгерцог Карл решил, что победа у него в кармане: правый фланг его армии оттеснил французов и подошел к Асперну, в центре саксонцы с трудом сдерживали натиск противника. Однако Наполеон бросил им в подкрепление Макдональда и Итальянскую армию после того, как развернутая Друо мощная батарея из ста орудий остановила продвижение австрийцев. Со своего фланга Даву расчленил боевой порядок неприятеля в Весьеделе, а Удино овладел Ваграмом. В результате одиннадцатичасового сражения эрцгерцог Карл, потерявший 50 тысяч человек, отошел к Моравии. Из-за недостатка кавалерии Наполеону не удалось дезорганизовать отступление австрийских войск и одержать решительную победу. Он пришел к выводу, что немецкая армия, состоявшая наполовину из иностранцев, наполовину из рекрутов, уступала Великой Армии Аустерлица и Йены. 11 июля сражение возобновилось у города Цнайма, но уже 12-го эрцгерцог попросил перемирия.

Венский мир

Сразу же после заключения перемирия начались переговоры между министром внешних сношений Шампаньи и Меттернихом. Они завершились в замке Шенбрунн 14 октября

1809 года. Осведомленные о разногласиях между Наполеоном и Александром, касающихся Великого герцогства Варшавского, австрийцы попытались затянуть переговоры, однако 1 сентября посол России известил их, что в настоящий момент царь не намерен порывать отношений с Францией. Желая во что бы то ни стало восстановить свой авторитет, Наполеон навязал Австрии чрезвычайно жесткие условия мира. По Венскому договору Франц I уступал Франции Каринтию, Крайну, большую часть Хорватии, в которую входили Риека, полуостров Истрия и Триест. Бавария в компенсацию за нанесенный ей войной ущерб получила Зальцбург и верховья реки Инн — Энгадин. К Великому герцогству Варшавскому была присоединена северная Галиция с Краковом и Люблином. Русский царь, несмотря на занятую им двусмысленную позицию, получил восточную Галицию с Тернополем. Австрия, которая и без того понесла тяжелые потери, должна была выплатить 75 миллионов контрибуции. Поражение Австрии не охладило национально-патриотических страстей в Германии.

За два дня до подписания Венского договора, во время военного парада в Шенбрунне, молодой саксонский студент Фридрих Штапс попытался заколоть императора кинжалом. На заданный ему Наполеоном вопрос: «Стало быть, преступление ничего не значит для вас?» — Штапс ответил: «Убить вас не преступление, а долг». Реакция императора известна нам по воспоминаниям Шампаньи: «Поднятый на него кинжал не напугал императора, но раскрыл ему глаза на настроение народов Германии, их стремление к миру и готовность пойти на любые жертвы ради его достижения».

Разрыв с Россией, казалось, окончательно назрел. Венский договор глубоко разочаровал Александра. Может быть, он рассчитывал получить в подарок Великое герцогство Варшавское? Что касается Наполеона, то, преисполненный решимости расстаться с Жозефиной (о разводе было объявлено 16 декабря 1809 года, аннулирование брака архиепископским судом состоялось 12 января 1810 года), он задумал добиться руки младшей сестры царя. Но так как Александр тянул с ответом и отказ, следовательно, был вполне вероятен, Наполеон обратил взоры к Австрии. Меттерних мгновенно осознал преимущества австрийского брака, способного окончательно развалить русско-французский союз. Несомненно, такой брак покроет позором Габсбургскую династию, но можно представить сватовство Наполеона как ультиматум победителя.

6 января 1810 года Наполеон официально попросил руки

дочери Франца I Марии Луизы и на следующий же день получил согласие. Тогда же пришел отказ русского царя, который еще не догадывался, что его надули. Зато расчет Меттерниха оказался верным: русско-французский союз приказал долго жить. Мария Луиза, за которой в Вену был послан Бертье, позабывший на время о своем титуле «князя Ваграмского», прибыла в Страсбург 22 марта 1810 года. Снедаемый любопытством, Наполеон обогнал кортеж. Встреча состоялась 28 марта в Компьене. Гражданский брак был заключен в Сен-Клу 1 апреля, а церковный — на следующий день в квадратной гостиной Лувра. Наконец-то Наполеон вошел в «семью королей» и тешил себя надеждой, что принят ею.

Этот брак не вызвал негодования лишь у цареубийц, констатировавших, что благодаря своей женитьбе император стал племянником покойного короля. Нотабли в основной своей массе не одобрили брак. На Святой Елене Наполеон, «внезапно пробудившись от грез легитимности», признал, что должен был жениться на француженке, но только не на принцессе. Справедливое, однако, увы, слишком запоздалое признание.

Заговорили, что «австрийка принесет несчастье». Люди и вправду забеспокоились. А вдруг Наполеон предал Революцию? Все достижения как внешней, так и внутренней политики оказались под угрозой: поднявшаяся волна национализма сплотила Европу против Франции. Самые здравомыслящие смотрели в корень. От страшных подземных толчков монолитное здание Империи пошло трещинами, и это после одержанной на Дунае победы! Пирровой победы. Становилось все труднее удерживать Европу в повиновении. С самого начала испанской войны нарастало недовольство рекрутским набором. 11 сентября 1808 года Фуше предупреждал императора: «Рабочий класс весьма громогласно выражает возмущение непрекращающимися призывами в армию. В людных местах распространяются, рассчитанные на девушек, женщин и прочих, запечатанные листовки с провокационными заявлениями в адрес правительства». Число подобных инцидентов возросло в 1809 году.

Но куда более удручающим стало то, что солдаты вдруг повели себя как наемники. Драгуны 17-го полка заявили в Бордо: «Император не смеет воевать, если ему нечем платить солдатам. Не желаем дохнуть задарма». По мере того как для Европы война превращалась в национально-освободительную, для Франции она перерастала в завоевательную. Не в этом ли заключалась причина будущих поражений Наполеона?

Глава V

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Во что вылился для Франции конфликт между папой и императором, эта старая как мир проблема, выплывшая в 1809 году из глубин Средневековья, чтобы в очередной раз противопоставить духовное мирскому? Общественность, во всяком случае внешне, демонстрировала безразличие. Столь глубокое, что даже вольтерьянские и галликанские инстинкты, способные послужить делу Империи, в конечном счете не сыграли абсолютно никакой роли. Не считая, разумеется, того, что нотабли не простили Наполеону развала Конкордата. Их волновали два вопроса, ставшие очевидными из отчетов префектов: не приведут ли религиозные разногласия к очередной гражданской войне? Не пересмотрел ли папа данное в 1801 году согласие на распродажу церковного имущества? Вероятным представляется и то, что не нашло выражения в донесениях префектов: ответственность за конфликт с папой нотабли возложили на Наполеона с его манией величия. Обстоятельства оккупации Рима были плохо известны и малопонятны: она произошла в тот момент, когда Великая Армия топталась в Австрии, а Франция увязла в испанской войне. Уж не собирается ли Наполеон открыть новый фронт в Италии, которая с XVI века неизменно играла роль могильщика французского империализма? Порожденный отчаянным пессимизмом, этот вопрос был сформулирован в одном памфлете, мгновенно перехваченном полицией. Религиозные настроения проявились позднее, после того, как арест папы оживил древние апокалиптические страхи и привычку к заговорам. В целом же вера оставалась вне политики.

Церковь в эпоху Империи

Что может служить лучшим доказательством ослабления религиозного влияния в новом обществе, чем секуляризация сфер, традиционно находившихся в ведении церкви: благотворительность, образование, гражданское состояние? Разумеется, отчаяние церковных властей кажется порой чрезмерно преувеличенным. Деятельность по реорганизации епархий получила государственную поддержку. Однако перераспределение диоцезов породило множество проблем, обусловленных площадью приходов (в Париже проект реорганизации подвергся резкой критике по причине неравенства округов), с восстановлением культовых зданий, отмеченных печатью дур-

ной репутации их прежних владельцев, и в особенности с вакантными, из-за нехватки священников, приходами. Наблюдалось снижение их количества, несмотря на значительное увеличение (в период между 1806—1810 годами) числа посвященных в сан. Однако куда больший урон нанесло престижу церкви снижение качества. «В привилегированных слоях общества уже не встретить молодых людей, готовых посвятить себя духовному поприщу, — писал в марте 1811 года министру культов епископ Кимперский. — Мы пополняем наши ряды исключительно из среды бедных землепашцев». То же с глубокой горечью констатирует епископ Безансона Ле Коз, сокрушаясь в связи с тем, что «нет больше священников, чье блестящее воспитание, основательная подготовка, обширные и разносторонние знания в сочетании с другими преимуществами их социального положения радовали церковь, наставляли все классы граждан и, казалось, способствовали еще большему упрочению авторитета религии». «Духовенство лишилось своих привилегий» — вот какое объяснение дал Ле Коз падению престижа профессии священника.

Для духовных орденов, ощутивших на себе враждебность Наполеона, сложившаяся ситуация оказалась крайне тяжелой. Декретом 3 мессидора XII года (22 июня 1802 года) были распущены все незарегистрированные конгрегации. Некоторую поддержку получили лишь ордены миссионеров, с помощью которых Наполеон надеялся остановить продвижение англичан на восток, а также женские конгрегации, обслуживавшие школы и больницы. Наполеон мечтал о создании единого корпуса сестер милосердия. Декретом № 23 от 23 марта 1805 года королева-мать удостоилась титула, присуждаемого в прошлом вдовствующим королевам, став попечительницей богоугодных заведений. Перепись 1808 года выявила, что на все диоцезы приходилось 10 257 монахинь, из которых 4 792 составляли преподавательский, а 5 465 — медицинский персонал. В отдельных епархиях (Динь, Шамбери) насчитывалось менее 50 монахинь; в других (Нанси, Руан, Лион) — более 500. Наряду со школьными учительницами упомянем братьев христианских школ, открывших свои учебные заведения в 57 городах. Если что и ослабило церковь, оттолкнув от нее культурную элиту, так это ее безоговорочное подчинение правительству, что превратило ее в пособницу «деспотизма». Вся Франция зубрила катехизис, согласно которому возложенные Богом на человека обязанности включали «любовь, уважение, повиновение и преданность императору, воинскую повинность и выплату налогов, взимаемых для укрепления обороноспособности Империи». Пастырские послания и письма,

ордонансы епископата — все вносило лепту в создание культа личности императора: Великую Армию они отождествляли с небесным воинством, французскую нацию — с избранным народом, а войну — с угодной Богу священной войной против мракобесия. Церковное красноречие подвергалось небывалому контролю: неосторожная проповедь аббата Фурнью обернулась для него заточением в Бисетр, а затем — каторгой в Турине. Кардиналу Фэшу пришлось изрядно похлопотать, чтобы вызволить его оттуда. В 1809 году заткнули рот Фрейссину. Перелистаем подшивки «Вестника кюре»: бюллетени Великой Армии публиковались в нем чаще, чем жизнеописания святых. Высшее духовенство, приравненное Конкордатом к государственным служащим, легко влилось в среду государственных нотаблей. Лица духовного звания в количестве, пропорциональном размерам их епархий, заседали в окружных избирательных коллегиях, в муниципальных советах и даже в мэриях. Так церковь, наравне с армией и полицией, превращалась в инструмент государственной политики. «Мои префекты, мои епископы, мои жандармы» — это высказывание Наполеона точно определяет положение церкви в обществе. Ее сговорчивость представала панацеей от раскола. Наполеон смог по достоинству оценить ее после вступления в силу Гражданской конституции духовенства. Исходившие от Рима выражения протеста не встретили ни малейшего отклика у французских служителей культа. Такой же сговорчивости император ждал и от папы. После начала войны с Австрией Наполеон отдал приказ об оккупации Анконы. Протест Пия VII против попрания папского суверенитета поразил Наполеона своей неистовостью.

«Я, как и мои предшественники во втором и третьем поколении, всегда считал себя единственным старшим сыном церкви, вооруженным мечом, чтобы покровительствовать ей и защищать ее от греческой и мусульманской скверны», — с некоторым опозданием, но весьма грозно ответил Наполеон. Введя континентальную блокаду, Наполеон потребовал, чтобы портовые города Папской области закрылись для английской торговли. Разве Англия не была рассадником ереси? Разве мог папа сохранять нейтралитет в конфликте, который Наполеон в интересах своего дела тут же представил как борьбу римского католицизма с англиканизмом? «Вы, Ваше Святейшество, — глава Рима, я же — его император. Мои враги должны стать Вашими врагами». Однако Пий VII оставался безучастным как к религиозной аргументации, так и к силовому давлению. Со временем Наполеон осознал, что недооценил стойкость своего соперника.

Арест папы римского

21 января 1808 года генерал Миолли получил приказ оккупировать Папскую область и занять Рим. 2 февраля приказ был выполнен.

Посол Франции Алкье предупреждал императора: похоже, что решимость Пия VII непоколебима. Тем не менее Наполеон пошел на аннексию Рима, уладив предварительно конфликт с Испанией и организовав противодействие агрессии Австрии против Баварии. 16 мая 1809 года императорским декретом, подписанным в Шенбрунне, Папская область была присоединена к Франции. 10 июня Миолли водрузил французский флаг над замком Сент-Анж. Пий VII незамедлительно издал буллу, отлучающую от церкви «всех узурпаторов, зачинщиков, вдохновителей, сторонников и исполнителей этого кощунственного решения». «Мне стало известно, что папа отлучил меня от церкви. Он — неистовый безумец, которого следует арестовать», — писал император 20 июня. Что это, вспышка гнева или тщательно обдуманный шаг? Раде, командир отряда жандармерии в Вечном городе, не ведал сомнений. Он захватил Квиринальский дворец и потребовал отречения Пия VII. Непокорного папу насильственно выдворили из Рима вместе с его главным советником, кардиналом Пакка. Последний поведал нам в своих мемуарах об унизительных мытарствах сановного пленника: из Флоренции в Гренобль, оттуда, через Авиньон и Ниццу, — в Савону в соответствии с противоречивыми приказами, отражавшими колебания Наполеона, который, с одной стороны, был удивлен избытком рвения своих подчиненных, а с другой — одержим идеей поселить папу в Париже, куда он уже выслал священную коллегию. 6 июля 1809 года Пий VII прибыл в Савону, где оставался до 9 июня 1811 года. Несмотря на оказываемые ему почести, он держал себя как заключенный: отказывался от предлагаемых услуг, собственноручно стирал свой подрясник и молился дни напролет. Молился для отвода глаз, используя имеющиеся в его распоряжении средства из тех, что на основании Конкордата неосмотрительно предоставил ему Наполеон, в частности — каноническую инвеституру епископов.

Наполеоновский затворник отказал в канонической инвеституре епископам, назначенным императором на вакантные епархии. Наполеону пришлось прибегнуть к обходному маневру: пожаловать епископам через капитул должности и права капитульных викариев. Это оказалось непросто, особенно в Париже, после смерти кардинала Беллоя, последовавшей в июне 1808 года. В конфликте с папой Наполеону нужно было опе-

реться на единую галликанскую церковь. Собравшийся в 1809 году комитет по церквам не оправдал возлагавшихся на него надежд, предложив созвать церковный собор, наделенный совещательными полномочиями, что не могло устроить Наполеона. Последний пребывал в затруднении в связи с предстоящим разводом. Но был ли этот вопрос в компетенции папского престола? Аббат Эмери разрешил проблему несовпадения римского и галликанского права в пользу последнего, заслужив одобрение Наполеона. Впрочем, находившиеся в Париже римские кардиналы рассудили иначе: тринадцать из них отказались участвовать в венчании Наполеона с Марией Луизой.

Разгневанный император запретил им носить атрибуты их сана и сослал в провинцию. Однако в конце концов, после бесплодной работы второго комитета по церквам и провала посреднической миссии в Савоне, ему пришлось согласиться на созыв церковного собора, открывшегося 17 июня 1811 года под председательством кардинала Фэша. Но и эта ассамблея французских и итальянских епископов не проявила ожидаемого раболепия.

Вмешательство государства в дела церкви вызывало раздражение французского духовенства. Император же, забыв об особой щепетильности церковнослужителей в этом вопросе, тщетно разражался гневом и угрозами. Не кто иной, как сам Фэш, дядя императора, произнес первую клятву: «Признаю католическую и апостольскую римскую Святую Церковь, мать и наставницу всех церквей. Обещаю и клянусь безропотно повиноваться верховному Римскому Папе, восприемнику Святого Петра, владыке апостолов и викарию Иисуса Христа». Не кто иной, как епископ Бельмас потребовал освободить папу до начала всех дебатов, а комиссия по изучению вопроса о канонической инвеституре в пику императору заявила о некомпетентности собора в данной области. Император распорядился распустить собор и арестовать зачинщиков неповиновения: епископа Турне Ирна, епископа Гента де Брольи и епископа Труа Булоня. Надежда Наполеона на то, что собор узаконит передачу архиепископам права жаловать инвеституру в случае отказа папы, не оправдалась. 2 августа, заручившись ценой угроз личным согласием каждого епископа с проектом декрета, предоставлявшего архиепископам право инвестировать в обход «восприемника Святого Петра», император разрешил собору продолжить заседания. В Савону за одобрением Пия VII отправилась делегация церковного собора, однако полученное одобрение было сформулировано в таких выражениях, которые не могли понравиться императору, желавшему иметь при себе ручного папу, живущего на острове Сите в Париже.

Предполагалось, что после победоносного завершения русской кампании папе придется уступить. В надежде принудить его к этому Наполеон приказал перевезти Пия VII в Фонтенбло. Однако случилось так, что император вновь предстал перед папой, нуждаясь в его поддержке, не победителем, а побежденным. Это произошло после бегства из России. 25 января он уговорил Пия VII подписаться под «Фонтенблоским конкордатом». Не настаивая на том, чтобы папа жил в Париже, Наполеон выторговал положительное решение вопроса об инвеститурах, однако, нарушив обещание не придавать договору широкую огласку, опубликовал его в «Ле Мониторе». 21 января 1814 года Наполеон приказал отправить Пия VII назад в Савону, а 10 марта — препроводить в Рим. Папа победил.

Итоги конфликта

Судя по полицейским сводкам и отчетам префектов, оккупация Рима и арест папы скорее удивили, чем взволновали общественность. Лишь элитарные слои глубоко верующей и роялистски настроенной молодежи приняли посильное участие в распространении буллы Пия VII об отлучении императора от церкви. Стали возникать подпольные организации и тайные общества, напоминающие масонские, которые несли свою долю ответственности за Революцию. Благотворительные и религиозные организации превращались в ширму для политической деятельности: «Рыцари Веры» во главе с Фердинандом де Бертье, «Общество Сердца Иисуса», «*Аа*»[1], влияние которой на общественное сознание было все-таки не столь уж велико. Общественность пробуждается лишь в 1811 году. Работа церковного собора не получила широкого освещения в прессе. Тем не менее косвенным путем публика узнала о своеволии епископов. Брожение в массах от Бельгии до Италии приняло опасный характер.

Находящийся под более пристальным контролем запад был относительно спокоен, но юго-восточные и центральные районы пришли в волнение. «Верующие пишут друг другу, что, проживи император еще лет десять, и с религией будет покончено», — сообщается в полицейской сводке, датированной первыми числами января. Диоцезы без епископов, приходы без кюре, сидящие по тюрьмам или депортированные священники — неужели пришла пора новых гонений? Гражданские и военные служащие, включая католиков, неукоснительно испол-

[1] «Associationes amicorum» — ассоциации друзей — тайные религиозные общества, действовавшие с 1630 года.

няли получаемые приказы, но нам неведомы их умонастроения. Множатся листовки, изобличающие императорский деспотизм. Нарастает тревога. Нотаблей перестает устраивать режим, который они сами же вызвали к жизни.

И все же итоги усилий императора не были такими уж удручающими: епископы приблизились к народу, сверхдоходные приходы были ликвидированы, кюре зажили более пристойной жизнью благодаря жалованью, значительно превышающему их прежний «скудный паек». Авторитет церкви упрочился. Тот авторитет, которым церковь была обязана Наполеону, она использует затем против него. С 1812 года растет число проповедников, обличающих войну и укрывающих дезертиров. Не без помощи духовенства между нацией и Наполеоном постепенно наметился раскол.

Глава VI
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

С 1809 по 1812 год исход войны определялся уже не на полях сражений, а в портовых городах и на побережье континента, которому предстояло закрыться для английских товаров, ускорив крушение «владычицы морей». Но блокада, неотвратимо повлекшая за собой лишения и насилие, дефицит кофе, чая, сахара, какао и пряностей, рост цен на кожевенные изделия и хлопчатобумажные ткани, демонстративное сжигание товаров коррумпированными таможенниками сделали для перемены общественного мнения Европы гораздо больше, чем все английские памфлеты, вместе взятые. В декабре 1811 года король Вестфалии Жером предостерегал брата: «Брожение достигло предела; народ, вдохновленный примером Испании, полон энтузиазма и лелеет безумнейшие упования. Если разразится война, пространство между Рейном и Одером превратится в очаг всеобщего сопротивления». Экономическое оружие блокады поразило и Францию: правительство не смогло справиться с финансовым кризисом 1810 года, переросшим из-за неурожая в экономический, что повлекло за собой падение популярности Наполеона.

Контрабанда

Подъем экономики Англии в 1809 году опроверг оптимистическую уверенность Шампаньи в неминуемом поражении коварного Альбиона. Чем, если не контрабандой на конти-

ненте, успешно осуществляемой, несмотря на таможенные кордоны и полевые суды, объяснить подобное оздоровление? В Средиземноморье контрабандная торговля процветала главным образом на Мальте, где обосновались тридцать или сорок английских компаний, а также в Гибралтаре и Салониках. В Адриатике центром нелегальной торговли был Триест, а на севере — Гётеборг, обеспечивавший британским товарам доступ в страны Балтийского бассейна. «Английская торговля, — сообщалось в одном донесении, — ведется под шведским флагом. Суда привозят колониальные товары, выдавая их за шведский груз. Многие суда, приходящие в Копенгаген под датским флагом, нагружены колониальными товарами и идут прямиком из Англии, а вовсе не из Исландии и Норвегии, как то официально заявляется». В немецкие порты на Северном море товары доставлялись через Гельголанд. В сентябре 1807 года остров оккупировали англичане. С апреля 1808 года, не без помощи британского правительства, здесь развернулась нелегальная торговля. «Товарооборот Гельголанда возрастает с каждым днем, — сообщал английский агент. — Регулярные поставки товаров из Англии снизили цены до разумного уровня. Нет сомнения в том, что товарооборот будет расти и впредь вопреки контрмерам неприятеля. За последние 10 дней отправилось 7 кораблей, некоторые с грузом от 2 до 3 тысяч ливров. Идет бартер: колониальные и промышленные товары обмениваются на продовольствие и зерно». Попадавшие на континент грузы расходились затем по основным торговым путям. Из Амстердама товар направлялся вверх по Рейну на баржах; в Арнгейме их сменял наземный транспорт, который и переправлял грузы через Великое герцогство Баденское в Германию. Таким образом, снабжая Франкфурт наземным путем, Гамбург становился конкурентом Амстердама. Груженые баржи нередко доходили и до Швейцарии. Из Триеста американские хлопчатобумажные ткани и колониальные товары попадали в Вену, а оттуда в Страсбург, Базель, Мюнхен и Лейпциг. Только строго охраняемая французская граница могла отпугнуть контрабандистов. В мае и августе 1808 года в департаменте Ду между таможенными служащими и вооруженными контрабандистами завязывались настоящие сражения.

Высокопоставленные особы то и дело оказывались вовлеченными в постоянно вспыхивающие скандалы. В 1808 году в Страсбурге два таможенных досмотрщика из Ванценау обнаружили в арестованном имуществе юной жительницы Берна доказательства причастности инженера путей сообщения, Робена, к получению в Ганау нелегальных товаров, поступавших из Франкфурта. Вскоре было раскрыто еще одно дело, в кото-

ром оказались замешаны врачи и крупные торговцы из Страсбурга. В 1809 году подпольный товарооборот продолжал расти, особенно в районе города Мюлуз. К этому времени насчитывалось около 100 тысяч контрабандистов, прибегавших порой к услугам страховых агентов. Контрабанда, таким образом, вносила весомый вклад в английскую экономику. Увеличение британского экспорта на континент обусловливалось прежде всего восстанием в Испании. Автор одного из последних исследований о блокаде, Франсуа Крузе, справедливо замечает: «Если за полугодием экономического кризиса и упадка последовало полугодие ощутимого роста промышленности и экспорта, предваряющего экономический бум 1809—1810 годов, то первопричина этому — война в Испании. Это она открывала, а то и возвращала британским экспортерам обширные рынки Иберийского полуострова и Латинской Америки. К тому же Испания отвлекала на себя внимание императора и значительные силы Великой Армии, отдав на откуп контрабандистам широкие просторы Северной Европы и Средиземноморья».

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что испанская война, первая дипломатическая ошибка императора, позволила Англии избежать нависшей над ней экономической катастрофы.

Режим континентальной блокады

Англичане без труда завладевали колониями Франции и ее союзников. Они захватили принадлежавшие Голландии Кейптаун и Яву, французские Гваделупу и Иль-де-Франс и закрепились в Америке, где испанские колонии в Мексике, Перу, Чили и Колумбии восстали в 1810 году против «узурпатора Жозефа». В 1811 году пожар перекинулся на Парагвай. Наполеон же демонстрировал полную неспособность бороться с процветавшей на побережье контрабандой. Для укрепления таможенного контроля ему пришлось аннексировать Анкону, провинции, управляемые папским легатом, Парму, Плезанс, Тоскану, Папскую область и Иллирийские провинции, включая Триест, которые по Венскому договору 1809 года перешли во владение Франции. Наполеон, разгневанный тщетной попыткой своего брата Луи заключить при посредничестве банкиров Беринга и Уврара сепаратный мир с Англией, аннексирует в марте 1810 года левый берег реки Ваал, а затем, после отречения Луи, в июле 1810 года, — и всю Голландию. Эта аннексия, поясняет Шампаньи, «раздвигая границы Империи

Вашего Величества, укрепляет армию, политику и торговлю; она — первый необходимый шаг к восстановлению нашего флота, она, наконец, наносит по Англии самый болезненный удар из возможных». Сенатус-консультом, присоединившим к Франции Голландию, в состав Империи были включены: часть Великого герцогства Бергского, два Сальмских княжества, герцогство Ольденбургское, значительная часть королевства Вестфалии и три ганзейских города — Гамбург, Любек и Бремен, образовавших соответственно три новых департамента: Верхний Эмс (Оснабрюк), Нижний Везер (Бремен) и Нижняя Эльба (Гамбург). «Останься на Северном море хоть один город, согласный торговать с Англией, поток товаров с переполненных складов Гельголанда наверняка затопил бы континент», — разъяснял Шампаньи. Чтобы покончить с нелегальным поступлением товаров из Швейцарии, Наполеон в ноябре 1810 года оккупировал Тессен и Валез. Эта закономерно вспыхнувшая в результате континентальной блокады эпидемия аннексий всколыхнула всю Европу. Она усугубила нестабильность положения на континенте и нанесла ущерб наполеоновской политике в Германии, подорвав авторитет королей — ставленников императора. Аннексии действовали на европейских монархов, в том числе и на русского царя, которому герцог Ольденбургский приходился шурином, как красная тряпка на быка. Быстрое увеличение количества департаментов настораживало даже французов, обеспокоенных будущим страны, непомерно расширявшей свои естественные границы.

Оправданием этой политики могла послужить только блокада, однако Наполеон пошел на уступки, введя лицензионный режим, подорвавший популярность континентального кордона.

Лицензионный режим

Принятые императором меры не смогли пресечь контрабандную торговлю; они лишь потеснили ее на восток. «Из России в Пруссию, из Польши и Моравии в Вену, из Османской империи в Австрийскую движется нескончаемый поток товаров», — сообщала дипломатическая почта. Место Рейна занял Дунай. Жан Батист Сэй, заклеймивший протекционистскую политику Наполеона, поведал нам о долгом извилистом пути европейца, отправлявшегося за хлопком в Вену. «Сахар, кофе, табак, хлопчатобумажные ткани из Лондона доставлялись морем в Салоники и далее, на лошадях и мулах, переправлялись через Сербию и Венгрию в Германию, отту-

да — во Францию. Нередко доставляемый в Кале из Англии товар, вместо того чтобы просто пересечь Ла-Манш, проделывал путь, транспортные расходы на который равнялись двукратному кругосветному путешествию».

Наполеону пришлось, однако, и на себе испытать действие обоюдоострого оружия блокады. Нехватка сырья и колониальных товаров, эквивалентная замена которым еще не была найдена (еще только велись опыты по производству свекловичного сахара), повергла континент в бедственное положение, сходное с кризисом, поразившим Британские острова, где перепроизводство товаров грозило обернуться безработицей и инфляцией. Французская промышленность после введения Джефферсоном торгового эмбарго лишилась американского хлопка. Мануфактурам приходилось довольствоваться хлопком из Неаполя и Леванта, но и его недоставало. Рост цен на шерстяные и льняные ткани пополнил армию недовольных производителей армией недовольных потребителей. Импорт сахара-сырца упал с двадцати пяти миллионов килограммов в 1807 году до двух миллионов в 1808-м. Цена на кофе росла с каждым днем. «Колониальные товары дорожают так стремительно, — писал 1 июня 1808 года министр внутренних дел Крете, — что непонятно, кто еще в состоянии покупать бразильский хлопок по 11—12, сахар по 5—6 и кофе по 8 франков за фунт. Впрочем, колоссальная прибыль, которую сулит перепродажа этих товаров, завораживает все классы и сословия». В равной степени пострадал и европейский экспорт. Наряду с промышленниками и потребителями ущерб понесли судовладельцы и фермеры. Разве континент не поставлял в Англию зерно, плодоовощные культуры, шерсть и древесину, не говоря уже о вине? Перепроизводство спиртных напитков в 1809 году всерьез взволновало торговую палату Бордо. Крестьян раздражала невозможность экспортировать излишки более чем обильного урожая зерновых в 1808 году. Наполеон вынужден был наконец пойти на смягчение режима блокады, поскольку сокращение поступлений от таможенных сборов лишало его важного источника доходов как раз в тот момент, когда война в Испании превратилась в убыточную. Первый шаг в этом направлении сделала Англия, введя лицензионный режим для импорта спиртных напитков французского производства, а также других товаров, перечень которых был установлен 19 июля 1808 года. Эта инициатива нашла отклик у Наполеона, о чем Крете и проинформировал префектов в циркуляре от 14 апреля 1809 года: «Его величество, дабы способствовать дозволенному отныне экспорту зерна, спиртного, сухофруктов, конфитюров и овощей, решил предоставить су-

дам лицензии на перевозку этих грузов». Таким образом, неудавшаяся блокада, от которой выигрывали лишь контрабандисты, вовлекла в ряды последних и самого Наполеона: он торговал с Англией напрямую, союзники же, вассальные и нейтральные государства делать этого не могли. Поскольку Франция была завалена колониальными товарами, в которых так нуждались другие европейские страны, именно она, а не Англия стала поставлять их контрабандным путем. Словом, к монополии, предоставленной Наполеоном французской промышленности на европейском рынке, прибавилась и монополия на торговлю колониальными товарами. Этот коммерческий шовинизм нашел отражение в декретах 1810 года, ознаменовавших собой пересмотр концепции блокады.

Первый этап: на основании декрета от 3 июля «лицензии выдавались лишь французским судам»; он разрешал также «экспорт всех не запрещенных к вывозу мануфактурных товаров и сельскохозяйственных продуктов французского производства», то есть спиртного и зерновых. Следующий декрет, изданный 25 июля в Сен-Клу, наделял Наполеона неограниченным правом контроля над всей морской торговлей Империи. «Начиная с 1 августа, — постановил император, — судно сможет покинуть наши порты лишь при наличии собственноручно подписанной нами лицензии». Последняя санкционировала ввоз во Францию всех необходимых ей товаров и их последующую реализацию на континенте французской торговлей, но уже без посреднической помощи. Наконец, декрет, подписанный 5 августа в Трианоне, устанавливал таможенные пошлины на колониальные товары: 800 франков за центнер американского хлопка, 400 франков — за центнер ближневосточного и столько же за кофе. Непомерно высокие пошлины рассчитывались таким образом, чтобы потребитель платил за товар как за контрабандный; разница же поступала не в карман контрабандиста, а в государственную казну.

Оставалось претворить декрет в жизнь. В государствах, входивших в сферу французского влияния, сделать это было нетрудно. И тем не менее даже баварский король, выражая мнение недовольных, позволил себе написать Наполеону, что друзья Франции оказались едва ли не в худшем положении, чем враги.

С целью положить конец выражениям протеста накануне распродажи запасов колониальных товаров по новым тарифам Наполеон приказал провести во Франкфурте, «заваленном английскими и колониальными товарами», немедленную конфискацию. Операция была проведена таможенниками Меянса и солдатами двух пехотных полков под командовани-

ем Фриана и принесла казне около десяти миллионов франков. Точку в этой «переоценке ценностей» поставил декрет, подписанный 19 октября в Фонтенбло. Он оговаривал еще более жесткие таможенные барьеры, окончательно лишавшие Европу права торговать колониальными товарами, избавляя таким образом Францию от потенциальных конкурентов. Сжигание товаров 17, 20, 23 и 27 ноября потрясло Франкфурт, чья торговля так и не смогла оправиться от этого удара. Недовольство охватило всю Германию. Оно усугубилось тем, что вмешательство в конфликт деловых кругов вызвало панику в торговой и банковской сферах.

Кризис во Франции 1810—1811 годов

Сложившийся порядок вещей явился результатом кризиса 1810 года, достигшего своего апогея к моменту рождения римского короля. На смену ажиотажу с ассигнатами пришла спекуляция колониальными товарами, оживившаяся после принятия Берлинского декрета. Зато декреты, принятые в 1810 году, воздвигли перед ней непреодолимые препятствия. Оказалось, что немецким, швейцарским и голландским купцам, чьи товары были конфискованы, нечем расплачиваться с английскими экспортерами; в свою очередь, французские импортеры, предоставившие кредиты торговым домам Амстердама, Базеля и Гамбурга, лишились возможности возместить убытки. Симптомы кризиса обозначились в мае 1810 года. В переписке с Наполеоном министр финансов Мольен предостерегал против пагубных последствий спекуляции колониальными товарами, а также — искусственного повышения цен в Голландии и ганзейских городах. Банкротство Родде, влиятельного торгового дома в Любеке, разразившееся в сентябре, повлекло за собой разорение крупнейших парижских банков Лафита, Фула, Туртона. В ноябре и декабре количество банкротств продолжало расти. «Все рынки Франции, Германии и Италии пришли в упадок», — сообщалось в донесении полиции. 1810 год завершился серией банкротств в Париже и Лионе. Первые месяцы 1811 года также не внушали оптимизма. Особенно пострадала шелкоткацкая промышленность: в Лионе число станков сократилось вдвое. Кризис коснулся Тура, Нима и Италии, затронув хлопчатобумажную промышленность: со временем мануфактуры Руана стали потреблять лишь треть сырья, переработанного в 1810 году.

На севере спад оказался еще более глубоким. Не обошел он и производство шерстяных тканей: 25 процентов суконщиков

приостановили платежи. Кризис в металлургической промышленности был менее тяжелым, хотя депрессия не пощадила ни Верхний Рейн, ни Мозель, ни Пиренеи. В августе и сентябре дисконтирование составило в Париже лишь двенадцатую часть от общей суммы оплаченных векселей минувшего года. В мае из 50 тысяч парижских рабочих 20 тысяч подверглись увольнению. Наполеон ограничился привычными мерами: выделил ссуды промышленникам (Ришар-Ленуару, Гро-Давилье); сделал крупные заказы для двора (декрет от 6 января 1811 года предписывал придворным носить в Тюильри платье из шелка); организовал крупномасштабные земляные работы. К концу лета наметилась некоторая стабилизация, однако неожиданно плохой урожай затруднил выход из кризиса. Если на юге свирепствовала засуха, то часть урожая парижского бассейна погубили ливневые дожди.

Положение было отнюдь не бедственным, однако страх перед голодом разбудил древние инстинкты. «Вызванное разочарованием раздражение, — констатировал министр внутренних дел, — усугубило зло, а паническое настроение общества, всегда склонного к крайностям, способствовало росту цен и вздорожанию зерновых». В марте 1812 года цена на хлеб подскочила в Париже с 14 до 16, а затем и до 18 су. Однако во второй половине дня и по этой цене уже нельзя было купить ни буханки. Пришлось вернуться к «максимуму» — твердой цене, которую, дабы не вызывать нежелательных ассоциаций с эпохой Революции, именовали «таксой». Декретом от 8 мая 1812 года в Сене и смежных с ним департаментах был введен максимум на гектолитр пшеницы, что привело к вымыванию с рынков всех зерновых культур. Зато Марсель (департамент Буш-дю-Рон, где префект Тибодо воздержался от введения максимума) был относительно сносно обеспечен продовольствием. Голодные бунты обошли Париж стороной только потому, что цена на хлеб здесь никогда не превышала 20 су — более дорогой хлеб обрек бы народ на нищету; кроме того, широко практиковалась раздача благотворительных супов а-ля Рюмфор[1]; наконец, безработица никогда не приводила в Париже к голоду. И тем не менее лишь чудом удалось не допустить демонстрации женщин в Сент-Антуанском предместье при переезде императора через заставу Шарантон 19 января 1813 года. Наполеон всегда внимательно следил за положением дел в столице. Вспомним одну из брошенных им знамени-

[1] *Б.-Т. Рюмфор* (1753—1814) — экономист и изобретатель, экспериментировавший с порохом и пищевыми продуктами; предложил и внедрил дешевый способ изготовления супа, применявшийся в 1811—1812 годах.

тых фраз: «Несправедливо, что в Париже сохраняется низкая цена на хлеб, хотя в других местах она высока; но ведь в столице находится правительство, а солдаты не любят стрелять в женщин и детей, требующих хлеба». После кризиса X года позиция Наполеона по этому вопросу не изменилась. Иначе обстояли дела в провинции. В департаменте Ла-Манш стоимость гектолитра пшеницы возросла с 20 франков в конце августа 1811 года до 30 франков в начале марта 1812 года. В Шербуре обстановка накалилась до предела. «Нищета портовых рабочих нестерпима: они не могут раздобыть себе хлеба даже за деньги; многие грузчики три дня прожили на одних овощах; для усталых, занятых тяжелым физическим трудом людей это недостаточно калорийная пища», — говорится в отчете префекта. Исчезли из продажи крупы. 2 марта 1812 года на крытом рынке Кана вспыхнул бунт. «Подайте сюда префекта, я сдеру с него шкуру, как со старой клячи!» — вопил один из бунтовщиков. Мятежников поддержали рекруты из Кальвадоса. Чинимые ими насилия сопровождались кражами и грабежами, но 3 марта все успокоились. Прежней оставалась лишь нищета, омраченная трудностями, переживаемыми текстильной промышленностью. «В окрестностях Лизье, — свидетельствует комиссар полиции города Кана, — бродят мертвенно-бледные, изможденные существа; по обочинам дорог расположились нищие, терпеливо ждущие сострадания путешественников. Пищей крестьян, не имевших в запасе даже овсяного хлеба, были молочные продукты, овощные супы, сыр и отруби». В Приморских Альпах, департаменте, расположенном на противоположном конце Франции, царил тот же голод. «Минувшей весной деревенская беднота питалась лишь дикими травами да корнеплодами, без всякой приправы и даже без соли; в некоторых населенных пунктах вместо соли употребляли морскую воду. Жуткое зрелище являли собой люди, сломленные нуждой и умершие от голода», — замечает префект. Когда же урожай был сносным, причиной голода становилась безработица, вызванная кризисом текстильной промышленности, как, например, в департаменте Эн. «Лишения, — пишет префект этого департамента, — были вызваны не отсутствием зерна, а невозможностью установить цену, даже фиксированную, которая была бы по карману простому народу. Многие питались овсяным хлебом; иные дошли до того, что разводили молоком отруби. Но эти печальные примеры — скорее результат страшной нищеты, тотальной безработицы и безденежья, чем неурожая, поскольку мы даже оказывали помощь соседним департаментам». Словом, безработица и неурожай шли рука об руку, усугубляя нищету. По-

всеместно вспыхивали беспорядки: множащиеся шайки разъяренных нищих штурмовали мельницы и булочные, грабили повозки и груженные хлебом суда, сжигали фермы. Стены пестрели воззваниями:

Проснись, измученный народ,
Оставленный без хлеба, без работы!

Или:

Народ взывает:
Хлеба и работы!
Иначе — берегись!

Угрозы адресовались нотаблям.

Угрожали Барбье, крупному негоцианту из Ренна, зятю министра:

Голова или зерно —
Тут иного не дано.
Так что ты, Барбье, отдай
Наш законный урожай!

Иные угрозы в виде факела, зажженного над воротами помещика или богатого фермера, пугали не на шутку. Заволновалась буржуазия, обеспокоенная сохранностью своего имущества и посягательствами на личную безопасность. Пришлось вмешаться Наполеону, и без того занятому подготовкой к кампании в России. В общем-то, бунтов было не так уж и много: помимо Кана, самыми взрывоопасными очагами напряженности оказались Шарлевилль и Ренн. Тем не менее авторитет администрации пошатнулся, над собственностью нависла угроза, воцарилось всеобщее смятение. Назрела необходимость в показательном процессе. Выбор пал на Кан, куда во главе крупного воинского контингента Наполеон направил генерала Дюронеля. 14 марта состоялось заседание военного совета. Он вынес восемь смертных приговоров, два из которых — заочно.

Шестерых осужденных, в том числе двух женщин-кружевниц, повесили 15 марта. 17-го войска покинули город. «Жители провинившихся предместий сломлены, напуганы; за два дня украденные вещи возвращены их владельцам», — сообщал префект. Повсеместно была усилена жандармерия. Хотя волнения и охватили около сорока департаментов, правительство не потеряло контроля над событиями, поэтому порядок удалось быстро восстановить. К концу года обстановка стабилизировалась. Урожай 1812 года в большинстве департаментов оказался вполне удовлетворительным, а на редкость богатый урожай 1813-го способствовал преодолению кризиса. Но

именно с этого момента началась полоса банкротств, обусловленных потерей рынков на севере и востоке.

Современники восприняли эти события как одну непрерывную трехлетнюю депрессию, хотя в действительности произошли три последовательно сменивших друг друга кризиса: перепроизводство, вызванное спекуляциями, неурожай и новое перепроизводство в результате потери рынков в Германии. Нельзя не признать, что эти кризисы пошатнули авторитет императора.

Сельские жители и парижские рабочие по-прежнему сохраняли верность Наполеону. Разве не он удерживал в Париже цену на хлеб в разумных пределах и предотвратил ужасные беспорядки в деревне? Буржуазия, напротив, окончательно отвернулась от режима, а в Европе жесткие условия Трианонского и Фонтенблоского декретов вызвали недовольство немцев и голландцев, подготовив восстания 1813 года.

Кризис в Англии

Никогда еще Наполеон не был так близок к победе, как в 1811 году. Экономический кризис, наметившийся после падения фунта стерлингов и неурожая 1809 года, готов был не на шутку разразиться на противоположном берегу Ла-Манша. Ужесточение режима континентальной блокады и решительные меры, принятые в отношении английской контрабанды в обстановке насыщенного колониальными товарами европейского рынка, нанесли ощутимый удар по британской торговле. Со своей стороны, английские бизнесмены, надеясь завоевать новую клиентуру в Южной Америке, предоставили своим латиноамериканским партнерам слишком большую рассрочку, что привело к перенасыщению рынка реализуемыми по убыточной цене товарами. Финансовый кризис, повышение цен на зерно, падение экспорта и обманутые сверхожидания, возлагавшиеся на испанские колонии, обусловили первые симптомы депрессии, обозначившейся в 1810-м и углубившейся в 1811 году. Снижение экспорта на некоторые виды товаров стало вызывать опасения.

Финансовые итоги подтвердили значительное свертывание внешнеторговой деятельности. Кризис поразил и промышленность: сначала хлопчатобумажную, затем — металлургическую, а под конец и судостроительную. Росла безработица, доходы рабочих падали, а неурожай 1811 года привел к резкому вздорожанию жизни. В феврале 1811 года по Ноттингему прокатилась волна стачек, во время которых рабочие ломали

станки. Вспыхнув в центральных графствах, движение охватило Ланкшир и Йоркшир. Современникам казалось, что разрушители станков готовятся к антиправительственному восстанию и истреблению привилегированных классов. На деле луддизм был реакцией народа на безработицу и вздорожание хлеба. Экономический кризис проявился и во внешней политике: разрыв англо-американских отношений привел 18 июня 1812 года к очередной войне между Великобританией и Соединенными Штатами. К концу 1812 года обстановка в Англии еще больше обострилась, в то время как на континенте, казалось, начала стабилизироваться.

И вот, во второй раз, политика континентальной блокады довела Англию до экономического кризиса и социальной напряженности. И во второй раз, когда Англия уже готова была отступить, Наполеон вновь ввергся в очередную военную авантюру. Император полагал, что лицензионный режим позволит ему окупить расходы на войну с Россией. Однако, сняв таможенные барьеры с экспорта зерна в Великобританию, он спас Англию от голода. Разумеется, у него никогда и в мыслях не было уморить англичан. И все же трудно сказать, к чему привело бы движение луддитов, если бы голод потуже затянул на Англии свою петлю. Наполеон по-прежнему ставил перед собой задачу экономического удушения этого островного государства. Вернись он из Москвы победителем, Европа была бы, вероятно, наглухо закрыта для английских товаров. Английскую экономику спасла от катастрофы русская зима, точно так же, как в 1808 году — война в Испании.

Глава VII

ПОРАЖЕНИЯ

Можно ли верить Мармону, сославшемуся на слова, якобы сказанные ему в 1809 году одним из наполеоновских министров: «Хотите знать правду, правду о будущем? Император безумен, абсолютно невменяем. Он опрокинет нас со всеми потрохами вверх тормашками, и все закончится неслыханной катастрофой». Этот представитель зажиточной буржуазии проницательно обнаружил растущую обеспокоенность нотаблей бесконечными войнами, которые вел Наполеон. Давно остались позади естественные границы, те географические рубежи, защите которых была подчинена внешняя политика Франции от Ришелье до Талейрана. Кому из современников не было ясно, что «установка» на военную экспансию рано или поздно обернется таким крахом, который сведет на нет

завоевания Революции? Гигантская катастрофа, разразившаяся в 1812 году, по своим масштабам не уступала предшествовавшим ей событиям. Она привела к созданию самой крупной из европейских коалиций, которым Франция когда-либо противостояла.

Причина русско-французского конфликта

Разрыв с Францией, к которому стремился русский царь, отвечал политическим и экономическим интересам России. Александр не получил тех дипломатических преимуществ, на которые рассчитывал, подписывая договор в Тильзите. Став полновластным хозяином Рима и поглядывая теперь на Константинополь, Наполеон медлил с разделом Турции. Создание Великого герцогства Варшавского, чреватое возрождением Польского королевства, совершенно не устраивало Россию, опасавшуюся, что оно окажется под протекторатом Франции. После аннексий герцогства Ольденбургского, а затем ганзейских городов, Франция получала контроль над Балтийским морем. Французский империализм давил на болевые точки России, ущемляя к тому же ее экономические интересы. Замкнув кольцо континентальной блокады, Наполеон перекрыл потоки зерна, пеньки и леса в Англию, не предоставив России альтернативных рынков сбыта. Все это, разумеется, вызывало резкое недовольство русских купцов. По имеющимся данным, русский экспорт во Францию едва достигал 257 тысяч рублей, тогда как Франция импортировала в Россию товаров на сумму в 1 миллион 511 тысяч рублей. Проводя политику меркантилизма, Наполеон легко мирился с подобным ущемлением торговых интересов России. Но вряд ли такое кровопускание устраивало русского царя. Лессес, генеральный комиссар по торговым делам в Санкт-Петербурге, в письме от 22 апреля 1809 года обращал внимание своего министра на губительные последствия сложившегося положения: «Нынешний курс рубля неоспоримо свидетельствует о том, до какой степени Россия затронута происходящими событиями». И уточнял: «В прошлом году вражеские эскадры, блокировавшие Балтийское море, пропустили лишь те корабли, которые смогли обмануть их бдительность или же воспользовались их алчностью. Лишившись экспортных доходов, торговля России находится в постоянном дефиците. Горы пеньки, леса, жира, дегтя, поташа, меди, железа и множества других товаров большого объема и малой стоимости неминуемо обернутся полным разорением страны, если это критиче-

ское положение продлится еще несколько лет». В 1809 году лишь один из ста тридцати восьми зарегистрированных русских торговых кораблей взял курс на Бордо — таков был установленный Францией жесткий кордон. При этом Франция не использовала оставленные Англией рынки сбыта. Французские корабли не ввозили в Россию нужных ей товаров. Лессес в донесении от 22 марта 1810 года сообщает, что все суда, прибывшие в 1809 году из Бордо и Маренна, прошли контроль без особых таможенных формальностей: «...нехватка товаров в Ливонии и Курляндии так велика, что, если бы кто-нибудь осмелился воспрепятствовать разгрузке, тут же вспыхнули бы беспорядки». Наконец, вместо того чтобы экспортировать предметы первой необходимости, Франция поставляла в Россию спиртные напитки, парфюмерию, фарфоровые и ювелирные изделия. С 1809 года политика российских властей в отношении блокады стала более гибкой: они начали смотреть сквозь пальцы на прибытие так называемых нейтральных судов. Объем торговли Риги с Англией остался на уровне прошлых лет.

Российский указ от 31 декабря 1810 года нанес удар по импорту предметов роскоши из Франции. Это была вынужденная мера, направленная на выравнивание российского торгового баланса. В письме от 25 марта 1811 года царь обосновывает введение новых пошлин «полным расстройством морской торговли и пугающим падением курса рубля». Впрочем, политики оказывали на российского императора не меньшее давление, чем предприниматели. Тильзитский договор не получил одобрения санкт-петербургского двора. Французы перехватили и передали царю письмо, свидетельствовавшее о существовании заговора, направленного на свержение Александра I и воцарение его сестры Екатерины. На следующий день после Тильзита царь, не забывавший о судьбе своего отца, Павла I, преданного его окружением, пошел на попятный, продемонстрировав пассивность в Эрфурте, нежелание вступать в матримониальный союз с Наполеоном, нарушив режим континентальной блокады. Помимо всего прочего к мнению двора и предпринимателей присоединилась армия, отказавшаяся брататься с французами в Тильзите. Давыдов писал в «Военных записках»: «Что касается до нас, одно любопытство видеть Наполеона и быть очевидными свидетелями некоторых подробностей свидания двух величайших монархов в мире — несколько развлекли чувства наши; но тем и ограничивалось все наше развлечение. Общество французов нам ни к чему не служило; ни один из нас не искал не только дружбы, даже знакомства ни с одним из них, невзирая на их

старание — вследствие тайного приказа Наполеона — привлекать нас всякого рода приветливостями и вежливостью. За приветливости и вежливость мы платили приветливостями и вежливостью — и все тут. 1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть». Наполеон также был разочарован Тильзитским договором. Он не оценил сдержанности, проявленной Россией в Эрфурте и в ходе франко-австрийской войны. Он не мог смириться даже с лазейкой в континентальной блокаде, когда казалось, что еще немного — и кордон сокрушит Англию. С 1806 года торговые палаты, во главе с лионской, потребовали возобновления торговых отношений. 7 декабря 1807 года Шампаньи писал Коленкуру: «Его Величество поручил мне переговорить с вами по вопросу о французской торговле. Насколько мне известно, только она и представлена в Санкт-Петербурге. Сейчас самый благоприятный момент для ее возрождения». Однако отрезвление не заставило себя ждать: огромные расстояния, дороговизна транспортировки, проблемы с кредитованием, близость более доступных рынков в Германии и Италии вынудили французских негоциантов отказаться от России. Окончательная утрата этого рынка наносила, следовательно, лишь незначительный ущерб и, по мнению французских торговцев, не должна была привести к войне. Между тем Наполеон стремился к ней, несмотря на сдержанное противодействие нотаблей. В его представлении она вписывалась в рамки франко-английского конфликта, будучи естественным продолжением континентальной блокады. Вот признания Наполеона Нарбонну, которыми последний поделился позднее с Вильменом:

«Этот далекий путь ведет в Индию. Александр достиг бы Ганга, преодолев то же расстояние, какое отделяет от этой реки Москву. Вам должно быть известно о миссиях генерала Гарданна и ориенталиста Жобера в Персии. Ничего толкового из этого не вышло. Но я знаю маршрут и умонастроения народов, населяющих земли, через которые нам предстоит пройти, чтобы от Еревана и Тифлиса добраться до английских колоний в Индии... Вообразите, что Москва взята, Россия повержена, царь усмирен или пал жертвой дворцового заговора, тогда можно основать новый, зависимый от Франции трон. И скажите, разве для великой французской армии и вспомогательных отрядов из Тифлиса не открыт путь к Гангу, разве не достаточно одного туше французской шпаги, чтобы на всей территории Индии рухнула эта пирамида английского меркантилизма?» Если эти декларации и достоверны, не преследовали ли они цель ввести Нарбонна в заблуждение? Был ли

Наполеон искренен или опьянен численностью гигантской армии, которую ему удалось собрать к 1812 году? В 1811 году военному министерству и, в частности, топографическому отделу, возглавляемому Бакле д'Альбом, поручается составление карт для предстоящей кампании. Военное снаряжение и техника складируются в Ла Фере, Меце, Майнце, Везеле и Маастрихте, а затем отправляются в Данциг.

Император планирует молниеносную войну. Он якобы говорит Нарбонну: «Варварские народы суеверны и примитивны. Достаточно одного сокрушительного удара в сердце империи — по Москве — матери русских городов, Москве златоглавой, и эта слепая и бесхребетная масса падет к моим ногам». Он рассчитывает, что при приближении Великой Армии крепостные Литвы восстанут против помещиков и рубль обесценится. (Для большей надежности Наполеон распорядился изготовить фальшивые ассигнации.) Звучали, однако, и трезвые предостережения. Капитан Леклерк, собравший часть необходимых статистических сведений о положении в России, писал в январе 1812 года: «Если император Наполеон решится вторгнуться в глубь России, он или останется без армии, как Карл XII под Полтавой, или вынужден будет спешно отступить». В начале 1812 года раздавались и другие голоса, протестующие против открытия восточного фронта в условиях нерешенности испанской проблемы. Талейран, рупор брюмерианцев, не скрывал своего скептицизма. Война разразилась в июне 1812 года. При содействии Англии царь сформировал шестую коалицию, в которую вошла лишь Россия.

Впервые французская армия имела подавляющее численное превосходство. В принципе Наполеон мог рассчитывать на Пруссию и Австрию: Меттерних, как мог, успокаивал царя. «Каковы ваши гарантии?» — настойчиво спрашивал русский посол. «Интересы австрийской монархии», — отвечал Меттерних. Король Пруссии писал Александру: «Если разразится война, мы не совершим зла больше, чем потребует от нас жестокая необходимость. Будем помнить, что мы едины и когда-нибудь вновь станем союзниками». А тем временем Австрия и Пруссия вливали свои контингенты в могущественную 675-тысячную армию Наполеона. Армию, включавшую швейцарцев, поляков, итальянцев, бельгийцев, голландцев: словом, представителей всех покоренных императором европейских народов. 17 мая Наполеон прибыл в Дрезден, где его ждал настоящий «цветник королей». Проходившие там пышные церемонии многократно описаны. Но обратил ли кто-нибудь внимание на то, что впервые перед началом кампании Наполеон выступал уже не как вождь революции, а как мо-

нарх, оказывающий прием своим родственникам: императору Австрии и королю Пруссии? Именно там он обронил ненароком, что события во Франции приняли бы другой оборот, если бы в свое время его «бедный дядюшка» проявил большую твердость. «Бедный дядюшка» — это Людовик XVI, с которым Наполеон породнился, женившись на Марии Луизе. Легко представить себе негодование, которое эти слова вызвали у революционной буржуазии. Все пьянит его и внушает ему чувство, что он легко одержит победу над Россией. 1 июня он обещает в письме Марии Луизе из Познани, что встретится с ней через три месяца. Может быть, он охвачен воспоминаниями о Революции? В Торне штабные офицеры с удивлением слышат, как он во все горло распевает «Походную песню»:

И с севера на юг
Труба зовет в поход
На Франции врагов...

На берегах Немана он будет напевать «Мальбрук в поход собрался». Редкую кампанию Наполеон начинал в таком приподнятом настроении. Оно и понятно: Россия выставила против него лишь 150-тысячную армию, разделенную к тому же на два отряда под командованием Барклая-де-Толли и Багратиона.

Правда, одно немаловажное событие несколько омрачило горизонт: в Бухаресте Россия подписала мирный договор с Турцией. «Невежественные потомки Магомета заключили мир как раз в тот момент, когда могли выправить последствия целого века проигранных войн», — писал Жомини.

Катастрофа

24 июня у Ковно французы форсируют Неман. Наполеон рвется к Вильно с намерением расчленить русские войска. Он рассчитывает уничтожить их по очереди, а затем продиктовать условия мира. Тщетно: русские отступают, оставляя за собой выжженную землю. Наполеон надеется настичь их 17 августа в Смоленске, но они в очередной раз ускользают. Несмотря на то, что за два месяца не произошло ни одного серьезного сражения, численный состав Великой Армии неудержимо таял: из строя вышло 150 тысяч человек. Армия теряла из-за болезней, дезертирства и нехватки продовольствия от пяти до шести тысяч ежедневно. В командовании возникают разногласия: 8 июля Даву вошел в Минск и мог бы отрезать Багратиону путь к отступлению, если бы Жером атаковал с фронта. Последний, однако, не предприняв никаких действий, покинул

армию после того, как Наполеон решил перевести ее в подчинение Даву. По свидетельству Буткевича, будущего епископа, находившегося в то время в Литве, французы производили впечатление плохо подготовленных солдат: драгунам, переквалифицировавшимся в уланов, пришлось сменить ружья на пики, с которыми они не умели обращаться, «кони вставали на дыбы, всадники нервничали», а «из-за неумения подковывать лошадей для артиллерийских повозок, чтобы они могли продвигаться по заснеженным северным просторам, пришлось бросить много пушек». Не желая раздражать французскую общественность, Наполеон понадеялся на прусский и польский провиант, однако враждебность жителей Пруссии, неприязнь поляков, непроходимые дороги и плохие урожаи нарушили его планы.

В довершение всех бед Наполеон никак не мог вступить в соприкосновение с противником, притом что его основные силы, истощенные марш-бросками и большими переходами, таяли на глазах. Все это выглядело блистательным подтверждением пророчества графа Ливена и Клаузевица. Последний, перейдя на службу к царю, уверял в русском штабе, что Бонапарт неминуемо потерпит поражение, сломленный гигантскими размерами империи, если только Россия сумеет воспользоваться своим преимуществом, а именно: до последнего момента беречь силы и ни под каким видом не заключать мира. Он советовал «эвакуировать всю страну до Смоленска и лишь там начать настоящую войну». Вскоре после завершения кампании эта версия будет подхвачена русскими, утверждавшими, что их отступление было преднамеренным. Между тем Клаузевиц в своем изложении событий кампании 1812 года убедительно показал, что генеральной штаб совершенно случайно вышел на тактику выжженной земли.

Русские генералы отступали не по заранее намеченному маршруту, а в страхе перед Наполеоном и реальностью его победы. Но могли ли русские сдать Москву, оплот православия, без боя? 18 августа Наполеон занял Смоленск. На следующий день в битве при Валутине Мюрат, Даву и Ней настигли русскую армию. По замыслу Наполеона, Жюно должен был атаковать их с тыла, но он бездействовал. Возможность решающего сражения была упущена. Несмотря на усталость войск, Наполеон возобновляет преследование: «Сама опасность толкает нас к Москве». Старику Кутузову приказано преградить путь неприятелю. Он занимает оборону у Москвы-реки, южнее Бородина. В результате ожесточенного и смертоносного сражения 7 сентября Наполеон прорывается к Москве. Позднее Толстой прославит «победу русских при Бородине». Пра-

вильнее было бы говорить об «успехе французов у Москвы-реки», поскольку 14 сентября Великая Армия все же вошла в Москву. Правда, с огромными потерями. К тому же в городе нельзя было жить, так как пожар уничтожил три четверти зданий. Александр же отказывался от переговоров.

Уже не в первый раз Наполеон сталкивался с народной войной. Сочетая патриотизм с религиозным фанатизмом, она подняла население на борьбу с завоевателями. Война, задуманная как партия в шахматы между порядочными людьми, переросла в драку, в которой дозволялись любые удары и не соблюдались никакие правила. Отрезанный огромным расстоянием от своей Империи (курьеру требовалось две недели, чтобы добраться от Москвы до Парижа), так и не дождавшись проявления доброй воли Александра, в середине октября Наполеон отдал приказ об отступлении, несмотря на то, что продовольственные запасы позволяли ему перезимовать в Москве. 19 октября армия покинула город. Хотя понесенные потери были значительны, катастрофы можно было избежать, если бы Наполеон не пошел по старой дороге. К несчастью, после сражения под Малоярославцем Кутузов вынудил его вернуться на Смоленскую дорогу и вновь пройти по земле, уже опустошенной сначала русскими, а затем французскими войсками. На беду, солдаты тащили с собой больше трофеев, чем продуктов. К голоду присоединились морозы.

Когда отступавшие оставили Смоленск, температура падала до минус двадцати, а порой и до минус тридцати градусов. Томительные ночи без тепла и света. Зато короткие зимние дни озаряли длинную вереницу людей, с головы до пят обмотанных тряпьем (обувь давно уже развалилась). Они плелись, оставляя в снегу трупы, орудия и повозки. Но куда страшней было попасть в руки казаков Платова, непрерывно атаковавших колонну. Русский офицер Борис Укскулл рассказывает в своих мемуарах, что мужики покупали французских пленных, чтобы сварить их в котле или посадить на кол. Французский солдат стоил два рубля. Русская историография всегда настаивала на том, что не столько суровой зиме, сколько партизанским отрядам принадлежит решающая роль в разгроме Наполеона. Но если слухи и преувеличивали масштабы бедствия, факты, поведанные оставшимися в живых, потрясали воображение. Переход через Березину по двум мостам из брусьев, возведенным в ледяной воде понтонерами Эбле, обернулся трагедией. Сегюр описал «густую, бескрайнюю, копошащуюся массу людей, лошадей и повозок, хлынувшую осаждать узкий проход к мостам. Передних останавливала река, отпихивали охрана и понтонеры, их давили напиравшие сзади,

затаптывали, сбрасывали на несущиеся по Березине льдины. Толпа издавала попеременно глухое рычание, крики, стоны, разражалась чудовищными проклятиями». Битва при Березине продолжалась с 27 по 29 ноября. Когда Эбле взорвал понтоны, на другой стороне оставались еще тысячи отступавших. Однако Наполеону удалось выйти из окружения и сохранить 50 тысяч боеспособных солдат. Отступление от Сморгони до Вильно при тридцатишестиградусном морозе без продовольствия довершило разгром. В Вильно Наполеон оставил 20 тысяч раненых, больных и дезертиров. 16 декабря через Неман переправилось лишь 18 тысяч. Остальные в течение нескольких дней выходили самостоятельно небольшими группами. Общие потери, включая убитых, пленных и дезертиров, оцениваются специалистами в 380 тысяч человек. Это было крупнейшее поражение, какое когда-либо знала история, и сами его масштабы способствовали окончательному оформлению наполеоновской легенды.

Отпадение Германии

Наполеон покинул армию 5 декабря около 10 часов вечера и не мешкая помчался в Париж, куда прибыл в ночь с 18-го на 19-е. О подробностях этого путешествия мы имеем представление благодаря Коленкуру. Весть о неудавшемся государственном перевороте генерала Мале, к которому мы еще вернемся в следующей главе, потрясла императора. Он корил себя за забвение, в которое был ввергнут римский король по вине таких высших должностных лиц, как Фрошо: «Люди слишком привыкли к непрерывным сменам правительств после Революции». Наполеон предвидел предательство сената и был готов заменить его на палату пэров — «в истинно национальном духе». В нее должны были войти наиболее влиятельные люди Империи.

Надеясь парировать критику буржуазии введением института пэрства, Наполеон оправдывался перед Коленкуром: «Говорят, что я властолюбив. Но разве есть у кого-нибудь в департаментах причины для недовольства? Тюрьмы почти пусты. Было ли такое, чтобы кто-нибудь пожаловался на префекта и не добился справедливости? Как Первый Консул, а затем император, я был королем народа, я правил для него, в его интересах, не отвлекаясь на эгоистические требования иных индивидуумов». Что имеет в виду Наполеон под словом «народ»? Он тут же уточняет: «Произнося слово “народ”, я имею в виду нацию, потому что я никогда не покровительствовал тем, кого

многие называют народом — всякому сброду. Но я не покровительствовал и вельможам. Если первые по причине своей забитости и нищеты всегда готовы к неповиновению, амбиции вторых делают их не менее опасными для власти». Иными словами, наполеоновская власть опиралась на буржуазию. Вот почему важно было завоевать ее доверие, подорванное известием об отступлении, опубликованным в 29-м бюллетене Великой Армии. «Наши поражения, — делился император с Коленкуром, — вызовут обеспокоенность, однако мое возвращение смягчит нежелательные последствия». 19 декабря он заявил Декрэ и Лакюе де Сессану: «Фортуна ослепила меня. Я был в Москве, я надеялся заключить мир. Я просидел там слишком долго. Я совершил грубую ошибку, но в моих силах ее исправить». И вот Наполеон опять за работой. А дурным новостям нет конца. Прусский генерал Йорк, корпус которого входил в состав французской армии, перешел на сторону России в соответствии с Таурогенской конвенцией, подписанной 31 декабря. Восточная Пруссия восстает против французского владычества, пожар недовольства перекидывается на Силезию и Бранденбург. 28 февраля 1813 года под давлением советников и студентов, покинувших аудитории, чтобы записаться в добровольческую армию, Фридрих Вильгельм подписывает договор с царем и провозглашает «освободительную войну» — «Священную войну», воспетую Арндтом, Кюрнером и Рюккертом.

Однако с присущей ему стремительностью Наполеон ухитрился рекрутировать в, казалось бы, истощенной Франции 300 тысяч новобранцев 18—19 лет, которые прошли весеннюю подготовку по пути в Германию. Он не хочет оставлять Испанию, где держит под ружьем 250 тысяч регулярных войск и мощную кавалерию, которых ему будет так недоставать. Он настойчиво внушает Коленкуру: «Война в Испании ведется отныне лишь партизанскими средствами». И добавляет: «Поскольку оппозиция новому порядку исходит от низов, лишь время и активность высших классов, руководимых сильным и мудрым правительством, опирающимся, с одной стороны, на национальную жандармерию, а с другой — на французские вооруженные силы, смогут усмирить это брожение.

Волна ненависти спадет, когда все поймут, что мы несем с собой лишь более разумные, либеральные и отвечающие потребностям времени законы, отличающиеся от отживших обычаев и инквизиции, веками управлявших этой страной». Наверное, Наполеон просто успокаивал себя. Нельзя было начинать войну с Россией, не разрешив испанской проблемы. В 1813 году возвращаться к ней было уже поздно. Англичане высадились на полуострове, и император уже не мог позволить

себе оголить южный фронт. Уйти из Испании, как ему советовали доброхоты, было бы безумием: это повлекло бы за собой крушение всей Империи. Впрочем, немецкие монархи не торопились присоединиться к Пруссии и России. Рейнский союз выслал императору востребованные им войска. Наполеон прекрасно понимал, что лишь победоносное наступление может спасти положение. Разработанный им план, который 11 марта 1813 года он излагает в своем послании к Евгению, возглавившему после отъезда Мюрата Великую Армию, дислоцированную в Лейпциге, впечатляет не меньше, чем знаменитая речь, продиктованная им в Булонском лагере.

«Постаравшись создать впечатление, что я собираюсь идти на Дрезден и в Силезию, я скорее всего под прикрытием тюрингских гор и Эльбы с 300-тысячной армией направлюсь в Гавельсберг, форсированным маршем дойду до Штеттина, затем — до Данцига, до которого две недели пути. На двадцатый день, форсировав Эльбу, мы снимем блокаду с Мариенбурга и захватим этот город и все мосты Нижней Вислы. Это — в отношении наступательных операций. Что касается обороны, то, поскольку наша главная цель состоит в том, чтобы прикрыть 32-ю дивизию, Гамбург и Вестфальское королевство, ее рубежи пролягут в районе Гавельсберга». Наполеон планировал начало операций на май. Саксонская кампания не заняла много времени и позволила императору вновь ощутить вкус победы. 1 и 2 мая он отбросил Блюхера и Витгенштейна, командовавших прусско-русскими силами при Вайсенфельсе и Люцене. Вынудив их отступить за Эльбу, он продолжил преследование и 20—21 мая вторично разгромил их при Бауцене и Вурсене. Не раз отмечалось, до какой степени отсутствие кавалерии связывало руки Наполеону: ему так и не удалось полностью уничтожить противника. Здесь следует отметить, что новым элементом, привнесенным прусскими войсками, стала ожесточенность, превратившая сражения в кровавые бойни. «Эти животные кое-чему научились», — признал император. 4 июня в Плейсвице было подписано двухмесячное перемирие. Наполеон понимал, что ему не одержать окончательной победы, однако и Пруссия с Россией, даже объединившись, не могли одолеть Францию. Такая расстановка сил поставила Австрию в положение третейского судьи. Окажутся ли в этой ситуации узы брака крепче былой европейской солидарности? Возьмет ли в Пруссии ненависть к французам верх над презрением к собственной аристократии? Предпочитая отделываться общими фразами, Меттерних предлагает посредничество. И в первый же день переговоров оглашает свои условия мира на континенте: восстановление территориальной и государст-

венной целостности Пруссии, а в случае необходимости — роспуск Рейнского союза. Эти условия не посягали на естественные границы Франции и могли бы быть приняты нотаблями. Что же Наполеон? Встреча императора с Меттернихом 26 июня в Дрездене даже в аранжировке австрийского дипломата выдает шаткость положения победителя при Бауцене. «Чего вы от меня хотите? — порывисто обратился ко мне Наполеон. — Чтобы я покрыл себя позором? Ни за что! Я погибну, но не уступлю и пяди своей территории. Ваши потомственные монархи могут быть двадцать раз биты и всякий раз вновь возвращаться на престол. Я не могу себе этого позволить, потому что я — всего лишь солдат, достигший вершины могущества. Мое владычество меня не переживет: оно рухнет, едва я ослабею и меня перестанут бояться». Наполеон допустил психологический просчет: уставшая от войн Франция пошла бы на возвращение иллирийских провинций и на отказ от Польши. Другая ошибка Наполеона заключалась в том, что он был уверен в нейтралитете Вены, о чем и поведал Меттерниху. Он не принял в расчет Англию: лишь благодаря английским субсидиям австрийский кабинет мог выйти из охватившего страну финансового кризиса. Последние события в Испании свидетельствовали о конце французского влияния на полуострове; это была отходная по наполеоновскому могуществу. 27 июня, по указке Англии, Меттерних заключил с Россией и Пруссией до поры до времени секретный Рейхенбахский договор. В соответствии с этим договором Австрия должна была вступить в войну с Францией в случае, если Париж не согласится на мир на предложенных Меттернихом условиях. Конгресс собрался в Праге в середине июля, срок окончания перемирия был перенесен на 10 августа. Состоялось лишь несколько заседаний. К тому времени Австрия уже определила свою позицию.

12 августа она вступила в войну. Союзники сформировали три армии: северную — под командованием Бернадотта, втянувшего в коалицию Швецию, силезскую — во главе с Блюхером и богемскую — под началом Шварценберга. Наполеон был готов к наступлению противника одновременно с трех фронтов. На севере, против Берлина, он поставил Даву, в центре, против Блюхера — Нея, а сам двинулся на Богемию. В общем, он распылил силы, да к тому же понадеялся на инициативу своих маршалов, давно приученных пассивно выполнять его приказы. Хотя Наполеон и сдержал натиск берлинской группировки под Дрезденом (26—28 августа), где был убит Моро, общие итоги были неутешительными: Вандамм потерпел поражение при Кульме, Макдональд — на реке Кацбах, Удино — у Гроссберена, южнее Берлина, а Ней — при Денне-

вице. 9 сентября Теплицкий договор упрочил австро-русско-прусский альянс, в то время как кавалерия Чернышёва продолжала преследовать Жерома де Касселя. 31 августа Пейрсю услышал, как Наполеон декламирует Вольтера:

Сколько лет я служил, направлял, побеждал,
Мир в моих был руках, судьбы многих я знал;
И всегда был уверен: в событье любом
Судьбы наций в мгновенье решатся одном...

Отступив к Лейпцигу, император дает 16—19 октября «сражение народов». В нем участвует 320-тысячная армия коалиции против 160 тысяч французов. Итоги первых сражений (у Вашау, Парты и Ленденау) — с победным либо неясным исходом. 17-го Наполеон на удивление пассивен. На третий день, 18-го, произошло драматическое событие: переход на сторону неприятеля саксонцев под командованием Ренье, а затем Вюртембергской кавалерии. «До этого мгновения, — вспоминает находившийся рядом с императором майор Оделебен, — он сохранял полное спокойствие, держал себя как обычно. Случившееся несчастье никак не сказалось на его поведении; лишь на лице отразилось уныние». 19-го союзники окружили Лейпциг. Отступление французов осложнилось преждевременным взрывом моста через реку Эльстер.

Между тем в городе оставалось еще свыше 80 пушек, сотни повозок, а также войска Макдональда, Лористона и Ренье. Понятовский утонул, пытаясь организовать переправу. Бюллетень Великой Армии, опубликованный 24 октября 1813 года в Эрфурте, сообщал:

«Преждевременно называть точные потери, вызванные этой трагедией, однако приблизительно они исчисляются 12 тысячами человек и несколькими сотнями повозок. Смятение, внесенное этим событием в войска, нарушило порядок вещей: французская армия-победительница вошла в Эрфурт так, как туда вошла бы побежденная армия». Отходя к Франкфурту и далее к Майнцу, Наполеон 30 октября разогнал при Ганау баварцев Вреде, также перешедших на сторону врага. Начавшаяся эпидемия тифа внесла свою зловещую лепту в потери, чинимые войной и тяжелым отступлением под проливным дождем. 9 ноября император прибыл в Сен-Клу. Положение становилось угрожающим: наполеоновская Германия разваливалась на глазах. Вестфальское королевство приказало долго жить. Члены Рейнского союза спешили расторгнуть его и заключить договор с Австрией. Первым 8 октября подал пример баварский министр Монжела. Угроза нависла даже над Рейном. Геррес назвал его в «Рейнском

Меркурии» символом немецкого единства и включил в *Volkstum*[1] Швейцарию, которая, отрекшись от своего посредника, провозгласила нейтралитет. 29 декабря состоявшееся в Цюрихе собрание выборных от 14 кантонов объявило Акт 1803 года недействительным и приняло конвенцию, временно выполнявшую роль конституции. В Женеве недруги Франции Люллен, Пикте де Рошмон и Саладен восстановили республику и изъявили желание войти в Конфедерацию.

Отпадение Голландии

Преобразование Голландского королевства во французские департаменты не вызвало в свое время никакого сопротивления населения. Генерал Дюмонсо писал в своих мемуарах: «Народ пребывал в некотором волнении; все без умолку чесали языками, не обнаруживая, однако, беспокойства и несговорчивости».

Голландцы рассчитывали на оживление торговли в результате отмены таможенных барьеров, на ослабление налогового гнета благодаря введению более мягкой французской фискальной системы. Они надеялись, что политика Лебрена, герцога Пьяченцского, которому была поручена реорганизация голландской администрации, будет более лояльной. Последовавшее разочарование не знало границ: с прибытием в Амстердам Лебрена голландский таможенный контроль, поставленный под надзор французского чиновника, ужесточился. Были созданы специальные суды для борьбы с контрабандой. Пылающие костры из конфискованных товаров переполнили чашу терпения народа. В апреле 1811 года вспыхнули бунты, жестоко усмиренные Реалем. Голландия, традиционно раздираемая провинциальным сепаратизмом и религиозным фанатизмом, сплотилась в ненависти к Франции.

Поражение Наполеона в России и последовавший за ним взрыв патриотического негодования в Германии углубили противостояние. Когда в Голландии стало известно о поражении французской армии под Лейпцигом, начальник полиции Девилье дю Терраж сообщил: «Жители этой страны заверяют друг друга, что близок день их независимости». 15 ноября наступление союзников вынудило генерала Молитора оставить Амстердам и переправиться на левый берег Исселя. Его отъезд послужил сигналом к народному восстанию. 16-го Лебрен бе-

---

[1] «Народность» *(нем.)*. Здесь следует понимать в смысле противостояния Франции.

жал. 17-го, в день, когда французские войска покидали Голландию, было сформировано временное правительство. 30 ноября при содействии англичан на родину возвратился принц Оранский. Гамбург давно уже был потерян по причинам, на которые указывает в своих мемуарах Пюимегр: «Присоединение ганзейских провинций к Франции обернулось злой шуткой. Их жители стали французами и в этом качестве делили с нами все наши невзгоды. С другой стороны, оставаясь иностранцами, они превратились в объект для дополнительных притеснений. Этого оказалось достаточно, чтобы довести народ до отчаяния. И до такой степени мы были ослеплены гипнотическим воздействием личности Бонапарта, что еще удивлялись, как это гамбуржцы не выказывают себя ревностными подданными императора».

Распад Итальянского королевства

Результаты поражения наполеоновской армии не могли не сказаться и на Итальянском королевстве. Италия понесла тяжелые потери в последних кампаниях императора. По официальным данным, из 27 тысяч человек, рекрутированных вице-королем Евгением для войны с Россией, на родину возвратилось лишь 102 солдата и 121 офицер; 25 тысяч сгинуло в германской кампании. Их-то и не оказалось под ружьем, когда возникла необходимость защитить полностью деморализованное королевство.

Горестен удел умирающего на поле брани
Не за свою Родину,
Павшего жертвой врагов чужого народа
И за чужого правителя...—

пел Леопарди. Опасность австрийского вторжения усугубилась угрозой с юга. Мюрат, издерганный непрерывными и часто несправедливыми упреками, которыми публично донимал его зять, озабоченный сохранением неаполитанского трона, неосмотрительно ввязался в переговоры с Австрией. Со своей стороны, Меттерних, вынужденный держать большую часть своих войск в Германии, нуждался в союзнике в Италии. Словом, с благословения Англии соглашение было достигнуто. Однако на конкретные шаги неаполитанский король решился лишь после лейпцигской катастрофы: он обещал оказать содействие в изгнании французов с полуострова, но во Францию вступать отказался. Тем временем английским товарам вновь был открыт доступ в Неаполитанское королевство. В

начале октября произошли события, приведшие к потере Евгением Иллирии. На волне восстания в Тироле и при поддержке баварского альянса австрийцы перешли через Альпы. Французам пришлось отойти к Тальяменто, затем — к Пьяве. Неаполитанские войска двинулись на север. 1 февраля 1814 года Элиза покинула Флоренцию. Мюрат без боя овладел Тосканой, однако вскоре оставил город. Евгений очутился в безвыходном положении. 17 апреля 1814 года он сложил оружие. Австрийский главнокомандующий Бельгард еще 3 февраля объявил о восстановлении прежней формы правления. Наполеон, желая досадить Мюрату, с вожделением взиравшему на Папскую область, 21 января вызволил из заточения папу, распорядившись отправить его в Рим. Мюрат понял, что не усидит на троне. Французскому господству над Италией пришел конец.

Поражения в Испании

Судьба Жозефа в Испании была решена. Англия нуждалась в постоянном источнике раздражения для французов в Бельгии или Испании. Неудача английской экспедиции на Зеландию в 1809 году побудила британский кабинет министров остановить выбор на Испании. Артуру Уэлсли, будущему лорду Веллингтону, после продолжительных дебатов в парламенте было поручено высадиться на побережье Португалии, где английский флот снабжал бы его всем необходимым, а он совершал бы ежегодные рейды на Мадрид, изматывая французов. Соперничество французских маршалов в Испании, их неспособность завоевать симпатии местного населения (не считая Сюше в Каталонии), ограниченный контингент войск, оставленный Наполеоном в их распоряжении, и непрерывно возраставшие потери (Лаписс был убит в Талавере в 1809 году, Сенармон — под Кадиксом в 1810 году, Лагранж получил тяжелое ранение у Талаверы в 1808 году, Кольбер умер в 1809 году) способствовали успеху Уэлсли. 27 июля 1809 года он разбил у Талаверы несогласованно действовавших Виктора и Журдана, за что и был удостоен титула виконта Веллингтона. Вскоре Жозеф, получавший указания из Парижа и подчинявшийся к тому же местному ментору в лице Сульта, превратился в Мадриде в короля-призрака. Тем временем Массена было поручено выкурить Веллингтона из Португалии.

Маршал расставил для него ловушку, приказав Нею осадить Сиудад-Родриго, где была заблокирована последняя регулярная армия Испании. Веллингтон даже не шелохнулся.

Когда Сиудад-Родриго пал, Массена предпринял наступление на Лиссабон, однако ему пришлось познакомиться с португальской тактикой «выжженной земли», а затем — с фортификационными рубежами Торрес-Вердас. «Любимец победы» топтался на месте вплоть до марта 1811 года. Наполеон приказал Сульту выйти из Севильи на помощь Массена. Но Сульт замешкался в Бадахосе, а затем повернул на Андалусию. Массена начал отступать, и все бы кончилось благополучно, если бы 4 мая Веллингтон не свалился на французов как снег на голову у Фуентес-д'Оньоро. В 1812 году Наполеон отозвал из Испании молодую гвардию для войны в России, ослабив тем самым южный фронт. Главную цель своей стратегии на полуострове он видел в защите оси Мадрид — Байонна и даже предложил англичанам уйти из Испании, целостность которой посулил обеспечить властью королевской династии, природу которой не стал уточнять. Его предложение было отвергнуто. Веллингтон возобновил наступление, разбил Мармона у Саламанки и вошел в оставленный Жозефом Мадрид. Однако под угрозой объединения отрядов Клозеля, сменившего на севере Мармона, подошедшего с юга Сульта и дислоцировавшегося в Валенсии Сюше он в спешке покинул столицу и был бы окружен, если бы французские маршалы действовали более согласованно.

В 1813 году англичане предприняли новую крупную атаку на французские войска, беспорядочной толпой отступавшие на противоположный берег Эбро, где повозки, груженные трофеями, гражданские чиновники и генеральские любовницы смешались в толпе с солдатами. 21 июня 1813 года в битве при Виттории Веллингтон атаковал центр и левое крыло французских войск. Жозеф едва не попал в плен, солдаты спешно отходили к границе, побросав пушки, оружие и амуницию. Одному лишь Сюше удалось еще какое-то время продержаться в Каталонии. Наполеон, сместив брата, назначил главнокомандующим французских войск в Испании Сульта. Герцог Далмацкий, вновь обретя инициативу, которой, казалось, лишился, долгое время находясь в подчинении, начал наступление, однако был остановлен у Памплоны. 8 октября Веллингтон форсировал Бидассоа. Сделав запоздалые выводы из этих поражений, Наполеон в середине ноября отправил Лафоре в Валансэ, где находился в заточении Фердинанд VII, с письмом следующего содержания: «Политическая ситуация, сложившаяся в моей империи, вынуждает меня желать окончания испанского конфликта. Англичане возрождают в Испании анархию и якобинство, уничтожают монархию и дворянство, чтобы установить республику». Наполеон обещал, что

королевская династия, правившая в Испании до 1808 года, будет восстановлена, французские войска уйдут с полуострова и воюющие стороны обменяются пленными. Подписанный договор вступит в силу, как только англичане покинут Испанию. Оправившись от изумления, Фердинанд VII с восторгом принял это предложение. Реставрация Бурбонов совершилась.

Потеря колоний

Англия, владычица морей, еще до первых поражений Наполеона на континенте успела лишить Францию и ее союзников всех колоний. Санта-Лючия, Тобаго и Сен-Пьер, а также Микелон пали сразу после возобновления военных действий. В феврале 1809 года Вилларе-Жуайез капитулировал на Мартинике, годом позже Франция потеряла Гваделупу. Английская эскадра атаковала и оккупировала Гвиану. Аналогичная судьба постигла Сенегал. К 1810 году у Франции не осталось колониальных владений ни в Америке, ни в Африке.

В 1809 году в Индийском океане был захвачен остров Родригес. Иль-де-Франс, куда Сюркуф в последний раз снарядил в 1807 году экспедицию на «Привидении», тоже пал. В 1811 году были потеряны Сейшельские острова. Ява, ставшая в июле 1810 года после аннексии Голландии французской колонией, подверглась атакам англичан и 13 сентября 1811 года после шестинедельных боев капитулировала. Статья в «Мониторе» подвела несколько неожиданный итог потере французских заморских территорий: «Оккупация наших маленьких колоний оказалась неизбежной, но чувства симпатии, связывавшие их жителей с метрополией, окрепнут, а гордость воспрянет под пятой врага, способного лишь унижать тех, кто подпадает под его владычество». Что касается испанских колоний (Перу, Мексика, Аргентина), то, свергнув Бурбонов, Наполеон фактически передал их в распоряжение англичан. В 1806 году, когда адмирал Попхэм, оккупировавший в январе мыс Доброй Надежды, принадлежащий Голландии, решил напасть на Буэнос-Айрес, француз Жак де Линье с помощью местного населения отбил его атаку. Однако после вторжения французов в Испанию объединившиеся в *cabildos*[1] колонисты отказались признать Жозефа; они обратились за помощью к Лондону и расстреляли Линье. Англия, уже почти полновластная хозяйка Бразилии, эвакуировала туда в 1808 году бежавшую от Жюно семью царствующей Брагантской династии. В благо-

[1] Городские советы *(исп.)*.

дарность за это содействие для английских купцов были существенно снижены таможенные пошлины. В результате невольного пособничества Наполеона испанские колонии в Америке стали для Англии ничуть не меньшим рынком, чем Европа. Однако с апреля по июль 1810 года недальновидно спровоцированные Англией народные восстания охватили Каракас, Буэнос-Айрес, Санта-Фе-де-Боготу и Сантьяго-де-Чили. Во главе их стояли энергичные лидеры: мексиканец Гидальго; венесуэлец Миранда — в 1792 году генерал Французской республики; Боливар, о котором рассказывали, что он присутствовал при коронации Наполеона; Сан Мартин и многие другие.

Итак, все европейские союзники Наполеона лишились своих колоний. Однако часто забывают, что наполеоновская авантюра имела всемирно-исторические последствия. Она изменила судьбу не только старой Европы, но и народов других континентов от Явы до Каракаса, захватив даже Австралию, куда в период Консульства отправилась экспедиция Бодена.

Глава VIII

КРАХ

«С тоской наблюдаю я за настроениями моих соотечественников, свидетелей столь грандиозных событий. От нас требуется осознанная решимость восстановить бывшую династию или на худой конец — общий интерес, способный сплотить умы. Но в нас нет ни чувства, ни общей идеи, могущих послужить основой для объединения. Все мы пылаем более или менее страстной ненавистью к тираническому правлению узурпатора, однако же у большинства она слабее, нежели желание сохранить личный покой и место в том обществе, которое нам их обеспечило. Все устали и боятся новых революций; нам не хватает воодушевления для борьбы за свои права, за возвращение потомков Генриха IV. Мы настолько утратили волю к действию, что обвиняем иностранцев в неспособности силою оружия восстановить порядок, решительно высказаться за который французам мешает то ли страх, то ли какие-то иные пороки».

Противоречивые чувства французских нотаблей во время кризиса 1814 года нашли в «Дневнике» Мэна де Бирана свое наиболее полное выражение. Начиная с 1808 года буржуазия мечтала отделаться от «спасителя», который перестал ее устраивать, однако не решалась на изменения, способные ущемить ее интересы.

Неблагодарность умерялась трусостью. Поражения наполеоновской армии стали наконец для буржуазии тем предлогом, которого она ждала долгих шесть лет. Нотабли были не в состоянии собственными силами свергнуть императора, они нуждались в помощи извне. Однако возникал вопрос: возвратится ли вместе с королем легитимность, утраченная в 1789 году? Увы! Самые трезвые головы, подобно Фьеве, скоро уяснили, что, согласившись обусловить свое возвращение на престол оккупацией Франции, Людовик XVIII совершил ошибку и надолго скомпрометировал Бурбонов, обеспечив в недалеком будущем мимолетное возвращение того, кто в глазах народа так хорошо умел противостоять европейской коалиции.

Дело Мале

Заговор генерала Мале обнажил непрочность императорской власти. В ночь с 22 на 23 октября 1812 года бывший генерал, содержавшийся с 1808 года сначала в Венсенской тюрьме, а затем в лечебнице Дюбюиссона, вместе с двумя соучастниками, Бутро и Рато, направился в попенкурскую казарму. Там он сообщил полусонному коменданту Сулье о смерти Наполеона и о своем намерении сформировать временное правительство. Затем освободил из тюрьмы Ла Форс двух генералов: бывшего начальника штаба Моро Лагори и Гидаля — участника роялистско-республиканского заговора на юге. По приказу Мале Лагори арестовал министра полиции Савари и префекта полиции Паскье. Префект департамента Сена Фрошо уже готовил зал в ратуше для заседания нового правительства, все шло по намеченному плану, как вдруг командир дивизии Гюлэн оказал Мале неожиданное сопротивление. 28 октября три генерала и их главные сообщники были осуждены, а 29-го — расстреляны.

Позднее, с подачи официальных властей, много говорилось о бессмысленности заговора. Однако нельзя не признать, что хваленая имперская полиция продемонстрировала несостоятельность, допустив арест своих руководителей, а солдаты, добросовестно исполнявшие приказы Мале, делали это скорее с воодушевлением, чем под давлением необходимости. Кто стоял за спиной Мале? Талейран и Фуше? Маловероятно. Нотабли? Конечно же нет. Скорее всего речь шла об уже наметившемся на юге сближении роялистов, объединившихся в Общество рыцарей веры (хотя они и действовали еще чрезвычайно осторожно), и горстки неисправимых республиканцев. Вильель превосходно объяснил причину этого альянса в своих

мемуарах: «Роялисты и республиканцы вполне могли найти общий язык, чтобы объединить усилия до созыва съезда избирателей для избрания выборщиков, которым после свержения Бонапарта предстояло, безусловно, высказаться либо за возрождение Республики, либо за реставрацию Людовика XVIII». Без поддержки нотаблей этот план выглядел малореалистичным, однако, как заметил Фьеве, «если бы движение просуществовало какое-то время, непременно объявились бы умники, готовые повести за собой этих глупцов». На такое пренебрежение интересами римского короля как со стороны высших чиновников, так и простых солдат Наполеон ответил отменой служебного распоряжения, передававшего в его отсутствие Камбасересу право председательствовать на советах.

Сенатус-консультом от 5 февраля 1813 года он объявил об установлении регентства Марии Луизы и совета, сформированного из принцев крови и высших должностных лиц. Сессия Законодательного собрания, проходившая с 14 февраля по 25 марта 1813 года, явила еще большую беспомощность, чем предыдущие. Отправившись в Германию, Наполеон оставил страну в тяжелом социально-экономическом положении. Ширилось недовольство, в Косне и других городах вспыхивали бунты против сводных налогов, не перераставшие, однако, в серьезные политические выступления. Буржуазия не решалась еще выступить открыто.

Разрыв

14 ноября 1813 года Наполеон вновь в Тюильри. Уже во второй раз он возвращается туда побежденным. Он полон решимости вдохнуть в окружающих новую энергию, разбудить общественный энтузиазм, придав особый блеск сессии Законодательного корпуса. Цель маневра понятна: ему важно примириться с нотаблями. Сенатус-консультом от 15 ноября 1813 года император обязывает сенат и Государственный совет в полном составе присутствовать на заседании палаты депутатов. Но сам же нарушает план обольщения, вмешавшись в процедуру выбора председателя Законодательного собрания. Он назначает Ренье, хотя тот не депутат, а отставной министр юстиции, которого сменил Моле. Маре заменит в министерстве иностранных дел Коленкура, а Дарю — Лакюе, того самого, который в 1810 году стал преемником Дежана, главы военного ведомства, этого важнейшего звена государственной машины.

Союзники, готовящиеся оккупировать Францию, также приступают к реализации своего плана обольщения. 4 декаб-

ря они обнародуют манифест: «Союзные державы ведут войну не против Франции, а против господства императора Наполеона, которое, к несчастью для Европы и самой Франции, слишком долго длилось за пределами его Империи». Они гарантируют Франции естественные границы по Рейну, Альпам и Пиренеям. Приятная неожиданность, если только это обещание искренне. Нотабли не остались к нему глухи. И вот в такой напряженной обстановке 19 декабря 1813 года открывается сессия Законодательного корпуса. Желая проявить добрую волю в ответ на инициативу союзников, Наполеон передает все относящиеся к текущим переговорам документы в распоряжение сенаторов и депутатов. Для их изучения Законодательное собрание избирает две комиссии из пяти сенаторов и пяти депутатов. В сенатской комиссии все проходит без сучка и задоринки, чего нельзя сказать о комиссии Законодательного корпуса. Ее члены — депутаты пострадавших от блокады департаментов: Лене — депутат от Бордо, Галлуа — от Буш-дю-Рон, Рейнуар — от Вар. Остальные — тоже южане: Фложерг — из Авейрона и Мэн де Биран — из Дордони. Они воспользовались этим предлогом, чтобы сообщить о недовольстве избирателей. В заключение своего доклада Лене подчеркнул, что враг хочет не разрушить Францию, а «вернуть нас в границы нашей территории и умерить пыл и амбиции, ставшие за последние двадцать лет фатальными для народов Европы». Император может «продолжать войну лишь во имя независимости французского народа и территориальной целостности его государства». Если он желает поднять патриотический дух, ему надлежит «всемерно и неукоснительно соблюдать законы, гарантирующие французам права на свободу, неприкосновенность личности и частную собственность, а нации — безоговорочное осуществление ее политических прав». Эта хартия нотаблей была принята 229 голосами против 31. Она прозвучала недвусмысленным предостережением, однако Наполеон не пожелал внять ему. Несмотря на советы Камбасереса проявить сдержанность, он запретил публикацию доклада и прервал заседания Законодательного корпуса. По признанию Савари, это решение произвело сенсацию. Император сделал выговор депутатам, присутствовавшим на приеме 1 января 1814 года. Он пригрозил, что найдет себе другую социальную опору, объединится с «четвертым сословием» и разбудит во Франции старых демонов революции. «Что такое трон? Четыре куска позолоченного дерева, обтянутые бархатом... Трон — это нация, и меня нельзя отделить от нее, не причинив ей вреда, потому что нация нуждается во мне больше, чем я в ней. Что она будет делать без руководителя и гла-

вы?.. Уж не хотите ли вы пойти по стопам Учредительного собрания и затеять новую революцию? Но я не уподоблюсь тогдашнему королю... Я предпочту стать частью суверенного народа, чем королем-рабом... Возвращайтесь в свои департаменты!»

Может быть, Наполеон испытывал искушение облечься в одежды Революции? Возродить дух 93-го года? Он направил в департаменты 23 сенатора и государственных советника, чтобы ускорить набор в учрежденную декретом 26 декабря национальную гвардию. Стендаль поведал в своем дневнике о том, как он помогал Сен-Валье в Гренобле. Комиссары, люди пожилые, без особого рвения выполняли возложенные на них поручения: самым молодым из них, Монтескью и Понтекулану, было по пятьдесят лет, самому старшему, Канкло, — семьдесят четыре! Иные из них, например Семонвиль, были даже убежденными роялистами. Страна, за исключением приграничных областей, устала от войн. Наполеону это известно, и он инструктирует комиссаров: «Объявите в департаментах, что я собираюсь заключить мир и обращаюсь к ним для того, чтобы изгнать врага из страны, что я призываю французов прийти на помощь французам».

До 1808 года рекрутские наборы были довольно умеренными. С 1789 по 1807 год было призвано 958 тысяч мужчин, что составило $^1/_{36}$ от общей численности населения. Были нередки случаи замены и освобождения от призыва. Однако начиная с сентября 1808 года возрастает потребность в живой силе: «счастливый номер» или покупка «заместителя» больше не гарантируют освобождения от воинской повинности. В апреле 1809 года император дополнительно запрашивает у сената 30 тысяч в счет набора 1810 года, а также из числа получивших отсрочки в 1806, 1807, 1808 и 1809 годах.

Вскоре возникла нужда еще в 36 тысячах. Агрикол Пердигье рассказывает в своих «Воспоминаниях подмастерья», что его старший брат, хотя и был поначалу заменен грузчиком из Авиньона, все же отправился служить в Испанию. После некоторого затишья 1810 и 1811 годов рекрутский набор, намеченный на 1 января 1813 года, переносится на более ранний срок. В 1813 году, выполнив план призыва, набирают дополнительно 350 тысяч, из которых 100 тысяч — получившие отсрочку в 1809—1812 годах. В апреле — новый призыв: в распоряжение военного министерства передается 180 тысяч человек. 24 августа, в момент обострения испанского конфликта, император получает еще 30 тысяч из подлежащих мобилизации в южных департаментах в 1814, 1813, 1812 годах и ранее. В октябре 1813 года набрано 160 тысяч в счет призыва

1815 года, за исключением женатых. В ноябре — новый запрос, обусловленный тем, что Наполеон больше не желает иметь дело с войсками союзников: «Мы переживаем времена, когда нельзя рассчитывать ни на одного иностранца».

Так родилась легенда о «Людоеде». Начинается организованное сопротивление рекрутским наборам. Станислас де Жирарден, префект департамента Нижняя Сена, рассказывает, что на призывных пунктах можно было увидеть «молодых людей, которые, дабы избежать призыва, вырвали себе все зубы или почти полностью сгноили их, кто — кислотами, а кто — жуя ладан. Иные, прикладывая к руке или ноге нарывной пластырь, наносили себе раны, а затем, желая сделать их "неизлечимыми", обвязывали тряпками, смоченными в воде с мышьяком. Другие наживали себе вздутые грыжи, некоторые прикладывали к детородным органам разъедающие вещества». Банды уклоняющихся от воинской повинности наводняли провинции, нагнетая атмосферу напряженности и страха. На севере под предводительством Фрюшара сопротивление приняло даже политическую окраску. Члены этих банд пользовались поддержкой сельских кюре и местных жителей, предоставлявших им пищу и кров. Кануло то время, когда отец Агриколы Пердигье, выбранив старшего сына за дезертирство, отослал его обратно в армию. Даже префекты, такие как Ла Тур дю Пэн в департаменте Сомма или Барант в департаменте Луара, информировали дезертиров о маршруте продвижения посланных против них войск.

В феврале 1814 года в Тарне на 1 600 новобранцев прихолилось 1 028 дезертиров! Бремя налогов, долгое время вполне сносное, становится невыносимым: жалованье чиновников сокращается на 25 процентов. Перед лицом нависшего над страной в результате поражений финансового кризиса Наполеон изворачивается как может. Ненависть, вызванная восстановлением сводных налогов, усиливается в результате реквизиций и введения 30-сантимной надбавки к налогам. В 1814 году вдвое увеличивается торгово-промышленный и другие налоги, которых никто уже не платит. Наконец, впервые после 1792 года Франция подверглась оккупации и ее население пережило все бедствия войны. До сих пор, благодаря бюллетеням Великой Армии, она была знакома лишь с ее парадной стороной.

Неудачи на фронте поражают все сферы жизни: экономика страдает из-за потери внешних рынков и расположенных вблизи границ предприятий, как, например, в Льеже. Падение ренты свидетельствует об утрате доверия. «Состояние торговли определяет настроение населения», — констатирует пре-

фект департамента Рейна и Мозеля. Мечты буржуазии об экономическом процветании рассеиваются. Техническое и торговое превосходство Англии ни у кого не вызывает сомнений. Победы на континенте не способствовали развитию производства, поэтому продолжение войны представляется бессмысленным. Кроме того, ведение войн предполагает хотя и умеренный, но от этого не менее обременительный государственный дирижизм.

Сенатус-консульт от 3 апреля 1813 года сильно ущемил интересы нотаблей. Им было предписано выставить 100 тысяч вооруженных и экипированных за свой счет молодых людей из благородных и состоятельных семей Империи. Те же, кто по уважительным причинам избежал службы в армии, подлежали обложению обременительным налогом. Часть из них храбро сражалась у Пюлли, Лепика и Дефранса. Другие готовы были даже, например в Туре, поднять восстание. Растет недовольство в среде кадровых военных, возмущенных быстрым продвижением дворян по службе. Старый республиканец генерал Мишо сетует в 1813 году в частном письме: «Прежние услуги так мало ценятся, что, похоже, стало даже дурным тоном напоминать о них. Мне было бы не так горько, если бы забвению предали меня одного». Могли ли принятые правительством незначительные меры вернуть Наполеону популярность? Намеченная распродажа части общинного имущества должна была пополнить казну и удовлетворить потребность крестьян в земле. Однако план провалился, так как вследствие бедственного положения в экономике у крестьян не осталось свободных средств. Расширение торговых льгот не предотвратило нескольких скандальных банкротств. Не считая военных кампаний на севере и востоке Франции, а также решительного сопротивления таких полководцев, как Карно в Антверпене, Даву в Гамбурге и Лекурб в Бельфоре, неприятель встретился с апатией и даже пособничеством.

Оказавшись в положении, сходном с положением Людовика XVI на закате его царствования, император ощущает неполноту своей легитимности. Аристократия, бывшая некогда его союзницей, предает его ради настоящего короля. Ее примеру готовы последовать нотабли, по-прежнему испытывающие ностальгию по конституции 1791 года. Народ, несмотря на отдельные проявления патриотизма в оккупированных районах, обнаруживает по отношению к императору равнодушие, переходящее во враждебность. Наполеону суждено победить или погибнуть. Это обстоятельство придает французской кампании волнующий характер.

Французская кампания

В конце 1813 года три союзные армии форсировали Рейн. Бернадотт вторгся в Бельгию. Армии Блюхера и Шварценберга (при которой находились русский царь, австрийский император и прусский король), соединившись на реке Об, двинулись на Париж. 250-тысячной армии коалиции Наполеон смог противопоставить лишь 80 тысяч рекрутов. Сульту он поручил остановить на юге Веллингтона, своего самого мобильного противника. Что представляла собой армия Наполеона? Ей не хватало обмундирования, недополученного из пошивочных мастерских Бордо, Тулузы, Нима и Монпелье. Кавалерия располагала лишь 900 седлами вместо необходимых пяти тысяч. Порции галет, мяса и водки, выдаваемые солдатам, были значительно урезаны. Военные госпитали мгновенно переполнились. «Меня беспокоит нехватка жалованья», — сказал Наполеон 7 января Мольену. Военного снаряжения также недоставало, хотя в 1813 году было изготовлено 240 тысяч ружей.

Остановив Блюхера в Бриене, Наполеон 1 февраля 1814 года вновь встретился с ним и Шварценбергом в Ла Ротьере. К счастью для Наполеона, Блюхер и Шварценберг совершили ошибку, разделив армии, чтобы им легче было прокормиться за счет местного населения. Блюхер направился по дороге, ведущей к Марне и Пти Морену, а Шварценберг — к Об и Сене, что сделало их более уязвимыми для Наполеона. Нападая попеременно то на одного, то на другого, он 10 февраля остановил Блюхера у Шампобера, а затем изрядно потрепал его у Монмирайля, Шато-Тьерри и Вошана. Принявшись за Шварценберга, угрожавшего Фонтенбло, император 18 февраля разбил его при Монтеро и заставил отойти на противоположный берег реки Об. За восемь дней он одержал семь побед, отбросив на исходные позиции деморализованных и разобщенных союзников. Может быть, счастье вновь улыбнулось Наполеону? Нет, русский царь и Поццо ди Борго, давний соперник Наполеона на Корсике, вдохнули в коалицию новые силы, упрочив ее политически: 1 марта в Шомоне был подписан пакт, по которому Пруссия, Австрия, Англия и Россия брали на себя обязательство не заключать сепаратного мира и держать под ружьем 150 тысяч солдат вплоть до окончательного разгрома Наполеона. Союзники вновь перешли в наступление.

Разбитый 7 марта при Краонне, Блюхер укрепился на Ланском плато, с которого Наполеону не удалось его выбить. Императору предстояло также оказать сопротивление приближавшемуся Шварценбергу. Однако 20 марта Наполеон не

смог остановить обладавшего численным превосходством австрийца в сражении при Арси-сюр-Об. Тогда он задумал отрезать противника от тыловых коммуникаций и, вместо того чтобы оборонять Париж, предпринял наступление на Сен-Дизье. Едва не попав в ловушку, союзники начали уже отходить к Мецу, но тут были перехвачены письма, направленные Наполеону из Парижа. В них содержался намек на существование в столице влиятельной роялистской партии. По совету все того же Поццо ди Борго Александр продолжил наступление на Париж. Дерзкий план Наполеона провалился. 29 марта союзники приблизились к городу. 30-го завязалось сражение. Накануне, 28-го, бывший король Испании Жозеф, в соответствии с инструкциями, полученными от императора в начале февраля, находясь в Ножане, предложил регентскому совету покинуть столицу.

На следующий день императрица и римский король выехали из Парижа. В столице остались лишь префект департамента Сена Шаброль, префект полиции Паскье и... Талейран, который плутовским манером уклонился от сопровождения регентши в Блуа, обеспечив себе таким образом свободу для маневра. Париж, деморализованный, лишенный укреплений, крайне враждебно настроенный по отношению к Наполеону (за исключением рабочих предместий), опасающийся к тому же участи Москвы, не оказал ни малейшего сопротивления. Национальная гвардия и корпуса Мармона и Мортье, защищавшие столицу, дали для очистки совести сражения на высотах Бельвиля и Шаронны и у заставы Клиши, находившейся под командованием Монсея. Однако противник обладал слишком большим численным перевесом. Вечером 30 марта город капитулировал. 31-го войска союзников, предводительствуемые русским царем и королем Пруссии, вступили в Париж. 21 марта без особого сопротивления пал Лион. С 12 марта граф д'Артуа воцарился в Нанси, а мэр города Бордо Линг выбросил белый флаг. Рошешуар попытался переманить Труа в лагерь роялистов. Сульт отступил к Тулузе, хотя и не знал доподлинно настроения горожан, обработанных «рыцарями веры». Королевские агенты Семалле, Виторолль и Ген-Монтаньяк удвоили рвение, что было небезопасно, ибо никто не мог поручиться, что союзники в конце концов не договорятся с «тираном». Решающую партию предстояло разыграть в Париже. На это указывал Ген-Монтаньяк: «Если Париж выскажется за короля, провинции его поддержат. Они созрели для того, чтобы последовать примеру столицы, но не настолько самостоятельны, чтобы подать его самим». Шварценберг отмечал: «В сложившейся ситуации лишь Париж способен приблизить

наступление всеобщего мира... пусть он скажет свое слово, и армия, стоящая у его стен, поддержит его решение. Парижане, вам известно положение в стране и позиция города Бордо... Она сулит окончание войны».

Отречение

Талейран прекрасно понимал, что решающая партия разыграется в Париже. Он мог положиться на префекта полиции Паскье и на большинство сенаторов. Едва союзники вступили в Париж, как начались демонстрации роялистов. Канцлер утверждает, что в них была замешана полиция, но его свидетельство не заслуживает доверия. Талейран рассчитывал на сенат, однако решающий удар по императорской власти был нанесен генеральным советом департамента Сена. Наполеон презирал его, постоянно урезывал бюджет Парижа, не считался с его мнением.

И совет отомстил. 1 апреля по инициативе адвоката Белляра, одного из двадцати его членов, тринадцатью голосами из четырнадцати, принявших участие в голосовании, было принято воззвание, обнародованное 2 апреля. Оно гласило: «Жители Парижа! Ваши избранники предали бы вас и свою Родину, если бы из низких, корыстных побуждений продолжали и дальше заглушать голос совести. Между тем она вопиет о том, что все угнетающие вас несчастья исходят от одного-единственного человека. Это он ежегодными рекрутскими наборами разрушает ваши семьи. Это он вместо четырехсот миллионов, которые Франция платила при наших добрых старых королях для вольной, счастливой и спокойной жизни, обложил нас налогами в полторы тысячи миллионов, грозя еще больше увеличить их. Это он закрыл для нас моря Старого и Нового Света, обескровил национальную промышленность, оторвал земледельцев от полей, рабочих — от мануфактур... Не он ли, пуще всего на свете боясь правды, дерзко, на глазах всей Европы, изгнал наших законодателей за то, что однажды со сдержанным достоинством они попытались высказать ее ему в лицо?» В заключение совет заявлял, «что он категорически отказывается подчиняться Наполеону Бонапарту, решительно выступает за восстановление королевской власти в лице Людовика XVIII и его законных преемников». Флери совершенно справедливо заметил, что в бой вступила не старая аристократия, а входившая в совет буржуазия (Лебо, Белляр, Бартелеми, Делетр). Талейран охарактеризовал манифест как преждевременный и запретил его публикацию в «Мониторе».

Он и сам был за отречение Наполеона, однако хотел, чтобы оно прошло в официальной обстановке. 1 апреля он убедил сенат проголосовать за создание временного правительства. В него вошли два королевских агента (Дальберг и аббат де Монтескью) и два ставленника Талейрана (Жокур и Берновиль). Сам Талейран возложил на себя обязанности его председателя. 3 апреля сенат наконец решился: он провозгласил отречение от власти Наполеона, виновного «в нарушении присяги и покушении на права народов, поскольку рекрутировал в армию и взимал налоги в обход положений конституции». Буржуазия отправила «спасителя» в отставку. А что же Наполеон? Он находился в это время в Жювизи, на почтовой станции в Кур-де-Франсе, в двух часах езды от Парижа, куда, получив известие о сдаче столицы, спешно возвращался после провала своего маневра. Он удалился в Фонтенбло. Ничего еще не потеряно. Разве у него не было 60 тысяч солдат, выкрикивавших на параде 3 апреля: «На Париж!»?

Почему бы и Австрии, на худой конец, не выступить в его поддержку из уважения к Марии Луизе? Крылья подрезали ему его маршалы: Ней, Бертье и Лефевр, — отказавшись продолжать борьбу. Они, и прежде всего Ней, убедили императора 4 апреля отречься от престола в пользу римского короля. «Брюмер наизнанку», как не без злобы говорили тогда. Коленкур, Ней и Макдональд отправились в Париж на переговоры с русским царем. Александр пребывал в нерешительности, опасаясь возобновления боевых действий. Не исключено, что он согласился бы на регентство римского короля, если бы не полученное им известие о предательстве армейского корпуса генерала Суама, ответственность за которое возложили на Мармона. Это известие навело царя на верную мысль, что далеко не вся армия и ее военачальники единодушно преданы Наполеону. Он потребовал безоговорочного отречения, гарантируя побежденному суверенные права над островом Эльба. 6 апреля Наполеон смирился с приговором. Но 7-го на параде солдаты встретили его восторженными приветствиями, и он попытался настоять на своем прежнем решении: 11-го он поручил Коленкуру не давать хода уже подписанному им акту об отречении. В нем просыпаются мысли о самоубийстве; 8-го, по свидетельству Коленкура, он пытается покончить с собой, в ночь на 13-е — еще одна попытка. Подписав Фонтенблоский договор, по решению которого он получал во владение Эльбу, ежегодную ренту в размере двух миллионов от французского правительства, 20 апреля, после знаменитой сцены прощания во дворе замка Фонтенбло, Наполеон уехал.

Людовик XVIII

6 апреля сенат призвал Людовика XVIII. Никто не хотел очередного «спасителя» в лице Бернадотта. Регентство Марии Луизы позволило бы Наполеону свести счеты с теми, кто отвернулся от него. Герцог Орлеанский не мог реально претендовать на престол: законным правом на него обладал лишь Людовик XVIII. Но сенаторы хотели вернуться не к 1789-му, а к 1791 году. Они были за восстановление не абсолютной, но конституционной монархии. Сенатской комиссии было поручено составить проект конституции. В нее вошли Барбе-Марбуа, Дестют де Траси, Эммери и Ламбрехт, а также бывший консул Лебрен. Проект, представленный временному правительству, недвусмысленно ссылался на конституцию 1791 года. Людовик XVIII «приглашался на трон свободным волеизъявлением», а текст конституции «выносился на одобрение народа». Министры были подотчетны палатам, свободы гарантировались. Эта не лишенная достоинств конституция устанавливала парламентскую монархию по английскому образцу. Но мог ли Людовик XVIII, легитимный монарх, принять такие условия? Ведь сенаторы, эти бывшие термидорианцы, удержавшиеся в 1795 году у власти благодаря Декрету о двух третях, а потом, после Брюмера, заполонившие Законодательное собрание Консульства, теперь заявляли, что в полном составе войдут в предусмотренный их проектом новый сенат. Все эти люди, извлекшие выгоду из Революции и режима Империи, не хотели уходить со сцены! Притом что они опорочили себя воззванием об отречении от власти Наполеона, собрав чуть ли не досье на все те случаи превышения императором полномочий, которые они сами же одобряли в дни его могущества! Этим они окончательно дискредитировали в глазах общественности себя и свою конституцию. Все это давало таким пресловутым борцам за легитимность, как Баррюэль, Мэстр, Бональд и другие, лишний повод ополчиться на проект конституции. Баррюэль усмотрел в нем даже «измышление ада»! Как же повел себя Людовик XVIII? Прибыв 27 апреля в Компьень, он 2 мая в манифесте, составленном в Сен-Клу его советниками, в числе которых был Блаке, изложил свои главные требования: суверенитет не народа, а короля, подготовка новой конституции, гарантирующей основополагающие свободы, национальное представительство, вотирование налогов палатами и равенство перед законом. Эти требования означали отказ как от абсолютизма, так и от суверенитета народа, несовместимого с идеей легитимной монархии. Из этого манифеста родилась Хартия 4 июня — плод

усилий ярых роялистов (Дамбре, Ферн и Монтескью) и термидорианцев вроде Буасси д'Англа, одного из составителей конституции 1795 года (в соавторстве с Ланжюинэ). То обстоятельство, что это была не конституция, а пожалованная королем Хартия, пришедшаяся на 19-й год царствования Людовика XVIII (после смерти Людовика XVII в Тампле), вызывало раздражение либералов. Но это были мелочи в сравнении с содержащимися в документе уступками. Хартия гарантировала каждому право приобретать национальное имущество, занимать любую государственную должность, свободу совести и равное налогообложение, — словом, осуществление всех завоеваний Учредительного собрания. Желая успокоить рантье, она признавала все финансовые обязательства прежних правительств.

Исполнительная власть принадлежала королю, законодательная — двум палатам: палате депутатов (король обладал правом ее роспуска), избираемой сроком на пять лет на основе избирательного ценза, и палате пэров, которых король мог назначать в неограниченном количестве. Все историки отмечают, что Хартия 1814 года была «куда либеральнее» конституций VIII, X и XII годов и «разумно-практичнее» конституции 1791 года. Сможет ли Франция восстановить утраченное ею в 1789 году политическое равновесие? Это позволило бы стране обойтись без череды новых революций и «спасителей». К несчастью, после свержения Наполеона началось обсуждение условий мира. По Парижскому договору от 30 мая Франция восстанавливалась в границах 1792 года. Из всех территориальных завоеваний периода Революции она сохраняла лишь Савойю, Авиньон и Монбельяр. Бельгия была аннексирована Голландией, Венеция и Ломбардия возвращены Австрии. Судьба других территорий должна была решиться на Венском конгрессе. Многие крепости в Германии, Италии и Бельгии, в частности в Антверпене и Гамбурге, со всем военным снаряжением были возвращены прежним хозяевам. Эти аннексии уязвили самолюбие французов. Уступки, на которые пошел ведший переговоры Талейран, были восприняты как «чаевые, брошенные Бурбонами союзникам», а отказ от завоеванных территорий — как условие реставрации монархии. Проводилась параллель между Наполеоном — защитником оккупированной Франции и Людовиком XVIII — государем, «доставленным в повозке из-за границы». Престижу легитимной монархии был нанесен ущерб. Бесцеремонность вчерашних эмигрантов довершила дело. Наполеону стали сочувствовать. Франция упустила реальную возможность обрести политическую стабильность.

Глава IX

1815 ГОД: ПОСЛЕДНИЙ ВЫБОР

Дорогой изгнания, за каретой, уносящей Людовика XVIII к Генту 20 марта 1815 года, скачут Виньи и Ламартин. Неподалеку находится Жерико, Шатобриан запаздывает. Роялисты не смогли воспрепятствовать возвращению Наполеона. Легитимный монарх в сопровождении романтиков удалился в изгнание. Так прошлое и будущее сошлись в этом бесславном отступлении, которому долго еще суждено будет завораживать воображение писателей — от Шатобриана до Луи Арагона и Жана Ануя. Вдохновителями общественного движения, увлекающего Наполеона к Парижу, стали рабочие и крестьяне. Армия присоединится к императору позднее, а ее высший командный состав — лишь частично.

Продвижение Наполеона к столице было облегчено активизацией в провинциях «четвертого сословия». Страх перед восстановлением феодальных прав в деревне и рост безработицы в городе надежнее всяких политических маневров привлекли сельский и городской пролетариат к тому, кто однажды уже спас Революцию, обеспечив сохранность ее социальных завоеваний. Нотабли помалкивают: они с облегчением наблюдают за крушением монархии, питающей слабость к старой аристократии, и при этом испытывают беспокойство в связи с возвращением человека, ставшего символом войны с Европой. И вновь, как когда-то по возвращении из Египта, Наполеон оказался перед выбором. Да, переговоры с Людовиком XVIII исключены, но он может помириться с буржуазией, пойдя на важные для нее политические уступки и взяв на себя роль защитника ее интересов от посягательств иноземцев. Опираясь на поддержку народа, можно было бы направить Революцию по пути, с которого она сошла в 1794 году после поражения «бешеных». Несмотря на усталость страны и трусливое предательство буржуазии в 1814 году, может быть, спасение — в этом?

Остров Эльба

По Фонтенблоскому договору Наполеону был предоставлен суверенитет над островом Эльба, присоединенным к Франции сенатус-консультом 26 августа 1802 года, а в 1809 году переведенным в подчинение главному управлению департаментов Тосканы. В 1802 году Лашевардьер опубликовал в «Статистических анналах» любопытное исследование по эко-

номике острова. Он указывал на наличие полезных ископаемых (свинец и железная руда) и важных стратегических портов: «Принимая во внимание географическое положение острова между южными берегами Французской республики, Неаполитанскими государствами и Сицилией, для французской торговли важно занять хотя бы один из его портов либо в качестве места стоянки, либо — склада разнообразных товаров из обеих Сицилий и Леванта. Коммерция приводила и менее развитые племена к высокой степени процветания. Под эгидой сильного правительства торговля может придать острову невиданный доселе блеск». Так выглядело новое владение, полученное Наполеоном в собственность 4 мая 1814 года. Он тут же приступил к реорганизации административного управления острова, назначив интендантом Бальби, губернатором — Друо и казначеем — Пейрюса.

Были реформированы таможня, служба регистрации, больницы, возведены укрепления, разбиты виноградники. Наполеон принимается за постройку театра, словом, проявляет необычайную деловитость. Ничего удивительного: он в расцвете сил и не превратился еще в опустившегося, тучного старика, как это случилось на острове Святой Елены. Правда, здесь он суверенный правитель; на Святой Елене он будет бесправным узником.

Поселившись во дворце Мулини, он вызвал к себе мать и Полину и стал принимать многочисленных посетителей, в основном англичан, которых приглашал делить с ним трапезы. Внешне он производил впечатление человека, решившего провести остаток дней на острове, но в действительности осуществлял активную секретную деятельность, поддерживая постоянную связь с континентом посредством тайной переписки со своими агентами. Он был осведомлен о положении дел во Франции, о недовольстве политикой Бурбонов, знал, что армия ропщет из-за демобилизаций, неизбежных при возвращении к мирной жизни, и возмущается тем, что пути к восстановлению в должности и продвижению по службе открыты лишь для офицеров Конде, что крестьяне, приобретшие свою долю национального имущества, кое-где подвергаются притеснениям со стороны бывших владельцев. Старый дух вольтерьянства просыпается в буржуазии по мере того, как растет количество публичных процессий и религиозных церемоний. Дезире Монье свидетельствует: «Можно было видеть придворных, причащавшихся по три раза за мессу у разных алтарей, только бы попасть на глаза жене наследника престола».

Наконец, свободный ввоз английских товаров после снятия континентальной блокады обрекает людей на безработи-

цу. Вопреки усилиям Людовика XVIII, две Франции: одна — белого, другая — трехцветного флага — восстают друг на друга. В своих нашумевших «Напоминаниях королю» Карно, прославившийся как героический защитник Антверпена, клеймит окружение Людовика XVIII: «Если вы хотите преуспеть при дворе, остерегайтесь обмолвиться, что вы один из тех двадцати пяти миллионов граждан, которые не без храбрости защищали родину от врагов, ибо вам возразят, что эти так называемые граждане — те же бунтари, а так называемые враги — наши друзья». Бонапартисты используют это недовольство в своих целях: генералы (Эксельманс, Лефевр-Денуэтт) при поддержке Фуше организуют заговор.

«Желтый гном», на редкость злоязычный сатирический листок, осмеливается превозносить опального императора, отказываясь от лозунгов, провозглашенных в салонах герцога де Бассано и королевы Гортензии. Мог ли в этих условиях Наполеон удержаться от искушения возвратиться на континент? Для его возвращения имелись и другие основания: Мария Луиза и римский король не разделили с ним его изгнания. Императрица воспылала любовью к Нейпергу, которого толкнул в ее объятия Меттерних, а Франц I удерживал внука при себе. Не хватало денег: кабинет министров в Тюильри игнорировал статью 3 Фонтенблоского договора, обязывающую выплачивать Наполеону ежегодную двухмиллионную ренту. Из Вены доносились тревожные слухи: Талейран и Кэстльри готовили депортацию Наполеона на более отдаленный остров, будто бы — на Святую Лучию. Не исключалось и покушение. Поговаривали, что для осуществления этого замысла бывший шуан Брюсляр назначен правителем Корсики. 12 февраля бывшему супрефекту Реймса Флери де Шабульону удалось добраться до острова. Он поведал Наполеону о деятельности бонапартистов и о настроениях в армии. Полученные сведения побудили императора ускорить отъезд. 26 февраля, после десятимесячной ссылки, Наполеон на борту «Непостоянного» покинул Эльбу. С горсткой людей (700 солдат) он отправился отвоевывать свою Империю. Жюмини предостерегал его от безрассудного шага. Не исключено, что это была ловушка, расставленная Австрией и Англией, чтобы вернее погубить Бонапарта и навсегда избавить от него Европу. В самом деле, поражает бездействие англичан, безусловно осведомленных об отъезде императора. Кроме того, сам Наполеон говорил о помощи, будто бы оказанной ему Австрией. Однако англичане и австрийцы скорее всего не нуждались в возвращении императора во Францию как предлоге для его депортации на другой остров. К тому же затевать подобные интриги с таким человеком, как

Наполеон, значило идти на немалый риск. Логичнее объяснить отъезд Наполеона присущим ему темпераментом азартного игрока.

Очевидно, версия о содействии Австрии была от начала до конца вымышлена императором для умиротворения общественного мнения. Он делился с Даву в частной беседе в Тюильри: «Буду с вами предельно откровенен, ничего не утаю. Я взял на себя и должен буду продолжать играть роль человека, действующего сообща со своим тестем, императором Австрии. На всех углах говорят, что императрица с римским королем уже в пути, что она со дня на день будет здесь. В действительности же все не так, и я один против целой Европы. Такова реальность».

Полет орла

Самое фантастичное в поразительной судьбе Наполеона — это, пожалуй, его двадцатидневный переход от бухты Жуан до Парижа. Высадившись 1 марта во Франции, он пошел не по долине Роны, где ему могли оказать сопротивление роялисты, а двинулся горными тропами через Альпы, к Греноблю, где хирург Эмери и перчаточник Дюмулен уже подготовили общественное мнение. От границ Дофинэ отношение к нему крестьян было в целом доброжелательным.

Оставалось выяснить настроение армии. Встреча с Лафреем обнадежила: солдаты отказывались стрелять в него. После присоединения к его отряду частей Лабедойера и въезда в Гренобль, жители которого сломали ворота, чтобы пропустить императора, его путь в Париж вылился в триумфальное шествие. В Гренобле две тысячи крестьян с горящими соломенными факелами в руках скандировали: «Да здравствует император!» 10 марта Наполеон вошел в Лион, где был с энтузиазмом встречен ткачами. До Парижа весть о высадке Наполеона дошла лишь 5 марта. План оборонительных мероприятий, разработанный военным министром Сультом, предусматривал объединение армий Лионнэ, Дофинэ и Франш-Конте под командованием графа д'Артуа, в помощь которому выделялись два его сына и три маршала. В королевском указе, объявившем Бонапарта вне закона, солдатам приказывалось всеми огневыми средствами «обрушиться на неприятеля». Положение Людовика XVIII, который мог рассчитывать на поддержку Национальной гвардии, недавно сформированной армейской группировки и двух палат Законодательного корпуса, было далеко не безнадежным. Парижу казалось, что армия поддержит Бурбонов... Разве Ней не обещал «доставить узурпатора в же-

лезной клетке»? Разве Массена в Марселе и Удино в Меце не щеголяли своим роялизмом? И разве Антибская крепость не преградила путь Наполеону?

Париж оставался на удивление спокойным. В донесении полиции 7 марта 1815 года сообщалось: «Все имели возможность убедиться, как далеко позади мы оставили наши революционные привычки; ведь нами уже были бы сформированы тысячи групп, выдвинуты резолюции с обеих сторон, звучали бы призывы к насилию. Ныне же люди озабоченно расспрашивали друг друга при встрече, обвиняли Бонапарта в желании смутить их покой, ввергнуть в гражданскую войну и в войну с иностранными державами, чтобы в очередной раз, если бы ему это удалось, пожертвовать Францией в угоду своему ненасытному честолюбию. Однако никто не опережал правительство в принятии тех мер, которые оно сочло нужным принять». Тем не менее, несмотря на столь оптимистический прогноз, рента упала с 81 до 75 франков. Планы сопротивления графа д'Артуа провалились из-за измены войск. 17 марта у Оссера Ней перешел на сторону Наполеона.

В ночь на 20-е король покинул Тюильри и укрылся в Генте. «Людовик XVIII утверждал, что умрет в сердце Франции; если бы он сдержал слово, легитимная монархия просуществовала бы еще целый век», — напишет Шатобриан в «Замогильных записках». 20 марта в 9 часов вечера Наполеона с триумфом внесли на руках в Тюильри, над которым развевался трехцветный флаг.

Либеральная империя

Анри Уссей убедительно показал, что триумфальное возвращение Наполеона в 1815 году ни в коей мере не явилось результатом заговора кучки таких бездарных бонапартистов, как Эксельманс, Друэ д'Эрлон и другие; внезапное возвращение императора привело их скорее в замешательство. Общественное движение, открывшее перед Наполеоном двери Тюильри, было представлено крестьянами, рабочими и солдатами, недовольными Бурбонами. Страх перед реставрацией, обеспокоенность рабочих ростом безработицы, преклонение солдат перед императором помогли Наполеону больше, чем интриги какого-нибудь Маре или Лефевра-Деноэтта. И все же не обошлось без недоразумений.

Наполеон надеялся на поддержку нотаблей, недовольных посягательствами эмигрантов на их права. Он рассчитывал на энтузиазм народа (декрет от 21 марта, который отменял дво-

рянство и феодальные титулы, изгонял из Франции эмигрантов и налагал секвестр на их имущество, призван был поддержать этот энтузиазм), и не только на него. Но холодная встреча, оказанная Наполеону властями в Гренобле, открыла ему глаза на его заблуждение: буржуазия его бойкотировала. И хотя он назначил прежних министров (некоторые из них не без колебаний на это согласились): Декрэ во главе военно-морского министерства, Годена — министерства финансов, Мольена — государственной казны, Маре — государственного секретариата, а Фуше — полиции (хотя герцог Отрантский предпочел бы министерство иностранных дел), — он понял, что Францией уже нельзя управлять по-прежнему. Казалось, настал 1793 год. «Это рецидив Революции», — не без преувеличения заметил один из современников. Наполеон признавался Моле: «Ничто так не поразило меня по возвращении во Францию, как эта ненависть к духовенству и дворянству; я нашел ее такой же повсеместной и яростной, какой она была в начале Революции. Бурбоны вдохнули в революционные идеи новую жизнь». Несмотря на то, что революционный энтузиазм проявился лишь в отдельных районах Франции, прежде всего на юго-востоке, он произвел на Наполеона тягостное впечатление. «Не желаю быть королем Жакерии», — заявил он. И вновь, как в 1793 году, приходилось ставить заслон якобинскому варианту развития событий. Народное движение вынудило его раскрыть объятия бывшим соперникам — либералам, которые казались теперь наименьшим злом. Карно, «организатор победы», удостоился портфеля министра внутренних дел, а Бенжамен Констан после встречи в Тюильри с тем, кого он несколькими днями раньше сравнивал с Чингисханом и Аттилой, стал авторитетным политическим советником Наполеона. Желая привлечь к себе либеральную буржуазию, Наполеон издал в Лионе декрет, который гласил: «Избирательные коллегии Империи соберутся на чрезвычайную ассамблею на Майском Поле для усовершенствования нашей конституции в интересах Нации».

Возможно, Бенжамен Констан и не сыграл в разработке проекта новой конституции той важной роли, какую приписал себе в «Мемуарах о Ста днях». Однако скорее всего именно он был инициатором изменений, отличавших Дополнительный акт от Хартии: снижение уровня избирательного ценза, подотчетность министров палатам (вопрос о том, вводил ли Дополнительный акт парламентскую Республику, долго обсуждался юристами от Жозефа Бартелеми до Радиге), публичность дебатов, отмена цензуры и юрисдикции чрезвычайных законов, свобода вероисповедания. Однако две ошиб-

ки (одна из которых была допущена Наполеоном): введение наследственного пэрства, то есть сохранение дворянства, и само название «Дополнительный акт к конституциям Империи», не предполагавшее радикальных преобразований наполеоновского государства, — скомпрометировали в глазах общественности либеральную направленность этого документа.

Появилось множество памфлетов, критиковавших Дополнительный акт, что обусловило его провал на плебисците: из пяти миллионов избирателей лишь 1 532 527 сказали «да» и 4 802 — «нет». Количество воздержавшихся было значительным на западе и на юге. Много положительных ответов было получено на севере, востоке и юго-востоке. В деревнях проект был встречен с большим одобрением, чем в городах. Церемония на Майском Поле, где были оглашены результаты плебисцита, разочаровала парижан. Мишле, которому в 1815 году было 17 лет, напишет: «В то время я жил расиновской "Аталией". Не могу выразить своего удивления, когда я увидел Бонапарта, облаченного в тогу римского императора — белую, невинную тогу Элиасена. Она не соответствовала ни его возрасту, ни мавританскому цвету лица, ни обстоятельствам: ведь он вернулся не для того, чтобы принести нам мир». К середине апреля народный энтузиазм сошел на нет, скептически настроенные нотабли продолжали дуться. Их глашатай Фуше сформулировал настроения крупной буржуазии в разговоре с Паскье: «Этот человек (Наполеон) ничему не научился и возвратился еще большим деспотом, еще более воинственно настроенным, наконец, еще более безумным, чем прежде... На него набросится вся Европа; он не устоит, и через четыре месяца все кончится. Я не против возвращения Бурбонов. Нужно только, чтобы оно было обставлено не так глупо, как это сделал в прошлом году Талейран; нельзя, чтобы все мы зависели от их прихоти. Нужны продуманные действия, надежные гарантии». В Вандее, несмотря на поражение герцога Бурбонского, ширилось сопротивление роялистов. Решение вновь провести там рекрутские наборы обернулось бедой. 15 мая Вандея восстала по призыву ее бывших руководителей: Сюзаннета, д'Отишана, Луи де Ла Рошежаклена. 22-го Наполеон вынужден был сформировать Луарскую армию во главе с генералом Ламарком. Этих восьми тысяч солдат ему будет катастрофически не хватать в битве при Ватерлоо. Часть генералов и маршалов, таких, например, как Мэзон, последовала за Людовиком XVIII в изгнание. К роялистской оппозиции примкнули либералы. Они вошли в новую палату представителей после выборов, в ходе которых количество воздержавшихся от голосования нередко превышало 50 процентов. Рейнуар, ав-

тор «Тамплиеров», был избран в коллегию Бриньоля двадцатью шестью голосами против десяти, отданных за его соперника! Воскресли из небытия многие бывшие члены Конвента (Барер, Камбон, Друэ, Ланжюинэ, Лафайет, хотя иные, например Рошгюд, отказались баллотироваться).

Встречались и известные имена: Дефермон, Мутон-Дюверне, Арно, Шапталь, Боне де Трейси, Бувье-Дюмоляр, но было немало и незнакомых. Из вновь прибывших — Манюэль, будущий идеолог либералов. Избранная ничтожным количеством избирателей, палата намеревалась, однако, играть более значительную роль, чем та, которую ей уготовил Наполеон. Так, противники режима начали с того, что посадили председателем палаты Ланжюинэ, 6 июня — отказались присягнуть на верность конституциям Империи. Фуше незаметно приводил в движение рычаги парламентской оппозиции.

На пути к войне

Наполеон был обречен. В самом деле, его подстерегали две опасности: предательство и поражение в войне. Несмотря на чистки, предпринятые Карно (они коснулись прежде всего префектов — традиция, которую отныне возьмут на вооружение все правительства), административный персонал оставался ненадежным.

Знаменитый архитектор Фонтэн выразил в своем дневнике настроения многих чиновников: «Пробудившись ото сна, мы не были в состоянии вновь предаться грезам. Ничто на свете не могло вселить в нас веру в неслыханное чудо. Мы пребывали в убеждении, что наступил конец, но были вынуждены исполнять отдаваемые нам распоряжения. Даже на Бонди, сменившего в Париже Шаброли, нельзя было положиться. Что уж говорить о Ламете в департаменте Сомма или о д'Ангосе в Верхнем Рейне». Пассивности администрации противостояла бдительность рабочих. На западе обретала стихийную популярность идея федеративных ассоциаций для борьбы с «недоброжелателями», то есть роялистами. «Почему бы нам не сделать в 1815 году того, что мы сделали в 1792-м? Обстановка та же. Так объединимся же, истинные французы, друзья родины», — писал Наполеону подполковник в отставке Бофор. «Как когда-то, в начале нашей великой Революции, ныне повсеместно проснулся дух федерализма», — писал Тибодо. Поначалу он заявил о себе в Нанте, городе, который, будучи расположенным между Вандеей и родиной шуанов, имел все основания опасаться очередной гражданской войны.

Несколько молодых горожан Нанта решили объединиться с соседними городами. Города Бретани с воодушевлением подхватили эту инициативу и направили своих депутатов в Ренн, где ими совместно и был составлен федеративный пакт. Поначалу имя императора в нем не упоминалось. За оружие предлагалось браться во имя защиты родины и поддержания порядка. Позднее император был также представлен в пакте, который подписали полторы тысячи депутатов. О нем доложили императору как о факте революционного неповиновения. Ознакомившись с документом, Наполеон сказал: «Это плохо для меня, но хорошо для Франции». Вслед за Бретанью в федерацию стали вступать другие провинции, а затем заключать между собою соглашения.

Правительство, за исключением Карно, не поддержало эти союзы; похоже, оно даже испугалось их, и рвение федераций пошло на убыль. Несмотря на опубликованную в «Мониторе» информацию о том, что организаторам федераций, людям образованным и благонадежным, можно всецело доверять, власти проигнорировали это патриотическое начинание, хотя и не осмелились его запретить. Предоставленное самому себе, оно постепенно сошло на нет. Когда это движение достигло Парижа, в федерацию объединились жители Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий, которые не забыли о том, что в 1814 году столица оказалась беззащитной перед неприятелем. 14 мая император стал свидетелем массовой патриотической демонстрации: перед ним прошли 12 тысяч рабочих и демобилизованных солдат. Один из ораторов призвал к войне, которая должна стать не только оборонительной, но и избавить другие народы от угнетения. «Все это до боли напоминало времена Республики», — заметил один из очевидцев. Озабоченный тем, чтобы угодить буржуазии и Национальной гвардии, Наполеон не воспользовался этим общественным порывом. Он хотел оставаться спасителем буржуазной, а не пролетарской революции. В 1814 году нотабли отвернулись от него. В 1815 году он не извлек из этого никаких уроков. Война казалась неизбежной. Как только весть о высадке императора достигла Австрии, на Венском конгрессе, разделившемся на два лагеря (Франция, Австрия и Англия — с одной стороны, Россия и Пруссия — с другой), мгновенно сформировалась антинаполеоновская коалиция. В принятой 13 марта торжественной декларации союзники объявили Наполеона вне закона, а 25-го реанимировали Шомонский пакт. Тщетно Наполеон пытался умерить их ярость, заверяя, что признает Парижский договор, и направляя своих эмиссаров к царю и австрийскому императору. Союзные державы были непре-

клонны. Убедившись в этом, Наполеон декретом от 22 марта заказал мануфактурам 250 тысяч единиц вооружения. Декретом от 28-го он вновь призвал в армию демобилизованных унтер-офицеров. К 30 апреля ему удалось сформировать четыре армии и три резервных корпуса.

Ватерлоо

Девяностотысячная армия Веллингтона, в которую входили англичане, ганноверцы, голландцы и бельгийцы, стояла в Брюсселе. В Намюре находилась стодвадцатитысячная армия Пруссии под командованием Блюхера. К Франции двигались крупные войсковые соединения из России и Австрии. Задача Наполеона состояла в том, чтобы, разгромив Веллингтона и Блюхера до подхода армий союзников, ликвидировать численное превосходство неприятеля. Он вступает в Бельгию со стодвадцатипятитысячной армией, состоящей из гвардии, кавалерии и пяти армейских корпусов под командованием Друэ д'Эрлона, Рея, Вандамма, Жерара и Лобо. Сульт заменяет Бертье, который 1 июня то ли выпал, то ли был выброшен из окна Бамбергского замка в Баварии. Груши командовал правым крылом, Ней — левым. В центре — Наполеон, в любую минуту готовый прийти на помощь своим полководцам и нанести решающий удар. Остальные части пришлось оставить в Вандее (Ламарк), на Варе (Брюн), в Альпах (Сюше), в Юра (Лекурб) и на границе по Рейну (Рапп).

15 июня Наполеон форсировал у Шарлеруа реку Самбру и ударил в стык армий Веллингтона и Блюхера. В битве при Катр-Бра левый фланг французской армии под командованием Нея после яростных атак вынудил англичан отойти. При Линьи Наполеон и Груши отбросили Блюхера к Льежу, однако не одержали решительной победы из-за того, что не подоспел вовремя корпус Друэ д'Эрлона, разрывавшийся между двумя полями сражений. Тогда Наполеон повернул против Веллингтона. Пока Груши во главе армейских корпусов Вандамма и Жерара в соответствии с приказом преследовал Блюхера, император, объединив с Неем левый фланг и центр французских войск, двинулся навстречу английской армии. Он нашел Веллингтона 17-го вечером южнее деревни Ватерлоо, перед лесом Суань, на плато Мон-Сен-Жан. Англичане выстроились несколькими каре и заняли позиции ниже уровня ферм Папелотт, Угумон и Ла-Хэ-Сент. Французы расположились на соседнем плато Бель-Альянс. Фронт составлял всего четыре километра (в отличие от десятикилометрового фронта в сра-

жении под Аустерлицем). Усталые, измученные непогодой люди, грязь, бездорожье и нехватка провианта помешали Наполеону атаковать с ходу. Пришлось перенести сражение на полдень 18 июня. Это и погубило Наполеона, так как дало время ускользнувшим от Груши пруссакам появиться на поле и довершить разгром французов.

Первая канонада раздалась в половине двенадцатого. Тактика Наполеона состояла в том, чтобы, уничтожив левое крыло англичан, не допустить их соединения с пруссаками. Однако атаки Друэ д'Эрлона и Рея натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Не раз казалось, что удары Милло и Келлермана вот-вот опрокинут каре англичан, однако появление к двум часам на правом фланге Бюлова вынудило Наполеона перебросить туда почти весь свой резерв под командованием Лобо. Надо было любой ценой прорвать центр боевого порядка англичан. Император бросил на прорыв всю кавалерию, «стальную лавину» Нея. Но прижатые друг к другу на фронте длиной в полтора километра всадники представляли для английских снайперов такую же удобную мишень, какою незадолго до этого стал корпус Друэ д'Эрлона.

«Они бесполезно кружились, как в водовороте, посреди каре английской пехоты». Кавалерии не хватало для победы пехотинцев, сдерживавших в это время пруссаков у Плансенуа. К 19 часам на том же участке фронта, куда только что была брошена кавалерия, Наполеон предпринял последний натиск силою пяти батальонов гвардии. «Гвардия, последняя надежда и завершающая мысль». Но и ее скосил и заставил отойти огонь англичан. В это мгновение на правом фланге, у Папелотт, как из-под земли возник свежий корпус пруссаков под командованием Цильтена. Отступление гвардии и внезапное появление противника там, где ждали Груши, вызвало всеобщую панику, которой воспользовались англичане для перехода в наступление. Отступление французов превратилось в беспорядочное бегство, продолжавшееся до самой границы.

Несломленной осталась лишь старая гвардия, прикрывшая отход французов на Шарлеруа! Упустившему Блюхера Груши удалось организованно отвести свои войска на другую сторону границы.

Второе отречение

Прибыв в Париж ранним утром 21 июня, Наполеон уже знал, что палата депутатов, где большинство составляли либералы, в очередной раз готова устранить его. Нотабли мечтали

избавиться от своего докучливого «спасителя». Брат Наполеона Люсьен, Даву и Лабедуайер призывали его отложить заседание палаты, объявить «отечество в опасности» и при поддержке населения защищать Париж, укрепленный куда лучше, чем в 1814 году. Народ устраивает ему овацию перед Елисейским дворцом. От него ждут лишь мановения руки, но Наполеон вновь отказывается быть «императором сброда», прикрываясь неожиданными для него соображениями. «Видите их? — будто бы обратился он к Бенжамену Констану, указывая на скандирующих его имя демонстрантов. — Разве я осыпал их почестями и деньгами? Чем они обязаны мне? Они были и остались нищими. Но их озаряет инстинкт необходимости, их устами говорит страна. Если я захочу, через час палаты не станет. Однако жизнь одного человека не может иметь такой цены. Не для того я вернулся с Эльбы, чтобы залить кровью Париж». Фуше настойчиво призывает депутатов потребовать отречения Наполеона, распуская самые нелепые слухи о готовящейся императором диктатуре.

Обезумевшая палата объявляет о своем решении не прерывать заседаний. Император отступает. 22 июня после полудня сломленный Наполеон отрекается в пользу сына. Назначается временная комиссия из пяти членов под председательством Фуше. В нее вошли: генерал Гренье, Карно, Коленкур и Кинетт. 24 июня Даву, перешедший на сторону Фуше, уговаривает Наполеона покинуть Париж: герцог Отрантский не хочет, чтобы народное восстание, или народный переворот, спутало ему карты. Император вновь уступает и 25-го удаляется в Мальмезон. Но Фуше, который тайно подготавливает возвращение Людовика XVIII, полагает, что Наполеон все еще слишком близко от Парижа. Наполеон уезжает подальше от столицы. 3 июля город капитулирует. 6-го Талейран представляет королю в Сен-Дени этого раскаявшегося цареубийцу, и Людовик ограничивается тем, что отдает его в руки полиции. Эту сцену обессмертил Шатобриан на одной из самых известных страниц своих «Замогильных записок»: «Вдруг открывается дверь, неслышно появляется Порок, опирающийся на руку Преступления: господин Талейран, поддерживаемый господином Фуше.

Медленно продефилировав мимо меня, адское видение входит в кабинет короля и исчезает. Фуше явился служить верой и правдой своему господину. Преданный цареубийца, преклонив колени, влагает свои руки, обезглавившие Людовика XVI, в руки брата короля-мученика; вероотступник епископ стал порукой этой клятвы!»

Все, кто приобрел национальное имущество, равно как и все, извлекшие выгоду из Революции, вздохнули с облегчением. Краткая аудиенция короля и двух бывших министров Наполеона в Сен-Дени превратилась в коронацию Людовика XVIII. 8 июля король торжественно въехал в Париж.

Наполеоновская авантюра, лишенная поддержки нотаблей и не подразумевавшая какого бы то ни было участия народа, уложилась в сто дней, которые префект департамента Сена Шаброль дал себе труд отсчитать со дня отъезда короля до дня его возвращения.

Глава X

ЛЕГЕНДА

Последним актом в драме о судьбе «спасителя» стала Святая Елена. Хотя в эпоху Реставрации казалось, что можно предать забвению 1789—1815 годы, Наполеон с высоты базальтового утеса не только вписал их в историю, но и накрепко связал со своей личностью. Спаситель толстосумов от Революции стал для Бальзака, как и для многих других, «народным Наполеоном».

Ловушка

3 июля 1815 года Наполеон ждал в морской префектуре Рошфора обещанные охранные свидетельства. Тем временем в его окружении рассматривались варианты дальнейших действий: майор Боден предлагал прорываться силой, Жозеф — двигаться на соединение с армией Жиронды под командованием генерала Клозеля. По распоряжению временного правительства сопровождавший императора генерал Бекер посадил Наполеона на фрегат «Заале», который доставил его на остров Экс. 9-го, в то время когда император вновь находился на борту «Заале», правительственная комиссия постановила, что объявит предателем родины всякого офицера, который окажет Наполеону содействие в возвращении на территорию Франции. Наполеон стал изгнанником. Он вернулся на остров Экс, где его друзья готовили ему побег. В Америку? Почему бы и нет? Мэтленд, капитан английского корабля «Беллерофон», входящего в эскадру, которая под командованием сэра Хотхэма курсировала от мыса Киберон до устья Жиронды, настойчиво приглашал Наполеона сдаться англичанам, обезопасив себя тем самым от французских роялистов и Блю-

хера. «Император созвал что-то вроде совета, — вспоминает Лас Каз. — Мы рассмотрели все варианты... Прорваться сквозь английский морской заслон было невозможно, оставалось либо вернуться на материк и развязать гражданскую войну, либо принять предложение капитана Мэтленда. Остановились на втором. "Взойдя на борт ' Белле-рофона', — говорили мы, — мы ступим на британскую землю". С этого мгновения англичане свяжут себя узами гостеприимства, и мы окажемся под покровительством законов их страны».

Тогда-то и было составлено знаменитое письмо: «Я, как Фемистокл, сяду у очага британского народа; я отдаю себя под защиту его законов». Неужели он поддался уговорам Мэтленда, намеревавшегося без лишнего шума арестовать императора? Не исключено. 15 июля Наполеон взошел на борт «Беллерофона».

Ловушка захлопнулась. Впрочем, следовало считаться с общественным мнением Великобритании. Пришвартовавшийся в Торбее корабль вызвал живой интерес. Мэтленд свидетельствует: «Нас окружило множество шлюпок, отовсюду стекались люди взглянуть на необыкновенного человека. Он часто поднимался на палубу, показывался у выхода на наружный трап и в кормовых окнах». И в Плимуте Наполеон любезно удовлетворял не менее живое любопытство народа, желая возбудить к себе симпатию. К тому же его сторонники среди либералов, которых оказалось больше, чем можно было предположить, похоже, разработали некий план: добившись для него постановления по закону *habeas corpus*, высадить императора на берег; тогда его свобода на английской земле была бы временно гарантирована юридически. Мак Кнрот, бывший судья Антильских островов, выдвинул против контр-адмирала Кохрана обвинение в неисполнении служебного долга: последний в свое время не атаковал эскадру Вильомеса в морских просторах Тортола. Наполеона он вызвал в качестве свидетеля. Так было получено постановление по закону *habeas corpus ad testificandum*, предписывавшее Наполеону 10 ноября предстать перед судом. Однако «Беллерофон» снялся с якоря до того, как постановление было передано в руки командующего плимутской эскадрой лорда Кейта. 31 июля лорд Кейт поднялся на борт «Беллерофона», чтобы сообщить императору о решении депортировать его на Святую Елену. Так окончательно определилась судьба Наполеона. В самом деле, разве можно представить его плантатором в Соединенных Штатах или собеседником пьющих чай престарелых английских леди? Начавшая окутывать его легенда была бы развеяна. Легенде нужен был мученик.

Святая Елена

9 августа 1815 года, пересев на борт «Нортумберленда», Наполеон и его товарищи по ссылке отплыли из Плимута и 17 октября высадились на Святой Елене. Путешествие прошло без эксцессов. Сэмюэль Децимус, моряк с «Нортумберленда», заметки которого были обнаружены в 1976 году, записал: «На протяжении всего пути Наполеон и его свита находились в приподнятом настроении». Остров Святой Елены, не намного превосходящий размерами Бель-Иль, представлял собой отвесную стену из черного базальта — осколок потухшего вулкана. Суда Ост-Индской компании пополняли на нем запасы воды. Его население составляли представители всех народов земного шара: европейцы, негры, индусы, малайцы, китайцы. Власть на острове принадлежала аристократии — высшим чиновникам компании и крупным землевладельцам, чьи поместья по старинке обрабатывались крепостными. Два месяца Наполеон прогостил у Балкомбов в Бриарах — два месяца, ставшие для него передышкой после нервного истощения, вызванного крушением его надежд и изнурительным плаванием на «Нортумберленде». 10 декабря он переехал в Лонгвуд Хаус, о котором нынешний консул Франции на Святой Елене пишет: «Дом, как тюрьма. Со стороны фасада — на виду у англичан и французов — комнаты, предназначенные для императора. Грязный двор обступают лачуги, которые позднее будут отведены под конторы; чуть поодаль — жилые постройки, приютившие “семью”, а также незримо присутствующего английского офицера-надсмотрщика». В окружение Наполеона — его последнюю свиту — входили: генерал Бертран, адъютант императора с 1807 года, заменивший Дюрока в должности обер-гофмейстера; генерал Монтолон, выполнявший в свое время дипломатические поручения; обер-адъютант генерал Гурго и Лас Каз — гражданское лицо, дворянин, скорее по необходимости, чем по убеждению связавший свою судьбу с Империей, бывший камергером, а затем докладчиком Государственного совета (при нем находился его сын). Две женщины, вечные соперницы, генеральши Бертран и Монтолон. Обслуживающий персонал Лонгвуда состоял из обер-камергера Маршана, мамелюка Сен-Дени, по прозвищу Али, метрдотеля Сиприани, который в действительности был секретным агентом, швейцарца Новерраца и Сантини, ведавшего финансами, мастера на все руки. Нам достаточно хорошо известна будничная жизнь в Лонгвуде благодаря свидетельствам товарищей по ссылке: все они, включая Маршана и Али, оставили о ней свои воспоминания.

В удушливой атмосфере острова Наполеон проводил время, прогуливаясь по отведенной английскими властями территории, диктуя товарищам и читая. В Лонгвуде скопилась библиотека в две тысячи томов, названия которых нам известны. И без того тоскливую жизнь омрачали туманы, дожди, а также напряженная обстановка, нагнетаемая соперничеством и обидчивостью людей, входивших в наполеоновское окружение. В довершение донимали придирки губернатора Гудсона Лоу — недалекого службиста, солдафона, помешавшегося от свалившейся на него ответственности. Здоровье узника постепенно ухудшалось. Весь 1817 год он страдал от дизентерии и ревматических болей. Болезнь не отступала, несмотря на усилия ирландского медика О'Мира, которого губернатор отослал за связь с французами. В 1819 году участились головокружения. Корабельный врач Стоко, диагностировавший гепатит, спровоцированный климатом, был отправлен в Англию. Его сменил сомнительный Антомарки. К июлю 1820-го у императора появились тошнота и боли в области желудка; вскоре он не мог есть ничего, кроме супов и мясных желе. «5 мая, — пишет Бертран в дневнике, — в 5 часов 49 минут император скончался. За три минуты до смерти он сделал три вздоха. Во время агонии — едва заметное движение зрачков, судороги, пробегающие от рта и подбородка ко лбу с регулярностью часового маятника. Ночью император произнес имя сына перед словами "во главе армии". До этого он дважды спросил: "Как зовут моего сына?" Маршан ответил: "Наполеон"».

От легенды к мифу

Был ли опальный император, покинувший мировую сцену после того, как находился на ней без малого 20 лет, обречен на забвение? Весьма искусный политик, он не мог не знать, какие опустошения произведет в людской памяти его уход со сцены, и потому на скалах Святой Елены вел свой последний бой, высекая тот образ, который хотел оставить потомкам.

Разумеется, наполеоновская легенда родилась не на Святой Елене. Начиная с первой Итальянской кампании ее стали творить газеты, призванные поднимать моральный дух войск, однако на деле познакомившие Францию прежде всего с Лоди и Риволи. Легенда расцвела вместе с официальным культом императора, навязанным имперским катехизисом, с праздниками Святого Наполеона и бесчисленными Днями благодарения. Но окончательно она сложилась лишь после 1815 года.

Решающую роль в ее возникновении сыграли изменившиеся социальные условия. В эпоху Империи преданность народа Наполеону была несомненной. Рабочие парижских предместий, во всяком случае значительная их часть, готовы были даже в 1815 году сражаться против захватчиков; все донесения полиции отмечают их верность императору. Не меньшей любовью пользовался Наполеон и в крестьянской среде. Правда, в последние годы эту любовь несколько омрачили сводные налоги и обременительные рекрутские наборы.

Но и падение Орла не повлияло на продолжающийся рост его популярности. Промышленная революция, темпы которой несколько замедлились в результате войн, Революции и установления Империи, разрушила до основания старые социально-экономические структуры, заменила ремесленников машинами, используя в основном дешевый труд женщин и детей.

Она привела к резкому снижению заработной платы на рынке рабочей силы, перенасыщенном бывшими солдатами, демобилизованными из Великой Армии. Эти отверженные вспоминали об Империи, как о «золотом веке» всеобщей занятости, высоких заработков и дешевого хлеба. Наполеон без труда стал «отцом народа». Так же относились к нему и в деревнях, где крестьяне, во всяком случае до голосования закона о миллиарде для эмигрантов[1], цепко держались за свою долю национального имущества, приобретенную во время Революции. Наконец, слава Наполеона была и славой завоевавшей Европу армии крестьян. Ветераны, обреченные из-за полученных ранений на праздность, черпали в воспоминаниях, которым они предавались долгими вечерами (как это прекрасно изобразил Бальзак), оправдание своей социальной ненужности. Это они стали верными хранителями культа, подлинными творцами легенды, восполняя своими рассказами отсутствие запрещенных отныне лубочных картинок и уничтоженных новыми мэрами муниципальных подшивок бюллетеней Великой Армии. Заволновалась и буржуазия. Возврат в прошлое мог в любую минуту поставить под угрозу завоеванные ею привилегии.

Она вынуждена была признать, что в политическом отношении легитимная монархия ненадежна, а обретенная стабильность непрочна. Да, переход от Людовика XVIII к Карлу X прошел в 1824 году безболезненно, однако сопровождавшее коронацию зубоскальство доказывало, что потомственная монархия утратила былое очарование. Послушаем Беранже:

---

[1] Закон Карла о миллиардном вознаграждении роялистов-эмигрантов (1825 год).

Вот пояс Карл надел с мечом,
Ходил сам Карл Великий в нем,
Но новый Карл в нем с ног свалился...
Раздался крик в толпе: «Вставай!»,
А поп над Карлом наклонился —
И молвил: «Слово только дай,
Что нам заплатишь за подмогу,
И правь хоть лежа. Мы — с тобой».

1789 год стал воистину поворотным. Либерально-республиканская оппозиция постоянно набирала очки в ущерб королевскому трону. Наполеон сумел гениально воспользоваться ее завоеваниями, подчинив своим интересам сотрясавшие старую Европу силы.

Интерес к судьбе изгнанника не убывал. В 1817 году широкий резонанс получили запрещенные позднее апокрифические мемуары Наполеона «Рукопись, неизвестным путем доставленная со Святой Елены», написанные, по всей видимости, Люлленом де Шатовье, женевцем, другом мадам де Сталь. Но их совершенно затмил «Мемориал Святой Елены», опубликованный в 1823 году Лас Казом. «Мемориал» стал, вероятно, самой читаемой книгой XIX века, она выдержала четыре издания, выходившие с постоянно вносившимися исправлениями и добавлениями; последний, четвертый выпуск 1842 года был снабжен иллюстрациями Шарле. В книге Лас Каз собрал высказывания, сделанные Наполеоном в 1815—1816 годах. И какие высказывания! Роялистские памфлеты превратили Наполеона в наследника революционного террора и последователя Робеспьера. И Наполеон не отказывался от этого наследства.

«Император, — пишет Лас Каз, — говорил, что Революция, несмотря на все ее мерзости, все же способствовала возрождению наших нравов». Человек, порвавший с идеологами, признает «неотразимое влияние либеральных идей». И добавляет: «Ничто не смогло бы поколебать или уничтожить великие принципы нашей Революции. Эти величественные и прекрасные истины должны существовать вечно — таким блеском, монументальностью и притягательностью мы их наделили». Из «Мемориала» явствует, что Наполеон не только освобождал, но и сплачивал народы: «Импульс уже дан, и я не думаю, что после моего ухода и краха созданной мною общественно-политической системы в Европе можно будет достичь всеобщего согласия иначе, как путем объединения и конфедерации великих народов». Защита революционных завоеваний и объединение народов Европы — вот две основные причины затяжных войн, ответственность за которые возложили на Наполеона, хотя на самом деле они были развязаны

абсолютными монархами. Если эти высказывания действительно были сделаны в 1816 году, то адресовались они вигам, английским либералам, от которых узник ждал смягчения своей участи.

Выбор Наполеона не случайно пал на Лас Каза: он знал, что его доверенное лицо ведет дневник и, как бывший эмигрант, живший в Лондоне, этот человек найдет нужные слова, способные обворожить общественность Англии. Однако высказывания Наполеона, вероятно, отредактированные и адаптированные Лас Казом к политической ситуации 1823 года, адресовались также и международной общественности. В них Наполеон использовал в своих интересах две нарождавшиеся в XIX веке силы: национализм и либерализм, с которыми прежде боролся. Заложник Священного союза, свергнутый монарх, он хотел затушевать антилиберального Цезаря, чтоб рельефнее выделить Наполеона-демократа, солдата Революции, совершенной уже не только буржуазией, но и четвертым сословием. Задача, которую ему вряд ли удалось бы осуществить, если бы не сочувствие, вызванное к императору в связи с его мученическим затворничеством на Святой Елене. Этот жалкий отшельнический финал на омываемом волнами утесе потряс воображение романтиков.

Целое поколение «сынов века», воспитанных на бюллетенях Великой Армии, нашло в «Мемориале» тот отзвук битв, которого их лишила реставрированная монархия. Разве отец Виктора Гюго не воевал в Италии и Испании, а отец Александра Дюма — в Египте? Романтизм, поначалу роялистский, впал позднее в поэтический бонапартизм, оказав наполеоновской легенде ту литературную поддержку, без которой она не имела бы столь оглушительного успеха. Империю по-разному, но воспевали: Гюго и Бальзак, Мюссе и Виньи; менее талантливо — Дюма и Эжен Сю.

Со своей стороны чиновничий мир воздыхал по золотому веку бюрократии, в который вылилось царствование Наполеона. Народ же пребывал в уверенности, что именно его интересы Бонапарт защищал в Брюмере. Луи Жоффруа создал «апокрифического Наполеона»: император, покорив Россию, а затем Восток, становится властелином мира. По пути из Сиднея в Капштадт он проплывает мимо Святой Елены, но приказывает адмиралу Дюперре не причаливать к берегу! Жерар да Нерваль — в восхищении. Гюстава Флобера это не волнует. Легенда достигла апогея в 1840 году, когда останки Наполеона были возвращены на родину. Она обеспечила успех Наполеону III. Гизо ворчит: «Это кое-что да значит — быть одновременно национальной славой, гарантом Революции и принци-

пом власти». Поражение при Седане знаменует закат мечты о династии «наполеонидов». Но представление о том, что плебисцит и воззвание к народу — единственный путь, способный примирить демократию и опирающегося на сильную власть «спасителя», не умирает. Франция ждет своего «спасителя», чтобы взять реванш за поражение во франко-прусской войне и отвоевать Эльзас и Лотарингию. Она возлагает надежды на Йену, рассчитывает найти Бонапарта в Буланже, а в 1900 году аплодирует «Орленку», пьесе, авторы которой, воспитанные на «Последнем классе» Доде и «Воспоминаниях» Марбо, предвосхитили фатальные порывы войны 1914 года. К Наполеону возвращается былая слава. Он вдохновляет военных, живописцев и писателей: от Жобара до Детайя, от Сарду до д'Эспарбеса. Это его реванш, художественный и литературный Брюмер. Ушли в прошлое сомнения старых республиканцев — ярых поклонников Кине и де Ланфрея, помалкивают сторонники легитимной монархии, верившие трактату Ипполита Тэна «Новый режим», где Наполеон изображен кондотьером. Никогда еще издатели Шарли и Раффа не выпускали такого количества книг и гравюр, посвященных «спасителю», как в 1885—1914 годах. В самом деле, литературный персонаж, подобный Тристану или Дон Жуану, перешел в другое измерение, эволюционировав от легенды к мифу.

Универсальность личности Наполеона вдохновила и Достоевского («настоящий властелин, кому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армию в Египте, тратит полмиллиона людей в московском походе и отделывается каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, — а стало быть, и все разрешается», — думает Раскольников), и Толстого (события «Войны и мира» разворачиваются под знаком явного и неявного присутствия Наполеона), и Томаса Харди, создавшего эпическую драму «Династы». Киплинг слагает «Колыбельную Святой Елены», а Эмерсон включает Наполеона в сонм биографических очерков «Представители человечества». Конан Дойл откладывает «Записки о Шерлоке Холмсе» ради «Великой Тени». Наполеон не оставлял равнодушными и композиторов. Бетховен вычеркивает посвящение Наполеону из Третьей симфонии, зато Берлиоз пишет в 1835 году «Кантату о 5-м мая». Шенберг в 1942 году создает «Оду Наполеону», в которой уподобляет императора Гитлеру; Роберту Шуману мы обязаны «Гренадерами» по стихотворению Гейне. Чайковский заклеймил 1812 год; опера Прокофьева «Война и мир» более изящно нюансирована.

О Наполеоне вышло больше кинофильмов, чем о Жанне д'Арк, Линкольне и Ленине, вместе взятых. Он стал объектом

как восхищения, так и нападок представителей всех идеологий (итальянский фильм 1935 года «Майское поле» вызвал восторг фашистского главаря) и всех разновидностей национализма: австрийского («Молодой Медар» Куртиса), немецкого («Ватерлоо» Грюне), английского («Железный герцог», «Молодой мистер Питт» и «Леди Гамильтон»), нацистского («Кольберг», снятый в 1944 году Харланом по заказу Геббельса), сталинского («Кутузов», 1943 год), польского («Пепел» Вайды, 1968 год) и, разумеется, французского — от фильма «Наполеон», снятого Гансом в 1927 году, — одной из вершин немого кино, до отмеченных налетом вульгарности лент Гитри («Хромой бес», «Наполеон» и др.). Не обошли императора вниманием и голливудские режиссеры (Форд, Борзедж, Уолш, Видор, Сидней, Манн). Он вызвал интерес в эпоху разрядки (фильм «Ватерлоо», снятый в 1970 году по заказу итальянского продюсера русским режиссером С. Бондарчуком с О. Уэллсом в роли Людовика XVIII).

Образ Наполеона накрыла и порнографическая волна («Таверна удовольствий» — картина о мнимой импотенции императора, предвосхитившая итальянскую комедию в духе Дино Ризи). Чаплин мечтал сыграть героя, ставшего кинематографическим мифом, подобно Арсену Люпену, Грете Гарбо (в роли Марии Валевской в фильме «Покорение»), Микки Маусу или Лаурелу и Харди. Образ Наполеона нашел отражение и в комиксах (от Карандаша до Лежебоки), и в научной фантастике («Неосторожный путешественник»). Словом, ни один род искусства не устоял перед человеком, который, по словам Бальзака, «мог все, потому что хотел всего». Он стал мифом, доступным любому «прочтению» (разрушителем феодализма — для Маркса, закомплексованным младшим ребенком в семье — для Фрейда) и оживляющим другие мифы: о женщинах (фривольная Жозефина, коварная Мария Луиза, трогательная Мария Валевская), о Талейране — князе дипломатов, о Фуше — основателе современной полиции, об отставных военных (Бюго, Бро, Фабвье, Пуже) и других, обреченных, подобно Паркену, на скуку или плетение заговоров, о снедаемом чахоткой Орленке — Даме с камелиями — и, наконец, о Революции, которую «Мемориал» превратил в событие, растянувшееся от взятия Бастилии до победы под Аустерлицем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Французская буржуазия, оказываясь перед лицом внешних и внутренних опасностей, угрожавших ее интересам, всякий раз находила себе «спасителей». Наполеон проторил дорогу Кавеньяку, Луи Наполеону Бонапарту, Тьеру, Петену и де Голлю. Но так как главная добродетель буржуа — неблагодарность, а главный недостаток — трусость, то «спасители» расставались со своими творцами, как правило, в результате национальной катастрофы. Разумеется, ответственность за это всякий раз возлагалась на «спасителя». Со временем его начинали посещать мысли о самоубийстве, которых, если верить Мальро, не избежал и де Голль. Что это, усталость диктатора? Отвращение к взятой на себя роли? «Спаситель», который появляется при трагических обстоятельствах (государственный переворот, революция, поражение в войне), исчезает в атмосфере Апокалипсиса. Ему на смену приходит новый «спаситель», и шестерни отлаженного механизма вновь начинают вращаться. В этой закономерности можно усмотреть следствие отказа от принципа легитимности, на котором зиждилась сметенная в 1789 году старая монархия.

Наполеон — прообраз «спасителей», которыми, как вехами, отмечена история Франции XIX—XX веков. Наибольшую выгоду из Революции извлекли средняя буржуазия, зажиточное крестьянство и кучка осмотрительных дельцов. Все они смогли на имевшиеся у них в 1789 году деньги раскупить национальное имущество и в период инфляции сколотить крупные земельные состояния. Они выделили небольшие наделы крестьянам, превратив последних в своих арендаторов. Союз буржуазии и крестьянства позволял завершить Революцию властью либо одного человека, либо принципа. Человек нашелся: Бонапарт. Что касается принципа, то он давно уже известен: собственность. От Бонапарта зависело закрепить достигнутый успех, не допустив, с одной стороны, отката в прошлое, а с другой — дальнейшего углубления революции. Ибо, как неоднократно отмечалось, революция

привела к разорению беднейших и процветанию богатейших слоев буржуазии и крестьянства. Следовало усмирить и четвертое сословие — городской и сельский пролетариат. «Бешеные» убедительнее, чем чересчур теоретизирующий и непоследовательный в своих действиях Бабеф, доказали, что этот пролетариат в любую минуту готов отвергнуть только что ставший «священным» принцип частной собственности. Бонапарт сумел найти панацею — войну за пределами страны, поглотившую общественную энергию и выплеснувшую ее на поля сражений. Нехватка рабочей силы обеспечила повышение жалованья. Париж без особых затруднений снабжался продовольствием, и цены на хлеб оставались умеренными. Словом, избежавшим ужасов Эйлау и Березины показалось, что наступил золотой век.

У буржуазии имелись основания чувствовать себя удовлетворенной: благодаря системе замещений война щадила ее детей, она не ложилась бременем на бюджет, так как победитель взимал огромные контрибуции с побежденных, наконец, позволяла без особых затрат культивировать доморощенный шовинизм (слово, вошедшее тогда в обиход) с помощью бюллетеней Великой Армии.

Но у войны были свои пределы: естественные границы Франции. Вторгаясь в ходе перманентных войн в Италию и Германию, Наполеон озлоблял Европу. Разве могла Франция устоять перед коалицией сплотившихся против нее врагов, не утратив завоеваний Революции? После завершения периода победоносных войн Талейран стал призывать к умеренности. Возражая ему, Наполеон ссылался на необходимость расширения рынков сбыта для французской промышленности. Более здравомыслящие владельцы мануфактур напоминали, что слаборазвитая французская индустрия не в состоянии удовлетворить потребности целой Европы. В частности, российский рынок был непомерно велик для Франции, чтобы она могла полностью вытеснить оттуда Англию. К тому же континентальная блокада — краеугольный камень внешней политики Наполеона — разоряла французские порты.

Можно точно установить момент разрыва Наполеона с «брюмерианцами» — теми, кто совершил переворот, и теми, кто его одобрил на состоявшемся затем плебисците: 1808 год, начало Испанской кампании. Да, раздача в 1806 году Бонапартом королевских корон членам своей семьи шокировала революционеров, но разве эта политика не претворяла в жизнь принципа насаждения дочерних республик, столь милого сердцу Директории? Самые дальновидные понимали, что выгоды от восстановления дворянства преходящи. Брак Наполеона и Марии Луизы подтвердил их опасения относительно возможности возврата в прошлое. Все это совпало со временем, когда военные операции в Испании впервые перестали приносить доход. Войне, задуманной

как молниеносная, не видно было конца. Д'Ивернуа показал, что увязание армии на Иберийском полуострове грозило разорить Францию. И ради чего? Нотабли никогда не верили в возможность династии наполеонидов, и заговор Мале доказывает это. Коронация была всего лишь церемонией, призванной узаконить новый режим в глазах европейских монархов.

Создание Империи имело своей главной целью установление диктатуры общественного спасения в интересах толстосумов от Революции. «Спасителя» сослали писать мемуары в наказание за то, что он посмел забыть об этом и возомнил себя родоначальником династии правителей европейского континента. После того как любимая опера Наполеона — «Барды» Лесюэра — потерпела провал и была снята с репертуара, Россини решил, что настала пора возродить изощренную изысканность музыки XVIII века, продолжив традиции Моцарта. Увы, абсолютные монархии превратились к тому времени в конституционные, лишив наследственные династии будущего. В 1830 году автор «Вильгельма Телля» понял это и умолк. Появились новые кумиры: Мейербер и Оффенбах; пришли новые Сарастро, однако музыкальное очарование «Волшебной флейты» развеялось навсегда. Первый «спаситель» тоже был величественнее своих эпигонов.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАПОЛЕОНА I

1769, 15 августа — Родился Наполеон Бонапарт.
1779, 15 мая — Наполеон поступает в военную школу в Бриенне.
Октябрь — Наполеон переходит в военную школу Парижа.
1785, октябрь — ноябрь — Покидает военную школу и вступает в гарнизон Валанса.
1789, 23 августа — Наполеон присягает на верность «Нации, закону и королю».
1789—1791 — Поездка на Корсику. Наполеон вмешивается в политическую борьбу на острове. В феврале 1791 года возвращается во Францию.
1792, 10 августа — Наполеон присутствует при взятии Тюильри.
1793, февраль — Наполеон участвует в экспедиции на Сардинию.
11 июня — После конфликта с Паоли Наполеон со всей семьей Бонапартов покидает Корсику.
Декабрь — Участвует в освобождении Тулона от англичан.
22 декабря — Наполеон назначен генералом бригады.
1794, июль (мессидор II г.) — Миссия в Геную по приказу Робеспьера-младшего.
27 июля (9 термидора II г.) — Падение Робеспьера.
Август (термидор — фрюктидор II г.) — Арест и освобождение Наполеона.
1795, 13 июня (25 прериаля III г.) — Назначение Наполеона генералом Западной армии.
5 октября (13 вандемьера IV г.) — По приказу Конвента разгоняет путч роялистов.
26 октября (3 брюмера IV г.) — Назначается генералом Внутренней армии.
1796, 9 марта (19 вантоза IV г.) — Наполеон женится на Жозефине Богарне.
11 марта (21 вантоза IV г.) — Отбытие Наполеона в Итальянскую армию, главнокомандующим которой он назначен 2 марта.
12 апреля (23 жерминаля IV г.) — Победа при Монтенотте.
10 мая (21 флореаля IV г.) — Победа при Лоди.
15 мая (26 флореаля IV г.) — Наполеон вступает в Милан.
5 августа (18 термидора IV г.) — Победа при Кастильоне.
8 сентября (22 фрюктидора IV г.) — Победа при Бассано.
17 ноября (27 брюмера IV г.) — Победа при Арколе.
1797, 14 января (25 нивоза V г.) — Победа при Риволи.
18 апреля (29 жерминаля V г.) — Прелиминарный мир в Леобене.
4 сентября (18 фрюктидора V г.) — Антироялистский переворот в Париже.
17 октября (26 вандемьера VI г.) — Мир в Кампоформио.
28 ноября (8 фримера VI г.) — Открытие Раштаттского конгресса.
5 декабря (15 фримера VI г.) — Наполеон возвращается в Париж; через 20 дней он избран членом Академии.
1798, 19 мая (30 флореаля VI г.) — Начало египетской экспедиции.
11 июня (23 прериаля VI г.) — Взятие Мальты.
2 июля (14 мессидора VI г.) — Взятие Александрии.
21 июля (3 термидора VI г.) — Победа у Пирамид.

1 августа (14 термидора VI г.) — Поражение французского флота при Абукире.
21 октября (30 вандемьера VII г.) — Восстание в Каире против французов.
1799, 7 марта (17 вантоза VII г.) — Взятие Яффы.
19 марта — 10 мая (29 вантоза — 21 флореаля VII г.) — Неудача под Сен-Жак д'Акр; после восьмой попытки Наполеон снимает осаду.
23 августа (6 фрюктидора VII г.) — Наполеон покидает Египет.
16 октября (24 вандемьера VIII г.) — Прибытие в Париж.
9—10 ноября (18—19 брюмера VIII г.) — Государственный переворот Наполеона Бонапарта. Он становится консулом с Сиейесом и Роже-Дюко.
15 декабря (24 фримера VIII г.) — Конституция VIII года.
1800, 13 февраля (24 плювиоза VIII г.) — Открытие Французского банка.
19 февраля (30 плювиоза VIII г.) — Наполеон переезжает в Тюильри.
20 мая (30 флореаля VIII г.) — Переход через Сен-Бернар.
14 июня (25 прериаля VIII г.) — Победа при Маренго.
2 октября (11 вандемьера IX г.) — Договор в Мортефонтене с США.
3 декабря (12 фримера IX г.) — Победа Моро у Гогенлиндена.
24 декабря (3 нивоза IX г.) — Покушение на улице Никез.
1801, 9 февраля (20 плювиоза IX г.) — Люневилльский мир.
15 июля (26 мессидора IX г.) — Подписание Конкордата с папой.
1802, 25 марта (4 жерминаля X г.) — Амьенский мир.
19 мая (29 флореаля X г.) — Создание ордена Почетного легиона.
4 августа (16 термидора X г.) — Конституция X года.
1803, 3 мая (13 флореаля XI г.) — Продажа Луизианы США.
16 мая (25 флореаля XI г.) — Нарушение мира с Англией.
1804, 21 марта (30 вантоза XII г.) — Казнь герцога Энгиенского.
16 мая (25 флореаля XII г.) — Наполеон провозглашен императором французов.
2 декабря (11 фримера XIII г.) — Коронация Наполеона.
1805, 17 марта (26 вантоза XIII г.) — Наполеон — король Италии.
19 октября — Победа при Ульме.
21 октября — Поражение франко-испанского флота при Трафальгаре.
2 декабря — Аустерлиц.
26 декабря — Пресбургский мир.
31 декабря — Отмена Республиканского календаря.
1806, 14 февраля — Массена вступает в Неаполь.
30 марта — Жозеф Бонапарт — король Неаполя.
5 июня — Луи Бонапарт — король Голландии.
14 октября — Победа при Йене и Ауэрштедте.
27 октября — Наполеон вступает в Берлин.
1807, 1 января — Провозглашение континентальной блокады.
8 февраля — Битва при Эйлау.
14 июня — Победа при Фридланде.
7 июля — Тильзитский мир.
22 июля — Провозглашение Великого герцогства Варшавского.
9 августа — Талейран отстраняется от внешней политики.
16 августа — Жером Бонапарт — король Вестфалии.
27 октября — Франко-испанский договор в Фонтенбло.
30 ноября — Жюно вступает в Лиссабон.

1808, 1 марта — Декрет о дворянстве Империи.
2 мая — Восстание в Мадриде против французского присутствия.
4 июня — Жозеф Бонапарт — король Испании.
15 июня — Мюрат — король Неаполя.
22 июня — Капитуляция французских войск в Байлене.
30 августа — Капитуляция Жюно в Синтре.
27 сентября — Эрфуртское свидание.
20 декабря — Талейран и Фуше тайно объединяются против Наполеона.
1809, 21 февраля — Взятие Ланном Сарагосы.
22 апреля — Победа при Экмюле.
22 мая — Битва при Эсслинге.
6 июля — Победа при Ваграме. Арест Пия VII.
14 октября — Венский мир.
15 декабря — Наполеон оформляет развод с Жозефиной.
1810, 2 апреля — Брак Наполеона и Марии Луизы.
3 июня — Отставка Фуше.
9 июля — Голландия объединяется с Францией.
1811, 20 марта — Рождение короля Римского.
1812, 8 апреля — Александр отправляет ультиматум Наполеону.
18 мая — Конференция в Дрездене.
24 июня — Наполеон переходит через Неман. Начало войны с Россией.
7 сентября — Бородинская битва.
14 сентября — Наполеон вступает в Москву.
18 октября — Наполеон решает покинуть Москву.
23 октября — Заговор генерала Мале.
27 ноября — Березина.
1813, 25 января — Конкордат в Фонтенбло.
17 марта — Пруссия объявляет войну Франции.
2 мая — Победа при Люцене.
20 мая — Победа при Бауцене.
4 июня — Плейсвицкое перемирие.
21 июня — Победа Веллингтона у Виттории. Потеря Испании.
29 июля — Конгресс в Праге.
12 августа — Австрия объявляет войну Франции.
16—19 октября — Битва при Лейпциге. Распад наполеоновской Германии.
16 ноября — Отпадение Голландии.
4 декабря — Франкфуртская декларация.
1814, 17 января — Отпадение Мюрата. Потеря Италии.
29 января — Победа Наполеона у Бриенна.
18 февраля — Победа при Монтеро.
13 марта — Победа при Реймсе.
30—31 марта — Падение Парижа.
4—6 апреля — Отречение Наполеона.
4 мая — Наполеон высаживается на острове Эльба.
30 июня — Парижский трактат.
1 ноября — Открытие Венского конгресса.
1815, 26 февраля — Наполеон покидает Эльбу.
1 марта — Высадка Наполеона во Франции.
20 марта — Наполеон в Париже.
22 апреля — Провозглашение «Дополнительного акта».
9 июня — Заключительный акт Венского конгресса.

18 июня — Ватерлоо.
22 июня — Второе отречение Наполеона.
15 июля — Наполеон на борту «Беллерофона».
13 октября — Мюрат расстрелян в Пиццо.
16 октября — Прибытие Наполеона на остров Святой Елены.
20 ноября — Второй Парижский трактат.
7 декабря — Расстрел Нея.
1821, 5 мая — Смерть Наполеона.
1840, 15 декабря — Церемония возвращения праха Наполеона в Париж.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Абрантес Л. Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне. Т. 1—16. М., 1835—1839.

Богданович М. История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона I. Т. 1—2. СПб., 1865.

Богданович М. История Отечественной войны 1812 года. Т. 1—3. СПб., 1859—1860.

Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1986.

Бурьенн Л. А. Записки Бурьенна о Наполеоне. Т. 1—5. СПб., 1834—1836.

Вандаль А. Возвышение Бонапарта. СПб., 1905 (или др. изд.).

Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1—3. СПб., 1910—1911.

Вейдер Б., Хэнвуд Д. Кто убил Наполеона? М., 1992.

Дживелелов А. К. Александр I и Наполеон. М., 1915.

Дюма А. Наполеон / *Дюма А.* Генрих IV. Наполеон. М., 1992.

Егоров А. А. Жозеф Фуше: карьера оппортуниста. Ростов н/Д., 1992.

Жорес Ж. Бонапарт. Пг., 1922.

Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. М., 1991.

Клаузевиц К. 1799 год. М., 1938.

Клаузевиц К. 1806 год. М., 1937.

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937.

Коленкур А. О. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991.

Лависс и Рамбо. История XIX века. Т. 1—2 (Время Наполеона I. 1800—1815). М., 1938.

Ланфре П. История Наполеона I. Т. 1—5. СПб., 1870—1877.

Левандовский А. П. Потомок Микеланджело. М., 1991.

Левандовский А. П. Человек, который убил Наполеона / «Белый слон Карла Великого»: Сб. М., 1993.

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1989 (или др. изд.).

Массон Ф. Наполеон I в придворной и домашней жизни. СПб., 1897.

Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993.

Михайловский-Данилевский А. Описание похода во Францию в 1814 году. СПб., 1845.

Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1994.

Наполеон. Избранные произведения. М., 1956.

Олар А. Политическая история Французской революции (1789—1804). М., 1938.

Отечественная война и русское общество. Т. 1—7. М., 1911—1912.

Сегюр Ф. Мемуары / Военный сборник. 1844. Т. 95—96.

Сегюр П. Ф. Поход в Россию. М., 1916.

Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. Т. 1—2. СПб., 1895—1896.

Собуль А. Первая республика (1792—1804). М., 1974.

Сорель А. Европа и Французская революция. Т. V—VII. М., 1892—1907.

Стендаль А. Жизнь Наполеона (соч., т. 11). М., 1959.

Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск, 1995.

Талейран Ш. М. Мемуары. М., 1959.

Тарле Е. В. Континентальная блокада. М., 1958.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию в 1812 г. М., 1959.

Тарле Е. В. Отечественная война 1812 года: Избранные произведения. М., 1994.

Тарле Е. В. Наполеон. М., 1959.

Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I. М., 1958.

Тарле Е. В. Талейран. М., 1961.

Трачевский А. Наполеон I. Первые шаги и Консульство. 1769—1804. М., 1907.

Троицкий Н. А. Александр и Наполеон. М., 1994.

Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.

Туган-Барановский Д. М. Наполеон и власть. Балашов, 1993.

Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980.

Туган-Барановский Д. М. У истоков бонапартизма. Саратов, 1986.

Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993.

Тьер А. История Консульства и Империи. Т. 1—5. СПб., 1846—1849.

Тьер А. Наполеон на острове Св. Елены. М., 1900.

Цвейг С. Жозеф Фуше. М., 1956.

Шедивье Я. Меттерних против Наполеона. М., 1991.

Шенвиц Ф. Кодекс Наполеона. Его характер и причины распространения. Варшава, 1912.

Шатобриан Ф. Замогильные записки. Т. 1—6. СПб., 1851.

Юшкевич В. А. Наполеон I на поприще гражданского правоведения и законодательства. М., 1905.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть четвертая
ОБМАНУТЫЕ ОЖИДАНИЯ НОТАБЛЕЙ

Тюлар Ж.

Т 98 Наполеон, или Миф о «спасителе» / Жан Тюлар; пер. с фр. А. П. Бондарева; вступ. ст. А. П. Левандовского. — 3-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 362[6] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1152).

ISBN 978-5-235-03157-9

Настоящая книга является на сегодняшний день, пожалуй, самой известной монографией в зарубежном наполеоноведении, ее автор — профессор Сорбонны, президент общества «История Парижа» и Института Наполеона — крупнейший исследователь Великой революции и Империи. Под его руководством был издан уникальный Словарь Наполеона (1987). Блестящее исследование Жана Тюлара является классикой исторической мысли. Русский перевод книги подготовлен доктором филологических наук А. П. Бондаревым. Научное редактирование осуществлено доктором исторических наук, профессором А. П. Левандовским. Издание снабжено большим количеством интереснейших иллюстраций.

УДК 94(44)(092)
ББК 63.3(4Фр)52,8

Тюлар Жан

НАПОЛЕОН, ИЛИ МИФ О «СПАСИТЕЛЕ»

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **Е. В. Смирнова**
Художественный редактор **А. В. Никитин**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 24.03.2008. Подписано в печать 17.12.2008. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 19,32+2,52 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 83780.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://mg.gvardiya.ru. E-mail:dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03157-9

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

М. Чертанов
«КОНАН ДОЙЛ»

С. Варга
«ЛОПЕ ДЕ ВЕГА»

А. Варламов
«МИХАИЛ БУЛГАКОВ»

С. Коваленко
«АННА АХМАТОВА»

В. Сысоев
«АННА КЕРН»

К. Костантини
«ФЕДЕРИКО ФЕЛЛИНИ»

М. Левитин
«ТАИРОВ»

И. Вишневецкий
«ПРОКОФЬЕВ»

С. Федякин
«МУСОРГСКИЙ»

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Русакова
«СЕРЕБРЯКОВА»

М. Нюридсани
«САЛЬВАДОР ДАЛИ»

Д. Арно
«НАВУХОДОНОСОР II»

И. Князький
«КАЛИГУЛА»

Е. Морозова
«ШАРЛОТТА КОРДЕ»

А. Жевахов
«АТАТЮРК»

А. Филюшкин
«АНДРЕЙ КУРБСКИЙ»

Д. Олейников
«БЕНКЕНДОРФ»

В. Федюк
«КЕРЕНСКИЙ»

ISBN 978-5-235-03157-9
9 785235 031579 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ